

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 3

Март 2023

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летию юбилею*

<https://gospravo-journal.ru>

Правовая жизнь общества, anomия и проблемы единства правового пространства в современной России • Пути конституционализации российского правосудия • Процессуальный статус члена избирательной комиссии • Академик В.В. Лаптев о главной составляющей хозяйственного (предпринимательского) права • Реорганизация как способ защиты частных и публичных интересов при введении ограничительных мер в отношении российских юридических лиц • Об альтернативных правовых конструкциях регулирования финансовых отношений • Способы и формы разрешения межгосударственных споров • Конституционные проекты XX века. Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 3 2023 Март

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. — первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. — по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия); И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Стариков, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Москва

© Российская академия наук, 2023
© Институт государства и права РАН, 2023
© Составление. Редакция журнала
«Государство и право», 2023

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 3 2023 March

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief

M.I. Kleandrov,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krashenninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation

tel.: +7 (495) 691-87-34

e-mail: gospravo@igpran.ru

<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Institute of State and Law of the RAS, 2023
© Editorial Board of “State and Law”, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2023

Правовая жизнь общества, anomия и проблемы единства правового пространства в современной России

А.В. Малько

7

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

Пути конституционализации российского правосудия

М.А. Малина

19

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Мощный стимул правовых исследований в военной науке
Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина
(М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022)

С.В. Чемезов

27

Вышел фундаментальный научный труд, которым доказана «правовая теорема Ферма»
Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина

В.Н. Плигин

33

* * *

Прогнозирование правового поведения как завершающий уровень осуществления юридического прогнозирования и практическая функция теории и социологии права

К.В. Агамиров

40

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Процессуальный статус члена избирательной комиссии

Н.Ю. Турищева

54

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Академик В.В. Лаптев о главной составляющей хозяйственного
(предпринимательского) права

М.И. Клеандров

63

Реорганизация как способ защиты частных и публичных интересов при введении
ограничительных мер в отношении российских юридических лиц

А.В. Габов

74

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Правомерное бездействие: проблемные вопросы осуществления оперативно-розыскной
деятельности в ходе реализации задачи пресечения преступлений

В.В. Семенчук

87

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Административно-правовое обеспечение развития инновационных кластеров
в современной России

Л.Н. Сморгкова

101

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Об альтернативных правовых конструкциях регулирования финансовых отношений

С.В. Запольский, Е.Л. Васянина

111

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

Материнство и детство как основа семейной политики:
современность и историческое наследие

Н.В. Летова

120

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Способы и формы разрешения межгосударственных споров

Е.В. Михайлова

128

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Конституционные проекты XX века. Конституция Союза Советских Республик
Европы и Азии

Е.В. Виноградова, И.Л. Данилевская

138

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Эволюция формы правления Республики Армения

Г.Г. Акобян, Р.Х. Акобян

146

Теория трудовых правоотношений в условиях трансформации сферы труда:
обозначение проблемы

С.Ю. Чуча

153

Финансовый и таможенный контроль: аспекты соотношения и проблемы разграничения

С.А. Агамагомедова

158

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Права человека: традиционные ценности, универсальные стандарты, новые вызовы
(Всероссийская научная конференция с международным участием)

Н.В. Варламова, Т.А. Васильева

165

Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные
духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке»

Н.В. Кроткова, Т.Р. Орехова

188

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой
реальности России: в 12 т. Т. VIII. Административное право в системе современного
российского права / под ред. Р.Л. Хачатурова, А.П. Шергина

Ю.Г. Арзамасов

201

CONTENTS

Number 3, 2023

Legal life of the society, anomie and problems of legal space unity in Russia nowadays

A.V. Mal'ko

7

JUDICIAL POWER

Ways of constitutionalization of Russian justice

M.A. Malina

19

DISCUSSIONS AND DEBATES

Powerful incentive for legal research in military science

Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin
(Moscow: Center for legal communications, 2021–2022)

S.V. Chemezov

27

A fundamental scientific work was published, which proved Fermat's legal theorem

Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin

V.N. Pligin

33

* * *

Forecasting legal behavior as a final level of implementation of legal forecasting
and practical function of the theory and Sociology of Law

K.V. Agamirov

40

ELECTORAL LAW AND ELECTORAL PROCESS

Procedural status of a member of the election commission

N. Yu. Turishcheva

54

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

Academician V.V. Laptev on the main component of Economic (Entrepreneurial) Law

M.I. Kleandrov

63

Reorganization as a way to protect private and public interests during the introduction
of restrictive measures in regard to Russian legal entities

A.V. Gabov

74

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Lawful inaction: problem issues about the implementation of the operative-investigative
activity during the solution of the crime suppression task

V.V. Semenchuk

87

LAW AND ECONOMICS

Administrative-legal support for the development of innovation clusters in modern Russia

L.N. Smorchkova

101

BUDGET, TAXES, BANKS

About alternative legal constructions of regulation of financial relations

S.V. Zapolsky, E.L. Vasyanina

111

FAMILY, MARRIAGE, LAW

Motherhood and childhood as a basis of family policy: modernity and historical heritage <i>N. V. Letova</i>	120
--	-----

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Methods and forms of resolution of interstate disputes <i>E. V. Mikhailova</i>	128
---	-----

PAGES OF HISTORY

Constitutional projects of the 20 th century. The Constitution of the Union of Soviet Republics of Europe and Asia <i>E. V. Vinogradova, I. L. Danilevskaya</i>	138
---	-----

SCIENTIFIC REPORTS

Evolution of the form of governance of the Republic of Armenia <i>H. H. Hakobyan, R. H. Hakobyan</i>	146
Theory of labor relations in the context of transformation of the sphere of work: designation of the problem <i>S. Yu. Chucha</i>	153
Financial and customs control: aspects of correlation and problems of delimitation <i>S. A. Agamagomedova</i>	158

SCIENTIFIC LIFE

Human rights: traditional values, universal standards, new challenges (The All-Russian Scientific Conference with international participation) <i>N. V. Varlamova, T. A. Vasilieva</i>	165
Interuniversity Scientific and Practical Conference "Traditional spiritual and moral values as the basis of legal development in the 21 st century" <i>N. V. Krotkova, T. R. Orekhova</i>	188

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 vols. Vol. VIII Administrative Law in the system of modern Russian law / ed. by R. L. Khachaturov, A. P. Shergin <i>Yu. G. Arzamasov</i>	201
--	-----

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА, АНОМИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕДИНСТВА ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2023 г. А. В. Малько

Тольяттинский государственный университет

E-mail: alex25-58@mail.ru

Поступила в редакцию 08.02.2023 г.

Аннотация. В статье анализируются проблемы формирования единого правового пространства в правовой жизни современного российского общества. Предлагаются последовательные и системные меры в виде выстраивания правовой политики Российской Федерации в обозначенной сфере.

Ключевые слова: правовая жизнь общества, аномия, единое правовое пространство, правовая политика, Концепция правовой политики в сфере деятельности Минюста России по формированию единого правового пространства.

Цитирование: Малько А. В. Правовая жизнь общества, аномия и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 7–18.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

DOI: 10.31857/S102694520024769-6

LEGAL LIFE OF THE SOCIETY, ANOMIE AND PROBLEMS OF LEGAL SPACE UNITY IN RUSSIA NOWADAYS

© 2023 A. V. Mal'ko

Togliatti State University

E-mail: alex25-58@mail.ru

Received 08.02.2023

Abstract. The author of the present paper analyses problems of building single legal space in legal life of modern Russian society. The article contains consistent and systematic measures towards organizing legal policy in this field for the Russian Federation.

Key words: legal life of the society, anomie, unified legal space, legal policy, the concept of legal policy in the field of activity of the Ministry of Justice of Russia on the formation of a single legal space.

For citation: Mal'ko, A.V. (2023). Legal life of the society, anomie and problems of legal space unity in Russia nowadays // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 7–18.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

Правовая жизнь в современном российском обществе стремительно развивается. Она характеризуется определенной турбулентностью и непредсказуемостью. Все важнейшие события, происходящие в финансово-экономической, информационно-политической и международной жизни, несомненно, влияют на жизнь правовую.

Под правовой жизнью общества предлагаю понимать лишь форму социальной жизни, выражающуюся преимущественно в правовых актах и правоотношениях (в том числе и негативных), характеризующую специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов.

Правовая жизнь протекает в определенном времени и в определенном пространстве.

Если говорить о времени, то правовая жизнь (в отличие от правовой действительности и правовой реальности) охватывает собой и прошлые, и будущие ее состояния. И в этом смысле правовая жизнь общества — понятие более широкое и многогранное.

По мнению же В.М. Баранова, «правовая действительность не только то, что существует сейчас, это всегда и трансформированный, объективный юридический опыт прошлых веков...»¹.

Разумеется, в действительности может содержаться тот или иной опыт. Но это не «переносит» ее в прошлое, ведь любая действительность — прежде всего актуальное (современное) бытие. Действительность, как подчеркивается в специальной литературе, — это «актуальное бытие» (по Гегелю, «наличное бытие объекта»)². В «специфическом смысле слова под действительностью понимают конкретное бытие отдельного объекта в определенное время, в определенных условиях; действительность отдельного конкретного материального объекта — это его актуальное бытие»³. К тому же не случайно одним из преимущественных смыслов и значений слова «действительный» является «настоящий»⁴.

В первую очередь термин «жизнь» в словарях синонимов обозначается как «жизнедеятельность», как «жизненный процесс»⁵. Здесь делается упор на деятельностный аспект, на то, что жизнь — прежде

всего процесс, протекающий в определенном времени. Действительность же в большей степени ассоциируется с фактом, существованием, с реальностью.

Правовая же реальность может рассматриваться как синоним юридической действительности, ибо это правовая жизнь преимущественно лишь в современных условиях, в ныне проживаемых реалиях. Однако и реальность, и действительность не связаны с эволюцией правовой жизни общества, с ее прошлым (историей, становлением, стадиями и этапами развития) и будущим.

Если анализировать юридическое прошлое, то как будет звучать оно применительно к термину «правовая реальность» и «юридическая действительность»? Например, будут ли благозвучными такие словосочетания, как «правовая реальность Древнего Рима» или «юридическая действительность феодальных государств»? Скорее нет, чем да. Если же говорить о юридическом будущем, когда исследуются определенные тенденции правового развития, то и здесь термины «юридическая действительность» и «правовая реальность» не совсем уместны. В частности, вряд ли целесообразно называть место и роль искусственного интеллекта (нейросетей) в будущей юридической действительности (правовой реальности) общества. Здесь все же ближе к истине категория «правовая жизнь общества». Отсюда понятия «правовая реальность» и «юридическая действительность» в этой связи можно использовать применительно лишь к актуальной (сегодняшней) правовой жизни общества. Иными словами, это только современная правовая жизнь и не более того.

Что касается правового бытия, то его можно оценивать как составную часть правовой жизни общества, ибо кроме правового бытия в правовую жизнь входит и правовое сознание. К тому же бытие — категория онтологии, олицетворяющая собой прежде всего мировоззренческую проблему⁶.

Поэтому в нашем случае (при анализе юридической сферы) наиболее точным и адекватным понятием все же будет «правовая жизнь», а не правовое бытие и не правовая действительность (правовая реальность).

Если же говорить о пространстве, то правовая жизнь общества — тоже не безграничное явление: она протекает в определенной области социального пространства, в рамках тех или иных общественных отношений, которые находятся в сфере правового регулирования. Подобное пространство называется правовым.

¹ Баранов В.М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника. М., 2022. С. 9.

² См.: Философия / под ред. В.В. Миронова. М., 2005. С. 504.

³ Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 1996. С. 419.

⁴ Словарь синонимов русского языка / сост. А.Ю. Мудрова. М., 2009. С. 90.

⁵ Большой словарь синонимов и антонимов русского языка. М., 2021. С. 168.

⁶ См.: Спиркин А.Г. Философия. М., 1999. С. 257.

Правовое пространство — относительно новое понятие, которое в силу потребностей практики и дальнейшего развития юридической науки необходимо основательно исследовать и вводить в систему понятий юриспруденции.

Вместе с тем в юридической литературе высказаны два противоположных мнения, связанных как с признанием необходимости ввода новых понятий (в основном из других наук), так и с их отрицанием.

Подобная ситуация сложилась и применительно к понятию «правовое пространство». Так, В.М. Баранов подчеркивает: «Чтобы наглядно и кратко изложить свою позицию о многоплановой вредности такого нетворческого, малопродуктивного пути имитации научно-исследовательской деятельности, перечислю несколько псевдоюридических, по моему мнению, понятий. <...> Вот лишь некоторые из них — “правовое поле”, “правовое пространство”»⁷. Примерно об этом же пишет и С.Е. Данилюк, отмечая, что «в научном обороте используются... конструкции с неясным понятийным содержанием...», и называет в том числе понятие «правовое пространство»⁸.

Однако если в первом случае категорично говорится о «вредности» «псевдоюридического» понятия «правовое пространство», то во втором — о том, что эта конструкция с неясным понятийным содержанием. Так, в чем же дело: понятийное содержание нужно прояснять, а не чисто эмоционально сразу отбрасывать, не разобравшись по существу.

В сложный для развития страны период был принят Указ Президента РФ от 10 августа 2000 г. «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации»⁹. 20 сентября 2022 г. на необходимость постоянного обеспечения единства правового пространства указал Президент РФ В.В. Путин на Торжественном заседании по случаю 220-летия Минюста России. Он подчеркнул, что «ключевое значение имеет сохранение единства правового пространства России... Надо и дальше заниматься этими вопросами, причем системно и последовательно».

Кроме того, на сегодняшний день существует более 50 нормативных правовых актов, использующих термин «правовое пространство». Буквальное упоминание данного понятия присутствует в Воздушном кодексе РФ, Водном кодексе РФ, Земельном кодексе РФ, Градостроительном кодексе

РФ, Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, Бюджетном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ, в Федеральном законе «О космической деятельности» и многих других¹⁰.

Если же говорить о юридической науке, то это понятие хотя и не в полной мере «прояснено», но в немалой степени исследовано на уровне монографий¹¹, диссертаций¹² и различных статей¹³.

Кстати, В.М. Баранов как критик понятия «правовое пространство» успевает не только активно возражать против него, но и не менее активно разрабатывать это понятие¹⁴.

Правовое пространство, как и ряд иных понятий, несмотря на «беспокойство» и «тревогу» отдельных авторов, уверенно включаются в научный оборот. Это неизбежное следствие поступательного развития юридической науки, отражающее новый этап обогащения ее понятиями из иных наук. Такое взаимообогащение — закономерная тенденция научной

¹⁰ См. об этом: Федорченко А.А., Федорченко Е.В. Правовое пространство: концептуальные теоретические основы. М., 2020. С. 43.

¹¹ См., напр.: Барциц И.Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. М., 2000; Пашин С.А. Человек в российском правовом пространстве. М., 2001; Колесов Ю.И. Правовое пространство России. Участие органов юстиции в обеспечении его единства / под ред. В.И. Кайнова. М., 2004; Малахов В.П., Суханов В.В. Правовое пространство. М., 2004; Правовое пространство и человек / отв. ред.: Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева и Н.И. Хлуденева. М., 2012; Федорченко А.А., Федорченко Е.В. Указ. соч.

¹² См., напр.: Ганцева Л.М. Правовое пространство: социально-философский анализ на примере Российской Федерации: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2001; Азизова В.Т. Общетеоретические проблемы обеспечения единого правового пространства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004.

¹³ См., напр.: Барциц И.Н. Правовое пространство: основные признаки и закономерности развития // Журнал рос. права. 2000. № 5—6; Козюк М.Н. Правовое пространство и правовые коммуникации // Новая правовая мысль. 2002. № 1; Третьякова Е.С. О некоторых аспектах единства правового пространства и повышении роли Министерства юстиции РФ в его обеспечении // Современное право. 2008. № 12; Подоян Е.И. Формирование механизма обеспечения единого правового пространства в Российской Федерации // Новая правовая мысль. 2009. № 6; Габиева С.М., Басриева М.З. Взаимодействие Совета Федерации с другими органами государственной власти в обеспечении единого правового пространства России // Современное право. 2011. № 7; Федорченко А.А. Правовое пространство: проблемы теоретического обоснования // Правовая культура. 2014. № 3.

¹⁴ Так, им в соавторстве с А.И. Овчинниковым и А.А. Самариним была написана монография «Экстерриториальное пространство права» (М., 2017), где на с. 37 ими (а авторство у них неразделенное) дается определение правового пространства. Сама же гл. 3 так и называется «Территория государства и правовое пространство». В результате не ясны не только содержание понятия «правовое пространство», но и позиция самого В.М. Баранова.

⁷ Баранов В.М. Указ. соч. С. 13.

⁸ Данилюк С.Е. Место категории «источник права» — в мутее юридического позитивизма // Государство и право. 2021. № 5. С. 69.

⁹ См.: СЗ РФ. 2000. № 33, ст. 3356.

интеграции из-за процессов расширения и углубления взаимодействий в рамках жизнедеятельности современного глобального общества.

«Приходится признать, — верно подчеркивает Ю.А. Тихомиров, — что теория права существенно отстает, поэтому мы пытаемся компенсировать отсутствие новых категорий. Например, введено новое понятие — “правовое пространство”, мы его развиваем»¹⁵.

Правовое пространство — формирующаяся юридическая категория, имеющая различные грани и классификации, каждая из которых заслуживает самостоятельного анализа.

Нас в данном случае будет интересовать лишь одна из важнейших ее разновидностей: правовое пространство России, под которым можно понимать сферу действия нормативных правовых актов, обозначенную границами нашего государства. Правовое пространство теснейшим образом связано с суверенитетом государства, с пределами осуществления публичной власти, с проведением в рамках него определенной политики.

Отсюда возникает важнейшая проблема обеспечения единства подобного пространства, ибо в противном случае многие преимущества государственной власти снижаются, и без единой системы юридических правил добиться поставленных целей для органов публичной власти будет весьма затруднительно. Государственное управление в стране будет только тогда эффективным, когда во многом правовое пространство будет единым.

Под единым правовым пространством подчас в самом общем виде понимают сферу формирования и действия системы нормативных правовых актов: федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, законов субъектов Российской Федерации и других нормативных правовых актов федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации, а также общеобязательных актов органов местного самоуправления¹⁶.

Думается, подобное определение выступает несколько поверхностным, ибо оно не отражает то, чем обусловлено данное единство и ради чего оно необходимо. А между тем это принципиально важный, существенный момент, характеризующий

само названное единство, процесс его выстраивания и механизмы обеспечения.

Единое правовое пространство, с точки зрения других, есть очерченное границами государства пространство, характеризующееся единством правового регулирования социально-политических, хозяйственных и финансовых отношений на всей территории России¹⁷.

Однако и это определение не является четким, так как не дает содержательной характеристики единого правового пространства и к тому же включает элементы повторов («очерченное границами государства» и «на всей территории России»).

По нашему мнению, **единое правовое пространство в Российской Федерации — это обусловленное принципом верховенства закона определенное состояние согласованности нормативных правовых актов, действующих на территории России и обеспечивающих реализацию прежде всего общегосударственных интересов.**

Признаками единого правового пространства можно считать следующие:

- 1) это разновидность социального пространства, очерченная границами государства;
- 2) социальное пространство приобретает статус правового в силу упорядочения его нормативными правовыми актами;
- 3) единым правовое пространство становится в результате определенного состояния согласованности нормативных правовых актов, действующих на территории государства;
- 4) данное единство обусловлено принципом верховенства закона, означающим, что все иные нормативные правовые акты должны приниматься в соответствии с законом и закону противоречить не могут (что проистекает из прерогативы принимать законы исключительно высшим представительным органом государства либо непосредственно первоисточником власти — народом). Здесь имеется в виду известная иерархия: Основной Закон — Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы и т.д.;
- 5) согласованные нормативные правовые акты призваны обеспечивать реализацию прежде всего общегосударственных интересов, что является содержательным признаком единого правового пространства. Это не означает, что в подобном случае игнорируются региональные, муниципальные, общественные, личные и иные интересы. Речь идет о том, что в процессе государственного управления все вышеназванные интересы, несомненно, учитываются и одновременно обобщаются на уровне

¹⁵ Тихомиров Ю.А. Субъекты и их интересы в правовом пространстве // Государство и право. 2022. № 7. С. 14.

¹⁶ См.: Словарь основных понятий, определяющих концепцию мониторинга правового пространства и правоприменительной практики // Программные материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики». М., 2004. С. 50.

¹⁷ См.: Конституционное право России. Энциклопедический словарь / под ред. В.И. Червонюка. М., 2002.

общегосударственных. Только в этом случае возможно какое-либо единство правового пространства и проведение какой-либо единой политики.

Конечно, единое правовое пространство есть некий идеал. И абсолютным (как и всякий иной идеал) он быть не может. Верно подмечено, что «правовое поле любого государства лишь в идеале может быть совершенным, на практике оно всегда содержит дефекты, пробелы, накладки, нестыковки, противоречия на каждом уровне и особенно между уровнями, а также между нормативными актами различной юридической силы, наконец, внутреннее противоречие самих правовых актов»¹⁸.

Поэтому в реальной правовой жизни общества может существовать лишь относительное единство правового пространства, к чему и нужно стремиться.

При таком подходе больше шансов будет для того, чтобы правовая жизнь, осуществляемая в подобном пространстве, тоже была во многом едина. Тем самым единое правовое пространство задает определенный тон для течения правовой жизнедеятельности общества. Иными словами, если правовое пространство становится все более единым, то и правовая жизнь протекает в нормальном ритме, она упорядочивается. Если же наоборот, то в правовой жизни появляется больше хаоса.

Вместе с тем важно помнить о том, что правовая жизнь — весьма сложное и противоречивое явление, которое состоит как из правомерных (позитивных), так и из противоправных (негативных) составляющих¹⁹. Отсюда добиться полного единства правовой жизнедеятельности общества никогда не получится. Это же можно сказать и о правовом пространстве, единство которого никогда не бывает абсолютным.

На единство правового пространства в современной России повлияли следующие важнейшие факторы:

признание принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации составной частью ее правовой системы, рост количества не только общедоверальных и региональных, но и муниципальных нормативных правовых актов и т.д. не могли не привести

к увеличению различных нестыковок и рассогласований в правовом пространстве России;

в условиях уже внесенных поправок в Конституцию РФ 2020 года, где однозначно говорится о новом конституционном принципе единства системы публичной власти, необходимо стало формирование единого правового пространства переводить на новый уровень. Ведь единая система публичной власти предполагает, соответственно, и единое правовое пространство, которое в современных условиях важно оптимизировать;

определенной угрозой для единого правового пространства России выступила пандемия коронавирусной инфекции. В частности, она создала условия для возникновения в рамках нашей правовой жизни такого явления, как дивергенция законодательства (от лат. *divergo* — отклоняться) — расхождение между различными элементами системы законодательства²⁰. Это такое состояние структурной организации права, при котором существенно ослаблено или исключено взаимодействие ее элементов. Очевидно, что в условиях пандемии заметна асимметрия нормотворческой деятельности, носящей в значительной мере ситуативный характер и ведущей к рассогласованию между разными уровнями и иными элементами структуры права: между федеральным правом и законодательством субъектов Российской Федерации, между законами и подзаконными актами. Это расхождение между законодательством и актами, обращенными к населению, но формально-юридически не признаваемыми в качестве обязательных, т.е. не относящимися к формам права. Это расхождение внутри актов одной юридической силы, когда издаваемый высшим должностным лицом регионального уровня нормативный правовой акт многократно переиздается и каждый раз в редакции, отличной от предыдущих. Это также акты хотя и нормативные, но не согласующиеся с фундаментальными правовыми понятиями, принципами права. Расхождение в сфере противодействия пандемии наблюдалось между нормативными правовыми актами и актами федеральных органов исполнительной власти, которые издавали квазиправовые акты, обращенные к неопределенному кругу лиц и вносящие неопределенность в понятия и правовые механизмы, предусмотренные действующим законодательством²¹. Так, обращается внимание на рекомендации и письма Минтруда России и Роспотребнадзора, активно издаваемые в период действия ограничительных мер,

¹⁸ Вишняков В.Е. Выступление на «круглом столе» Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Мониторинг правоприменительной практики: реальность и перспективы. М., 2002. С. 8.

¹⁹ См., напр.: Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю. и др. Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив (Обзор материалов Всероссийской научной конференции журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь» и научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования») // Государство и право. 2020. № 8. С. 115–126. DOI: 10.31857/S102694520011033-7

²⁰ См. об этом: Митропан И.Ю. Дивергенция российского законодательства (теоретико-правовое исследование). Владимир, 2020.

²¹ См.: Гойман В.И. Идея права и право в идеях: в 2 т. Т. 1. Теория, философия и методология права. М., 2021. С. 854, 855.

притом что такие акты вообще не являются источниками трудового права, поскольку не носят нормативный характер. Отмечается, что Минтруд по тем или иным вопросам неоднократно менял свою позицию (как это имело место с разъяснением по поводу включения нерабочих дней в число дней отпуска), тем самым вводя работодателей и работников в заблуждение²²;

еще одним значительным вызовом выступило вхождение (в результате референдумов) в состав Российской Федерации новых территорий: Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей. По заявлению Председателя Государственной Думы РФ В.В. Володина, юридическая процедура — это только начало. После ратификации договоров о принятии в Россию ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей предстоит большая работа, требующая и совместных решений, и отработки законов по конкретным сферам. Необходимо формирование единого правового поля. Это этап, который надо пройти. Он напомнил, что потребовалось принять порядка 70 законов, чтобы интегрировать Крым и Севастополь в единое правовое пространство²³;

но наиболее существенным и основным фактором выступило то, что в эпоху распада СССР и дальнейших кардинальных изменений в жизнедеятельности нашего общества старая система юридических норм во многом уже не срабатывала, а новая еще только выстраивалась. К тому же с принятием Конституции РФ 1993 г. законы стали принимать не только Федеральное Собрание, но и парламенты субъектов Российской Федерации (т.е. значительно увеличилось количество структур, принимающих законы, но, к сожалению, это далеко не всегда сопровождалось соблюдением законности). Как известно, в тот момент около трети нормативных правовых актов, принятых в регионах, противоречила Конституции РФ и общедеревальным законам. Подобное состояние вполне можно считать юридической аномией.

По сути, аномия есть состояние безнормия (если буквально переводить данное слово), которое присутствует в правовой системе общества постоянно, но в различной степени и в разных пропорциях. Есть периоды, когда аномия приобретает наиболее выраженные формы и достигает своего апогея. Это прежде всего кризисные, переходные, революционные времена, когда качественно меняется нормативность, когда старые юридические нормы уже

слабо действуют или не действуют вообще, а новые — еще не обрели должную юридическую силу.

Именно так понимают аномию в философской, социологической и юридической литературе. В частности, философами отмечается, что аномия — это переходное состояние социальных структур, при котором прежняя система правовых норм практически уже разрушена, а новая — еще не утвердилась²⁴. «В нормативно-ценностных структурах, — пишет В.А. Бачинин, — образуются роковые разломы, приводящие к тому, что одни морально-правовые регуляторы уже не действуют, а другие, сменяющие их, еще не действуют. Разрушаются все прежние иерархии норм и ценностей. Перестают функционировать принципы соподчинения целого и его частей...». И далее: «Чаще всего это происходит в периоды промышленных, экономических кризисов и социально-политических взрывов. Именно в такие эпохи начинают повсеместно возникать непредвиденные изменения дисфункционального характера, а государственная мегасистема утрачивает внутреннюю уравновешенность»²⁵.

По нашему мнению, *юридическая аномия есть разновидность социальной аномии, протекающая в правовой сфере в результате потери доверия к государственно-правовым институтам и быстрых изменений в кризисный (переходный) период, представляющая собой негативную (дестабилизирующую) составляющую социально-правовой жизни общества и характеризующаяся дисфункциональностью и несогласованностью компонентов правовой системы, что наиболее ярко выражено, во-первых, в полном или частичном отсутствии необходимых (новых) правовых норм, во-вторых, в пренебрежении к имеющимся (старым) при очевидной их неэффективности, а также в массовой отклоняющейся правореализационной деятельности субъектов*.

Признаками юридической аномии выступают следующие параметры:

1) это специфическая разновидность социальной аномии, протекающая в правовой сфере в результате потери доверия к государственно-правовым институтам и быстрых изменений в кризисный (переходный) период;

2) представляет собой негативную (дестабилизирующую, патологическую) составляющую социально-правовой жизни общества, ее теневую часть, ведущую к хаосу;

²² См.: Головина С.Ю. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) как новый вызов трудовому праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 3—8.

²³ См.: Замахина Т. В одном поле. Как новые регионы будут входить в состав России // Росс. газ. 2022. 3 окт.

²⁴ См.: Равочкин Н.Н. Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 2. С. 116.

²⁵ Бачинин В.А. Основы социологии права и преступности. СПб., 2001. С. 138, 139.

3) это процесс, характеризующийся дисфункциональностью и рассогласованностью (разбалансированностью) компонентов правовой системы. В частности, юридическая anomия приводит к нарушению баланса (равновесия) в правовой системе, создает условия для дезинтеграции основных ее элементов. Иными словами, правовая система при подобных обстоятельствах приобретает все более несистемный, фрагментированный и сегментированный характер, в рамках которой внутренние связи и взаимодействия минимизируются. Правовая система в такой ситуации теряет свою организующую роль;

4) сопряжена с полным или частичным отсутствием необходимых (новых) правовых норм;

5) связана с пренебрежением к имеющимся (старым) правовым нормам при очевидной их неэффективности (неопределенности, противоречивости и т.п.);

6) проявляется в массово отклоняющейся от имеющихся (старых) норм правореализационной деятельности субъектов.

При соотношении юридической anomии с политической, нравственной и другими видами в первую очередь важно исходить из того, что их объединяет, что является общим для них. Думается, единым будет то, что они выступают разновидностями социальной anomии, и то, что основу anomии составляют соответствующие нормы, соответствующая система и соответствующая сфера жизнедеятельности, в рамках которой она протекает. Так, если юридическая anomия связана с правовыми нормами, правовой системой и социально-правовой жизнью общества, то политическая — с политическими нормами, политической системой и политической жизнью, нравственная anomия — с моральными нормами, нравственной системой и нравственной сферой жизни.

Все вышеназванные признаки позволяют отличить юридическую anomию от схожих понятий.

В современный период, когда трансформируется не только внутригосударственный порядок, но и мировой, необходимо качественное развитие категориального аппарата теории юридической anomии. Причем в такой ситуации юридическую anomию важно рассматривать как в рамках правовой системы, так и в более широком «доктринальном диапазоне» — в рамках социально-правовой жизни, что позволит полнее и всестороннее исследовать причины и истоки анализируемого феномена, уровни, виды и формы его проявления. В условиях складывания нового мирового порядка особенностью общества выступает постоянная нестабильность, турбулентность и неопределенность в реальной его жизнедеятельности, ведущей

к увеличению кризисов и конфликтов, а в конечном счете и к юридической anomии. В таких обстоятельствах следует более основательно исследовать проблемы юридической anomии, ибо это востребовано не только наукой, но и практикой.

И.И. Барциц в монографии (в параграфе «Задача — преодоление “аномии”»), посвященной правовому пространству в России, вполне обоснованно подчеркивает, что «термин “аномия” как нельзя лучше характеризует ситуацию, сложившуюся в России, одной из основных проблем современного государственного развития которой является неисполнение законов самим государством и его составными частями. Проблема нарушения в нынешней Российской Федерации требований юридической субординации является комплексной и нуждается в тщательном изучении»²⁶.

В литературе предлагают ряд мер в сфере укрепления единства правового пространства. В частности, говорят об обеспечении главенства закона на всей территории Российской Федерации; об ужесточении контроля за соответствием различных подзаконных актов законам и Конституции и т.д. И тут же признается, что «комплекс перечисленных мер, способствующих преодолению юридической anomии, не может быть реализован сам по себе...»²⁷.

Действительно, все это возможно лишь при грамотном выстраивании полноценной правовой политики в сфере деятельности Министерства юстиции РФ по обеспечению единого правового пространства. Конечно, подобное осуществляется в той или иной степени различными государственными органами. Однако именно у Минюста России и его территориальных структур это выступает основным направлением деятельности.

Правовая политика как раз и призвана предложить научно обоснованные, системные и последовательные меры по преодолению имеющихся и возможных дефектов, снижающих уровень единства правового пространства. Такая политика должна постоянно совершенствоваться и вестись непрерывно.

Для того чтобы данная политика имела четкие ориентиры, важно разработать специальный доктринальный документ в этой области — проект Концепции правовой политики в сфере деятельности Министерства юстиции РФ по формированию единого правового пространства, в котором важно закрепить цели, приоритеты и инструменты решения выше обозначенных проблем. Он, во-первых,

²⁶ Барциц И.И. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. С. 407.

²⁷ Бороздина М.С. Юридическая anomия в институциональной трансформации современной российской государственно-сти: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 69.

будет представлять собой систему теоретических положений, отражающих взгляды на сущность, содержание и направления деятельности Министерства в области обеспечения единого правового пространства России в долгосрочной перспективе; во-вторых, должен включать не только стратегию, но и тактику конкретных действий по достижению целей такой политики.

Разумеется, предлагаемый проект Концепции, с одной стороны, может базироваться на родовом документе — проекте Концепции правовой политики в Российской Федерации²⁸, разработанном под научным руководством автора этих строк. С другой стороны, структура рассматриваемого доктринального документа должна быть несколько иной. В нее, например, могут войти следующие элементы.

Введение, в котором необходимо дать характеристику современного состояния российского правового пространства. С помощью исторического и статистического методов исследования можно прийти к выводу о том, что нарушения единого правового пространства в настоящее время не имеют такого размаха, как в середине 1990-х годов. В течение периода зарождения и становления правовых систем субъектов Федерации, завершившегося около 2000 г., накопилось большое количество нерешенных проблем. Достаточно сказать, что, по данным Минюста России, в 1999 г. отношение не соответствующих федеральному законодательству нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации к действующим нормативным правовым актам регионов составляло 1:3²⁹.

Значительным шагом в сфере приведения региональных нормативных актов в соответствие с федеральным законодательством выступило наделение Министерства юстиции РФ и его территориальных органов функцией по ведению Федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Вышеназванный Указ Президента РФ «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» возложил на Минюст России создание и ведение федерального банка нормативных правовых актов субъектов Федерации. В развитие этого Указа Министерством юстиции РФ разработано Положение

о порядке ведения Федерального регистра (утв. 29.11.2000 г. постановлением Правительства РФ³⁰). Региональную часть регистра ведут территориальные органы юстиции. Каждый из них отвечает за эту работу в части, касающейся регионального законодательства.

Еще одной формой деятельности органов юстиции по обеспечению единства правового пространства является проведение юридической экспертизы вступивших в законную силу нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Несмотря на уменьшение противоречий между региональным и федеральным законодательством, коллизии по-прежнему имеют место. Так, до недавнего времени в реестре Минюста России значилось 1.5 млн нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, 8.7 млн нормативных правовых актов муниципальных образований, 410 тыс. уставов муниципальных образований. Только в 2019 г. территориальные подразделения ведомства выявили 3.7 тыс. нормативных правовых актов субъектов Федерации, противоречащих федеральному законодательству³¹.

С помощью ряда методов (социологического, сравнительного, структурно-функционального и др.) во введении нужно проанализировать позитивные и негативные тенденции построения единого правового пространства, систематизировать и отразить все дефекты, риски, угрозы и основные проблемы, «стоящие на пути» такого построения.

В разд. 1 «Общие начала правовой политики в сфере деятельности Минюста России по формированию единого правового пространства» — изложить дефиниции понятий, используемые в названном проекте, своего рода мини-словарь (в частности, правовая политика, правовая политика в сфере деятельности Минюста России, правотворческая и правоприменительная политика, верховенство закона, правовой акт, правовое пространство, единое правовое пространство, юридическая анония, юридические коллизии, правовая неопределенность, дефекты законодательства, юридические ошибки, правовой сепаратизм, мониторинг, регуляторная гильотина, юридическая техника, уровни правового регулирования, юридическая экспертиза, правовое прогнозирование, правовое просвещение населения и др.).

В рамках данного раздела для выстраивания эффективной политики в названной сфере важно выявить еще и основные причины нарушений единого правового пространства в современной России (от недостатков юридической техники и ошибок

²⁸ См.: Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А.В. Малько. М., 2008.

²⁹ См.: *Контарев М.В.* Об обеспечении единства правового пространства России и задачах территориальных органов Министерства юстиции РФ // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2005. № 11. С. 8; *Сосенков Ф.С.* Проблемы единого правового пространства как результат противодействия правотворческому сепаратизму: сб. материалов X Всеросс. декабрьских юрид. чтений в Костроме (15–16 декабря 2012 года): в 3 т. Кострома, 2013. Т. 2. С. 276, 277.

³⁰ См.: СЗ РФ. 2000. № 49, ст. 4826.

³¹ См.: *Куликов В.* Исправим. Минюст сможет обжаловать в суде региональные законы // Росс. газ. 2020. 10 апр.

правотворческих органов до правотворческого сепаратизма).

Раздел 2 «Содержание правовой политики в сфере деятельности Министерства юстиции по формированию единого правового пространства» — где определить цели, задачи и средства вышеназванной политики. Так, *целями* подобной политики могут выступать обеспечение прав и свобод человека и гражданина, исполнительской дисциплины, законности и правопорядка.

Указанные цели концентрируются в ее *задачах* (в частности, в следующих: обеспечение в России единого правового пространства, содействие выстраиванию единой системы публичной власти).

Если говорить о *средствах* данной правовой политики, то в первую очередь нужно выстраивать новую систему действенных правовых стимулов и правовых ограничений в анализируемой сфере.

Меры правового стимулирования могут создавать и обеспечивать благоприятные правовые режимы, поощрять, льготно поддерживать полезные для формирования единого правового пространства начинания. В частности, необходимо на общегосударственном уровне поощрять: а) законотворческую активность региональных властей в решении собственных (в пределах их ведения) проблем; б) аккумулирование положительного опыта в региональной законодательной деятельности; в) развитие внутриведомственных связей между различными субъектами Российской Федерации и т.д.

Как верно подчеркивает Ю.И. Колесов, «стремление достичь единства правового поля не должно вести к стиранию объективных отличий законодательства субъектов РФ. Напротив, важно стимулировать законодательное закрепление субъектами РФ свойственных им особенностей, их развитие. Но это развитие должно осуществляться в гармонии с законодательством Федерации в целом, основываться на универсальных, общих для всех принципах, подчиненных идее федерализма»³².

Для того чтобы региональные власти минимизировали нарушения единого правового пространства, следовало бы стимулировать их заниматься прогнозированием в процессе осуществления ими законодательной деятельности.

Безусловно, наряду со стимулирующими юридическими средствами нельзя забывать и об ограничивающих юридических инструментах (обязанностях, запретах, приостановлениях, ответственности и т.п.).

Так, отсутствие действенных механизмов обеспечения реальной ответственности органов власти

субъектов Российской Федерации и местного самоуправления за принятие незаконных актов приводит подчас к длительному неустранению нарушений федерального законодательства, выявленных органами юстиции и прокуратуры³³. Возможно, стоит отойти и от практики «рекомендательного характера» экспертных заключений и на законодательном уровне предусмотреть санкции для органов государственной власти субъектов Федерации за несвоевременное реагирование на поступившее экспертное заключение³⁴.

Раздел 3 «Основные направления правовой политики в сфере деятельности Министерства юстиции РФ по формированию единого правового пространства» — будет содержать, по сути, формы реализации подобной политики: правотворческую и правоприменительную.

Правотворческая. Для поддержания высокого уровня единства правового пространства важное значение может сыграть принятие многострадального федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», в котором нужно четко прописать механизм обеспечения ответственности нормативных правовых актов органов региональной и муниципальной власти федеральному законодательству и роль органов юстиции в этом процессе.

Можно только поддержать мнение Ю.И. Колесова о том, что «ежедневный мониторинг как федерального, так и регионального законодательства позволяет органам юстиции выявить те области общественных отношений, законодательное регулирование которых приобретает первостепенное значение либо назрело их изменение. В этой связи территориальные органы юстиции прилагают усилия к укреплению взаимодействия с субъектами нормотворческой деятельности, предлагая им инициировать внесение на рассмотрение органов государственной власти субъектов РФ проектов нормативных правовых актов»³⁵.

Кроме того, территориальные органы юстиции принимают активное участие и в разработке проектов нормативных правовых актов. Именно на этом этапе они имеют возможность оказывать непосредственное влияние на процессы регионального нормотворчества. В частности, этими органами осуществляется планомерная деятельность по подготовке экспертных заключений на проекты региональных нормативных правовых актов и обеспечивается участие их сотрудников в рабочих группах по разработке вышеназванных проектов.

³³ См.: Подоян Е.И. Указ. соч. С. 19.

³⁴ См.: Третьякова Е.С. Указ. соч. С. 44.

³⁵ Колесов Ю.И. Указ. соч. С. 150.

³² Колесов Ю.И. Указ. соч. С. 55.

Среди приоритетов правовой политики, выполняемой Министерством юстиции РФ, значительное место занимает отмена устаревших правовых актов, которые утяжеляют и усложняют имеющееся правовое поле, а зачастую и вступают с ним в различного рода противоречия. Уже достаточно давно Минюст России ведет масштабную работу по инкорпорации советских нормативных правовых актов. С помощью регуляторной гильотины было решено ускорить процесс. В течение короткого срока были отменены несколько тысяч актов советского времени. Однако в ходе работы выяснилось, что отправить в историю разом все советское законодательство пока невозможно. В рамках же регуляторной гильотины предлагается отменить в самое ближайшее время только нормы, которые сегодня создают правовую неопределенность³⁶. К ней приводят те же противоречия и коллизии, нарушая единство правового пространства страны.

Правоприменительная. Когда региональные законы подготовлены и приняты с ошибками, есть пока два пути для их исправления. Согласно первому органам юстиции нужно обратиться непосредственно к региональным и муниципальным органам власти и предложить исправить им самостоятельно. Если это не сработает (и, как показывает практика, в частности, уставы муниципальных образований нередко весьма длительное время не приводятся в соответствие с федеральным и региональным законодательством), есть второй путь: обратиться органам юстиции в прокуратуру, которая может подать иск в суд. А может и не подать, не прислушавшись к доводам экспертов Минюста, тем самым не дав делу хода.

Между тем, как требует современная правовая жизнь, система реагирования на возникшие расхождения федеральных и иных нормативных правовых актов должна быть более оперативной и эффективной. В этих целях правительственная комиссия по законопроектной деятельности в 2020 г. предложила проект поправок в Кодекс административного судопроизводства РФ, в которых позволяла сформировать правовые рычаги для более быстрого и действенного приведения региональных и муниципальных актов в соответствие с федеральным законодательством. Речь шла о том, что «в случае, если нормативный правовой акт субъекта РФ или муниципальный акт будут противоречить федеральному законодательству, Министерство юстиции получит полномочия оспаривать в суде положения данных документов»³⁷.

Однако он не был принят. Считаю, что это неправильно. Минюст должен иметь соответствующие полномочия более оперативно оспаривать в суде нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в силу того, что одним из важнейших направлений его деятельности выступает обеспечение единого правового пространства.

* * *

Таким образом, принимая во внимание в совокупности все изложенное выше, следует заметить, что новый конституционный принцип единой системы публичной власти и новые условия развития России, а также возникающие вызовы (пандемия и включение новых территорий в состав Российской Федерации) требуют «перевода» формирования единого правового пространства страны на новый уровень, чему может поспособствовать и предлагаемый доктринальный документ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азизова В.Т.* Общетеоретические проблемы обеспечения единого правового пространства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004.
2. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия. М., 1996. С. 419.
3. *Баранов В.М.* «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника. М., 2022. С. 9, 13.
4. *Баранов В.М., Овчинников А.И., Самарин А.А.* Экстерриториальное пространство права. М., 2017. С. 37.
5. *Барциц И.Н.* Правовое пространство: основные признаки и закономерности развития // Журнал рос. права. 2000. № 5–6.
6. *Барциц И.Н.* Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. М., 2000. С. 407.
7. *Бачинин В.А.* Основы социологии права и преступности. СПб., 2001. С. 138, 139.
8. *Большой словарь синонимов и антонимов русского языка.* М., 2021. С. 168.
9. *Бороздина М.С.* Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 69.
10. *Вишняков В.Е.* Выступление на «круглом столе» Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Мониторинг правоприменительной практики: реальность и перспективы. М., 2002. С. 8.
11. *Габиева С.М., Басриева М.З.* Взаимодействие Совета Федерации с другими органами государственной власти в обеспечении единого правового пространства России // Современное право. 2011. № 7.
12. *Ганцева Л.М.* Правовое пространство: социально-философский анализ на примере Российской Федерации: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2001.

³⁶ См.: *Куликов В.* Советское — вволю // Росс. газ. 2020. 19 мая.

³⁷ *Куликов В.* Исправим. Минюст сможет обжаловать в суде региональные законы.

13. Гойман В.И. Идея права и право в идеях: в 2 т. Т. 1. Теория, философия и методология права. М., 2021. С. 854, 855.
14. Головина С.Ю. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) как новый вызов трудовому праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 3–8.
15. Данилюк С.Е. Место категории «источник права» — в музее юридического позитивизма // Государство и право. 2021. № 5. С. 69.
16. Замахина Т. В одном поле. Как новые регионы будут входить в состав России // Росс. газ. 2022. 3 окт.
17. Козюк М.Н. Правовое пространство и правовые коммуникации // Новая правовая мысль. 2002. № 1.
18. Колесов Ю.И. Правовое пространство России. Участие органов юстиции в обеспечении его единства / под ред. В.И. Кайнова. М., 2004. С. 55, 150.
19. Конституционное право России. Энциклопедический словарь / под ред. В.И. Червонюка. М., 2002.
20. Контарев М.В. Об обеспечении единства правового пространства России и задачах территориальных органов Министерства юстиции РФ // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2005. № 11. С. 8.
21. Куликов В. Исправим. Минюст сможет обжаловать в суде региональные законы // Росс. газ. 2020. 10 апр.
22. Куликов В. Советское — вволю // Росс. газ. 2020. 19 мая.
23. Малахов В.П., Суханов В.В. Правовое пространство. М., 2004.
24. Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю. и др. Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив (Обзор материалов Всероссийской научной конференции журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь» и научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования») // Государство и право. 2020. № 8. С. 115–126. DOI: 10.31857/S102694520011033-7
25. Митропан И.Ю. Дивергенция российского законодательства (теоретико-правовое исследование). Владимир, 2020.
26. Пашин С.А. Человек в российском правовом пространстве. М., 2001.
27. Подоян Е.И. Формирование механизма обеспечения единого правового пространства в Российской Федерации // Новая правовая мысль. 2009. № 6. С. 19.
28. Правовое пространство и человек / отв. ред.: Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева и Н.И. Хлуденева. М., 2012.
29. Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А.В. Малько. М., 2008.
30. Равочкин Н.Н. Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 2. С. 116.
31. Словарь основных понятий, определяющих концепцию мониторинга правового пространства и правоприменительной практики // Программные материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики». М., 2004. С. 50.
32. Словарь синонимов русского языка / сост. А.Ю. Мудрова. М., 2009. С. 90.
33. Сосенков Ф.С. Проблемы единого правового пространства как результат противодействия правотворческому сепаратизму: сб. материалов X Всеросс. декабрьских юрид. чтений в Костроме (15–16 декабря 2012 года): в 3 т. Кострома, 2013. Т. 2. С. 276, 277.
34. Спиркин А.Г. Философия. М., 1999. С. 257.
35. Тихомиров Ю.А. Субъекты и их интересы в правовом пространстве // Государство и право. 2022. № 7. С. 14.
36. Третьякова Е.С. О некоторых аспектах единства правового пространства и повышении роли Министерства юстиции РФ в его обеспечении // Современное право. 2008. № 12. С. 44.
37. Федорченко А.А. Правовое пространство: проблемы теоретического обоснования // Правовая культура. 2014. № 3.
38. Федорченко А.А., Федорченко Е.В. Правовое пространство: концептуальные теоретические основы. М., 2020. С. 43.
39. Философия / под ред. В.В. Миронова. М., 2005. С. 504.

REFERENCES

1. Azizova V.T. General theoretical problems of ensuring a unified legal space in the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. Makhachkala, 2004 (in Russ.).
2. Alekseev P.V., Panin A.V. Philosophy. M., 1996. P. 419 (in Russ.).
3. Baranov V.M. "Positive legal responsibility": controversial concept, imaginary practice, virtual technique. M., 2022. P. 9, 13 (in Russ.).
4. Baranov V.M., Ovchinnikov A.I., Samarin A.A. Extraterritorial space of law. M., 2017. P. 37 (in Russ.).
5. Bartsits I.N. Legal space: the main signs and patterns of development // Journal of Russ. law. 2000. № 5–6 (in Russ.).
6. Bartsits I.N. The legal space of Russia: questions of constitutional theory and practice. M., 2000. P. 407 (in Russ.).
7. Bachinin V.A. Fundamentals of Sociology of Law and crime. SPb., 2001. P. 138, 139 (in Russ.).
8. A large dictionary of synonyms and antonyms of the Russian language. M., 2021. P. 168 (in Russ.).
9. Borozdina M.S. Legal anomie in the institutional transformation of modern Russian statehood: dis. ... PhD in Law. Rostov n/D., 2009. P. 69 (in Russ.).
10. Vishnyakov V.E. Speech at the "Round Table" of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation // Monitoring of law enforcement practice: reality and prospects. M., 2002. P. 8 (in Russ.).
11. Gabieva S.M., Basrieva M.Z. Interaction of the Federation Council with other public authorities in ensuring a unified legal space of Russia // Modern Law. 2011. No. 7 (in Russ.).
12. Gantseva L.M. Legal space: socio-philosophical analysis on the example of the Russian Federation: dis. ... Candidate of Philos. Sciences'. Ufa, 2001 (in Russ.).
13. Goyman V.I. The idea of law and law in ideas: in 2 vols. 1. Theory, philosophy and methodology of law. M., 2021. P. 854, 855 (in Russ.).

14. *Golovina S. Yu.* The pandemic of coronavirus infection (COVID-19) as a new challenge to Labor Law // Labor Law in Russia and abroad. 2020. No. 3. P. 3–8 (in Russ.).
15. *Danilyuk S. E.* The place of the category “source of law” – in the museum of legal positivism // State and Law. 2021. No. 5. P. 69 (in Russ.).
16. *Zamakhina T.* In one field. How will the new regions become part of Russia // Ross. gaz. 2022. 3 Oct. (in Russ.).
17. *Kozyuk M. N.* Legal space and legal communications // New legal thought. 2002. No. 1 (in Russ.).
18. *Kolesov Yu. I.* The legal space of Russia. Participation of justice bodies in ensuring its unity / ed. by V. I. Kainov. M., 2004. P. 55, 150 (in Russ.).
19. Constitutional Law of Russia. Encyclopedic Dictionary / ed. by V. I. Chervonyuk. M., 2002 (in Russ.).
20. *Kontarev M. V.* On ensuring the unity of the legal space of Russia and the tasks of territorial bodies of the Ministry of Justice of the Russian Federation // Bulletin of the Ministry of Justice of the Russian Federation. 2005. No. 11. P. 8 (in Russ.).
21. *Kulikov V.* Correct. The Ministry of Justice will be able to appeal regional laws in court // Ross. gaz. 2020. 10 Apr. (in Russ.).
22. *Kulikov V.* Soviet – plenty // Ross. gaz. 2020. May 19 (in Russ.).
23. *Malakhov V. P., Sukhanov V. V.* Legal space. M., 2004 (in Russ.).
24. *Mal'ko A. V., Krotkova N. V., Stromov V. Yu. et al.* Legal life of modern society: negative and positive (Review of the materials of the All-Russian scientific conference of the journals “State and Law”, “Legal policy and legal life” and the scientific and educational yearbook “State and legal Research”) // State and Law. 2020. No. 8. P. 115–126. DOI: 10.31857/S102694520011033-7 (in Russ.).
25. *Mitropan I. Yu.* Divergence of Russian legislation (theoretical and legal research). Vladimir, 2020 (in Russ.).
26. *Pashin S. A.* Man in the Russian legal space. M., 2001 (in Russ.).
27. *Podoyan E. I.* Formation of a mechanism for ensuring a unified legal space in the Russian Federation // New legal thought. 2009. No. 6. P. 19 (in Russ.).
28. Legal space and man / res. eds: Yu. A. Tikhomirov, E. V. Pulyaeva and N. I. Khludeneva. M., 2012 (in Russ.).
29. Draft Concept of Legal Policy in the Russian Federation until 2020 / ed. by A. V. Mal'ko. M., 2008 (in Russ.).
30. *Ravochkin N. N.* Anomie as a global factor of disorganization of modern society: philosophical aspect // Herald of Nekrasov KSU. 2014. No. 2. P. 116 (in Russ.).
31. Dictionary of basic concepts defining the concept of monitoring the legal space and law enforcement practice // Program materials of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference “Monitoring the legal space and law enforcement practice”. M., 2004. P. 50 (in Russ.).
32. Dictionary of synonyms of the Russian language / comp. A. Yu. Mudrova. M., 2009. P. 90 (in Russ.).
33. *Sosenkov F. S.* Problems of a unified legal space as a result of countering law-making separatism: collection of materials X All-Russian December legal readings in Kostroma (December 15–16, 2012): in 3 vols. Kostroma, 2013. Vol. 2. P. 276, 277 (in Russ.).
34. *Spirkin A. G.* Philosophy. M., 1999. P. 257 (in Russ.).
35. *Tikhomirov Yu. A.* Subjects and their interests in the legal space // State and Law. 2022. No. 7. P. 14 (in Russ.).
36. *Tretyakova E. S.* On some aspects of the unity of the legal space and the increasing role of the Ministry of Justice of the Russian Federation in its provision // Modern Law. 2008. No. 12. P. 44 (in Russ.).
37. *Fedorchenko A. A.* Legal space: problems of theoretical substantiation // Legal culture. 2014. No. 3 (in Russ.).
38. *Fedorchenko A. A., Fedorchenko E. V.* Legal space: conceptual theoretical foundations. M., 2020. P. 43 (in Russ.).
39. Philosophy / ed. by V. V. Mironov. M., 2005. P. 504 (in Russ.).

Сведения об авторе

МАЛЬКО Александр Васильевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Тольяттинского государственного университета; 445020 г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14
ORCID: 0000-0003-3204-9696

Authors' information

MAL'KO Alexandr V. — Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Togliatti State University; 14 Belorusskaya str., 445020 Togliatti, Russia

ПУТИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

© 2023 г. М. А. Малина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

E-mail: bestar@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.05.2022 г.

Аннотация. В статье обосновывается подход, согласно которому для достижения справедливого устройства общественной жизни необходимо обеспечить полноценную реализацию положений Конституции РФ. Наиболее остро вопрос достижения справедливости стоит в отношении судебной деятельности. Поэтому на первый план здесь выходит задача конституционализации российского правосудия. Этот процесс рассматривается в сфере действия законодательной власти, а также в сфере действия судебной власти, и на этой основе определяются основные пути решения данной задачи. Особое внимание при этом уделяется исследованию роли Конституционного Суда РФ, а также суда с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: справедливость, Конституция РФ, суд, судебная власть, правосудие, конституционализация правосудия, уголовное судопроизводство, Конституционный Суд РФ, суд с участием присяжных заседателей, презумпция невиновности.

Цитирование: Малина М.А. Пути конституционализации российского правосудия // Государство и право. 2023. № 3. С. 19–26.

DOI: 10.31857/S102694520024770-8

WAYS OF CONSTITUTIONALIZATION OF RUSSIAN JUSTICE

© 2023 М. А. Malina

Southern Federal University, Rostov-on-Don

E-mail: bestar@yandex.ru

Received 17.05.2022

Abstract. The article justifies the approach, according to which in order to achieve a fair structure of public life, it is necessary to ensure the full implementation in reality of the provisions of the Constitution of the Russian Federation. The most acute issue of achieving justice is in relation to judicial activity. Therefore, the task of constitutionalization of Russian justice comes to the fore here. This process is investigated in the scope of the legislative branch and in the scope of the judicial branch, and on this basis the main ways to solve this problem are determined. Particular attention is paid to the study of the role of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the jury trial.

Key words: justice, the Constitution of the Russian Federation, the court, the judiciary, justice, the constitutionalization of justice, criminal proceedings, the Constitutional Court of the Russian Federation, jury trial, the presumption of innocence.

For citation: Malina, M.A. (2023). Ways of constitutionalization of Russian justice // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 19–26.

Одной из основных ценностей человеческого общежития является справедливость. Сложно себе представить такое общество, где аксиологический характер этого феномена ставился бы под сомнение, где была бы недооценена его значимость. При всем многообразии форм человеческого общежития вопросы справедливого регулирования отношений между людьми, вопросы правильного разрешения споров и восстановления справедливости не теряют своей актуальности.

Вместе с тем в цивилизованном мире справедливость не стоит рассматривать вне правовых реалий. Как отмечал В.Д. Зорькин, «проблема справедливости — это правовая проблема»¹. Соответственно, возникает вопрос о правовых формах справедливости, о легитимных путях ее достижения, воплощения в жизнь. Здесь необходим уже дифференцированный подход, так как на первый план выходят методологические особенности ее легализации в конкретных правовых системах.

В Российской Федерации все ключевые вопросы правовой регламентации общественной жизни, государственного строя закреплены в Конституции. Это нормативный правовой акт с наивысшей юридической силой, вершина пирамиды иерархически расположенных источников права. Именно в этом юридическом и политическом акте справедливость находит свою правовую форму, закрепляется в отправных его началах, пропитывает его основополагающие идеи. В преамбуле Конституции РФ сказано, что принимается она многонациональным народом с верой в добро и **справедливость**. Данный документ «представляет собой меру свободы, юридически узаконенный баланс интересов основных социальных групп общества»². При этом в качестве абсолютной ценности здесь признается достоинство личности, а конституционные гарантии его охраны государством основываются на принципе справедливости³. Данный принцип был провозглашен Конституционным Судом РФ, который, опираясь непосредственно на Конституцию РФ, указал: «правосудие по самой своей сути

может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости...»⁴. В дальнейшем Конституционный Суд РФ не раз возвращался к этому принципу, раскрывая его содержание, например, применительно к уголовному судопроизводству⁵.

Таким образом, для достижения справедливого устройства общественной жизни необходимо реальное, полноценное воплощение в жизнь конституционных положений. Роль движущей силы в этом процессе выполняет государственная власть, которая разделяется на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции РФ). Наиболее остро вопрос справедливости стоит в сфере действия судебной власти. Соответственно, на первый план выходит задача конституционализации российского правосудия. В более конкретной плоскости следует вести речь в первую очередь об уголовном судопроизводстве, так как здесь разрешаются вопросы о преступлении и о наказании и тем самым затрагиваются наиболее значимые для человека ценности — жизнь, здоровье, свобода. Проблема справедливого рассмотрения дела актуальна как для обвиняемого, так и для потерпевшего и всего общества в целом.

При отправлении правосудия происходит применение норм права к конкретным жизненным обстоятельствам — для этого необходимо точно установить фактическую сторону дела, правильно квалифицировать общественно опасное деяние и назначить справедливое наказание. Вместе с тем не менее важно, чтобы сами применяемые нормы уголовного и уголовно-процессуального права в полной мере соответствовали Конституции РФ. Таким образом феномен конституционализации российского правосудия представляется целесообразным исследовать сначала в сфере действия законодательной власти и затем в сфере действия судебной власти. Сразу следует отметить, что эти аспекты взаимосвязаны, их автономизация носит условный характер и осуществляется

¹ Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=85> (дата обращения: 19.12.2022).

² Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 40.

³ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2002 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2002. № 31, ст. 3160.

⁴ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова» // СЗ РФ. 1996. № 7, ст. 701.

⁵ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2005. № 14, ст. 1271.

в методологических целях — для удобства доктринального осмысления проблемы.

Роль законодательной власти в конституционализации правосудия. По общему правилу у российского суда отсутствуют правотворческие полномочия. Это одно из ключевых положений принципа законности или, как писали дореволюционные юристы, принципа подзаконности, легальности судебной власти⁶. Данный подход в целом присущ романо-германской правовой семье и отражает мысль, озвученную еще Ш.Л. Монтескье: «судьи... как уста, произносящие слова закона...»⁷. Поэтому достижение желаемых народом результатов правосудия напрямую зависит от соответствия применяемых в конкретных делах правовых норм положениям Конституции РФ.

Нормотворческая сфера охватывает все требующие правового регулирования области общественной жизни. Каждая правовая норма занимает соответствующее место в сложной иерархически выстроенной системе российского права. При этом конституционные положения, закрепленные на вершине этой пирамиды, должны найти свою детализацию, конкретизацию, развитие на всех уровнях и во всех элементах этой системы. Поэтому в качестве важного средства достижения такой правовой корреляции следует выделить осуществляемый Государственной Думой ФС РФ конституционный контроль законопроектов. Здесь проверка конституционности принимаемой нормы осуществляется непосредственно в ходе правотворческого процесса. Так, уже в первом чтении «дается оценка соответствия основных положений законопроекта Конституции Российской Федерации...»⁸ (ч. 1 ст. 118 Регламента Государственной Думы ФС РФ).

Важно отметить, что конституционный контроль законопроектов осуществляется и Конституционным Судом РФ (п. «а» ч. 5¹ ст. 125 Конституции РФ). Несмотря на то что речь идет о функции органа, представляющего власть судебную, целесообразным представляется отметить это полномочие в данной части настоящего исследования — при рассмотрении миссии законодательной власти в конституционализации правосудия. Возможность осуществления конституционного контроля законопроектов Конституционным Судом РФ имеет для законодателя большое значение, так как нормативный правовой акт еще не принят — пока что речь идет только

о его проекте, который можно надлежащим образом откорректировать в случае выявления такой необходимости. Данная функция Конституционного Суда РФ является важным вспомогательным элементом законотворческого процесса.

Подводя промежуточный итог, отметим, что конституционный контроль законопроектов, осуществляемый как законодательным органом, так и Конституционным Судом РФ, обеспечивает выявление и исправление конституционных нарушений в превентивном порядке, обеспечивая тем самым стабильность системы законодательства⁹. Соответственно, формируется надлежащая или, если угодно, конституционно ориентированная нормативная основа для правоприменительного процесса, поэтому можно вести речь об исходном, первоначальном этапе его конституционализации.

Роль судебной власти в конституционализации правосудия. При отправлении правосудия происходит не только применение правовых норм к установленным фактическим обстоятельствам, но и оценка судом их конституционности в условиях конкретного уголовного дела. В глобальном аспекте можно выделить два подхода к реализации такого судебного конституционного контроля в ходе правоприменительного процесса.

Ангლოსаксонская модель. Ее прародителем можно считать США, где при отправлении правосудия проверка соответствия закона Конституции проводится любым судом — от муниципального уровня до Верховного суда. Если установлена неконституционность подлежащего применению в конкретном деле закона, то суд его игнорирует и применяет напрямую Конституцию США¹⁰. Отправной точкой такой логики выступило известное решение Верховного суда США по делу Марбери против Мэдисона (*Marbury v. Madison*) от 24 февраля 1803 г.¹¹ Этот прецедент лег в основу американской модели конституционного контроля, который осуществляется ординарными судами во главе с Верховным судом США, а в доктрине такой подход получил название “judicial review”¹².

Континентальная модель. При разрешении правовых споров суды самостоятельно не осуществляют конституционный контроль — для этого существует специальный судебный орган, действующий

⁶ См., напр.: *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. 4-е изд. СПб., 1913. С. 90.

⁷ *Монтескье Ш. Л.* О духе законов // Монтескье Ш. Л. Избр. произведения. М., 1995. С. 297.

⁸ См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 г. № 2134-II ГД // СЗ РФ. 1998. № 7, ст. 801.

⁹ См.: *Брежнев О. В.* Предварительный конституционный контроль и его реализация в России: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы рос. права. 2020. Т. 15. № 10. С. 38.

¹⁰ См.: *Бернам У.* Правовая система Соединенных Штатов Америки. М., 2006. С. 532.

¹¹ См.: там же. С. 59.

¹² *Головкин Л. В.* Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // Государство и право. 2013. № 12. С. 88.

в рамках особого вида судопроизводства. Примером здесь выступает Франция. В случае сомнений в конституционности подлежащей применению в конкретном деле нормы суд обращается с соответствующим запросом в Конституционный совет Французской Республики. Такой подход получил свое закрепление в т.н. теории «закона-экрана»¹³. При рассмотрении дела судья не вправе самостоятельно, напрямую применить Конституцию в случае выявления им возможного несоответствия подлежащего применению закона ее установлениям. Здесь закон играет роль своеобразного «экрана», заслоняющего Конституцию Франции от судьи. Соответственно, ординарный судья не может самостоятельно проверять конституционность законов и принимать соответствующие решения — это монополия Конституционного совета Франции.

Очевидно, что в Российской Федерации действует европейская континентальная модель конституционного контроля. Вопросы соответствия правовых норм положениям Конституции РФ относятся к компетенции Конституционного Суда РФ и разрешаются в порядке конституционного судопроизводства. Если Конституционный Суд РФ признает норму неконституционной, то законодатель должен будет осуществить соответствующие нормативные изменения. Здесь проявляется неразрывная связь судебной и законодательной властей в деле конституционализации российского правосудия.

Далее представляется важным более подробно рассмотреть ситуацию, в которой находится суд при отправлении правосудия по конкретному уголовному делу. Возникающие здесь вопросы условно можно разделить на юридические и фактические.

Юридическая сторона дела. Суд должен осуществить выбор подлежащей применению в данном уголовном деле правовой нормы. Далее она проверяется с точки зрения действия во времени, в пространстве, по кругу лиц, подвергается всестороннему толкованию разнообразными способами, в том числе грамматическим, телеологическим, логическим. Важен и систематический метод, когда норма права толкуется не изолированно, а в соотношении с иными правовыми установлениями. И речь здесь идет не только о регулирующих смежные отношения правилах, но и о соотношении толкуемой нормы с положениями актов более высокого уровня. Особую значимость представляет оценка ее соответствия конституционным положениям.

Таким образом, именно на этапе толкования и проверки правовой нормы может быть выявлена необходимость обращения в Конституционный

Суд РФ с запросом о проверке ее конституционности. В то же время если данному вопросу не будет уделено должного внимания, если судья не выполнит указанные задачи со всей ответственностью и тщательностью, то такой проверки не произойдет вовсе — она просто не будет инициирована. Соответствующий механизм конституционного контроля не будет запущен, и правовая коллизия просто-напросто останется незамеченной. О негативных последствиях такой ситуации говорить, естественно, излишне.

Таким образом, от добросовестности и компетентности конкретного судьи, от развитости его правосознания и правовой культуры напрямую зависит конституционализация российского правосудия, т.е. здесь мы фокусируемся на человеческом измерении правоприменительного процесса. Во главе угла здесь — судья, на первый план выходит его способность понимать, толковать нормы отраслевого законодательства и положения Конституции РФ не только с точки зрения их «буквы», но и их «духа». Как справедливо отмечал Н.А. Колоколов, «судебная деятельность — сакральна в целом, работа конкретного судьи — священнодействие»¹⁴. Здесь в полной мере задействуются такие элементы правосознания, как правовая идеология и правовая психология. Важны не только знание и понимание правовых идей, концепций, доктринальных оснований соответствующих правовых институтов, но и чувства, переживания судьи, связанные с восприятием права и его воплощением в реальной действительности. По А.Ф. Кони, судья имеет дело с отдельными случаями жизни, облеченными в «плоть и кровь», поэтому ему нужна «способность прислушиваться не только к голосу разума, но и к предстательству сердца»¹⁵.

Поэтому правоприменительный процесс нельзя воспринимать только лишь как некий алгоритм, последовательность действий (установление фактической стороны дела, выбор правовой нормы, ее проверка, толкование и т.д.). Это, как писал С.С. Алексеев, «не механическое претворение в жизнь писаных юридических предписаний..., а само живое право, право в жизни»¹⁶. Только в этом случае действительно вершится правосудие, только в этом случае оно отвечает требованиям социальной справедливости, а значит — и требованиям Конституции РФ.

При этом добросовестная, осознанная деятельность судьи по толкованию нормы, оценке ее

¹⁴ Колоколов Н.А. Компьютер вместо души — арифметика вместо судьи // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 7.

¹⁵ Кони А.Ф. Избр. произведения / сост. А.Б. Амелин. М., 1956. С. 32.

¹⁶ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 256.

¹³ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М., 2021. С. 238.

конституционности и решению на этой основе вопроса о соответствующем обращении в Конституционный Суд РФ может быть рассмотрена в качестве реализации его позитивной (статусной) ответственности. Данный феномен И.А. Ильин называл «предварительной» ответственностью — это «живое чувство предстояния и призванности..., чувство своей ответственности», оно дисциплинирует, сосредоточивает и вдохновляет человека¹⁷. Иными словами, это чувство морально-правового долга при выполнении своих профессиональных обязанностей, чувство морально-правового долга перед обществом, перед государством. В отличие от негативной позитивная ответственность постоянна, добровольна и осознанна, она лишена при этом какого-либо внешнего принуждения¹⁸.

Вместе с тем не только суды в ходе отправления правосудия иницируют проверку конституционности правовых норм, но и сами граждане вправе подать соответствующие жалобы в Конституционный Суд РФ на нарушение их прав примененным в конкретном деле нормативным правовым актом. То есть от их желания и способности бороться за свои права зависит конституционализация российского правосудия. Анализ статистики, предоставленной Конституционным Судом РФ, показал, что такие обращения являются наиболее распространенным поводом к рассмотрению дел: за период с 1995 по 2021 г. из 4735 общего числа обращений 4429 — жалобы граждан (93%). На втором месте находятся суды, опережая по численности запросов остальные органы государственной власти практически на порядок (150 обращений за указанный период)¹⁹.

Следует отметить, что оспариваемые нормативные положения довольно часто признаются полностью или частично неконституционными²⁰: за указанный выше период 306 из них признаны конституционными (в том числе с выявлением конституционно-правового смысла), а 384 — нет (полностью или частично); в период с 1 января по 30 апреля 2022 г. конституционными признаны восемь оспариваемых нормативных положений (в том числе с выявлением конституционно-правового смысла), неконституционными — девять

(полностью или частично)²¹, т.е. сам институт конституционного контроля в Российской Федерации востребован и эффективен. Важно, чтобы суды и сами граждане активно использовали предоставленные им здесь возможности.

Итак, можно сформулировать вывод: одним из важных направлений конституционализации правосудия является повышение позитивной ответственности судей, а также правовое воспитание граждан, повышение их правовой культуры, формирование у всех участников правоприменительного процесса, по Ильину, «здорового» правосознания²². Следует согласиться с В.Д. Зорькиным, который отмечал, что будущее российского конституционализма в целом зависит не только от того, насколько точно закреплены конституционные идеалы и ценности в правовых актах и правоприменительной практике, — «в первую очередь оно определяется тем, будут ли эти ценности и идеалы надежно укоренены в умах, душах и сердцах наших сограждан»²³.

Фактическая сторона дела. Уголовное судопроизводство не может осуществляться вне связи с конкретными фактами, именно для их установления и осуществляется доказывание — ключевая составляющая всей уголовно-процессуальной деятельности²⁴. Достоверное познание обстоятельств произошедшего выступает основой для решения вопроса о наличии или отсутствии у государства права наказать обвиняемого в конкретном случае. Как писал Н.Н. Полянский, установление такого права и его пределов является целью уголовного процесса²⁵. В доказывании по уголовному делу в наивысшей мере воплощается в жизнь творческий потенциал суда. Он оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, свободно. От доброкачественности собранных доказательств и от правильного установления подлежащих доказыванию обстоятельств (*thema probandi*) напрямую зависит справедливое разрешение правового конфликта.

²¹ Общее число обращений не совпадает с общим числом постановлений Конституционного Суда РФ, поскольку обращения многих заявителей, касающиеся одного и того же предмета, были соединены и рассмотрены в одном производстве.

²² См.: Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 81.

²³ Цит. по: Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития / отв. ред. В.В. Комарова, Г.Д. Садовникова. М., 2017. С. 7.

²⁴ При этом запрещено использование при отправлении правосудия доказательств, полученных с нарушением закона — это правило закреплено в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и выступает одной из важнейших гарантий конституционализации правосудия по уголовным делам.

²⁵ См.: Полянский Н.Н. Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. С. 21.

¹⁷ См.: Ильин И.А. Путь к очевидности. Мюнхен, 1957. С. 20.

¹⁸ См.: Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал ВШЭ. 2020. № 4. С. 15.

¹⁹ См.: Статистика по решениям Конституционного Суда Российской Федерации // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statistics/Pages/Decision.aspx> (дата обращения: 19.12.2022).

²⁰ См.: там же.

Теперь предлагаем посмотреть на эту аксиому под иным углом — когда речь идет об оценке судом конституционности подлежащей применению в конкретном деле правовой нормы. Естественно, она может получить правильное толкование и всестороннюю проверку только при условии полного установления фактической картины произошедшего, т.е. при ее «приложении» к конкретным жизненным обстоятельствам. Доброкачественная доказательственная деятельность суда, тщательное исследование и учет всех нюансов и особенностей произошедшего позволяют выявить случаи, когда сами фактические обстоятельства при применении к ним правовой нормы укажут суду на необходимость инициации проверки ее конституционности. Это можно сравнить с эффектом «лакмусовой бумаги». Иными словами, речь идет о своеобразном испытании закона на его жизнеспособность, на соответствие нашим реалиям. Применительно к ним и следует толковать, проверять правовую норму.

Представляется важным особо отметить в доказывании возможности суда с участием присяжных заседателей. Коллегиальная деятельность представителей населения позволяет задействовать при исследовании и оценке доказательств их жизненный опыт, здравый смысл, знание и понимание социального контекста произошедшего события, его психологических аспектов. Каждый член коллегии присяжных под своим собственным углом зрения рассматривает исследуемую ситуацию, что позволяет обеспечить всесторонность и тщательность при восприятии обстоятельств дела²⁶. При этом присяжные заседатели действуют свободно и независимо, им чужд эффект т.н. профессиональной деформации, они неуязвимы в отношении каких-либо корпоративных стереотипов. Поэтому, по нашему мнению, данная форма судопроизводства предоставляет уникальные возможности для решения задач уголовно-процессуального доказывания.

Таким образом можно сформулировать вывод о том, что полное установление фактической стороны дела является необходимым условием для осуществления конституционного контроля подлежащих применению правовых норм и, соответственно, выступает в качестве одной из важнейших гарантий конституционализации российского правосудия.

При этом представляется важным рассмотреть здесь миссию суда с участием присяжных заседателей и в более широком ракурсе. Во-первых, возможность обвиняемого привлечь к рассмотрению дела своих сограждан является его конституционным правом (ч. 2 ст. 47 Конституции РФ). Более

того, согласно положениям ч. 2 ст. 20 Конституции РФ суд с участием присяжных заседателей выступает в качестве гарантии права обвиняемого на жизнь и тем самым на конституционном уровне признается наилучшей формой отправления правосудия в тех случаях, когда гражданину может быть назначено максимально строгое наказание.

В то же время возможность граждан участвовать в отправлении правосудия может быть реализована только в данной модели суда и закреплена в ст. 32 Конституции РФ. Рассмотрим ее положения более подробно. Следует отметить, что в научной литературе большое внимание уделяется поиску способов реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ). Так, А.Г. Головин, справедливо отмечая его комплексный характер, в качестве непосредственных форм такого участия выделяет: воплощение в жизнь права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления; участие в референдуме (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ)²⁷. По нашему мнению, участие населения в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ) также можно рассматривать в качестве способа участия граждан в управлении делами государства. Причем речь следует вести именно о непосредственном участии, так как в суде с участием присяжных заседателей коллегия самостоятельно решает основные вопросы уголовного дела, ее вердикт по общему правилу обязателен для председательствующего судьи (ст. 348 УПК РФ). Именно в этой форме судопроизводства обеспечивается **прямое** участие народа в отправлении правосудия и тем самым реализуется право граждан **непосредственно** участвовать в управлении делами государства²⁸.

Таким образом, суд с участием присяжных заседателей выступает в качестве средства воплощения в жизнь вышеуказанных конституционных положений. В этом смысле его деятельность является самостоятельным, автономным направлением конституционализации российского правосудия.

Вместе с тем компетенция этой модели суда недостаточно широка, чтобы вести речь о полноценности, об эффективности его роли в реализации этих процессов. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, до введения данной формы судопроизводства в районные суды здесь рассматривалось около 300 уголовных дел в год, после

²⁶ См.: Насонов С.А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика. М., 2001. С. 29.

²⁷ См.: Головин А.Г. Конституционные начала делегирования народом власти в Российской Федерации: поиск концепции // Государство и право. 2022. № 1. С. 40.

²⁸ См. об этом более подр.: Ляхов Ю.А., Малина М.А. Сущность конституционного права гражданина на участие в отправлении правосудия // Северо-Кавказский юрид. вестник. 2019. № 1. С. 130–138.

введения суда присяжных в районное звено судебной системы — в среднем около 1000 уголовных дел в год²⁹. Для сравнения приведем статистику рассмотрения уголовных дел с участием присяжных в Российской Империи. Так, в 1900 г. в данной форме судопроизводства было разрешено 26 805 дел (без участия присяжных — 33 605 уголовных дел)³⁰.

О необходимости дальнейшего расширения компетенции суда с участием присяжных заседателей говорят многие видные отечественные правоведы. Например, Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев предложил с участием присяжных заседателей рассматривать уголовные дела о всех особо тяжких преступлениях и о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности³¹. Ясно при этом, что расширение компетенции данной модели суда не должно быть произвольным — здесь следует учитывать повышенную сложность и высокзатратность этой формы судопроизводства (в процессуальном, организационном, материальном аспектах). Поэтому важной задачей представляется не только расширение подсудности суда с участием присяжных заседателей, но и выявление при этом **оптимальных** ее нормативных границ.

Во-вторых, по нашему мнению, суд с участием присяжных заседателей выступает гарантией эффективности действия принципа презумпции невиновности. И дело здесь в следующем.

С одной стороны, как отмечалось выше, коллегияльное исследование и оценка доказательств позволяют глубже проникнуть в существо фактической стороны дела, привнести в процесс ее познания совокупный жизненный опыт, здравый смысл представителей общества. Здесь ценно понимание ими бытовых, психологических, социальных аспектов исследуемого случая, то есть всей «человеческой» составляющей произошедшего. Поэтому участие присяжных заседателей в доказывании позволяет обеспечить полноценное воплощение в жизнь всех положений презумпции невиновности в данной форме судопроизводства (принцип *in dubio pro reo*, правило о том, что недоказанная виновность приравнивается к доказанной невиновности, и др.).

С другой стороны, председательствующий судья сохраняет здесь те же полномочия, что и в единоличном порядке, — его доказательственная деятельность здесь также необходима и востребована.

Поэтому в суде с участием присяжных заседателей коллегия непрофессионалов и председательствующего судью следует рассматривать в функциональном единстве. Их институциональное разделение здесь отнюдь не выступает барьером в познании действительности, в оценке доказательств. Наоборот. Если присяжные заседатели придут к выводу о недоказанной виновности, а значит — о доказанной невиновности подсудимого, то по делу будет постановлен оправдательный приговор и соответственно принцип презумпции невиновности будет воплощен в жизнь. Если же по делу будет вынесен обвинительный вердикт, но председательствующий признает подсудимого невиновным, то он распускает коллегия присяжных заседателей и направляет дело на новое рассмотрение (ч. 5 ст. 348 УПК РФ). То есть в данной форме судопроизводства судья и присяжные заседатели как бы страхуют друг друга от ошибки в доказывании и необоснованного осуждения обвиняемого, поэтому здесь наиболее полно может быть реализована презумпция невиновности как принцип уголовного процесса. Таким образом, повышение гарантий его соблюдения можно рассматривать в качестве самостоятельного направления конституционализации российского правосудия, и роль суда с участием присяжных заседателей здесь сложно переоценить.

* * *

Подводя итог, отметим, что только полноценное, реальное воплощение в жизнь конституционных положений, конституционных начал позволит добиться справедливости в общественной жизни в целом и послужит укреплению социальных основ суда. Важнейшей задачей здесь представляется исследование путей конституционализации российского правосудия, определение конкретных методов и механизмов для качественной реализации этого процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Теория права. М., 1995. С. 256.
2. *Бернам У.* Правовая система Соединенных Штатов Америки. М., 2006. С. 59, 532.
3. *Брежнев О.В.* Предварительный конституционный контроль и его реализация в России: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы рос. права. 2020. Т. 15. № 10. С. 38.
4. *Гогель С.К.* Необходима ли реформа суда присяжных? // Вестник права. 1905. № 1. С. 71.

²⁹ См.: Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 19.12.2022).

³⁰ См.: *Гогель С.К.* Необходима ли реформа суда присяжных? // Вестник права. 1905. № 1. С. 71.

³¹ См.: Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева. URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/74d/Prezentatsiya_k_dokladu_Lebedeva_2020_.pdf (дата обращения: 19.12.2022).

5. Головин А. Г. Конституционные начала делегирования народом власти в Российской Федерации: поиск концепции // Государство и право. 2022. № 1. С. 40.
6. Головкин Л. В. Конституционализация уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // Государство и право. 2013. № 12. С. 88.
7. Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 81.
8. Ильин И. А. Путь к очевидности. Мюнхен, 1957. С. 20.
9. Колоколов Н. А. Компьютер вместо души — арифметика вместо судьи // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 7.
10. Кони А. Ф. Избр. произведения / сост. А. Б. Амелин. М., 1956. С. 32.
11. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкин. 3-е изд., испр. и доп. М., 2021. С. 238.
12. Ляхов Ю. А., Малина М. А. Сущность конституционного права гражданина на участие в отправлении правосудия // Северо-Кавказский юрид. вестник. 2019. № 1. С. 130–138.
13. Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал ВШЭ. 2020. № 4. С. 15.
14. Монтескье Ш. Л. О духе законов // Монтескье Ш. Л. Избр. произведения. М., 1995. С. 297.
15. Насонов С. А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика. М., 2001. С. 29.
16. Полянский Н. Н. Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. С. 21.
17. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. 4-е изд. СПб., 1913. С. 90.
18. Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития / отв. ред. В. В. Комарова, Г. Д. Садовникова. М., 2017. С. 7.
3. Brezhnev O. V. Preliminary constitutional control and its implementation in Russia: problems of theory and practice // Actual problems of Russ. law. 2020. Vol. 15. No. 10. P. 38 (in Russ.).
4. Gogel S. K. Is it necessary to reform the jury trial? // Herald of Law. 1905. No. 1. P. 71 (in Russ.).
5. Golovin A. G. Constitutional principles of delegation of power by the people in the Russian Federation: search for a concept // State and Law. 2022. No. 1. P. 40 (in Russ.).
6. Golovko L. V. Constitutionalization of the Russian criminal process: between slogans and reality // State and Law. 2013. No. 12. P. 88 (in Russ.).
7. Ilyin I. A. On the essence of legal consciousness. M., 1993. P. 81 (in Russ.).
8. Ilyin I. A. The path to evidence. Munich, 1957. P. 20 (in Russ.).
9. Kolokolov N. A. Computer instead of soul — arithmetic instead of judge // Criminal proceedings. 2019. No. 3. P. 7 (in Russ.).
10. Koni A. F. Selected works / comp. A. B. Amelin. M., 1956. P. 32 (in Russ.).
11. Course of criminal procedure / ed. by L. V. Golovko. 3rd ed., rev. and add. M., 2021. P. 238 (in Russ.).
12. Lyakhov Yu. A., Malina M. A. The essence of the constitutional right of a citizen to participate in the administration of justice // North Caucasian legal herald. 2019. No. 1. P. 130–138 (in Russ.).
13. Mal'ko A. V., Lipinsky D. A., Markunin R. S. Legal responsibility as a means of preventing offenses: actual problems // Law. HSE Journal. 2020. No. 4. P. 15 (in Russ.).
14. Montesquieu Sh. L. On the spirit of laws // Montesquieu Sh. L. Selected works. M., 1995. P. 297 (in Russ.).
15. Nasonov S. A. Judicial investigation in a jury trial: legislation, theory, practice. M., 2001. P. 29 (in Russ.).
16. Polyansky N. N. The purpose of the criminal process. Yaroslavl, 1919. P. 21 (in Russ.).
17. Sluchevsky V. K. Textbook of the Russian criminal process. Judicial system — legal proceedings. 4th ed. St. Petersburg, 1913. P. 90 (in Russ.).
18. Modern Russian constitutionalism: problems of formation and prospects of development / res. eds V. V. Komarova, G. D. Sadovnikova. M., 2017. P. 7 (in Russ.).

REFERENCES

1. Alekseev S. S. Theory of law. M., 1995. P. 256 (in Russ.).
2. Bernam U. The legal system of the United States of America. M., 2006. P. 59, 532 (in Russ.).

Сведения об авторе

МАЛИНА Максим Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета; руководитель центра государственной научной аттестации Южного федерального университета; 344002 г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88

Authors' information

MALINA Maxim A. — PhD in Law, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminology, Faculty of Law, Southern Federal University; Head of the State Scientific Certification Center of the Southern Federal University; 88 M. Gorky str., 344002 Rostov-on-Don, Russia

МОЩНЫЙ СТИМУЛ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВОЕННОЙ НАУКЕ

**ВОЕННОЕ ПРАВО: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина
(М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022)**

© 2023 г. С. В. Чемезов

Государственная корпорация «Ростех», г. Москва

E-mail: acad.sec@igpran.ru

Поступила в редакцию 16.12.2022 г.

Аннотация. В рецензии отмечено, что в российской науке произошло эпохальное событие — вышла трехтомная монография «Военное право» под общей редакцией А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина. Актуальность исследования обусловлена глубинной трансформацией современных международных отношений, в которые включена Российская Федерация, и их адекватным отражением в системе внутригосударственных отношений Российского государства. Оценивая вклад рецензируемого труда в военную науку, автор подчеркнул глобальный охват исследованием практически всей объективной действительности, связанной с функционированием военной организации государства, и условий, в которых это функционирование происходит. На основе теоретического анализа авторскому коллективу удалось выделить основное ядро, суть военного права — право вооруженных конфликтов. Впервые в правовой науке оборонно-промышленный комплекс (ОПК) как государственное и социальное явление нашел свое место в качестве объекта фундаментального правового исследования. Научную ценность представляет исследование авторами рецензируемой монографии санкционных режимов, действующих в отношении российских организаций ОПК, а также вопросов правового обеспечения военно-технического сотрудничества.

Сформулирован вывод, что коллективом авторов под руководством А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина проведено фундаментальное военно-теоретическое исследование, включающее все значимые для государства правовые вопросы обеспечения обороны страны и безопасности государства при функционировании военной организации Российского государства, что послужит мощным стимулом последующих правовых исследований в военной науке.

Ключевые слова: Российское государство, военное право, военная наука, право вооруженных конфликтов, оборонно-промышленный комплекс, военно-техническое сотрудничество, военная организация, обеспечение обороны страны и безопасности государства.

Цитирование: Чемезов С.В. Мощный стимул правовых исследований в военной науке // Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) // Государство и право. 2023. № 3. С. 27–32.

DOI: 10.31857/S102694520024771-9

POWERFUL INCENTIVE FOR LEGAL RESEARCH IN MILITARY SCIENCE

**MILITARY LAW: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov,
A.V. Kudashkin (Moscow: Center for legal communications, 2021–2022)**

© 2023 S. V. Chemezov

State Corporation “Rostec”, Moscow

E-mail: acad.sec@igpran.ru

Received 16.12.2022

Abstract. The review notes that an epoch-making event took place in Russian science – a three-volume monograph “Military Law” was published under the general editorship of A.N. Savenkov and A.V. Kudashkin. The relevance of the study is due to the profound transformation of modern international relations, in which the Russian Federation is included, and their adequate reflection in the system of domestic relations of the Russian state. Assessing the contribution of the reviewed work to military science, the author emphasized the global coverage of the study of almost all objective reality related to the functioning of the military organization of the state, and the conditions in which this functioning occurs. On the basis of theoretical analysis, the team of authors managed to identify the main core, the essence of Military Law – the law of armed conflicts. For the first time in legal science, the military-industrial complex (MIC) as a state and social phenomenon has found its place as an object of fundamental legal research. Of scientific value is the study by the authors of the peer-reviewed monograph of the sanctions regimes in force against Russian defense industry organizations, as well as issues of legal support for military-technical cooperation.

The conclusion is formulated that the author’s team, led by A.N. Savenkov and A.V. Kudashkin, conducted a fundamental military-theoretical study that includes all the legal issues of ensuring the country’s defense and state security in the functioning of the military organization of the Russian state, which will serve as a powerful incentive for subsequent legal research in military science.

Key words: Russian state, Military Law, military science, law of armed conflicts, military-industrial complex, military-technical cooperation, military organization, ensuring national defense and state security.

For citation: Chemezov, S.V. (2023). Powerful incentive for legal research in military science // Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin (Moscow: Center for legal communications, 2021–2022) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 27–32.

В российской науке произошло весьма значимое и, я бы не побоялся сказать, эпохальное событие – вышла трехтомная монография «Военное право»¹. Событие это явно не относится к числу случайных и предопределено объективными процессами формирования правовых основ военной

организации Российского государства, занявших по времени период от заключенных Русью первых договоров с Византией до наших дней.

Следует отметить, что достаточно длительный период эволюции военной организации государства и соответствующих ей правовых основ не привел к формированию военного права как самостоятельного явления системы права. Оно было научной и учебной дисциплиной, и не более того. Почему так? Должны были сформироваться соответствующие условия. Во-первых, в обществе и государстве необходимо осознание имманентности

¹ Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). – 560 с.; т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). – 888 с.; 2022. Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. – 712 с.

военной организации Российского государства, признание очевидного обстоятельства — реальный суверенитет России в определяющей части зависит от сильной военной организации государства.

Во-вторых, неразрывно с этим должен был быть сформирован достаточный массив правовой материи, детально регламентирующей все вопросы и аспекты функционирования военной организации государства и достаточной для его институализации в качестве самостоятельного системного явления в российской системе права.

В-третьих, уровень и глубина исследований проблем и вопросов военного права должны отвечать требованиям фундаментальности, от глубокого теоретического осмысления и разработки вопросов правовой действительности до детального изучения и разработки всех правовых институтов, опосредующих деятельность военной организации Российского государства.

На сегодняшний день такие условия созрели.

Необходимо отметить следующее.

До недавнего времени Россия жила в совершенном другом мире². В мире, где глобализация и правила свободного рынка имели основополагающее значение. По этим правилам жили крупнейшие мировые компании, включая российские, которые были частью глобальной кооперации и выступали партнером таких гигантов, как Daimler AG, Renault, Boeing, Pratt & Whitney, Safran и др.

Для нашей страны, которая в 1990-х годах практически растеряла свою промышленность, это сотрудничество дало многое. Оно открыло нам быстрый доступ к передовым технологиям, лучшему мировому опыту и международным рынкам. Благодаря ему мы на высшем уровне проводили техническое перевооружение и могли быстро создавать новые продукты: самолеты, вертолеты, автомобили, медицинские приборы, фармацевтические препараты и т.д. Поэтому Россия смогла достичь быстрых результатов там, где в других условиях понадобились бы десятилетия. Все это закончилось в 2014 г. после воссоединения Крыма с Родиной.

Сегодня Запад разрушает тот мир, который сам создавал многие годы. Он уничтожает глобальную кооперацию. Пытается вычеркнуть Россию из мировых цепочек. Многие страны мира сейчас следят за происходящим. На их глазах картонный домик, созданный из обещаний Запада, начинает сыпаться. Приходит осознание, что верить в партнерство с Западом больше нельзя — это чревато обманом и потерями. В новых современных

геополитических и международных экономических реалиях как никогда становится актуальным осмысление суверенной российской самоидентичности в глобальной геополитической архитектуре, правильное выстраивание внутри государства структурных основ, в том числе правовых, обеспечивающих подлинный суверенитет государства. Одной из таких основ является институализация военной организации государства, позволяющей адекватно отвечать на все угрозы и вызовы современного мира.

Актуальность исследования обусловлена глубинной трансформацией современных международных отношений, в которые включена Российская Федерация, и их адекватным отражением в системе внутригосударственных отношений Российского государства. В XXI в. со всей очевидностью проявилась тенденция монополизации мироустройства группой западных стран во главе с США, навязывания корпоративно-западнических ценностей всем суверенным государствам. Отстаивание собственных интересов и ценностей отдельными государствами преподносится как нарушение норм и принципов международного права. В этих условиях реальный суверенитет страны может быть обеспечен прежде всего при формировании адекватной существующим угрозам военной организации Российского государства. Вместе с тем ни в советское, ни в постсоветское время не проводились комплексные правовые исследования применительно к военной организации государства, всей совокупности возникающих при этом международных и внутригосударственных правоотношений. Рецензируемая монография «Военное право» призвана восполнить этот реально существующий пробел фундаментальных научно-правовых исследований в области военных наук.

Оценивая вклад монографии в военную науку, необходимо подчеркнуть глобальный охват исследованием практически всей объективной действительности, связанной с функционированием военной организации государства, и условий, в которых это функционирование происходит. На основе теоретического анализа авторскому коллективу удалось выделить основное ядро, суть военного права — право вооруженных конфликтов.

Действительно, государство есть сложное системное явление, характеризующееся, как и любая система, основополагающим качеством — нахождением в состоянии равновесия (принцип гомеостазиса)³. Как любая система, государство существует только в процессе функционирования — в глобальном геополитическом пространстве и в условиях

² См.: Чemezov С. Откуда пренебрежение к российскому? URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/15/06/2022/62a87e589a7947cbf332c253?from=newsfeed>

³ См.: Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976. С. 70.

глобального мирового рынка. Эффективность современного рынка напрямую зависит от обладания дешевыми природными и людскими ресурсами. Именно этот экономический интерес западных развитых стран трансформируется в агрессивную геополитическую экспансию, направленную против нашей страны. В результате коллективный Запад пытается вывести Россию из равновесного состояния, действуя по двум направлениям — сжимая военное кольцо блока НАТО вдоль наших границ, подготовившись развязать войну, и предпринимая акты экономической агрессии, вводя санкции. Санкции — это политически мотивированный инструмент агрессии. «Все возможное, чтобы усложнить жизнь (России. — *Прим. авт.*), уже сделано. Совсем жесткие санкции — это, по сути, война»⁴.

Сохранение равновесного состояния системы — Российского государства — в условиях гибридной, необъявленной агрессии Запада неизбежно привело к действующему вооруженному конфликту — проведению специальной военной операции. В результате именно боевая составляющая военной организации государства решает задачи непосредственного, прямого обеспечения состояния равновесности, т.е. неподверженности Российского государства внешнему возмущающему воздействию. Эта задача решается посредством ведения вооруженной борьбы в форме специальной военной операции. Глубокий теоретический анализ всего комплекса общественных и правовых отношений позволил коллективу авторов сделать ключевой, фундаментальный вывод: комплекс общественных отношений, опосредующих их правоотношений и средств правового опосредования образуют право вооруженных конфликтов, которое составляет подотрасль военного права (т. I, с. 460)⁵, его «ядро»⁶.

Мне как руководителю Государственной корпорации «Ростех» хотелось бы обратить внимание на другие, не менее значимые для государства, достижения авторского коллектива монографии.

Несмотря на достаточно обширный исследовательский задел военно-правовых исследований (более 550 диссертаций, в том числе 41 докторская диссертация), до настоящего момента не было

уделено должного внимания оборонно-промышленному комплексу (ОПК) страны. Это тем более удивительно, что согласно Военной доктрине Российской Федерации⁷ оборонно-промышленный комплекс страны представляет собой один из трех компонентов военной организации государства. Указанное доктринальное положение объективно предопределяет место и роль ОПК в системе права: правовые основы ОПК относятся к отрасли военного права. В силу научной амбициозности авторского коллектива данный элемент не мог быть обойден исследовательским вниманием. Впервые в правовой науке ОПК как государственное и социальное явление нашел свое место в качестве объекта фундаментального правового исследования. Подробно изучены понятие ОПК, его структура, виды и формы организаций ОПК, особенности управления такими организациями. Вместе с тем включение соответствующей главы в монографию можно рассматривать как начало комплексного, системного, теоретического и практического изучения этого неотъемлемого элемента государства, являющегося в силу его предназначения и сути одним из главных системных средств обеспечения устойчивости государства — его суверенитета и независимости. Требуется дальнейшего теоретического осмысления определение места правовых источников ОПК в отрасли военного права, его соотношение с другими элементами военной организации государства, исследование исходных начал и принципов правового регулирования ОПК для исключения, во-первых, неоправданного вмешательства государства в практическую сферу функционирования комплекса, что приведет к снижению эффективности его деятельности, во-вторых, недостаточности внимания со стороны государства к значимым потребностям и интересам комплекса, что не позволит ему в полной мере обеспечить решение задач, поставленных перед ним Военной доктриной Российской Федерации.

Научную ценность представляет исследование авторами рецензируемой монографии санкционных режимов, действующих в отношении российских организаций ОПК. Справедливо подчеркивается, что санкции США и Евросоюза «противоречат основополагающим принципам международного права» (т. II, с. 675). Тема санкций в том виде и формате, которые введены в отношении России, его физических и юридических лиц, нова для российской действительности. Как справедливо подчеркивает член-корр. РАН, проф. А.Н. Савенков, они «являются, по сути, законодательной экспансией

⁴ Чемезов С. Совсем жесткие санкции — это, по сути, война // РБК. 2021. 2 июня.

⁵ См. также: Кудашкин А.В. «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 4. С. 2—12.

⁶ Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 21; Кудашкин А.В. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 12. С. 86—91.

⁷ Утв. Президентом РФ № Пр-2976 от 25.12.2014 г. (см.: Росс. газ. 2014. 30 дек.).

и правовой интервенцией»⁸. Убежден, что впереди глобальные судебные иски со стороны России. Соответственно, правовая наука должна сыграть в защите интересов страны ключевую роль, опираясь на общепризнанные принципы и нормы международного права.

Серьезную научную ценность представляет исследование в монографии вопросов правового обеспечения военно-технического сотрудничества (т. II, с. 695–712)⁹. Следует отметить особую роль науки военного права для формирования правовой основы действующей системы российского экспорта в иностранные государства. В рамках фундаментальных исследований, проведенных с начала 2000-х годов по настоящее время¹⁰, сформирована современная система военно-технического сотрудничества, гибко отражающая сбалансированность интересов государства и организаций ОПК. Благодаря правовой науке удалось создать разумный баланс государственного контроля за столь чувствительной сферой, как экспорт продукции военного назначения и предоставление организациям ОПК свободы экономической деятельности, позволяющий уже долгие годы занимать России второе место на мировом рынке оружия. На примере военно-технического сотрудничества мы видим показательный случай, когда фундаментальная наука эффективно решает практически важные для государства задачи.

* * *

Подводя итог анализу фундаментальной исследовательской работы ведущих ученых в области военного права, оценивая монографию «Военное право», в целом можно сделать вывод, что коллективом авторов под руководством А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина проведено фундаментальное военно-теоретическое исследование, включающее все значимые для государства правовые вопросы обеспечения обороны страны и безопасности государства при функционировании военной организации Российского государства, что послужит

⁸ Савенков А.Н. Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 68.

⁹ Глава 22 § 2 (автор — В.В. Кудашкин).

¹⁰ См.: Чemezov С.В. Теория и методология стратегического менеджмента в области военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005; Кудашкин В.В. Правовое регулирование военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003; *Его же*. Государственное регулирование торговли продукцией военного назначения с иностранными государствами. СПб., 2003; *Его же*. Правовые основы военно-технического сотрудничества: в 3 т. М., 2018; *Его же*. Военно-техническое сотрудничество: правовые вопросы: учеб. для магистратуры. М., 2022.

мощным стимулом последующих правовых исследований в военной науке.

Вместе с тем необходимо отметить следующее. Впереди у нашей страны ответственные времена. Потребуется большая кропотливая работа по обеспечению суверенитета и безопасности государства. Немаловажная роль в этом направлении отводится военной науке и, конечно же, ее неотъемлемой правовой составляющей — военному праву. Совершенно очевидно, что качество науки, ее адекватность требованиям времени во многом зависят от соответствующего инфраструктурного обеспечения.

Сегодня мы видим, что во многом благодаря руководителю Института государства и права РАН А.Н. Савенкову созданы организационные предпосылки для выведения военного права на качественно новый уровень — при Академии военных наук создано Отделение военного права; в рамках Ассоциации юристов России функционирует Комиссия по военному праву и правовому обеспечению национальной безопасности.

Есть серьезный научный потенциал для формирования на базе Института государства и права РАН государственного научно-исследовательского центра по вопросам военного права, правовому обеспечению оборонно-промышленного комплекса и национальной безопасности. Институту по силам справиться с этой важной для государства задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). С. 460; т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). С. 675, 695–712; 2022. Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.
2. Кудашкин А.В. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 12. С. 86–91.
3. Кудашкин А.В. «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 4. С. 2–12.
4. Кудашкин В.В. Военно-техническое сотрудничество: правовые вопросы: учеб. для магистратуры. М., 2022.
5. Кудашкин В.В. Государственное регулирование торговли продукцией военного назначения с иностранными государствами. СПб., 2003.
6. Кудашкин В.В. Правовое регулирование военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

7. *Кудашкин В.В.* Правовые основы военно-технического сотрудничества: в 3 т. М., 2018.
8. *Поздняков Э.А.* Системный подход и международные отношения. М., 1976. С. 70.
9. *Савенков А.Н.* Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 68.
10. *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 21.
11. *Чемезов С.* Откуда пренебрежение к российскому? URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/15/06/2022/62a87e589a7947cbf332c253?from=newsfeed>
12. *Чемезов С.* Совсем жесткие санкции – это, по сути, война // РБК. 2021. 2 июня.
13. *Чемезов С.В.* Теория и методология стратегического менеджмента в области военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005.
3. *Kudashkin A.V.* “Structural skeleton” of the branch of Military Law (on the question of sub-branches of Military Law) // Law in the Armed Forces – Military legal review. 2021. No. 4. P. 2–12 (in Russ.).
4. *Kudashkin V.V.* Military-technical cooperation: legal issues: textbook for master’s degree. M., 2022 (in Russ.).
5. *Kudashkin V.V.* State regulation of trade in military products with foreign countries. SPb., 2003 (in Russ.).
6. *Kudashkin V.V.* Legal regulation of military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states: dis. ... Doctor of Law. M., 2003 (in Russ.).
7. *Kudashkin V.V.* Legal foundations of military-technical cooperation: in 3 vols. M., 2018 (in Russ.).
8. *Pozdnyakov E.A.* System approach and international relations. M., 1976. P. 70 (in Russ.).
9. *Savenkov A.N.* Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of RAS members / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2019. P. 68 (in Russ.).
10. *Savenkov A.N., Kudashkin A.V.* Military Law: problem statement and solutions // State and Law. 2021. No. 4. P. 21 (in Russ.).
11. *Chemezov S.* Why the disregard for Russian? URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/15/06/2022/62a87e589a7947cbf332c253?from=newsfeed> (in Russ.).
12. *Chemezov S.* Very tough sanctions are, in fact, war // RBC. 2021. June 2 (in Russ.).
13. *Chemezov S.V.* Theory and methodology of strategic management in the field of military-technical cooperation of Russia with foreign states: dis. ... Doctor of Economics. M., 2005 (in Russ.).

REFERENCES

1. Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. M., 2021. Vol. I: History and theory of Military Law (with a preface). P. 460; vol. II: The current state of Military Law (institutes of Military Law). P. 675, 695–712; 2022. Vol. III: The main problems and promising areas of military legal research (in Russ.).
2. *Kudashkin A.V.* The law of armed conflicts – the core of Military Law: problems and relevance of modern research // Law in the Armed Forces – Military legal review. 2021. No. 12. P. 86–91 (in Russ.).
11. *Chemezov S.* Why the disregard for Russian? URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/15/06/2022/62a87e589a7947cbf332c253?from=newsfeed> (in Russ.).
12. *Chemezov S.* Very tough sanctions are, in fact, war // RBC. 2021. June 2 (in Russ.).
13. *Chemezov S.V.* Theory and methodology of strategic management in the field of military-technical cooperation of Russia with foreign states: dis. ... Doctor of Economics. M., 2005 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧЕМЕЗОВ Сергей Викторович – доктор экономических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, генеральный директор Государственной корпорации «Ростех»; 119991 г. Москва, Гоголевский бульвар, д. 21

Authors’ information

ЧЕМЕЗОВ Sergey V. – Doctor of Economics, Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, General Director of the State Corporation “Rostec”; 21 Gogolevsky Boulevard, 119991 Moscow, Russia

**ВЫШЕЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ТРУД,
КОТОРЫМ ДОКАЗАНА «ПРАВОВАЯ ТЕОРЕМА ФЕРМА»¹**

**ВОЕННОЕ ПРАВО: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова,
А.В. Кудашкина. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022.**

© 2023 г. В. Н. Плигин

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: theory-of-law@igpran.ru

Поступила в редакцию 06.12.2022 г.

Аннотация. В трехтомной монографии «Военное право» представлено масштабное фундаментальное исследование военного права, его генезиса, теории, доказывающее его самостоятельность как отрасли системы права России, обосновано концептуальное и практическое понимание сущности современного военного права и его места в системе права. Исследованы группы военных правоотношений, составляющих основную предметную область военного права. Раскрыты основные проблемы и актуальные направления военно-правовых исследований.

Ключевые слова: военное право, система права, предмет военного права, метод военного права, принципы и функции военного права, социальная ценность военного права, военные науки, теория права, отраслеобразование, структура военного права.

Цитирование: Плигин В.Н. Вышел фундаментальный научный труд, которым доказана «правовая теорема Ферма»

Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина // Государство и право. 2023. № 3. С. 33–39.

DOI: 10.31857/S102694520024772-0

¹ Теорема Ферма, одна из самых популярных теорем математики, знаменита тем, что, несмотря на простоту формулирования ее условия (как говорят на «школьном» арифметическом уровне), на ее доказательство ушло более 350 лет. Она была сформулирована Пьером Ферма в 1637 г. и доказана в 1994 г. Эндрю Уайлсом с коллегами (доказательство опубликовано в 1995 г.).

A FUNDAMENTAL SCIENTIFIC WORK WAS PUBLISHED, WHICH PROVED FERMAT'S LEGAL THEOREM²

**MILITARY LAW: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov,
A.V. Kudashkin. Moscow: Center for legal communications, 2021–2022.**

© 2023 V. N. Pligin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: theory-of-law@igpran.ru

Received 06.12.2022

Abstract. The three-volume monograph “Military Law” presents a large-scale fundamental study of Military Law, its genesis, theory, proving its independence as a branch of the Russian legal system, substantiates the conceptual and practical understanding of the essence of modern Military Law and its place in the legal system. The groups of military legal relations that make up the main subject area of Military Law are studied. The main problems and current directions of military-legal research are revealed.

Key words: Military Law, system of law, subject of Military Law, method of Military Law, principles and functions of Military Law, social value of Military Law, military sciences, theory of law, branch education, structure of Military Law.

For citation: *Pligin, V.N. (2023). A fundamental scientific work was published, which proved Fermat's legal theorem*

Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 33–39.

С выходом в свет трехтомной монографии «Военное право»³, изданной под кураторством Института государства и права Российской академии наук, руководимого членом-корр. РАН А.Н. Савенковым, являющегося одним из ее авторов, стоит в очередной раз обратиться к проблемам современной системы права России, в том числе проблеме отраслеобразования, и места в системе права правоотношений, регулирующих вопросы военной деятельности государства.

Зарождение российского военного права имеет древнюю историю. Как справедливо отмечают А.Н. Савенков и А.В. Кудашкин, военное право возникает тогда, когда государство ставит цель

сохранить свой суверенитет и определяет задачи по вооруженной защите своего Отечества или, наоборот, направляет свои усилия на захват других территорий; в государстве объективно и неизбежно начинается военная деятельность (возникают отношения по созданию вооруженных сил, воинских формирований, их комплектованию, обучению, обеспечению и т.д.); появляются ритуалы, традиции, законы и обычаи войны, военное законодательство. Степень развитости этих отношений зависит от конкретно-исторических условий и целей государства⁴.

Истоки российского военного права уходят в глубину веков и связаны с подписанием Русско-византийских договоров в 907 и 911 гг., которые были заключены после успешного похода киевского князя Олега и его дружины на Византийскую империю. В *т. I* рецензируемой монографии исследован генезис российского военного права. В целом заслуживает внимания предложенная авторами на основе проведенного историко-правового исследования периодизация его формирования,

² Fermat's theorem, one of the most popular theorems of mathematics, is famous for the fact that, despite the simplicity of formulating its conditions (as they say at the “school” arithmetic level), it took more than 350 years to prove it. It was formulated by Pierre Fermat in 1637 and proved in 1994. Andrew Wiles with colleagues (proof published in 1995).

³ Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). — 560 с.; т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). — 888 с.; 2022. Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. — 712 с.

⁴ См.: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 10.

обусловленная становлением российской государственности: 1) допетровский (X в. — 1700 г.); 2) петровский (1700—1725 гг.); 3) послепетровский (1725—1812 гг.); 4) дооктябрьский (1812—1917 гг.); 5) советский (1917—1991 гг.); 6) постсоветский (1992 г. — по настоящее время).

Исследование проблем системы права — одно из ключевых в теории права. Отметим, что, несмотря на значительное количество защищенных докторских и кандидатских диссертаций⁵, системных фундаментальных исследований, касающихся разработки теории военного права, в том числе проблем идентификации предмета отрасли военного права, до выхода монографии не проводилось.

Общеизвестно, что дискуссии о системе права, в том числе ее структуре, признаках отраслеобразования, велись в рамках первой (1938—1940 гг.) и второй (1955—1958 гг.) научных дискуссий о системе права⁶, в том числе военного права⁷, в ходе которых ученые пришли к пониманию, что предмет и метод правового регулирования есть основные отраслеобразующие признаки отрасли права, являющейся составной частью системы. Начало формирования теории военного права связано с именем проф. В.М. Чхиквадзе⁸, который прошел путь от преподавателя (поступил в 1938 г.) до начальника (1948—1953 гг.) Военно-юридической академии; с 1964 по 1973 г. возглавлял Институт государства и права Академии наук СССР⁹. В дискуссии также приняли активное участие такие видные ученые, как С.Н. Братусь, В.Н. Кудрявцев, И.Ф. Побежилов, М.С. Строгович, С.С. Студеникин и др.

Тема до сих пор не исчерпана, сегодня уже говорят о третьей и даже четвертой дискуссии. Одной из значимых работ по проблемам системы права является коллективная монография «Система права: история, современность, перспективы» под

редакцией проф. Т.Н. Радько¹⁰, в которой изложены методические подходы к отраслеобразованию, которыми авторский коллектив воспользовался при проведении исследования.

В юридической научной литературе справедливо отмечается, что в последние десятилетия правовая наука чрезмерно увлеклась структурированием системы права, генерированием подчас в угоду субъективным интересам отдельных лиц новых отраслей права. Не будем приводить примеры, они общеизвестны. Но это не имеет никакого отношения к военному праву, поскольку речь не идет о каком-то искусственном надуманном процессе формулирования новой отрасли права. Проведенный в рецензируемой работе историко-правовой, системный и структурно-функциональный анализ показал, что такая «забычивость» правовой науки связана с политическими процессами, происходившими в советском обществе в 1950—1960-е годы, начавшийся объективный процесс оформления самостоятельной отрасли военного права был искусственно прерван.

Заметим, что результаты военно-правовых исследований недостаточно доступны для широкой научной общественности, что отчасти объясняется, с одной стороны, определенной закрытостью тематики, с другой — спецификой исследуемого отраслевого предмета, которая представляет интерес не для всех и не для каждого. Однако это никоим образом не сказывается на значимости сферы военных правоотношений, поскольку именно в ней аккумулированы вопросы защиты нашего Отечества и военной безопасности государства, тем самым сохранения суверенитета Российской Федерации и ее роли на международной арене. Не последнее слово сыграли также и закрытость диссертационных советов по данной проблематике. Но авторы монографии убедительно доказали возможность легитимного изложения исследуемого материала, избегая установленных запретов.

Основными отраслеобразующими признаками, которыми являются предмет и метод правового регулирования, в рецензируемой работе уделено достаточно внимания. **Том II**, собственно, посвящен исследованию огромного пласта военных правоотношений, составляющих основной предмет военного права.

Общепризнанно, что отрасли права отличаются друг от друга прежде всего предметом регулирования, т.е. определенным видом общественных отношений, на которые направлено воздействие норм данной отрасли права. Поколениями ученых — военных юристов доказано, что общим

⁵ См.: *Корякин В.М.* Военное право: антология диссертаций: в 2 т. М., 2011.

⁶ См.: Система права: история, современность, перспективы / под ред. Т.Н. Радько. М., 2020. С. 25—65.

⁷ См.: Первая научная конференция Военно-юридической академии Красной Армии. 9—11 мая 1940 г. // Труды Военно-юридической академии Красной Армии / отв. ред. С.А. Голунский. М., 1940. Вып. 1; Материалы сессии Совета Военно-юридической академии, посвященной теоретическим вопросам советского военного законодательства, 14—15 апреля 1954 г. / отв. ред. А.И. Лепешкин. М., 1954; Труды Военно-юридической академии. М., 1956. Т. 23.

⁸ См.: *Чхиквадзе В.М.* Некоторые вопросы советского военного права. 1947. № 8. С. 25—35; *Его же.* К вопросу о предмете советского военно-уголовного права // Сов. государство и право. 1940. № 12. С. 49.

⁹ См.: *Савенков А.Н.* Служение науке (К 110-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В.М. Чхиквадзе) // Государство и право. 2022. № 9. С. 9—21.

¹⁰ См.: Система права: история, современность, перспективы / под ред. Т.Н. Радько.

предметом военного права являются общественные отношения, складывающиеся в области военной деятельности государства. Однако военная деятельность государства весьма обширна и многогранна. Современный концептуальный подход к формулированию предмета военного права представлен в статье А. Н. Савенкова и А. В. Кудашкина «Военное право: постановка проблемы и пути решения»¹¹, который в последующем был творчески развит и изложен в монографии. В результате было сформулировано современное понимание основной предметной области отношений, регулируемых военным правом. Нормы военного права *устанавливают* понятие войны (вооруженного конфликта), правовые основы отношения государства к войне (вооруженному конфликту) и направления политики в целях обеспечения его военной безопасности; *регулируют* порядок поддержания мобилизационной готовности вооруженных сил, других государственных военных организаций, органов и воинских формирований, экономики и граждан к отражению нападения, правила ведения вооруженной борьбы и достижения победы в войне (вооруженных конфликтах); *закрепляют* правовое положение (статус) и ответственность участников военной деятельности, правомерность применения ими вооружений и иных средств для достижения целей войны, а также отношение к военнопленным (иным участникам боевых действий) и гражданскому населению на занимаемых или оккупированных территориях как в период боевых действий, так и после их завершения.

Убедительно авторами доказано и наличие специфического метода правового регулирования отношений, связанных с военной деятельностью в государстве, под которыми понимается совокупность правовых приемов и средств воздействия на отношения, сопровождающие военную деятельность государства, имеющие *преимущественно* императивный характер, направленные на достижение целей и поставленных задач *в условиях боевого воздействия* на противника (вооруженных конфликтов, ведения боевых действий), *в том числе допускающие возможность правомерного лишения жизни, здоровья личного состава противника (комбатантов) и иных последствий (причинение ущерба инфраструктуре противника)*, а также регулирование иных военных отношений по подготовке к вооруженной борьбе (боевому или военному противодействию). При этом подчеркнуто, что диспозитивность (и дискреционность в принятии решения) имеет место быть как в условиях ведения боевых действий, так и в сопутствующих отношениях¹²

(например, по заключению контракта о прохождении военной службы). В рецензируемой работе отмечено, что на первое место поставлен военный (боевой) аспект, который определяет специфику регулируемых отношений, в том числе он фактически легитимизирует *возможность причинения противнику «неприемлемого ущерба»*.

Социальное назначение также является одним из критериев идентификации отрасли права. Этому вопросу посвящена глава «Социальная ценность военного права» (т. I), в которой раскрыты связь военного права, военной политики и правосознания, описаны основные характеристики эффективности военного права и, что особенно актуально, показано человеческое измерение военного права.

Заслуживает внимания с учетом исключительной актуальности в современных условиях подход к структурированию системы военного права, ядром которого, по мнению авторов монографии, является право вооруженных конфликтов. Справедливости ради заметим, что вопросы соотношения национального права вооруженных конфликтов и международного гуманитарного права, конечно же, требуют дальнейшего исследования.

Отметим логичность построения структуры рецензируемой работы, которая начинается с истории, продолжается теорией, далее — исследование основных групп военных отношений и в завершение — основные проблемы и направления дальнейших перспективных исследований. Особо хочется указать — в монографии детально изучены зарубежные источники и исследован опыт правового регулирования военной деятельности основных стран НАТО (США, Великобритании, Франции и Германии) и стратегического союзника — Китая. Этим вопросам посвящена отдельная глава каждого тома, исходя из поставленных перед авторским коллективом задач, что наряду с актуальностью свидетельствует о нетривиальности авторского замысла и подхода к раскрытию темы.

Хотелось бы также отметить новаторский подход Института государства и права РАН под руководством члена-корр. РАН А. Н. Савенкова в вопросе поиска и организации современных актуальных направлений теоретико-правовых исследований, в том числе правовой проблематики военной деятельности государства. И на закономерный тезис (постановочный вопрос), прозвучавший в статье А. Н. Савенкова и А. В. Кудашкина¹³ и во Введе-

в ядро предмета военного права (право вооруженных конфликтов), а являются производными (зависимыми) от него или сопутствующими ему (см. подр.: Кудашкин А. В. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 12. С. 86–91).

¹³ См.: Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Указ. соч. С. 30.

¹¹ Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Указ. соч. С. 7–34.

¹² Термин «сопутствующие» или «окружающие» отношения в данном случае используется в том смысле, что они не входят

нии к т. III монографии (с. 13), о необходимости централизации таких правовых исследований и управления ими, полагаю, что такая работа по плечу Институту государства и права РАН, в котором создан и успешно действует междисциплинарный Центр правовых исследований в области обороны и оборонно-промышленного комплекса. Более того, уверен, что в современных условиях развитие данного направления правовых исследований в рамках междисциплинарного Центра, деятельность которого носит надведомственный и межведомственный характер, уже является визитной карточкой Института. С учетом уникальности Института государства и права РАН, научная деятельность которого признана на международном уровне, представляется вполне уместным поставить вопрос о присвоении в соответствии с Указом Президента РФ от 12 августа 2022 г. № 546 «О государственных научных центрах Российской Федерации» Институту статуса государственного научного центра Российской Федерации.

Отдельной похвалы заслуживает проф. А.В. Кудашкин, автор идеи монографии и руководитель авторского коллектива, который проявил незаурядные организаторские качества при подготовке коллективного труда, работа над которым шла почти три года, а его авторами стали 39 ведущих ученых — специалистов в области военного права. Он внес значительный личный научный глубоко теоретический вклад, будучи одним из основных авторов монографии, в том числе ее теоретической части, что, несомненно, позволило достичь поставленных перед авторским коллективом целей. Именно проф. А.В. Кудашкину принадлежит приоритет процесса разгадки «правовой теоремы Ферма», над которой «бились» многие десятилетия ученые — специалисты в области военного права, суть которой в том, что, несмотря вроде бы на очевидность понимания военного права в качестве самостоятельной отрасли права, убедительных теоретических доказательств этому долгое время представлено не было. Начало доказательства было положено А.В. Кудашкиным при защите в 2003 г. докторской диссертации по проблемам правового регулирования военной службы в Российской Федерации, в которой в одном из положений, вынесенных на защиту, был сделан вывод о том, что суть военной организации государства и военной службы в решении задач в области обороны и военной безопасности военными методами и средствами вооруженной борьбы¹⁴.

¹⁴ См.: Кудашкин А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. СПб., 2003. С. 99–103.

Последовательно занимаясь на протяжении почти 20 лет исследованиями в этой области¹⁵, проф. А.В. Кудашкин пришел к выводу, что доказательства самостоятельности отрасли военного права необходимо искать в теоретической разработке специфического «военного (или боевого) аспекта» отрасли российского военного права, который определяет особенность (тем самым и особенность) предмета и специфику метода правового регулирования. Проведенное исследование позволило ему обосновать структуру отрасли военного права, ядром которой является право вооруженных конфликтов¹⁶.

До этого таких выводов не было, именно это позволило А.Н. Савенкову и А.В. Кудашкину окончательно сформулировать концептуальные характеристики военного права и доказать современные подходы к идентификации военного права в качестве самостоятельной отрасли права¹⁷, что, безусловно, способствовало успеху проведенного под их руководством фундаментального теоретико-правового исследования.

Теоретическая значимость рецензируемой работы заключается в исследовании современной системы права России и места в ней военного права; на основе системного анализа показано решение крупной научной правовой проблемы, связанной с обоснованием самостоятельности отрасли военного права в системе права, в том числе наличие специфического предмета и метода правового регулирования, принципов, функций и иных отраслеобразующих признаков, обусловленных военной деятельностью, в том числе ведением боевых действий.

¹⁵ См., напр.: Кудашкин А.В. Проблемы правового положения военной организации государства // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. Сер. «Право в Вооруженных Силах — консультант». М., 2007. Вып. 73. С. 125–129; Кудашкин А.В., Серегин Н.С. Материалы научно-практической конференции, проведенной 21 апреля 2004 г. в Военном университете, на тему «Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации» // Государство и право. 2005. № 1. С. 109–121; Кудашкин А.В., Кроткова Н.В. Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации (Материалы научно-практической конференции) // Право и государство: теория и практика. 2004. № 1. С. 132–142.

¹⁶ См.: Кудашкин А.В. «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 4. С. 2–12; Его же. Право вооруженных конфликтов: есть ли проблема в терминологии и содержании понятия? // Там же. 2022. № 3. С. 2–15; Его же. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований. С. 86–91.

¹⁷ См.: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С. 7–34.

Практическая значимость монографии заключается в создании теоретической основы для формирования правового регулирования в сфере военной деятельности государства, учитывающего специфику вооруженного конфликта, а также возможности подготовки на основе изданной книги учебных программ в целях обучения военно-правовым основам в средних (суворовские, нахимовские и кадетские средние учебные заведения, средние военно-специальные учреждения и др.) и в высших учебных заведениях — как военных, включая Военную академию Генерального штаба ВС России, так и гражданских (по программе подготовки офицеров запаса).

* * *

Монография «Военное право» — фундаментальный военно-теоретический труд, посвященный вопросам правового обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также строительства Вооруженных Сил РФ и других войск. Кроме этого она посвящена исследованию системы права как наиболее значимой проблемы теории права, а также теоретико-правовому обоснованию самостоятельности отрасли военного права в системе российского права, что, безусловно, является неопенимым вкладом в развитие правовой и военной науки.

Как финальный вывод — дискуссию о самостоятельности отрасли военного права в системе права России можно завершить. Результаты исследования, содержащиеся в монографии, подготовленной в рамках перспективных научных исследований Института государства и права РАН, это убедительно доказали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. Т. I: История и теория военного права (с предисловием); т. II: Современное состояние военного права (институты военного права); 2022. Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.
2. *Корякин В.М.* Военное право: антология диссертаций: в 2 т. М., 2011.
3. *Кудашкин А.В.* Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. СПб., 2003. С. 99–103.
4. *Кудашкин А.В.* Право вооруженных конфликтов: есть ли проблема в терминологии и содержании понятия? // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2022. № 3. С. 2–15.
5. *Кудашкин А.В.* Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 12. С. 86–91.
6. *Кудашкин А.В.* Проблемы правового положения военной организации государства // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. Сер. «Право в Вооруженных Силах — консультант». М., 2007. Вып. 73. С. 125–129.
7. *Кудашкин А.В.* «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 4. С. 2–12.
8. *Кудашкин А.В., Кроткова Н.В.* Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации (Материалы научно-практической конференции) // Право и государство: теория и практика. 2004. № 1. С. 132–142.
9. *Кудашкин А.В., Серегин Н.С.* Материалы научно-практической конференции, проведенной 21 апреля 2004 г. в Военном университете, на тему «Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации» // Государство и право. 2005. № 1. С. 109–121.
10. Материалы сессии Совета Военно-юридической академии, посвященной теоретическим вопросам советского военного законодательства, 14–15 апреля 1954 г. / отв. ред. А.И. Лепешкин. М., 1954.
11. Первая научная конференция Военно-юридической академии Красной Армии. 9–11 мая 1940 г. // Труды Военно-юридической академии Красной Армии / отв. ред. С.А. Голунский. М., 1940. Вып. 1.
12. *Савенков А.Н.* Служение науке (К 110-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В.М. Чхиквадзе) // Государство и право. 2022. № 9. С. 9–21.
13. *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–34.
14. Система права: история, современность, перспективы / под ред. Т.Н. Радько. М., 2020. С. 25–65.
15. Труды Военно-юридической академии. М., 1956. Т. 23.
16. *Чхиквадзе В.М.* К вопросу о предмете советского военно-уголовного права // Сов. государство и право. 1940. № 12. С. 49.
17. *Чхиквадзе В.М.* Некоторые вопросы советского военного права. 1947. № 8. С. 25–35.

REFERENCES

1. Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. M., 2021. Vol. I: History and theory of Military Law (with a preface); vol. II: The current state of Military Law (institutes of Military Law); 2022. Vol. III: The main problems and promising areas of military legal research (in Russ.).
2. *Koryakin V.M.* Military Law: anthology of dissertations: in 2 vols. M., 2011 (in Russ.).
3. *Kudashkin A.V.* Military service in the Russian Federation: theory and practice of legal regulation. SPb., 2003. P. 99–103 (in Russ.).
4. *Kudashkin A.V.* The law of armed conflicts: is there a problem in the terminology and content of the concept? // Law

- in the Armed Forces – Military legal review. 2022. No. 3. P. 2–15 (in Russ.).
5. *Kudashkin A.V.* The law of armed conflicts – the core of Military Law: problems and relevance of modern research // Law in the Armed Forces – Military legal review. 2021. No. 12. P. 86–91 (in Russ.).
6. *Kudashkin A.V.* Problems of the legal status of the military organization of the state // Russian Military Law Collection No. 9: Military Law in the XXI century. Ser. “Law in the Armed Forces – consultant”. M., 2007. Issue 73. P. 125–129 (in Russ.).
7. *Kudashkin A.V.* “Structural skeleton” of the branch of Military Law (on the question of sub-branches of Military Law) // Law in the Armed Forces – Military legal review. 2021. No. 4. P. 2–12 (in Russ.).
8. *Kudashkin A.V., Krotkova N.V.* The current state of Military Law and its impact on the national security of the Russian Federation (Materials of the scientific and practical conference) // Law and the State: theory and practice. 2004. No. 1. P. 132–142 (in Russ.).
9. *Kudashkin A.V., Seregin N.S.* Materials of the Scientific and Practical Conference held on April 21, 2004 at the Military University on the topic “The current state of Military Law and its impact on the national security of the Russian Federation” // State and Law. 2005. No. 1. P. 109–121 (in Russ.).
10. Materials of the session of the Council of the Military Law Academy devoted to theoretical issues of Soviet military legislation, April 14–15, 1954 / res. ed. A.I. Lepeshkin. M., 1954 (in Russ.).
11. The first scientific conference of the Military Law Academy of the Red Army. May 9–11, 1940 // Proceedings of the Military Law Academy of the Red Army / res. ed. S.A. Golunsky. M., 1940. Issue 1 (in Russ.).
12. *Savenkov A.N.* Service to science (To the 110th anniversary of the birth of corresponding member of the USSR Academy of Sciences V.M. Chkhikvadze) // State and Law. 2022. No. 9. P. 9–21 (in Russ.).
13. *Savenkov A.N., Kudashkin A.V.* Military Law: problem statement and solutions // State and Law. 2021. No. 4. P. 7–34 (in Russ.).
14. The system of law: history, modernity, prospects / ed. by T.N. Radko. M., 2020. P. 25–65 (in Russ.).
15. Proceedings of the Military Law Academy. M., 1956. Vol. 23 (in Russ.).
16. *Chkhikvadze V.M.* On the subject of the Soviet Military-Criminal Law // Soviet State and Law. 1940. No. 12. P. 49 (in Russ.).
17. *Chkhikvadze V.M.* Some issues of Soviet Military Law. 1947. No. 8. P. 25–35 (in Russ.).

Сведения об авторе

ПЛИГИН Владимир Николаевич — доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

PLIGIN Vladimir N. — Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ЗАВЕРШАЮЩИЙ УРОВЕНЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ТЕОРИИ И СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

© 2023 г. К. В. Агамиров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: agamirow@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.05.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию причинно-следственных связей правового поведения как важного направления теории и социологии права и финального уровня осуществления юридического прогнозирования. Фундамент права составляет статичный законодательный массив, и для того, чтобы нормативные предписания пришли в движение, необходим эффективный правореализационный механизм. Правовое поведение составляет ядро правореализации и воплощается в правовых поступках индивидов, обуславливая циркуляцию социального механизма действия права. В работе проводится дифференциация понятий правового поведения и правовой деятельности, отражающая позитивный и негативный характеры правовой активности. Прогнозирование правового поведения оказывает прямое воздействие на профилактические мероприятия по стабилизации и развитию позитивных факторов правомерных действий и предельной блокировке негативных детерминант отклоняющихся поступков на всех стадиях правореализационного механизма.

Ключевые слова: правовая система, законодательство, уровни осуществления юридического прогнозирования, правовое поведение, правовая деятельность, причинно-следственные связи правового поведения, правореализация, правоприменение, общественные отношения, универсальность права.

Цитирование: Агамиров К. В. Прогнозирование правового поведения как завершающий уровень осуществления юридического прогнозирования и практическая функция теории и социологии права // Государство и право. 2023. № 3. С. 40–53.

DOI: 10.31857/S102694520024817-9

FORECASTING LEGAL BEHAVIOR AS A FINAL LEVEL OF IMPLEMENTATION OF LEGAL FORECASTING AND PRACTICAL FUNCTION OF THE THEORY AND SOCIOLOGY OF LAW

© 2023 K. V. Agamirov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: agamirow@yandex.ru

Received 06.05.2022

Abstract. The article is devoted to the study of causal relations of legal behavior as an important area of theory and Sociology of Law and the final level of implementation of legal forecasting. The foundation of law is a static legislative array, and in order for regulatory regulations to come into motion, an effective right-wing mechanism is needed. Legal conduct forms the core of legal implementation and is embodied in the legal actions of individuals, causing the circulation of the social mechanism of the law. In the work, the concepts of legal conduct and legal activity are differentiated, reflecting the positive and negative characteristics of legal

activity. Predicting legal behaviour has a direct impact on preventive measures to stabilize and develop positive factors of legitimate actions and to limit the blocking of negative determinants of deviating actions at all stages of the legal implementation mechanism.

Key words: the legal system, the legislation, levels of implementation of legal forecasting, legal behavior, legal activity, relationships of cause and effect of legal behavior, legal realization, law enforcement, public relations, universality of law.

For citation: Agamirov, K.V. (2023). Forecasting legal behavior as a final level of implementation of legal forecasting and practical function of the theory and Sociology of Law // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 3, pp. 40–53.

Понятие и уровни осуществления юридического прогнозирования

Юридическое прогнозирование является такой разновидностью научного исследования, которая детерминирует трансформацию правовой догматики в правовую аналитику – изучение вариативных правовых явлений и процессов в их разнородности с целью эффективного влияния правовой регламентации на социальные связи.

Оно призвано осуществлять правовую корректировку общественных отношений для конечного перевода абстрактных построений в утилитарную плоскость. Обозначая направления и будущность правовых явлений и процессов, в итоге эксперт-прогнозист или группа специалистов определяют совокупность мероприятий и средств по их реализации для достижения правовыми явлениями и процессами такого эволюционирования, которое создает условия для поступательного развития государства, общества и личности.

Юридическое прогнозирование основывается на мониторинге, раскрывающем динамику и в наибольшей степени вероятные возможности модернизации правовой системы под воздействием противоречивого сочетания социальных нужд. Их исследование предполагает наличие целеуказателей совершенствования национальной правовой системы с ведущим критерием в виде ценностных ориентиров, составляющих фундамент Конституции РФ, в предельно содержательной форме воплощенных в ст. 2, определившей высшей ценностью человека, его права и свободы.

Следует не только согласиться с мнением о том, что в объект правового мониторинга нужно включать наличные законодательные предписания и практику его правоприменения¹, но и дополнить необходимостью исследования в качестве такого объекта других составляющих социальной

и правовой систем, а также важностью закрепления порядка организации и проведения правового мониторинга в федеральном законе.

Таким образом, назначение юридического прогнозирования заключается как в оценке позитивных и неблагоприятных результатов принятия нормативного установления и диагностике рекомендуемого законодательного решения на предмет целостности правового регулирования для воспрепятствования пробелам в законодательстве², так и в постоянном поиске всех потенциальных редакций модификации законодательства, вариантов должного функционирования юридических лиц, надлежащего осуществления правообразования, правотворчества, законотворчества, процессов правоприменения и правореализации в части обнаружения закономерностей правового (правомерного и отклоняющегося) поведения³.

Отсюда вытекает *определение юридического прогнозирования* как теоретической и практической

² См.: Агамиров К. В. Вынужденные отклонения и прогнозистические пробелы как категории юридической науки // *Государство и право*. 2019. № 1. С. 18–26; Власенко Н. А., Рафалюк Е. Е. Концепция проекта закона о нормативных правовых актах и совершенствование законотворческого процесса // *Научные концепции развития российского законодательства* / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. 7-е изд., доп. и перераб. М., 2015. С. 81.

³ Вокруг категорий «правовое поведение» и «юридически значимое поведение» идет дискуссия между А. В. Малько (сторонник первой) и В. М. Барановым (см.: Малько А. В., Кротова Н. В., Стромов В. Ю. и др. Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив (Обзор материалов Всероссийской научной конференции журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь» и научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования») // *Государство и право*. 2020. № 8. С. 115–126. DOI: 10.31857/S102694520011033-7; Малько А. В., Трофимов В. В., Затонский В. А. Правовая жизнь как симбиоз позитивных и негативных реалий... и почему она все-таки правовая? (теория и методология проблемы) // *Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив* / под ред. А. В. Малько, В. В. Трофимова. Тамбов, 2021. С. 16; Баранов В. М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника. М., 2022. С. 7). Представляется более уместным «правовое поведение» как давно устоявшаяся в юридической науке категория, априори включающая в себя юридическую значимость.

¹ См.: Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. М., 2012. С. 15, 16; Батюк В. И., Галузо В. Н. Допустим ли мониторинг по отношению к законодательству и правоприменению в Российской Федерации? // *Право и государство: теория и практика*. 2014. № 3. С. 146–152.

деятельности по разработке интегральной концепции материализации содержащихся в правовой системе ресурсов совершенствования Конституции РФ в контексте ее аксиологической основы и последовательному исследованию будущих правовых явлений и процессов на уровнях осуществления: а) стратегических направлений законодательства и в целом правовой системы; б) норм, институтов, подотраслей, отраслей; в) деятельности юридических лиц; г) процессов правообразования, правотворчества, законотворчества, правоприменения; д) правореализации в части установления причинно-следственных связей правового поведения.

Вот почему в объект юридического прогнозирования включается как нормативное содержание правовой системы, так и ее правореализационная компонента, состоящая в переводе правовых предписаний в правомерное или отклоняющееся поведение. Это ориентирует на перспективное исследование правовых явлений и процессов в комплексной взаимозависимости нормативной регламентации и правового поведения, что сочетается с процессом непрерывного роста роли детерминанты человеческого бытия на всех участках социальной практики.

Правовой закон как метафизическое условие правомерного поведения

В категориальный аппарат правовой науки прочно вошли такие взаимосвязанные научные понятия, как «правовая жизнь», «чувство права», «сила права», обретающие на современном этапе общественного развития особое значение.

Эпохальная проблема нейтрализации волнений в социуме нуждается в подготовке, принятии и реализации базовых законодательных актов, содержащих гарантии функционирования рыночного хозяйства в цивилизованном русле, осуществления заявленных социальных проектов, личной безопасности индивида, прав частной собственности граждан и юридических лиц.

В.С. Нерсисянц определил потенциал приближения к правовому государству как продвижение через социализм к цивилизму⁴. Он различает смысл последнего в виде идеи, диалектически блокирующей дефекты капитализма и социализма и способной обозначиться в качестве национальной доктрины Российской Федерации⁵. Ученый опирается на основанную им либертарно-юридическую теорию права и государства, суть которой

заключается в определении права как формального равенства, служащего всеобщей и равной мерой свободы и справедливости в социальном обустройстве граждан⁶.

По утверждению В.С. Нерсисянца, философия права в любом измерении есть философское постижение, объяснение и утверждение права, а также философское изобличение, критика и опровержение произвола (антиправа) в его любых теоретических и практических конструкциях (в виде антиправовых законов, антиправовых отношений, антиправовой власти и проч.)⁷.

Разграничивая право и закон, ученый выставляет утилитарное условие симметрии позитивного законодательства и права, и эталоном такой согласованности обязан стать правовой закон. Он включает при этом в предмет философии права наряду с прочими правовыми явлениями также и государство в качестве правового феномена официально установленной формы выявления, выражения и воздействия универсального и единого правового начала в виде принципа формального равенства⁸.

В соответствии с этим принципом неправовая природа законодательства и неправомерное поведение как ее результат генерируются антиправовым характером государства, ибо оно в полном объеме и беспрекословно отвечает за нормативные предписания, противоречащие стандартам либертарно-юридической концепции права.

Отдавая должное теоретико-познавательной направленности и духовно-гуманистическому потенциалу либертарно-юридического типа правопонимания, его заряженности на осуществление принципов равенства индивидов, верховенства права и ответственности публичной власти перед гражданским обществом, рассматривая данную концепцию как модель прогностического исследования стратегии российского законодательства и правовой системы в целом, необходимо определиться с проблемой ее реализации на современном этапе общественного развития в условиях, как образно характеризует ученый, перехода «неофеодальной» страны к «цивилитарной».

Здесь не обойтись без темы долгосрочного прогнозирования и планирования законодательной деятельности в русле трансформации скороспелого законотворчества в нормативную упорядоченность, несущую жизнеутверждающий заряд цивилитарности в первостепенных для личности сферах

⁴ См.: Нерсисянц В.С. Наш путь к праву — от социализма к цивилизму. М., 1992. С. 295–319.

⁵ См.: Нерсисянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2000. С. 59.

⁶ См.: Нерсисянц В.С. Философия права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 3.

⁷ См.: там же. С. 4, 5.

⁸ См.: там же. С. 4.

правового регулирования⁹: бесполезно пытаться претворить в жизнь ту или иную специфическую цель права как такового без установления ориентиров человеческого поведения и стереотипов его неодобрения¹⁰.

Позитивное право в законодательном оформлении станет выражением справедливости, минимизирует социальную дифференциацию на основе отстаиваемого либертарной теорией права формального равенства и, таким образом, явится важным условием правомерного поведения личности, но только со временем. В нынешний период данная цель представляется метафизической. Практическая действительность и познавательная деятельность вызывают к жизни использование предложенной автором данной статьи методологии *универсальности права*¹¹.

Универсальность права как теоретическая предпосылка прогнозирования правового поведения

Универсальность права как средство преобразования в совокупное тождество возможности и необходимости в конкретный промежуток времени фиксирует согласованность позитивизма с иными типами правопонимания и сглаживает расхождения субъектов права, с одной стороны, по сформулированному В.С. Нерсисянцем принципу формального равенства, трансформирующего неопределенные фактические разнородности в формально-определенные неодинаковые права равнозначных индивидов, и, с другой — по предложенному нами принципу *фактического равнодействия*, переводящего свободу в качестве потенции и реальности в виде правопорядка в область практической рациональности.

Таким образом, универсальность права выходит на *практический цивилизм*, интегрирующий классический позитивизм и прочие типы правопонимания, в том числе либертарно-юридическую метафизику, и снимает противоречия между законодательными предписаниями и социальными требованиями,

принуждением со стороны публичной власти и неограниченной свободой личности¹².

Среди разновекторных понятий свободы выделим *фактическую свободу* — гарантированную достижимость целей правомерного поведения на базе нормативных предписаний в определенных обстоятельствах социального онтогенеза. Практический цивилизм овеществляет фактическую свободу, модифицирует ее в безоценочную субстанцию и транслирует принцип формального равенства в принцип фактического равнодействия, переключающий свободу из теоретического ресурса в утилитарную целесообразность.

Существенным волевым началом практического цивилизма является *взаимное самоограничение публичной власти и граждан*, зиждимое на формировании правовой среды, способствующей органичному совмещению фактической свободы и требований для ее воплощения через генерацию такой социальной конструкции, которая позволяет объединить цели сильного и справедливого государства с насущными интересами сложившегося и законопослушного человека.

Законодательный массив — платформа права, ее статичная составляющая, и для полноценной активации содержащихся в нем нормативных предписаний требуется высокоэффективная правореализация, через которую правовые установления материализуются в легитимном поведении субъектов. Научно состоятельная селекция правовых регуляторов как исходных оснований поведения человека и придание им юридически состоятельной формы отводят правовой регламентации значимую роль в программном, регулирующем, контрольном и корректирующем влиянии на социальные связи¹³ и в то же время вычленяют ее информационное, ориентационное и направляющее воздействие на чувства и поведение индивидов¹⁴.

Государство как правящий субъект обладает верховной властью на конструирование законов, и методы реализации данного монопольного права определяют функционирование институтов гражданского общества. Принятием нормативных предписаний публичная власть обозначает себя детерминантом взаимосвязи желаемого и надлежащего, ибо от нее зависит выбор из всех проектов нормативных правовых актов в наибольшей

⁹ См.: Агамиров К.В. Государство и личность: взаимодействие и взаимная ответственность в прогностическо-регулятивном восприятии // Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении: сб. материалов двенадцатых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М., 2018. С. 97.

¹⁰ См.: Hart H.L.A. The concept of law / with a postscript ed. by P.A. Bulloch and J. Raz. 2nd ed. Oxford, 1994. IX. P. 248, 249.

¹¹ См.: Агамиров К.В. Универсальное право: от цивилизма — к фактическому цивилизму, от формального равенства — к фактическому равнодействию // Юридический мир. 2021. № 7. С. 15–20.

¹² См.: Агамиров К.В. Онтологические, гносеологические и аксиологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма // Журнал рос. права. 2021. Т. 25. № 8. С. 20–35.

¹³ См.: Правовые модели и реальность / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М., 2016. С. 4.

¹⁴ См.: Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 105.

степени пригодных (как она считает) для урегулирования посредством права тех или иных общественных отношений.

Право в силлогизме своей универсальности является предчувствием справедливости и направлено на форсирование стены отчуждения гражданского общества от публичной власти, преследующей подчас цель обосновать их фактическое неравенство ссылкой на природу как первопричину такого диспаритета¹⁵; оно (право) индоктринирует социальную ответственность — органическое сочетание социальной (в том числе политической и экономической) предприимчивости и общественного долга¹⁶. Корреляция права и закона, подчеркивает В.М. Сырых, состоит в определении стандартов объективного (фактического) права, обеспечивающих вычленение критериев дифференциации законодательного требования в качестве произвольно учрежденного акта и правового (а именно справедливого. — *Авт.*) закона¹⁷.

Управомочивающие диспозиции фиксируют варианты возможного поведения субъекта права и подлежат исполнению по его воле; обязывающие императивы влекут за собой их факультативное исполнение. Обе разновидности представляют собой активную форму правомерного поведения. К его пассивной форме относятся воздержание от осуществления своих прав и добровольное следование запрещающим требованиям.

Государственные структуры и олицетворяющие их чиновники должны быть мобилизованы, в свою очередь, на претворение в жизнь прав граждан, реализацию последними вмененных в обязанность предписаний и соблюдение запрещающих норм, отход от которых влечет за собой включение механизма государственного принуждения.

В Российской Федерации, обращают внимание А.Н. Савенков и В.И. Жуков, налицо показатели готовности публичной власти к учреждению достойного правопорядка и созданию условий для правомерного поведения граждан вне зависимости от социального положения отступающих от него. Тем не менее «ручное» администрирование и общественный уклад, позволяющие избегать наказания, к примеру, фискалам, способствующим

налоговым поблажкам для «нужных людей», юристам-крючкотворам, стоящим на защите заведомых правонарушителей, обуславливают истощение доверия людей к властным структурам и, как следствие, социальные распри¹⁸. Поведение индивида, метафорично подчеркивает Ю.А. Тихомиров, «одушевляет» общественные действия и процессы, обновляя тем самым динамику поведения в ракурсе права и воздействие интересов, переживаний и побуждений человека на его оценку законодательства и публичных институтов¹⁹.

Из этого следует, что решение о принятии того или иного варианта действия (либо воздержании от него) в большой мере детерминировано поведением в правовой среде публичной власти. Эмпирическое смещение социологии права на исследование последнего во вне исходя из мониторинга фактического поведения применяющих закон либо количественно выявленных актов подобного применения, отражающих реальное, а не доктринальное право, квалифицирует онтогенез публичной социологии, генерирующей установление новых показателей и образование параллельной действительности. Таким образом, к нормативным силлогизмам присовокупляется значимая информация о реальной жизнедеятельности правовых институтов, востребованная для осуществления базовых ценностей правового государства или по меньшей мере приближения к его идеалам²⁰.

Формирующийся субъект всегда застает вокруг себя определенную социокультурную ситуацию, некоторое положение дел, которое по своей воле изменить он не в состоянии. Вступать в коммуникацию и действовать внутри любого сообщества невозможно, не опираясь на определенные устойчивые практики, традиции и нормы, сложившиеся в ходе развития данного сообщества. Только по мере освоения внешних условий деятельности субъект оказывается способным изменять их, продвигаясь тем самым к индивидуальному творчеству, созиданию принципиально нового. «Однако интеллектуальной стороной духовное бытие личности не исчерпывается. Существует ведь еще и фактор воли. Воля человеческая своеобразна: она не знает ни историзма, ни детерминации, идущей из прошлого, тем более она не знает перспективного планирования. Ее жизнь есть длящееся настоящее, сплошное «сейчас». И в этой сиюминутности момента возможно выделить только два состояния:

¹⁵ См.: Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. с франц. И.А. Шапиро. М., 1936. С. 107.

¹⁶ См.: Малько А.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А., Маркунин Р.С. Юридическая ответственность в правовой системе России: некоторые итоги исследования и перспективы проекта // Государство и право. 2021. № 12. С. 24–34.

¹⁷ См.: Сырых В.М. Примат права перед законом: философско-правовые критерии // Философия и психология права: современные проблемы: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.И. Жукова; отв. ред. А.Б. Дидикин. М., 2018. С. 57.

¹⁸ См.: Савенков А.Н., Жуков В.И. Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М., 2018. С. 103.

¹⁹ См.: Тихомиров Ю.А. Поведение в обществе и право // Журнал рос. права. 2019. № 5. С. 5–20.

²⁰ См.: Волков В.В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Соц. исследования. 2017. № 4. С. 38, 40.

автономность и гетерономность. Акт воли, как бы далеко он ни простирался во времени, осуществляется либо в силу принципов, принадлежащих самому волящему субъекту, либо кому-то иному. <...> разница собственного и навязанного закона (правила, алгоритма) действия для самого действующего лица опознается в актах рефлексии, предшествующих ориентированию в социальном мире или сопровождающих это ориентирование.

Автономия воли участника правового общения состоит в возможности входить в это общение и выходить из него, не руководствуясь никакими мотивами, кроме чисто коммуникативных»²¹.

Правовое поведение и правовая деятельность

Правореализация перемещает статичные нормы в предметную область бихевиоризма как одного из направлений социологии права — исследование правового поведения, нередко идентифицируемого с правовой деятельностью²². Анализ корреляции правового поведения и правовой деятельности предполагает учет такой категории психологии, как активность. Когда исследователь ставит во главу угла содержание и формы обладающих позитивной юридической ценностью поступков человека, акцентирует Р.В. Шагиева, тогда их сочетание уместно трактовать как правовую деятельность. Если же сущность действий индивида воспринимается в качестве идентичной либо не идентичной требованиям закона, т.е. основания вести речь о правомерном или неправомерном поведении²³.

Из этого следует, что данные понятия сходны, но не симметричны. Правовая деятельность, по мысли Р.В. Шагиевой, изначально энергична, активна, базируется на справедливости и носит

исключительно положительный характер²⁴. Будучи субъективным условием юридической деятельности, правовая активность выказывает решимость и настроенность на конкретные поступки. Правовая деятельность, размышляет ученый, включает в себя всю гамму энергичных, активных и положительных действий человека²⁵.

Что касается правового поведения, то оно, по нашему мнению, дифференцируется на правомерное и отклоняющееся, активное и пассивное. Между тем В.В. Оксамытный упоминает о другой позиции, согласно которой введение противоправного поведения в структуру правового ставится под сомнение, что подкрепляется терминологической зависимостью определений «правовое», «правильное», «справедливое» и множественным употреблением для фиксации конструктивных свойств личности таких понятий, как «правовая активность», «правовой порядок», «правовая культура», «правовые предписания» и проч.²⁶

Поэтому, резюмируют специалисты, правовая деятельность является творчески-плодотворной, воспроизводит степень вовлечения гражданина в структуру социально-правовых связей и отличается высоким уровнем результативности, интенсивности, зрелости²⁷.

А вот правовое поведение может представлять собой как общественно активные, так и общественно пассивные действия; в то же время первые могут быть и противоправными, когда такая активность имеет отрицательный асоциальный заряд²⁸. Есть

²⁴ См.: там же. С. 28 и сл.

²⁵ Для характеристики негативных явлений в правовой деятельности, отмечает Р.В. Шагиева, более приемлемо словосочетание «противоправная деятельность» (см.: *Шагиева Р.В.* Концепция правовой деятельности в современном обществе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 29).

²⁶ См.: *Оксамытный В.В.* Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. С. 61.

²⁷ См.: *Карташов В.Н.* Юридическая деятельность в социалистическом обществе. Ярославль, 1987. С. 19; *Матусов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 216–244; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1973. С. 103, 104; *Михалкин Н.В.* Человек как субъект деятельности // Введение в обществознание: учеб. пособие / под ред. В.П. Лютого, Б.Н. Малькова, Н.В. Михалкина и др. М., 2002. С. 41; *Оборотов Ю.Н.* Основные вопросы теории правовой активности личности социалистического общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1979. С. 4; *Сабикенов С.Н.* О правовой активности личности при социализме // Актуальные проблемы теории социалистического государства. М., 1974. С. 183 и сл.; Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 24; *Шафиров В.М.* Правовая активность советских граждан. Красноярск, 1982. С. 40–47.

²⁸ См.: *Оксамытный В.В.* Правомерное поведение личности. С. 126–128.

²¹ *Беляев М.А.* Юридическое познание как деятельность // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Философия. 2012. № 1. С. 5; *Его же.* Правовая коммуникация: соотношение автономного и гетерономного начал // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Философия. 2018. № 2. С. 6.

²² См.: *Иоффе О.С.* Юридические нормы и человеческие поступки // Актуальные вопросы советского гражданского права: сб. / под ред. С.М. Братуся, О.С. Иоффе. М., 1964. Вып. 36. С. 12; *Русинов Р.К.* Правомерное поведение и применение права // Юридическая теория и практика: проблемы взаимосвязи. Свердловск, 1984. С. 43, 45; *Оксамытный В.В.* Правомерное поведение личности. Киев, 1985. С. 24; *Черепанова Е.В.* Противоправное поведение // Правовые модели и реальность / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М., 2016. С. 232, 233. В.Н. Карташов ставит знак равенства между терминами «юридическая деятельность» и «правовое (юридическое) поведение» (см.: *Карташов В.Н.* Психологический механизм юридического поведения личности (системное исследование) // Философия и психология права: современные проблемы: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.И. Жукова; отв. ред. А.Б. Дидикин. С. 262).

²³ См.: *Шагиева Р.В.* Концепция правовой деятельности в современном обществе. Калуга, 2008. С. 84 и сл.

и точка зрения, согласно которой правовая активность свойственна только правомерному поведению как показателю инициативного и адресного стиля поведения официальных лиц и граждан, сопряженного с дополнительными денежными, временными и энергетическими затратами²⁹.

Мы, в свою очередь, различаем правовую деятельность и правовое поведение как видовое и родовое понятия³⁰ и включаем в конструкцию правового поведения его правомерный и отклоняющийся виды, аргументируя это тем, что отклоняющиеся действия совершаются и квалифицируются тоже в пределах существующего законодательства. В структуру отклоняющегося поведения также входят вынужденные отклонения³¹, которые не являются противоправными (1): а) совершение действий, не подпадающих под нормативно-правовые предписания (т.н. новое право), например, обычаи делового оборота в фазе формирования, пока что не используемые достаточно широко; б) совершение аморальных поступков под влиянием определенных обстоятельств — к примеру «ложь во благо» и (2) противоправные, но вынужденные отклонения — правонарушения, вызванные несовершенством законодательства и правоприменительной практики, как неуплата ошибочно начисленных налогов. Так, по инициативе Президента РФ (к которой приложил руку в научных публикациях и выступлениях в СМИ автор настоящей статьи³²) законодатель объявил налоговую амнистию, затронувшую 42 млн граждан с общей суммой ошибочных недоимок в 41 млрд руб.³³, признав таким образом свою неправоту.

²⁹ См.: Теория государства и права: учеб. / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 405; Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001. С. 467; Теория государства и права: учеб. / под ред. В.К. Бабаева. М., 2003. С. 482.

³⁰ В.Н. Карташов ставит знак равенства между терминами «юридическая деятельность» и «правовое (юридическое) поведение» (см.: *Карташов В.Н.* Психологический механизм юридического поведения личности (системное исследование). С. 262).

³¹ См.: *Агамиров К.В.* Вынужденные отклонения и прогностические пробелы как категории юридической науки. С. 18–26.

³² См.: *Агамиров К.В.* Замкнутые круги бюрократического омата. Тысячи россиян становятся жертвами неразберихи между ГИБДД, налоговиками и судебными приставами // Независимая газ. 2016. 10 нояб.; Штраф оплатят без тебя! Программа Общественного телевидения России «ПРАВ! ДА?» от 1 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://otr-online.ru/programmi/novosti-1627/-65587.html> (дата обращения: 05.04. 2022).

³³ См.: Федеральный закон от 28.12.2017 г. № 436-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. I), ст. 20.

Правовая деятельность является правовым поведением индивидуальных и коллективных субъектов права (в число последних входят юридические лица и само государство), наделенных государственно-властными полномочиями, а правовое поведение как таковое имплицитно подразумевает поведение субъектов права, обладающих административной компетенцией либо не имеющих ее (повседневное поведение человека). Таким образом, **правовая деятельность есть часть правового поведения.**

При этом правовая деятельность вслед за отклоняющимся поведением также может стать противоправной в том случае, когда ее проводники, опираясь на легальность и легитимность своей власти и прикрываясь позитивным правом данного государства, на практике причиняют непомерный ущерб как собственному народу, так и всему мировому сообществу.

Правовое поведение и правовая деятельность обуславливают **правовую практику** — правообразовательную, правотворческую, законотворческую, правоприменительную и часть правореализационной практики в виде добровольного исполнения правовых предписаний³⁴ (в последнем варианте имеется в виду активное правовое правомерное поведение. — *Авт.*). Отдельные специалисты относят к юридической практике правовую науку и правовое образование³⁵.

Значимость законотворчества и правоприменения наводит на мысль о необходимости включения в структуру правового поведения понятия **законотворческого поведения** как вида отправления государством правового администрирования, связанного с формированием исходя из прогностической стадии законотворческой деятельности плана законодательных работ и его реализации, и **правоприменительного поведения** как формы функционирования публичной власти в лице ее правомочных учреждений по урегулированию конкретных юридических споров.

Механизм перевода правовых предписаний в правовое поведение

Правовая деятельность и правовое поведение относятся к понятийному аппарату социологии права, в предмет которой включены исследование социального назначения права, результатов принятия и реализации нормативных правовых актов и анализ процесса социального функционирования правовой системы³⁶.

³⁴ См.: *Ершов В.В.* Судебное правоприменение (теоретические и практические проблемы). М., 1991. С. 67.

³⁵ См.: *Петрушев В.А.* Проблемы толкования права в Российской Федерации. М., 2003. С. 77, 78.

³⁶ См.: *Право и социология* / под ред. Ю.А. Тихомирова и В.П. Казимирчука. М., 1973. С. 31.

Правовые предписания призваны материализовываться в поведении индивидуальных (далее будем вести речь о них) и коллективных субъектов права, очерчивая таким образом взаимосвязанность их всевозможных запросов с нормами и правореализацией.

Осмысленно и упорядоченно совершаемые правовые поступки индивидов выступают просвещенным и наиболее цивилизованным и разумным средством претворения в жизнь многоплановых политических, социально-экономических, духовных и прочих потребностей и влекут за собой значимую практическую трансформацию социальной действительности³⁷.

При этом право, выступая универсальным регулятором общественных отношений, является инструментом согласования интересов различных людей и социальных слоев, способствуя их единению и примирению³⁸, и связывает людей посредством правовых текстов необходимостью взаимной коррекции своего поведения исходя из обоюдных прав и обязанностей³⁹. Этот тезис представляется особенно важным в условиях углубляющегося ныне отчуждения индивидов.

Преобразование нормативных установлений в правовое поведение выводит на многогранную проблему проектирования, психологической направленности, планов развития личности⁴⁰.

Проецирование правового поведения индивида заключается в его научно-рациональном генерировании, фундаментом которого является прогноз⁴¹, способствующий приданию правовым поступкам предметного целенаправленного характера с финальной целью сведения к минимуму процента противоправных действий.

Итак, пятый уровень осуществления юридическо-го прогнозирования — прогнозирование поведения субъекта права — представляет собой научно обоснованное предвидение потенциальных правомерных или отклоняющихся действий индивида, исследование причинных связей которых важны в равной степени в качестве антиподов правового поведения.

Разграничение правового и других видов социального поведения (экономического, производственного, политического, религиозного, нравственного и т.д.) проходит по линии социальной значимости, подотчетности воле и неизбежности юридических последствий в рамках правовых предписаний⁴², исключающих правовое поведение из моральных императивов, воспроизводящих внутренние стремления человека в противовес праву, раскрывающему внешнее поведение индивида⁴³.

Вот почему выявление механизма причинно-следственных связей правового поведения служит практической предпосылкой для его прогнозирования и методологическим базисом систематического влияния на комбинированные блоки данной конструкции с целью консолидации позитивных показателей, содействующих законопослушному поведению, и нивелирования факторов противоправного поведения.

Механизм правового поведения состоит из следующих составных частей (звеньев): правовые потребности; правовые интересы; мотивы поведения; ориентация поведения; правовая установка; постановка цели; правовое решение; правовое поведение.

Таковы этапы правового поведения вне зависимости от его соответствия правовым нормам. Каузальные закономерности разнятся по своей сути, по форме же они тождественны. Их изучение для установления влияющих на правовое поведение внутренних и внешних обстоятельств позволяет разработать качественный прогноз индивидуального правового поведения.

Обзор этапов становления правового поведения и его причинно-следственных связей основан на систематическом анализе процесса преобразования одного звена в другое и тщательном изучении факторов каждого из звеньев, содействующих этому переводу⁴⁴.

Постижение и учитывание данных закономерностей составляют необходимые условия прогнозирования правового поведения, так как существование объективной согласованности между составными частями правового поведения и осведомленность

³⁷ См.: *Шагиева Р.В.* Концепция правовой деятельности в современном обществе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 16.

³⁸ См.: *Орлова О.В.* Роль государства и права в гражданском обществе // Труды ИГП РАН. 2016. № 1. С. 56.

³⁹ См.: *Поляков А.В.* Основной принцип права и проблема обоснования универсальных правовых ценностей // *Философия и психология права: современные проблемы*: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.И. Жукова; отв. ред. А.Б. Дидикин. С. 160.

⁴⁰ См.: *Аванесов Г.А.* Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972. С. 264.

⁴¹ См.: *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968. С. 282.

⁴² См.: *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М., 1995. С. 164, 165; см. также: *Юридическая социология*: учеб. / под ред. В.А. Глазырина. М., 2000. С. 156–159.

⁴³ См.: *Kelsen H.* General theory of law and state. Cambridge, 1945. P. 75.

⁴⁴ В.Н. Карташов при исследовании психологического механизма юридической деятельности выделяет следующие блоки: сбора и обработки фактической и правовой информации; мотивационный; программно-целевой; энергетический; блок личного опыта; оценочный; блок принятия рационального решения и его реализации (см.: *Карташов В.Н.* Психологический механизм юридического поведения личности (системное исследование). С. 264, 265).

о таких закономерностях суть методологический стержень его прогнозирования⁴⁵.

Субъектами прогнозирования индивидуального правового поведения являются физические лица, что порождает необходимость учета таких ограничивающих предсказание поведения факторов, как уникальность человеческой личности и стохастическая природа причинно-следственных связей в сознании индивида⁴⁶.

Следует подчеркнуть, что закономерности правового поведения и его причинно-следственные отношения не следует распространять на правовое поведение каждого человека, ибо методологический фундамент правового поведения служит лишь моделью, которая не может быть детализированно использована для всех без исключения правовых действий индивидов⁴⁷.

Вероятностный характер прогнозирования правового поведения

Правовые поступки людей и социальных групп так или иначе разнятся⁴⁸ — налицо специфика применительно к различным сторонам правотворческой, правосистематизирующей, интерпретационной, правореализующей практик в правовой системе общества⁴⁹.

Отсюда вытекает, что допустимость будущих действий, спрогнозированных для той или иной социальной среды, уменьшается относительно конкретного участника данной группы в зависимости от поведения ее лидеров, численности и пр. Так, если группа достаточно многочисленная, то прогноз правового поведения ее конкретного члена будет в меньшей степени устойчивым. Кроме того, улучшение качества прогноза прямо пропорционально максимальному учету особенностей участников социального слоя⁵⁰.

⁴⁵ См.: Амстердамский С. Разные понятия детерминизма // Вопросы философии. 1966. № 7. С. 120.

⁴⁶ См.: Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии: о структуре индивидуального преступного поведения. М., 1968. С. 162, 163; Розенблатт Ф. Стратегические подходы к исследованию моделей мозга // Принципы самоорганизации. М., 1966. С. 471; Уолд Дж. Детерминизм, индивидуальность и проблема свободной воли // Наука и жизнь. 1967. № 2. С. 70 и сл.

⁴⁷ См.: Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке / пер. с англ. И.С. Шерн-Борисовой и С.Ф. Шушурина; общ. ред. и послесл. Г.С. Васецкого. М., 1962. С. 362.

⁴⁸ См.: Кон И.С. Личность как субъект общественных отношений. М., 1966. С. 22.

⁴⁹ См.: Карташов В.Н. Психологический механизм юридического поведения личности (системное исследование). С. 271.

⁵⁰ См.: Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 67, 68.

По этой причине прогнозирование индивидуального правового поведения носит *релятивный характер*, что не ограничивает важность целостной стратегии экспертизы механизма правового поведения и выработки методологической основы его причинно-следственных связей.

Исследование таких существенных понятийных категорий социологии, психологии, философии, как деятельность, поведение, цель, установка, интересы, ориентация, потребности, активность, мотивы, потребности, дает возможность для их применения в социологии права⁵¹. Поведение субъекта права есть следствие активации механизма причинно-следственных связей правового поведения субъекта — все его звенья приводятся в движение и создают фундамент для принятия индивидом решения с последующим преобразованием в правовой поступок. Необходимо принимать во внимание влияние, оказываемое конкретными факторами в отдельности и совокупности на каждое звено с их возможной трансформацией при переходе от одного звена к другому.

Выявление синкретики и последовательности развития правомерных и противоправных действий позволяет приступить к прогнозированию их направленного развития с использованием автономного методического аппарата данного уровня осуществления юридического прогнозирования, конечной целью которого является повышение правовой активности правомерного поведения и профилактика противоправного поведения. Именно поэтому специалист-прогнозист призван сосредоточиться на выработке профилактических мероприятий по сохранению и поступательному

⁵¹ См.: Асмолов А.Г. Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / под ред. И.М. Фейгенберга, Г.Е. Журавлева. М., 1977. С. 69, 104–108; Бар С. Ситуация и ее модели // Наука и жизнь. 1970. № 12. С. 63; Виноградов В.Г., Гончарук С.И. Законы общества и научное предвидение. М., 1972. С. 68; Витевская Т.Ф. Соотношение социального и биологического в мотивации поведения личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1971. С. 10; Журавлев Г.Е. Структура эксперимента по вероятностному прогнозированию // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / под ред. И.М. Фейгенберга, Г.Е. Журавлева. С. 22–59; Кикнадзе Д.А. Потребности. Поведение. Воспитание. М., 1968. С. 51; Леонтьев А.Н. О значении понятия предметной деятельности для психологии // Тезисы докладов к XX Междунар. психологическому конгрессу (13–19 августа, Токио). М., 1972. С. 111; Ломов Б.Ф. Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 126; Маркарян Э.С. Системное исследование человеческой деятельности // Вопросы философии. 1972. № 10. С. 77–86; Мотрошилова Н.В. Наука и ценность // Вопросы философии. 1973. № 6. С. 48, 49; Прогнозирование в социологических исследованиях: методологические проблемы / отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. М., 1978. С. 101, 102; Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966. С. 167, 168, 180–182, 366; Фейгенберг И.М. Порог вероятностного прогноза и его изменения в патологии // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / под ред. И.М. Фейгенберга, Г.Е. Журавлева. С. 169–186.

движению позитивных детерминант правомерных поступков и максимальному блокированию негативных факторов отклоняющихся действий на всех ступенях механизма правового поведения.

Востребованность общетеоретического прогноза обеспечивается анализом каузальных связей и параметров правового поведения без пересечения границы знания о законах, на которых он строится: достоверность прогноза детерминируется конкретной информацией, оперируемой научным предсказанием⁵².

Правовые интересы, мотивы поведения, ориентация поведения, правовая установка, постановка цели, правовое решение и, наконец, правовое поведение формируются как рациональный итог утоления правовой потребности, которая в объективированном виде овладевает сознанием субъекта права, акцентируя значимость выявления мотивационных, волевых, эмоциональных, гносеологических компонент его психологической структуры.

В связи с этим С.Л. Рубинштейн отмечает различие психических и прочих особенностей индивида. Психические закономерности неразрывно связаны с жизнью человека, и психика в качестве ведущей жизненной функции под влиянием разнообразных внешних влияний корректирует в том числе и правовое поведение субъекта и обуславливает его соответственно сложившимся объективным обстоятельствам⁵³.

Отмеченные понятия потребностей, интересов, цели и пр. воспроизводят императивные мотивы индивида, оказывающие влияние на благоприятные для него перспективы, неразрывно согласованы с прогностической методологией и научными выводами на ее основе о будущем поведении субъекта права.

Заключение

Прогнозирование правового поведения в качестве перманентной деятельности по осмыслению и установлению его причинно-следственных связей и закономерностей вкупе с правореализацией как механизмом преобразования законодательных предписаний в правовые поступки являются фактически единым образованием. Научное моделирование правореализационного процесса призвано фиксировать юридически наиболее важные феномены, образующие его конструкцию.

Подобный пространственный и бинарный подход позволяет выявить условия и показатели правового поведения и правовой деятельности в едином восприятии и перспективе правореализации. В то же время специалисту-прогнозисту в ходе аналитической работы надлежит принимать во внимание имеющиеся

научно-технологические заделы с хорошим потенциалом, не имеющие в данное время масштабного практического использования, например, в сфере нейронаук и моделирования мышления⁵⁴.

Движущие силы правореализационного механизма заключаются в специфических рычагах, приводящих в движение в каждом определенном случае статичные нормы, реализуя цель законодателя через материализацию их содержания в регламентируемые социальные связи. В известной степени данные рычаги возможно интегрировать в ряд синхронных блоков, персонифицирующих правореализационную модель, формирующих ее приватный механизм и благоприятствующих ее соразмерному функционированию⁵⁵.

К таким составным частям относятся: а) блок условий для запуска процесса правореализации; б) блок диспозиционных правоотношений; в) блок обеспечительных правоотношений; г) блок индивидуально-правового регулирования (он срабатывает по мере надобности при подключении к предшествующим правореализационным блокам).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аванесов Г.А.* Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972. С. 264.
2. *Агамиров К.В.* Вынужденные отклонения и прогностические пробелы как категории юридической науки // Государство и право. 2019. № 1. С. 18–26.
3. *Агамиров К.В.* Государство и личность: взаимодействие и взаимная ответственность в прогностическо-регулятивном восприятии // Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении: сб. материалов двенадцатых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М., 2018. С. 97.
4. *Агамиров К.В.* Замкнутые круги бюрократического оумта. Тысячи россиян становятся жертвами неразберихи между ГИБДД, налоговиками и судебными приставами // Независимая газ. 2016. 10 нояб.
5. *Агамиров К.В.* Онтологические, гносеологические и аксиологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма // Журнал рос. права. 2021. Т. 25. № 8. С. 20–35.
6. *Агамиров К.В.* Универсальное право: от цивилизма — к практическому цивилизму, от формального равен-

⁵² См.: Бунге М. Указ. соч. С. 362.

⁵³ См.: Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 309, 311.

⁵⁴ См., напр.: Шамис А.Л. Пути моделирования мышления: Мышление и творчество; формальные модели поведения и «распознавания с пониманием»; целостность, целенаправленность, активность; тах Т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017; Фритт К. Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / пер. с англ. П. Петрова. М., 2010; Дидикин А.Б., Беляев М.А., Горбань В.С. Право и нейронауки: сб. ст. Екатеринбург, 2018.

⁵⁵ См.: Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. С. 165–167.

- ства — к фактическому равнодействию // Юридический мир. 2021. № 7. С. 15–20.
7. Амстердамский С. Разные понятия детерминизма // Вопросы философии. 1966. № 7. С. 120.
 8. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. С. 282.
 9. Асмолов А.Г. Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / под ред. И.М. Фейгенберга, Г.Е. Журавлева. М., 1977. С. 69, 104–108.
 10. Бар С. Ситуация и ее модели // Наука и жизнь. 1970. № 12. С. 63.
 11. Баранов В.М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника. М., 2022. С. 7.
 12. Батюк В.И., Галузо В.Н. Допустим ли мониторинг по отношению к законодательству и правоприменению в Российской Федерации? // Право и государство: теория и практика. 2014. № 3. С. 146–152.
 13. Беляев М.А. Правовая коммуникация: соотношение автономного и гетерономного начал // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Философия. 2018. № 2. С. 6.
 14. Беляев М.А. Юридическое познание как деятельность // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Философия. 2012. № 1. С. 5.
 15. Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке / пер. с англ. И.С. Шерн-Борисовой и С.Ф. Шушурина; общ. ред. и послесл. Г.С. Васецкого. М., 1962. С. 362.
 16. Виноградов В.Г., Гончарук С.И. Законы общества и научное предвидение. М., 1972. С. 68.
 17. Витевская Т.Ф. Соотношение социального и биологического в мотивации поведения личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1971. С. 10.
 18. Власенко Н.А., Рафалюк Е.Е. Концепция проекта закона о нормативных правовых актах и совершенствование законотворческого процесса // Научные концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. 7-е изд., доп. и перераб. М., 2015. С. 81.
 19. Волков В.В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Соц. исследования. 2017. № 4. С. 38, 40.
 20. Дидикин А.Б., Беляев М.А., Горбань В.С. Право и нейронауки: сб. ст. Екатеринбург, 2018.
 21. Еришов В.В. Судебное правоприменение (теоретические и практические проблемы). М., 1991. С. 67.
 22. Журавлев Г.Е. Структура эксперимента по вероятностному прогнозированию // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / под ред. И.М. Фейгенберга, Г.Е. Журавлева. М., 1977. С. 22–59.
 23. Иоффе О.С. Юридические нормы и человеческие поступки // Актуальные вопросы советского гражданского права: сб. / под ред. С.М. Братуся, О.С. Иоффе. М., 1964. Вып. 36. С. 12.
 24. Карташов В.Н. Психологический механизм юридического поведения личности (системное исследование) // Философия и психология права: современные проблемы: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.И. Жукова; отв. ред. А.Б. Дидикин. М., 2018. С. 262, 264, 265, 271.
 25. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 105.
 26. Карташов В.Н. Юридическая деятельность в социалистическом обществе. Ярославль, 1987. С. 19.
 27. Кикнадзе Д.А. Потребности. Поведение. Воспитание. М., 1968. С. 51.
 28. Кон И.С. Личность как субъект общественных отношений. М., 1966. С. 22.
 29. Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. с франц. И.А. Шапира. М., 1936. С. 107.
 30. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии: о структуре индивидуального преступного поведения. М., 1968. С. 67, 68, 162, 163.
 31. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права. М., 1995. С. 164, 165.
 32. Леонтьев А.Н. О значении понятия предметной деятельности для психологии // Тезисы докладов к XX Международ. психологическому конгрессу (13–19 августа, Токио). М., 1972. С. 111.
 33. Ломов Б.Ф. Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 126.
 34. Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю. и др. Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив (Обзор материалов Всероссийской научной конференции журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь» и научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования») // Государство и право. 2020. № 8. С. 115–126. DOI: 10.31857/S102694520011033-7
 35. Малько А.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А., Маркунин Р.С. Юридическая ответственность в правовой системе России: некоторые итоги исследования и перспективы проекта // Государство и право. 2021. № 12. С. 24–34.
 36. Малько А.В., Трофимов В.В., Затонский В.А. Правовая жизнь как симбиоз позитивных и негативных реалий... и почему она все-таки правовая? (теория и методология проблемы) // Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив / под ред. А.В. Малько, В.В. Трофимова. Тамбов, 2021. С. 16.
 37. Маркарян Э.С. Системное исследование человеческой деятельности // Вопросы философии. 1972. № 10. С. 77–86.
 38. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1973. С. 103, 104.
 39. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 216–244.
 40. Михалкин Н.В. Человек как субъект деятельности // Введение в обществознание: учеб. пособие / под ред. В.П. Лютого, Б.Н. Малькова, Н.В. Михалкина и др. М., 2002. С. 41.
 41. Мотрошилова Н.В. Наука и ценность // Вопросы философии. 1973. № 6. С. 48, 49.

42. *Нерсисянц В.С.* Наш путь к праву — от социализма к цивилизму. М., 1992. С. 295–319.
43. *Нерсисянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2000. С. 59.
44. *Нерсисянц В.С.* Философия права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 3–5.
45. *Оборотов Ю.Н.* Основные вопросы теории правовой активности личности социалистического общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1979. С. 4.
46. *Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева.* М., 2001. С. 467.
47. *Оксамытний В.В.* Правомерное поведение личности. Киев, 1985. С. 24, 126–128.
48. *Оксамытний В.В.* Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. С. 61.
49. *Орлова О.В.* Роль государства и права в гражданском обществе // Труды ИГП РАН. 2016. № 1. С. 56.
50. *Петрушев В.А.* Проблемы толкования права в Российской Федерации. М., 2003. С. 77, 78.
51. *Поляков А.В.* Основной принцип права и проблема обоснования универсальных правовых ценностей // Философия и психология права: современные проблемы: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.И. Жукова; отв. ред. А.Б. Дидикин. М., 2018. С. 160.
52. *Право и социология / под ред. Ю.А. Тихомирова и В.П. Казимирчука.* М., 1973. С. 31.
53. *Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова.* М., 2012. С. 15, 16.
54. *Правовые модели и реальность / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева.* М., 2016. С. 4.
55. *Прогнозирование в социологических исследованиях: методологические проблемы / отв. ред. И.В. Бестужев-Лада.* М., 1978. С. 101, 102.
56. *Розенблатт Ф.* Стратегические подходы к исследованию моделей мозга // Принципы самоорганизации. М., 1966. С. 471.
57. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 309, 311.
58. *Русинов Р.К.* Правомерное поведение и применение права // Юридическая теория и практика: проблемы взаимосвязи. Свердловск, 1984. С. 43, 45.
59. *Сабикенов С.Н.* О правовой активности личности при социализме // Актуальные проблемы теории социалистического государства. М., 1974. С. 183.
60. *Савенков А.Н., Жуков В.И.* Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М., 2018. С. 103.
61. *Сырых В.М.* Примат права перед законом: философско-правовые критерии // Философия и психология права: современные проблемы: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.И. Жукова; отв. ред. А.Б. Дидикин. М., 2018. С. 57.
62. *Теория государства и права: учеб. / под ред. В.К. Бабаева.* М., 2003. С. 482.
63. *Теория государства и права: учеб. / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова.* М., 1997. С. 405.
64. *Тихомиров Ю.А.* Поведение в обществе и право // Журнал рос. права. 2019. № 5. С. 5–20.
65. *Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова.* М., 1935. Т. 1. С. 24.
66. *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М., 1966. С. 167, 168, 180–182, 366.
67. *Уолд Дж.* Детерминизм, индивидуальность и проблема свободной воли // Наука и жизнь. 1967. № 2. С. 70.
68. *Фейгенберг И.М.* Порог вероятностного прогноза и его изменения в патологии // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / под ред. И.М. Фейгенберга, Г.Е. Журавлева. М., 1977. С. 169–186.
69. *Фритт К.* Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / пер. с англ. П. Петрова. М., 2010.
70. *Черепанова Е.В.* Противоправное поведение // Правовые модели и реальность / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М., 2016. С. 232, 233.
71. *Шагиева Р.В.* Концепция правовой деятельности в современном обществе. Калуга, 2008. С. 28, 84, 165–167.
72. *Шагиева Р.В.* Концепция правовой деятельности в современном обществе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 16, 29.
73. *Шамис А.Л.* Пути моделирования мышления: Мышление и творчество; формальные модели поведения и «распознавания с пониманием»; целостность, целенаправленность, активность; max Т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017.
74. *Шафиров В.М.* Правовая активность советских граждан. Красноярск, 1982. С. 40–47.
75. *Юридическая социология: учеб. / под ред. В.А. Глазырина.* М., 2000. С. 156–159.
76. *Hart H.L.A.* The concept of law / with a postscript ed. by P.A. Bulloch and J. Raz. 2nd ed. Oxford, 1994. IX. P. 248, 249.
77. *Kelsen H.* General theory of law and state. Cambridge, 1945. P. 75.

REFERENCES

1. *Avanesov G.A.* Theory and methodology of criminological forecasting. M., 1972. P. 264 (in Russ.).
2. *Agamirov K.V.* Forced deviations and prognostic gaps as categories of legal science // State and Law. 2019. No. 1. P. 18–26 (in Russ.).
3. *Agamirov K.V.* State and personality: interaction and mutual responsibility in prognostic-regulatory perception // Modern state and personality in historical and philosophical-legal understanding: collection of materials of the twelfth philosophical-legal readings in memory of Academician V.S. Nersesyan / ed. and comp. V.G. Graftsky. M., 2018. P. 97 (in Russ.).
4. *Agamirov K.V.* Closed circles of the bureaucratic pool. Thousands of Russians become victims of confusion between the traffic police, tax officers and bailiffs // Nezavisimaya gas. 2016. 10 Nov. (in Russ.).
5. *Agamirov K.V.* Ontological, epistemological and axiological foundations of legal forecasting: philosophical and legal paradigm // Journal of Russ. law. 2021. Vol. 25. No. 8. P. 20–35 (in Russ.).

6. *Agamirov K.V.* Universal law: from civilizm – to practical civilizm, from formal equality – to actual equality // *Legal world*. 2021. No. 7. P. 15–20 (in Russ.).
7. *Amsterdam S.* Different concepts of determinism // *Questions of Philosophy*. 1966. No. 7. P. 120 (in Russ.).
8. *Ananyev B.G.* Man as an object of knowledge. L., 1968. P. 282 (in Russ.).
9. *Asmolov A.G.* The problem of installation in neobehaviorism: past and present // *Probabilistic forecasting in human activity* / ed. by I.M. Feigenberg, G.E. Zhuravlev. M., 1977. P. 69, 104–108 (in Russ.).
10. *Bar S.* The situation and its models // *Nauka i zhizn*. 1970. No. 12. P. 63 (in Russ.).
11. *Baranov V.M.* “Positive legal responsibility”: controversial concept, imaginary practice, virtual technique. M., 2022. P. 7 (in Russ.).
12. *Batyuk V.I., Galuzo V.N.* Is monitoring permissible in relation to legislation and law enforcement in the Russian Federation? // *Law and the State: theory and practice*. 2014. No. 3. P. 146–152 (in Russ.).
13. *Belyaev M.A.* Legal communication: the ratio of autonomous and heteronomous principles // *Herald of the Voronezh State University. Ser.: Philosophy*. 2018. No. 2. P. 6 (in Russ.).
14. *Belyaev M.A.* Legal cognition as activity // *Herald of the Voronezh State University. Ser.: Philosophy*. 2012. No. 1. P. 5 (in Russ.).
15. *Bunge M.* Causality. The place of the causality principle in modern science / transl. from English by I.S. Shern-Borisova and S.F. Shushurin; general ed. and afterword by G.S. Vasetsky. M., 1962. P. 362 (in Russ.).
16. *Vinogradov V.G., Goncharuk S.I.* Laws of Society and scientific foresight. M., 1972. P. 68 (in Russ.).
17. *Vitevskaya T.F.* Correlation of social and biological in motivation of personality behavior: abstract ... Candidate of Philos. sciences. M., 1971. P. 10 (in Russ.).
18. *Vlasenko N.A., Rafalyuk E.E.* The concept of the draft law on regulatory legal acts and the improvement of the legislative process // *Scientific concepts of the development of Russian legislation* / res. eds T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov. 7th ed., ex. and rev. M., 2015. P. 81 (in Russ.).
19. *Volkov V.V.* Empirical Sociology of Law in the context of interdisciplinary synthesis // *Social Research*. 2017. No. 4. P. 38, 40 (in Russ.).
20. *Didikin A.B., Belyaev M.A., Gorban V.S.* Law and Neuroscience: collection of articles. Ekaterinburg, 2018 (in Russ.).
21. *Ershov V.V.* Judicial law enforcement (theoretical and practical problems). M., 1991. P. 67 (in Russ.).
22. *Zhuravlev G.E.* The structure of the experiment on probabilistic forecasting // *Probabilistic forecasting in human activity* / ed. by I.M. Feigenberg, G.E. Zhuravlev. M., 1977. P. 22–59 (in Russ.).
23. *Ioffe O.S.* Legal norms and human actions // *Topical issues of Soviet Civil Law: collection* / ed. by S.M. Bratus, O.S. Ioffe. M., 1964. Issue 36. P. 12 (in Russ.).
24. *Kartashov V.N.* Psychological mechanism of legal behavior of a person (system research) // *Philosophy and Psychology of Law: modern problems: collection of scientific works* / under the general ed. of V.I. Zhukov; res. ed. A.B. Didikin. M., 2018. P. 262, 264, 265, 271 (in Russ.).
25. *Kartashov V.N.* Theory of the legal system of society: textbook: in 2 vols. Yaroslavl, 2005. Vol. 1. P. 105 (in Russ.).
26. *Kartashov V.N.* Legal activity in a socialist society. Yaroslavl, 1987. P. 19 (in Russ.).
27. *Kiknadze D.A.* Needs. Behaviour. Education. M., 1968. P. 51 (in Russ.).
28. *Kon I.S.* Personality as a subject of social relations. M., 1966. P. 22 (in Russ.).
29. *Condorcet J.A.* Sketch of the historical picture of the progress of the human mind / transl. from French by I.A. Shapir. M., 1936. P. 107 (in Russ.).
30. *Kudryavtsev V.N.* Causality in criminology: on the structure of individual criminal behavior. M., 1968. P. 67, 68, 162, 163 (in Russ.).
31. *Kudryavtsev V.N., Kazimirchuk V.P.* Modern Sociology of Law. M., 1995. P. 164, 165 (in Russ.).
32. *Leontiev A.N.* On the meaning of the concept of subject activity for psychology // *Abstracts of reports to the XX International Psychological Congress (August 13–19, Tokyo)*. M., 1972. P. 111 (in Russ.).
33. *Lomov B.F.* Communication as a problem of general psychology // *Methodological problems of social psychology*. M., 1975. P. 126 (in Russ.).
34. *Mal'ko A.V., Krotkova N.V., Stromov V. Yu. et al.* Legal life of modern society: negative and positive (Review of the materials of the All-Russian scientific conference of the journals “State and Law”, “Legal policy and legal life” and the scientific and educational yearbook “State and legal Research”) // *State and Law*. 2020. No. 8. P. 115–126. DOI: 10.31857/S102694520011033-7 (in Russ.).
35. *Mal'ko A.V., Lipinsky D.A., Musatkina A.A., Markunin R.S.* Legal responsibility in the legal system of Russia: some results of the research and prospects of the project // *State and Law*. 2021. No. 12. P. 24–34 (in Russ.).
36. *Mal'ko A.V., Trofimov V.V., Zatonsky V.A.* Legal life as a symbiosis of positive and negative realities ... and why is it still legal? (theory and methodology of the problem) // *Legal life of modern society: negative and positive* / ed. by A.V. Mal'ko, V.V. Trofimov. Tambov, 2021. P. 16 (in Russ.).
37. *Markaryan E.S.* System research of human activity // *Questions of Philosophy*. 1972. No. 10. P. 77–86 (in Russ.).
38. *Marxist-Leninist general theory of State and law*. Socialist Law / ed. by E.A. Lukasheva. M., 1973. P. 103, 104 (in Russ.).
39. *Matuzov N.I.* Legal system and personality. Saratov, 1987. P. 216–244 (in Russ.).
40. *Mikhalkin N.V.* Man as a subject of activity // *Introduction to social studies: studies. handbook* / ed. by V.P. Lyutoy, B.N. Malkov, N.V. Mikhalkin et al. M., 2002. P. 41 (in Russ.).
41. *Motroshilova N.V.* Science and value // *Questions of Philosophy*. 1973. No. 6. P. 48, 49 (in Russ.).
42. *Nersesyants V.S.* Our path to Law – from Socialism to civilization. M., 1992. P. 295–319 (in Russ.).

43. *Nersesyants V.S.* The national idea of Russia in the world-historical progress of equality, freedom and justice. Manifesto of Civilization. M., 2000. P. 59 (in Russ.).
44. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: textbook. 2nd ed., reprint and add. M., 2013. P. 3–5 (in Russ.).
45. *Turnovers Yu. N.* The main issues of the theory of legal activity of the personality of socialist society: abstract ... PhD in Law. Kiev, 1979. P. 4 (in Russ.).
46. General theory of law and the state: textbook / ed. by V.V. Lazarev. M., 2001. P. 467 (in Russ.).
47. *Oxamytny V.V.* Lawful behavior of a person. Kiev, 1985. P. 24, 126–128 (in Russ.).
48. *Oxamytny V.V.* Lawful behavior of a person (theoretical and methodological problems): dis. ... Doctor of Law. Kiev, 1990. P. 61 (in Russ.).
49. *Orlova O.V.* The role of the state and law in civil society // Proceedings of the ISL of the RAS. 2016. No. 1. P. 56 (in Russ.).
50. *Petrushev V.A.* Problems of Interpretation of Law in the Russian Federation. M., 2003. P. 77, 78 (in Russ.).
51. *Polyakov A.V.* The basic principle of law and the problem of substantiation of universal legal values // Philosophy and Psychology of Law: modern problems: collection of scientific works / ed. by V.I. Zhukov; res. ed. by A.B. Didikin. M., 2018. P. 160 (in Russ.).
52. Law and Sociology / ed. by Yu.A. Tikhomirov and V.P. Kazimirschuk. M., 1973. P. 31 (in Russ.).
53. Legal monitoring: scientific and practical textbook / ed. by Yu. A. Tikhomirov, D.B. Gorokhov. M., 2012. P. 15, 16 (in Russ.).
54. Legal models and reality / res. eds Yu. A. Tikhomirov, E.E. Rafalyuk, N.I. Khludeneva. M., 2016. P. 4 (in Russ.).
55. Forecasting in sociological research: methodological problems / ed. by I.V. Bestuzhev-Lada. M., 1978. P. 101, 102 (in Russ.).
56. *Rosenblatt F.* Strategic approaches to the study of brain models // Principles of self-organization. M., 1966. P. 471 (in Russ.).
57. *Rubinstein S.L.* Being and consciousness. M., 1957. P. 309, 311 (in Russ.).
58. *Rusinov R.K.* Lawful behavior and the application of law // Legal theory and practice: problems of interrelation. Sverdlovsk, 1984. P. 43, 45 (in Russ.).
59. *Sabikenov S.N.* On the legal activity of the individual under socialism // Actual problems of the theory of the socialist state. M., 1974. P. 183 (in Russ.).
60. *Savenkov A.N., Zhukov V.I.* Sociology of legal deviations and social addictions. M., 2018. P. 103 (in Russ.).
61. *Syrykh V.M.* The primacy of law before the law: philosophical and legal criteria // Philosophy and Psychology of Law: modern problems: collection of scientific works / under the general ed. V.I. Zhukov; res. ed. A.B. Didikin. M., 2018. P. 57 (in Russ.).
62. Theory of state and law: textbook / ed. by V.K. Babaev. M., 2003. P. 482 (in Russ.).
63. Theory of state and law: textbook / ed. by V.M. Korelsky, V.D. Perevalov. M., 1997. P. 405 (in Russ.).
64. *Tikhomirov Yu. A.* Behavior in society and law // Journal of Russ. law. 2019. No. 5. P. 5–20 (in Russ.).
65. Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 vols / ed. by D.N. Ushakov. M., 1935. Vol. 1. P. 24 (in Russ.).
66. *Uznadze D.N.* Psychological research. M., 1966. P. 167, 168, 180–182, 366 (in Russ.).
67. *Uold J.* Determinism, individuality and the problem of free will // Science and Life. 1967. No. 2. P. 70 (in Russ.).
68. *Feigenberg I.M.* Threshold of probabilistic prognosis and its changes in pathology // Probabilistic forecasting in human activity / ed. by I.M. Feigenberg, G.E. Zhuravlev. M., 1977. P. 169–186 (in Russ.).
69. *Frith K.* Brain and soul. How nervous activity shapes our inner world / transl. from English by P. Petrova. M., 2010 (in Russ.).
70. *Cherepanova E.V.* Illegal behavior // Legal models and reality / res. eds Yu. A. Tikhomirov, E.E. Rafalyuk, N.I. Khludeneva. M., 2016. P. 232, 233 (in Russ.).
71. *Shagieva R.V.* The concept of legal activity in modern society. Kaluga, 2008. P. 28, 84, 165–167 (in Russ.).
72. *Shagieva R.V.* The concept of legal activity in modern society: abstract ... Doctor of Law. M., 2006. P. 16, 29 (in Russ.).
73. *Shamis A.L.* Ways of modeling thinking: Thinking and creativity; formal models of behavior and “recognition with understanding”; integrity, purposefulness, activity; max T. 3rd ed., reprint and add. M., 2017 (in Russ.).
74. *Shafirov V.M.* Legal activity of Soviet citizens. Krasnoyarsk, 1982. P. 40–47 (in Russ.).
75. Legal sociology: textbook / ed. by V.A. Glazyrin. M., 2000. P. 156–159 (in Russ.).
76. *Hart H.L.A.* The concept of law / with a postscript ed. by P.A. Bulloch and J. Raz. 2nd ed. Oxford, 1994. IX. P. 248, 249 (in Russ.).
77. *Kelsen H.* General theory of law and state. Cambridge, 1945. P. 75 (in Russ.).

Сведения об авторе

АГАМИРОВ Карэн Владимирович — доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

AGAMIROV Karen V. — Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО
И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЛЕНА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ

© 2023 г. Н. Ю. Турищева

*Избирательная комиссия Краснодарского края, г. Краснодар;
Кубанский государственный университет, г. Краснодар*

E-mail: dom0023@mail.ru

Поступила в редакцию 13.11.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена вопросам процессуального статуса членов избирательных комиссий как коллегиальных органов, на которые возлагается выполнение публично значимых функций в сфере организации выборов. Наличие собственных юрисдикционных полномочий избирательных комиссий выводит на первый план вопросы содержания процессуального статуса их членов.

Дуалистическая природа статуса члена избирательной комиссии состоит в реализации собственных индивидуальных правомочий и правомочий члена избирательной комиссии как коллегиального органа. Независимо от уровня самой комиссии можно говорить об универсальности процессуального статуса члена избирательной комиссии, основанного на обеспечении задач по реализации избирательных прав и формированию органов публичной власти.

В 2022 г. в избирательное законодательство внесены изменения, меняющие систему избирательных комиссий с одновременным исключением членов с правом совещательного голоса в комиссиях среднего и низшего звеньев. Автор приходит к выводу о том, что изменение структуры комиссий меняет функциональную составляющую процессуального статуса члена территориальной избирательной комиссии. Введением новаций нивелируется внутренняя конфликтность статуса члена комиссии, полномочия которого возвращаются в русло понимаемого в самом широком значении соблюдения и защиты избирательных прав. Анализируемые изменения избирательного законодательства отражают смещение центра конституционно-правовой охраны избирательных прав из сферы реализации индивидуальных интересов участников избирательного процесса в направлении обеспечения объективного контроля при установлении итогов голосования.

Ключевые слова: избирательный процесс, управление избирательным процессом, член избирательной комиссии, член с правом решающего голоса, член с правом совещательного голоса, публично-правовые функции, современная демократия.

Цитирование: Турищева Н.Ю. Процессуальный статус члена избирательной комиссии // Государство и право. 2023. № 3. С. 54–62.

DOI: 10.31857/S102694520024773-1

PROCEDURAL STATUS OF A MEMBER
OF THE ELECTION COMMISSION

© 2023 N. Yu. Turishcheva

*Election Commission of the Krasnodar Region, Krasnodar;
Kuban State University, Krasnodar*

E-mail: dom0023@mail.ru

Received 13.11.2022

Abstract. The article is devoted to the issues of the procedural status of members of election commissions as collegiate bodies entrusted with the performance of publicly significant functions in the field of organizing elections. The presence of their own jurisdictional powers of election commissions brings to the fore the issues of the content of the procedural status of their members.

The dualistic nature of the status of a member of an election commission consists in the exercise of one's own individual powers and the powers of a member of an election commission as a collegial body. Regardless of the level of the commission itself, one can speak of the universality of the procedural status of a member of the election commission, based on ensuring the tasks of exercising electoral rights and forming public authorities. In 2022, changes were made to the electoral legislation that change the system of electoral commissions with the simultaneous exclusion of members with the right to consultative vote in the commissions of the middle and lower levels. The author comes to the conclusion that the change in the structure of the commissions changes the functional component of the procedural status of a member of the territorial election commission. The introduction of innovations neutralizes the internal conflict of the status of a member of the commission, whose powers are returned to the mainstream understood in the broadest sense of observance and protection of electoral rights. The analyzed changes in the electoral legislation reflect the shift of the center of the constitutional and legal protection of electoral rights from the sphere of realization of the individual interests of the participants in the electoral process towards ensuring objective control when establishing the voting results.

Key words: electoral process, management of the electoral process, member of the electoral commission, member with the right to vote, member with the right to consultative vote, public law functions, modern democracy.

For citation: *Turishcheva, N. Yu. (2023). Procedural status of a member of the election commission // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 54–62.*

Доктринальные споры о природе избирательного процесса, о необходимости законодательного закрепления понятия «избирательный процесс», определения прав и обязанностей каждого из его участников, установления действенной системы процессуальных гарантий¹, в том числе членов избирательных комиссий, кандидатов, избирательных объединений и иных субъектов, не утрачивают своей актуальности².

Возможность рассмотрения избирательных споров не только в судебном порядке, но и по линии избирательных комиссий, что подразумевает наличие их собственных юрисдикционных функций, выводит на первый план вопросы содержания процессуального статуса членов избирательных комиссий в контексте понимания свободных выборов как неотъемлемого элемента современной демократии. Как отмечается в юридической литературе, имманентность демократии функции управления избирательным процессом является существенной частью системы сдержек и противовесов в демократическом государстве, основанном на господстве права и разделении властей³. Каковы же характерные составляющие процессуального статуса членов избирательных комиссий, чем определяется и насколько значимо их влияние на управление избирательным процессом?

Как справедливо отмечает В.В. Комарова, «демократическая государственность в Российской Федерации находится сегодня в процессе своей модернизации»⁴. Развитие демократических начал организации публичной власти ведет к необходимости детального регулирования процессуального статуса членов избирательных комиссий, находящихся в центре электоральных процессов, исходя из критерия процессуальной правосубъектности и различных статусных и целевых признаков членов комиссий, содержащихся в действующем избирательном законодательстве.

По мнению Р.Т. Биктагирова, избирательный процесс в числе других юридических процессов, осуществляемых в отдельных отраслях управления, регламентирован лишь в общих чертах, взгляды ученых на избирательный процесс как на сложную многосоставную политико-правовую категорию еще не устоялись и находятся в стадии теоретической разработки⁵.

Учеными-правоведами подчеркивается, что государственно-правовые реалии вызывают необходимость процессуализации деятельности публичной администрации⁶. Указанный тезис справедлив и в отношении деятельности членов избирательных

¹ См.: *Баландин В.Н., Павлушина А.А.* О видах юридического процесса // Правоведение. 2002. № 4 (243). С. 27.

² См.: *Чистобородов И.Г.* Понятие государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 1. С. 89.

³ См.: *Чуров В.Е., Эбзеев Б.С.* Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель // Журнал рос. права. 2011. № 11. С. 7.

⁴ *Комарова В.В.* Демократия через призму конституционных ценностей // Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации / отв. ред. В.А. Виноградов, А.А. Ларичев. М., 2021. С. 19.

⁵ См.: *Биктагиров Р.Т.* Избирательный процесс как вид юридического процесса: теоретические проблемы становления // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1. С. 148, 152.

⁶ См.: *Соловей Ю.П.* Современные проблемы построения российской модели административного процесса: обзор Всероссий. науч.-практ. конф. // Сибирское юрид. обозрение. 2021. Т. 18. № 2. С. 111.

комиссий, осуществляющих управление избирательным процессом в широком смысле.

Наличие в отечественной избирательной системе избирательных комиссий как особых органов, призванных обеспечивать реализацию избирательных прав и формировать избираемые органы публичной власти, обуславливает дуалистический характер избирательного процесса, лежащего в основе осуществления комиссиями публично значимых функций. С одной стороны, на комиссии возлагаются задачи по обеспечению избирательных прав граждан, с другой — по решению вопросов легитимации избираемых органов власти. Указанные обстоятельства непосредственным образом определяют также двойственный характер процессуального статуса членов избирательных комиссий. В чем он состоит и как проявляется?

Процессуальный статус члена избирательной комиссии включает в себя совокупность взаимосвязанных структурообразующих элементов, позволяющих определить правовое положение члена комиссии как субъекта избирательного процесса, его место и значение в структуре процесса, объем полномочий, порядок назначения в состав комиссии и основания прекращения полномочий, ответственность за результаты деятельности.

Полагаем возможным выделить следующие элементы процессуального статуса члена комиссии:

1. Статическая составляющая определяет положение члена комиссии как субъекта права и включает порядок приобретения и прекращения статуса (член комиссии с правом решающего голоса, член комиссии с правом совещательного голоса), срок исполнения полномочий, установленные законом ограничения и гарантии деятельности.

2. Динамическая (функциональная) составляющая определяется уровнем избирательной комиссии, членом которой назначено данное лицо, специально-юридическими (правовыми) функциями, осуществляемыми комиссией, возможным возложением на нее полномочий комиссии, организующей выборы, а также отдельными полномочиями, исполняемыми членом данной комиссии в составе ее руководящих, рабочих и консультативных органов и рабочих групп.

3. Юрисдикционная составляющая включает ответственность члена комиссии за результаты деятельности, за нарушения (при наличии) порядка осуществления соответствующих полномочий.

Система избирательных комиссий включает различные по своей правовой природе органы: ЦИК России — государственный орган Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации — государственные органы соответствующих субъектов Российской Федерации,

до недавнего времени — избирательные комиссии муниципальных образований, являвшиеся муниципальными органами, территориальные избирательные комиссии — государственные органы соответствующих субъектов Российской Федерации, а также окружные и участковые избирательные комиссии, имеющие статус государственно-общественных образований. Каждая из комиссий выполняет характерные для нее функции, вытекающие из соответствующего родового понятия комиссии (организующая выборы, ЦИК России, избирательная комиссия субъекта Российской Федерации, окружная, территориальная, участковая): связанные с регистрацией кандидатов и списков кандидатов, организацией информирования избирателей, осуществлением контроля агитации и финансирования избирательных кампаний кандидатов и партий, проведением голосования, подсчетом голосов и установлением итогов голосования, определением результатов выборов и др.

Круг полномочий избирательной комиссии, организующей выборы, по правовой оценке конкретных юридических фактов, имеющих значение в избирательном процессе, в том числе по разрешению избирательных споров и применению к участникам избирательного процесса предусмотренных законом санкций, является тем определяющим фактором, который свидетельствует о единстве полномочий комиссий на выборах разного уровня. Поэтому независимо от уровня самой комиссии в целом можно говорить об универсальности процессуального статуса члена избирательной комиссии, основанного на обеспечении задач по реализации избирательных прав и формированию органов публичной власти.

Система избирательных комиссий характеризуется общими демократическими началами формирования и организации деятельности, основанными на принципах законности, независимости, коллегиальности, равенства прав членов комиссии, открытости и гласности всех процедур⁷.

Требование законодателя о назначении в составы комиссий не менее половины членов с правом решающего голоса по предложениям политических партий, с обязательным соблюдением предпочтений для партий, допущенных к распределению депутатских мандатов в Государственной Думе ФС РФ, законодательном органе субъекта Российской Федерации, представительном органе соответствующего муниципального образования, имеет целью придать деятельности комиссий политическое равновесие и устойчивость, основанные на результатах участия партий в предыдущих избирательных

⁷ См.: Арановский К. В., Игнатенко В. В., Князев С. Д. Избирательное право России: учеб. пособие. Владивосток, 2007. С. 129.

кампаниях и на сформулированных электоральных предпочтениях избирателей определенной территории.

Коллегиальность — основополагающий фактор, который позволяет не только объединить различные политические интересы в деятельности комиссии, но и выработать решение, основанное на требованиях действующего законодательства и на голосовании большинства членов комиссии и направленное на последовательное развитие электорального процесса. Статус члена избирательной комиссии с правом решающего голоса определяется прежде всего в связи с реализацией функций комиссии как коллегиального органа, принимающего решения путем общего голосования ее членов (открытого или в случаях, прямо установленных законом, — тайного). Полномочия члена избирательной комиссии с правом решающего голоса производны от полномочий самой комиссии и отдельно не закреплены, определяются видом и уровнем выборов, в организации и проведении которых участвует соответствующая комиссия, что и свидетельствует об отсутствии иных полномочий, кроме тех, которые непосредственно вытекают из закона, определяющего задачи комиссии соответствующего уровня, или же непосредственно установлены самим законом в отношении членов комиссий, или делегированы данному члену специальным поручением комиссии.

Однако статус члена избирательной комиссии с правом решающего голоса включает его полномочия не только как члена коллегиального органа, но также и индивидуальные полномочия.

Так, непосредственно Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁸ (далее — Федеральный закон № 67-ФЗ) установлены полномочия избирательных комиссий, закрепляющие их юрисдикционные функции на выборах различного уровня; определены полномочия ЦИК России, избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, территориальных избирательных комиссий в процессе подготовки и проведения выборов, формирования нижестоящих комиссий, а также полномочия по обязательному информационному обеспечению выборов, по осуществлению контроля за проведением агитации и финансированием избирательных кампаний кандидатов и избирательных объединений; кроме этого, закреплены полномочия руководящих органов соответствующих комиссий (председателя, заместителя председателя, секретаря), определяющие их процессуальный статус; нормативными правовыми

актами субъектов Российской Федерации установлено наличие права законодательной инициативы у соответствующей региональной комиссии, наличие печатных органов и др.

Пункт 23 ст. 29 Федерального закона № 67-ФЗ закрепляет право члена комиссии с правом решающего и с правом совещательного голоса обжаловать действия (бездействие) комиссии в вышестоящую комиссию или в суд. Аналогичные процессуальные полномочия членов избирательных комиссий по обращению в суд закреплены Федеральным законом о КАС РФ. Решением соответствующей избирательной комиссии члены комиссии с правом решающего голоса наделяются полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях в соответствии с КоАП РФ, т.е. им делегируются соответствующие полномочия. В этом же ряду следует назвать полномочия члена с правом решающего голоса, назначенного решением комиссии в состав той или иной рабочей группы (по предварительному рассмотрению жалоб, по информационным спорам, по проверке подписных листов кандидатов и т.п.), тем самым на основании решения комиссии такой член комиссии наделяется определенными полномочиями.

Как указал Конституционный Суд РФ, возложение на избирательные комиссии обязанности обеспечения и защиты избирательных прав граждан требует от них ответственного отношения к исполнению своих полномочий, сопряженного с эффективной заботой о создании всех необходимых условий для полноценного участия в выборах граждан, политических партий и других субъектов избирательного процесса⁹. Тем самым Конституционным Судом РФ определена одна из важнейших функций избирательных комиссий, состоящая в обеспечении реализации избирательных прав.

Процессуальный статус члена избирательной комиссии любого уровня предоставляет ему широкие возможности по отстаиванию собственной позиции, которая может не совпадать с решением комиссии как коллегиального органа.

В числе таких возможностей важнейшее место занимает право члена комиссии с правом решающего голоса на особое мнение, с возможностью его опубликования в том же порядке, что и решение, в связи с которым оно представлено. Таким образом,

⁹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2017 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича» // СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2655.

⁸ См.: СЗ РФ. 2002. № 24, ст. 2253.

законодателем закреплена возможность придания гласности иному мнению члена комиссии, отличному от мнения большинства, возможность обнародования иной оценки хода избирательного процесса¹⁰.

Нарушение принципа коллегиальности в осуществлении полномочий члена с правом решающего голоса является основанием для применения мер ответственности к члену комиссии. Так, Определением Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2021 г. № 2964-О отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.А. Самонова, который являлся членом участковой избирательной комиссии на выборах Губернатора Санкт-Петербурга и выборах депутатов муниципального совета внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга поселка Парголово. В день голосования, 8 сентября 2019 г., по обращению участковой избирательной комиссии в суд с административным иском заявлением В.А. Самонов был отстранен от участия в ее работе в связи с нарушением требований Федерального закона № 67-ФЗ, выразившихся в осуществлении в нарушение установленного порядка фотосъемки списка избирателей, в осуществлении без поручения участковой комиссии звонков избирателям, изъявившим желание проголосовать вне помещения для голосования. Таким образом, в данной ситуации еще раз было отмечено право члена комиссии действовать не исходя из собственных побуждений, а в соответствии с определенными поручениями комиссии.

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что при осуществлении своих полномочий, таких как регистрация (учет) избирателей, организация голосования, подсчет голосов избирателей, определение итогов голосования и результатов выборов, избирательные комиссии действуют, прежде всего, в интересах граждан как носителей избирательных прав и в этом смысле формирование избирательных комиссий, организация их деятельности и обеспечение полномочий как самих комиссий, так и их членов приобретают, по существу, статус гарантии избирательных прав граждан.

Конституционный Суд РФ оценил полномочия члена избирательной комиссии с правом

решающего голоса как баланс двух составляющих: с одной стороны, публичного интереса в проведении свободных выборов и защиты избирательных прав граждан; с другой — права члена участковой избирательной комиссии на участие в работе указанной комиссии как формы реализации им права на участие в управлении делами государства¹¹.

Есть ли такое право у члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса? Положения Федерального закона № 67-ФЗ о равенстве прав членов комиссий с правом решающего и с правом совещательного голоса приводят к положительному ответу.

Важнейшим элементом процессуального статуса членов с правом решающего и совещательного голоса является право на обращение в суд с обжалованием действий комиссии, членами которой они являются. Таким образом, закрепляется возможность оспаривать коллективное решение вплоть до его отмены, возможность доказывать правомерность иного варианта решения. Как представляется, закрепленная законодателем потенциальная возможность отмены решения большинства, включение такой составляющей статуса члена комиссии, как защита избирательных прав, если по мнению этого члена комиссии они по каким-то причинам были нарушены, подчеркивает демократические основы процессуального статуса члена избирательной комиссии. Вместе с тем при обращении в суд необходимо доказать не только наличие нарушений, но также и то, что допущенные нарушения не позволяют выявить действительную волю избирателей.

В последнее время получила распространение практика самостоятельного регулирования Центральной избирательной комиссией РФ отдельных избирательных процедур (видеонаблюдение на выборах, дистанционное электронное голосование), непосредственно не предусмотренных на уровне закона либо определенных в законе рамочным образом или в форме отсылочной нормы¹². Значительная роль в регулировании новых избирательных процедур отводится деятельности избирательных комиссий, выступающих субъектами создания «мягкого» конституционного права и способствующих включению в избирательный процесс

¹⁰ Так, по данным ЦИК России, в ходе выборов депутатов Государственной Думы, состоявшихся 19 сентября 2021 г., к 450 протоколам окружных избирательных комиссий по федеральному и одномандатным избирательным округам приложено 48 особых мнений членов комиссий с правом решающего голоса (порядка 10%). При установлении итогов голосования в территориальных и участковых избирательных комиссиях к протоколам были приложены 246 особых мнений (из 96 тыс. УИК и 2,8 тыс. ТИК), т.е. 0,25% от общего числа указанных избирательных комиссий (см.: URL: <http://www.cikrf.ru/smi/informatsionnye-materialy/o-rezultatakh-vyborov-19-sentyabrya-2021-goda.php>).

¹¹ См.: определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 г. № 2964-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самонова Вячеслава Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 96 и частью 1¹ статьи 241 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // В официальных источниках опубликовано не было.

¹² См.: Постников А.Е. О пределах подзаконного регулирования избирательных прав граждан // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 5. С. 31–42.

наиболее актуальных технологий организации выборов¹³. В этой связи расширены полномочия членов комиссий, организующих выборы, которые включают разработку и принятие инструкций, разъяснений нормативного характера, связанных с организацией новых форм голосования, в том числе многодневного голосования, применением избирательных технологий, предусматривающих использование машиночитаемых форм документов, электронных сервисов и др.

По мнению А.Е. Постникова, большую значимость приобретает развитие организационно-правового механизма, обеспечивающего реализацию институтов прямой демократии, использование процедур избирательного процесса, а также потенциала избирательных комиссий, представляющих особую часть государственного механизма¹⁴.

Как отмечают В.Е. Чуров и Б.С. Эбзеев, в отличие от членов комиссий с правом решающего голоса, партийная или иная составляющая (воля кандидата или инициативной группы референдума) является характерной чертой не только механизма назначения, но и статуса членов с правом совещательного голоса, что вытекает из самого способа их назначения, природы осуществляющего такое назначение субъекта, а также из целей данного института, который в том числе является формой взаимодействия государства и гражданского общества в конституционном механизме обеспечения народовластия в Российской Федерации¹⁵.

Различие порядка назначения (уполномоченным органом или вышестоящей комиссией — в отношении членов с правом решающего голоса или же субъектом избирательного процесса — в отношении членов с правом совещательного голоса) и разный объем полномочий отражают внутренние онтологические различия членов с правом решающего и с правом совещательного голоса. Индивидуальные полномочия членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса непосредственно закреплены Федеральным законом № 67-ФЗ, что подчеркивает их право действовать в интересах назначившего их кандидата или избирательного объединения.

Конкретизация правомочий члена с правом совещательного голоса в Федеральном законе № 67-ФЗ отражает его публично-правовые функции, позволяющие ему участвовать в этом процессе

в интересах назначившего его кандидата или партии: это не только право выступать на заседаниях комиссии, но и в числе важнейших — право знакомиться с документами и материалами соответствующей комиссии, непосредственно связанными с выборами, и получать копии этих документов, а также право осуществлять контроль организации и проведения голосования и подсчета голосов, право обжаловать действия (бездействие) комиссии в соответствующую вышестоящую комиссию или в суд.

Полномочия членов избирательной комиссии с правом решающего голоса охватывают защиту избирательных прав электората, зарегистрированного на территории действия комиссии, т.е. члены с правом решающего голоса выражают интересы всех участников избирательного процесса. Члены же с правом совещательного голоса в большей степени являются выразителями интересов назначившего их кандидата или избирательного объединения и закрепление в законе их правомочий направлено на создание гарантий их реализации.

Федеральным законом № 60-ФЗ внесены изменения, определенным образом меняющие структуру комиссий и статус члена с правом совещательного голоса¹⁶. В чем видятся смыслы последних новаций федерального избирательного законодательства?

В соответствии с новеллами Федерального закона № 60-ФЗ больше нет членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, ранее назначаемых кандидатами в депутаты законодательных органов субъектов Российской Федерации по одномандатным округам, равно как не будет их и на муниципальных выборах. Исключение избирательных комиссий муниципальных образований из системы избирательных комиссий сопряжено с закреплением за территориальной избирательной комиссией полномочий по осуществлению подготовки и проведения выборов в органы местного самоуправления. Однако возможность назначения в территориальную избирательную комиссию членов с правом совещательного голоса от кандидатов в соответствии с обновленными требованиями не предусмотрена. Законодатель определил возможность назначения членов с правом совещательного голоса исходя из статуса избирательного округа и уровня комиссии, в которую может быть назначен член с правом совещательного голоса. Это только единый округ на выборах федерального или регионального уровня, комиссия — не ниже уровня ЦИК России или избирательной комиссии субъекта Российской Федерации. Таким образом, право назначить члена с правом

¹³ См.: Турищева Н.Ю. Императивность и диспозитивность избирательного процесса в контексте ценностного подхода реализации избирательных прав // Государство и право. 2021. № 10. С. 117–126.

¹⁴ См.: Постников А.Е. Эволюция института выборов в России в контексте реализации конституционных принципов // Журнал рос. права. 2019. № 5. С. 23.

¹⁵ См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 16.

¹⁶ См.: Федеральный закон от 14.03.2022 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 12, ст. 1787 (далее — Федеральный закон № 60-ФЗ).

совещательного голоса остается только за кандидатами на выборах Президента РФ, высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, за партиями — на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ и депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации при проведении выборов по пропорциональной избирательной системе. Права назначения членов с правом совещательного голоса у кандидатов-одномандатников на выборах депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации, а также у кандидатов и партий на муниципальных выборах отныне не предусмотрено.

Изменение архитектуры ранее единообразной для избирательных комиссий всех уровней системы членства с правом совещательного голоса в значительной степени изменяет и отдельные процедурные вопросы реализации пассивного избирательного права. Члены с правом совещательного голоса как представители кандидатов и партий обладают полномочиями по анализу всех документов, имеющихся в распоряжении избирательной комиссии, выступают в качестве проводников интересов назначившего их кандидата (партии), в качестве заинтересованных «контролеров» при осуществлении выдвижения, регистрации кандидатов и партийных списков, проведении агитации и финансирования избирательной кампании. Самые широкие полномочия по оценке избирательных документов любого из участников избирательного процесса дают им возможность осуществления контроля и, при необходимости, оспаривания в судебном и административном порядке действий как самой избирательной комиссии, так и участвующих в выборах политических оппонентов.

Кроме членов с правом совещательного голоса в распоряжении кандидатов и избирательных объединений имеется достаточно значительная «армия» иных участников избирательного процесса: доверенных лиц, уполномоченных представителей, в том числе по финансовым вопросам, наблюдателей. Однако эти категории не наделены правами члена с правом совещательного голоса. Тем самым вводится определенный дисбаланс статуса кандидатов и избирательных объединений на выборах разного уровня, что является потенциально оспариваемым положением законодательства.

Как отмечает Г.Д. Садовникова, «единые правила избирательного процесса позволяют выработать и единые подходы к разрешению коллизий и избирательных споров, уменьшают возможность неправомерных отказов в регистрации кандидатов (списков кандидатов), создают условия для более

эффективного осуществления контроля за реализацией гарантий избирательных прав граждан»¹⁷.

Изменение структуры членов комиссий с правом совещательного голоса непосредственно влияет на изменение объема процессуальных возможностей кандидатов на муниципальных и региональных выборах. Однако неравенство объема правомочий кандидатов на выборах разного уровня в отношении сходных избирательных действий требует корректировки.

Территориальная комиссия в соответствии с законодательством выполняет функции организации информирования избирателей и обеспечения голосования на определенной территории, подведения итогов голосования на этой территории, т.е. в большей степени ориентирована на создание условий по реализации активного избирательного права избирателей, а не пассивного избирательного права кандидатов. Поэтому исключение члена с правом совещательного голоса территориальной комиссии можно признать обоснованным, но только как члена территориальной комиссии со свойственными именно этому уровню комиссий функциями. В контексте же исключения муниципальных избирательных комиссий из системы избирательных комиссий и возложения полномочий по организации и проведению муниципальных выборов на территориальные избирательные комиссии — исключение из электорального пространства члена с правом совещательного голоса комиссии, обеспечивающей реализацию пассивного избирательного права кандидатов на указанных выборах, представляется спорным.

Важнейшие процессуальные полномочия членов с правом решающего голоса как комиссии, организующей выборы, лежат в рамках принятия решений данной комиссией по заверению списков кандидатов, регистрации (отказу в регистрации) кандидата, списка кандидатов, то есть по определению основного состава участников избирательного процесса, на завершающем этапе избирательной кампании — по определению результатов выборов. Изменение структуры комиссий меняет функциональную составляющую процессуального статуса члена территориальной избирательной комиссии, которая отныне включает возможности по регистрации, отказу в регистрации кандидатов и списков кандидатов на муниципальных выборах, определению результатов этих выборов.

Кроме этого, в субъектах Российской Федерации достаточно широко распространена практика возложения на территориальные комиссии полномочий окружных избирательных комиссий

¹⁷ Садовникова Г.Д. Избирательное законодательство в Российской Федерации: этапы становления и тенденции развития // Актуальные проблемы рос. права. 2015. № 11. С. 47.

в рамках выборов депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации. В этом случае член с правом совещательного голоса — это тот участник, который представляет интересы кандидата в окружной избирательной комиссии на региональных выборах. Таким образом, наряду с исключением полномочий по представлению интересов кандидата (партии) в комиссии, организующей муниципальные выборы, отныне исключение возможности назначения члена с правом совещательного голоса в территориальной комиссии лишает также и своего представительства «мажоритарных» кандидатов на выборах депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации.

Новеллы Федерального закона № 60-ФЗ значительно изменяют содержание процессуального статуса члена избирательной комиссии, если речь идет о члене окружной комиссии на выборах депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации или комиссии, организующей муниципальные выборы.

В соответствии с новеллами Федерального закона № 60-ФЗ члены комиссий с правом совещательного голоса отныне не наделены полномочиями знакомиться с документами нижестоящих комиссий, что замыкает их деятельность в рамках той комиссии, в которую они назначены уполномоченным субъектом.

Ранее действовавшее правило о сроке полномочий члена с правом совещательного голоса, соответствовавшего сроку полномочий избранного кандидата или партии, интересы которых представлял член с правом совещательного голоса в ходе избирательной кампании, создавало гарантии осуществления прав членов соответствующей избирательной комиссии до публикации решения о назначении новых выборов, т.е. в течение пяти лет.

Согласно внесенным изменениям срок полномочий членов с правом совещательного голоса заканчивается с опубликованием результатов текущих выборов, в том числе в случае избрания назначивших их кандидата или партии. Таким образом, функции указанных членов сводятся лишь к участию в конкретной избирательной кампании, при этом не подразумевается их дальнейшая деятельность в составе избирательной комиссии. Тем самым обозначается роль членов с правом совещательного голоса не столько как членов избирательного органа, сколько как субъектов избирательного процесса, обеспечивающих реализацию избирательных прав назначивших их кандидатов или избирательных объединений.

Ответственность членов комиссий с правом решающего голоса выражается в прекращении по решению суда их полномочий как членов коллегиального органа и состоит в расформировании комиссии за принятие неправомерного решения, неисполнение

решений вышестоящей комиссии или суда. При этом учитываются персональные результаты голосования за неправомерное решение. Прекращение же полномочий члена комиссии с правом совещательного голоса возможно по инициативе субъекта, назначившего его кандидатуру в состав комиссии, что еще раз подчеркивает зависимый характер отношений указанных субъектов избирательного процесса.

Конфликт дуалистической природы правомочий члена избирательной комиссии состоит в реализации собственных индивидуальных правомочий и правомочий члена избирательной комиссии как коллегиального органа. Введением новаций нивелируется конфликтность и полномочия члена комиссии в большей степени возвращаются в русло понимаемого в самом широком значении соблюдения и защиты избирательных прав, а не индивидуальных устремлений кандидата или партии.

Одновременно с исключением членов с правом совещательного голоса в территориальных и участковых избирательных комиссиях законодателем увеличено — с двух до трех — число наблюдателей, которые могут присутствовать при проведении голосования и установлении его итогов не только в участковой, но и в окружной и территориальной избирательной комиссии. Как представляется, это обоснованное изменение, направленное на действительное расширение прав участников избирательного процесса, реализующих в избирательных комиссиях полномочия по наблюдению за процессом голосования и подсчетом голосов. Смещаются функции от не всегда обоснованного вмешательства в деятельность комиссии со стороны членов с правом совещательного голоса в сторону более широких возможностей по реализации общественно значимых функций наблюдения — со стороны наблюдателей.

Объективирование итогов голосования и результатов выборов в независимой оценке наблюдателей, присутствующих при проведении голосования и подведении его итогов в участковой, а также при определении результатов выборов в вышестоящих окружных и территориальных комиссиях, выступает одним из факторов получения достоверных итогов голосования.

При расширении возможностей наблюдения создаются дополнительные гарантии независимой оценки результатов выборов, что соответствует интересам всех участников избирательного процесса. Таким образом, анализируемые изменения избирательного законодательства отражают смещение центра конституционно-правовой охраны избирательных прав из сферы реализации индивидуальных интересов участников избирательного процесса в направлении осуществления всеобщего объективного контроля за соблюдением прав и свобод избирателей, кандидатов и избирательных объединений.

* * *

Практика применения проанализированных норм подтвердит или опровергнет заинтересованность в них основных участников избирательного процесса. Одним из вариантов дальнейшего развития содержания статуса членов избирательных комиссий является возможность отказа от института членов с правом совещательного голоса во всех избирательных комиссиях, в том числе в ЦИК России и избирательных комиссиях субъектов Российской Федерации. Как представляется, установленное законодателем на текущий момент правило осуществления полномочий членов с правом совещательного голоса только в рамках избирательной кампании ведет к возможному «делегированию» законодателем исполнения указанных публичных полномочий уполномоченному представителю кандидата, избирательного объединения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баландин В.Н., Павлушина А.А. О видах юридического процесса // Правоведение. 2002. № 4 (243). С. 27.
2. Биктагиров Р.Т. Избирательный процесс как вид юридического процесса: теоретические проблемы становления // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1. С. 148, 152.
3. Комарова В.В. Демократия через призму конституционных ценностей // Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации / отв. ред. В.А. Виноградов, А.А. Ларичев. М., 2021. С. 19.
4. Постников А.Е. О пределах подзаконного регулирования избирательных прав граждан // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 5. С. 31–42.
5. Постников А.Е. Эволюция института выборов в России в контексте реализации конституционных принципов // Журнал рос. права. 2019. № 5. С. 23.
6. Садовникова Г.Д. Избирательное законодательство в Российской Федерации: этапы становления и тенденции развития // Актуальные проблемы рос. права. 2015. № 11. С. 47.
7. Соловей Ю.П. Современные проблемы построения российской модели административного процесса: обзор Всеросс. науч.-практ. конф. // Сибирское юрид. обозрение. 2021. Т. 18. № 2. С. 111.
8. Турищева Н.Ю. Императивность и диспозитивность избирательного процесса в контексте ценностного под-

хода реализации избирательных прав // Государство и право. 2021. № 10. С. 117–126.

9. Чистобородов И.Г. Понятие государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 1. С. 89.
10. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель // Журнал рос. права. 2011. № 11. С. 7, 16.

REFERENCES

1. Balandin V.N., Pavlushina A.A. About the types of legal process // Pravovedenie. 2002. No. 4 (243). P. 27 (in Russ.).
2. Biktagirov R. T. Electoral process as a type of legal process: theoretical problems of formation // Citizen. Elections. Power. 2020. No. 1. P. 148, 152 (in Russ.).
3. Komarova V.V. Democracy through the prism of constitutional values // Democracy as a constitutional value: legal regulation and guarantees of implementation / res. ed. V.A. Vinogradov, A.A. Larichev. M., 2021. P. 19 (in Russ.).
4. Postnikov A.E. On the limits of the subordinate regulation of citizens' electoral rights // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 26. No. 5. P. 31–42 (in Russ.).
5. Postnikov A.E. Evolution of the institution of elections in Russia in the context of the implementation of constitutional principles // Journal of Russ. law. 2019. No. 5. P. 23 (in Russ.).
6. Sadovnikova G.D. Electoral legislation in the Russian Federation: stages of formation and development trends // Actual problems of Russ. law. 2015. No. 11. P. 47 (in Russ.).
7. Solovey Yu. P. Modern problems of constructing the Russian model of the administrative process: a review of the All-Russian Scientific and Practical Conference // Siberian legal review. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 111 (in Russ.).
8. Turishcheva N. Yu. Imperativeness and dispositivity of the electoral process in the context of a value-based approach to the realization of electoral rights // State and Law. 2021. No. 10. P. 117–126 (in Russ.).
9. Chistoborodov I.G. The concept of state management of the electoral process in the Russian Federation // Problems of economics and legal practice. 2020. Vol. 16. No. 1. P. 89 (in Russ.).
10. Churov V.E., Ebzeev B.S. Democracy and management of the electoral process: a domestic model // Journal of Russ. law. 2011. No. 11. P. 7, 16 (in Russ.).

Сведения об авторе

ТУРИЩЕВА Наталья Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, секретарь избирательной комиссии Краснодарского края, доцент кафедры конституционного и административного права Кубанского государственного университета; 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Authors' information

TURISHCHEVA Natalia Yu. — PhD in Law, Associate Professor, Secretary of the Election Commission of the Krasnodar Region, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Kuban State University; 149 Stavropolskaya str., 350040 Krasnodar, Russia

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

АКАДЕМИК В.В. ЛАПТЕВ О ГЛАВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
ХОЗЯЙСТВЕННОГО (ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО) ПРАВА

© 2023 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 19.12.2022 г.

Аннотация. В статье главная, базовая составляющая хозяйственного (предпринимательского) права, являющаяся основным достижением академика В.В. Лаптева, как самостоятельной отрасли права, отрасли юридической науки, отрасли законодательства и учебной дисциплины определяется в качестве органического сочетания правового регулирования хозяйственной деятельности (предпринимательской) и руководства ею. По сути, это органическое сочетание частноправовых и публично-правовых начал. Отмечая, что развитие этой отрасли, по мнению учёных, прошло в советский период три этапа, именуемые: «двухсекторной» теорией (20-е годы), единой довоенной теорией (вторая половина 30-х годов) и послевоенной так называемой теорией «адресата», автор считает, что предпринимательское право, как и хозяйственное право рыночной экономики, — это четвёртый этап, в чём состоит ещё одно значительное научное достижение академика В.В. Лаптева. Автор сделал 10 выводов и внёс соответствующие предложения.

Ключевые слова: хозяйственное (предпринимательское) право, органическое сочетание публично-правовых и частноправовых начал, четыре этапа развития хозяйственного (предпринимательского) права, проблемы законодательного регулирования экономики, турбулентность в экономике.

Цитирование: Клеандров М.И. Академик В.В. Лаптев о главной составляющей хозяйственного (предпринимательского) права // Государство и право. 2023. № 3. С. 63–73.

DOI: 10.31857/S102694520024774-2

ACADEMICIAN V.V. LAPTEV ON THE MAIN COMPONENT
OF ECONOMIC (ENTREPRENEURIAL) LAW

© 2023 М. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 19.12.2022

Abstract. In the article, the main, basic component of Economic (Entrepreneurial) Law, which is the main achievement of Academician V.V. Laptev, as an independent branch of law, branch of legal science, branch of legislation and academic discipline is defined as an organic combination of legal regulation of economic activity (entrepreneurial) and its management. In fact, it is an organic combination of private law and public law principles. Noting that the development of this industry, according to scientists, went through three stages during the Soviet period, called: “two-sector” theory (20^s), a single pre-war theory (the second half of the 30^s) and the post-war so-called “addressee” theory, the author believes that Entrepreneurial Law as well as the Economic Law of the market economy — this is the fourth stage, which is another significant scientific achievement of Academician V.V. Laptev. The author has made 10 conclusions and makes appropriate proposals.

Key words: Economic (Entrepreneurial) Law, an organic combination of public and private law principles, four stages of the development of Economic (Entrepreneurial) Law, problems of legislative regulation of the economy, turbulence in the economy.

For citation: Kleandrov, M.I. (2023). Academician V.V. Laptev on the main component of Economic (Entrepreneurial) Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 63–73.

Учёные отмечают, что российское предпринимательское законодательство имеет древние истоки. Например, С.С. Занковский начало истории предпринимательского законодательства видел в XI в., в том периоде развития, когда рост критической массы производителей товаров и торговцев столкнулся с тесными рамками бытовой цивилистики как правил, ориентированных преимущественно на потребителей, когда купцы в меру своего влияния создавали удобную для себя правовую среду. Всё это относилось к торговому праву в узком смысле, а в широком плане оно затрагивало ещё и то, что сейчас назвали бы государственным регулированием экономики¹. Истоки торгового права на Руси относят к 911 г., когда был заключён договор князя Олега с греками². Впрочем, и сегодня предпринимательское право отождествляют с коммерческим, как науку³, так и учебную дисциплину⁴. Научная литература, в той или иной мере посвящённая источникам хозяйственного (предпринимательского) права в разные исторические периоды, весьма обширна, недавно была даже защищена докторская диссертация по этой проблеме⁵ со значительной источниковой базой.

В дореволюционной России долгие годы государственное регулирование в сфере экономических отношений осуществлялось многообразными нормами, не скоординированными и разноплановыми, которые относились к коммерческому праву.

После Октябрьской революции 1917 г. наступила эпоха регулирования этих отношений путями, которые можно охарактеризовать как этапы предтечи современного предпринимательского права. Цель такого государственного регулирования была очевидной — повысить его эффективность. И движение к этой цели у отечественного предпринимательского законодательства, как, соответственно, и его научного обеспечения (т.е. отрасли науки

предпринимательского права), было крайне непоследовательным, подчас трагическим.

Поэтому следует жёстко сказать: хозяйственное, тем паче предпринимательское право не возникло внезапно и из ниоткуда. У этой отрасли права долгая и весьма извилистая история, которая рассматривалась многими исследователями правовой науки (вначале как история торгового права). Например, сжато, но ёмко она рассмотрена в статье И.В. Ершовой и Л.В. Андреевой⁶. А глубокое представление об истории отечественного хозяйственного законодательства даёт (под своим углом зрения) четырёхтомник «Экономическое правосудие в России»⁷, где оно как коммерческое правосудие представлено в документах начиная с XII в. Научное же осмысление истории экономического правосудия в России осуществлено в числе иных учёных и автором этих строк⁸.

К настоящему времени становится всё более очевидным: базовым положением предмета предпринимательского (до развала СССР — хозяйственного) права, выработанным акад. В.В. Лаптевым (впрочем, тогда он ещё не был академиком) и разделяющими это положение учёными, было органическое единство отношений по ведению хозяйственной деятельности и отношений по руководству ею⁹. А это и есть органическое сочетание частных и публичных начал в хозяйственном тогда, ныне — предпринимательском, праве. Данная идея (может быть, главное научное достижение В.В. Лаптева) образовалась на базе двух предшествующих научных доктрин хозяйственного права. Вообще же, как известно, учёных, обладающих широким и дальним взглядом, выходящим за общепринятые рамки, всегда было мало. Без сомнения, к таким учёным относились В.В. Лаптев и научные сотрудники возглавляемого им с середины 60-х годов сектора хозяйственного права Института государства и права АН СССР.

Итак. *Первая*: «двухсекторная» теория, сформулированная в 20-е годы видным советским политическим

¹ См. подр.: Занковский С.С. Возникновение и развитие доктрины предпринимательского права // Предпринимательское право в XXI веке: истоки и перспективы / под ред. С.С. Занковского, Н.И. Михайлова. М., 2018. С. 11 (со ссылкой на: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб., 1901. Т. 33. С. 594–597); *Его же*. Из истории предпринимательского (хозяйственного) права // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 3. С. 52–56.

² См.: Современное предпринимательское право / И.В. Ершова, Л.В. Андреева, Н.Г. Аapresова и др.; отв. ред. И.В. Ершова. М., 2014. С. 6 (автор параграфа — проф. Л.В. Андреева).

³ См.: Попондопуло В.Ф. Природа коммерческого (предпринимательского) права // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Ф. Попондопуло и О.Ю. Скворцова. М., 2005. Вып. 5. С. 3–30.

⁴ См.: Попондопуло В.Ф. Коммерческое (предпринимательское) право: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

⁵ См.: Лаптев В.А. Источники предпринимательского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.

⁶ См.: История российского предпринимательского (хозяйственного) и коммерческого (торгового) права // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 1. С. 23–36.

⁷ Яковлев В.Ф., Семигин Г.Ю. Экономическое (коммерческое) правосудие в России: в 4 т. / науч. консультант В.Н. Кудрявцев. Т. 1. Зарождение и развитие коммерческого правосудия (XII–XIX вв.); отв. ред. Л.Н. Алисова. М., 2004.

⁸ См.: Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006. С. 1–119.

⁹ См., в частности: Лаптев В.В. Предмет и система хозяйственного права. М., 1969; *Его же*. Экономика и право (Теория и практика правового регулирования хозяйственных отношений). М., 1981. С. 5.

и государственным деятелем П.И. Стучкой¹⁰, который разделял хозяйственно-административное и гражданское право, регулирующие разные экономические секторы того периода (начала и середины 20-х годов). При этом между секторами регулирования, как тогда отмечалось, происходила антагонистическая классовая борьба, в результате которой регулируемые гражданским правом отношения в сфере буржуазного (частного) сектора отомрут после отмирания частного сектора экономики, а хозяйственно-административное право, наоборот, будет развиваться. Похоже, что корни этой позиции появились ещё в период военного коммунизма в 1918 г., когда экономика, вся без исключения, в нашей стране регулировалась непосредственно декретами, распоряжениями, указаниями и проч., т.е. в ручном режиме, но не законами — их попросту не было. Если бы декреты экономического плана исходили бы лишь из Совнаркома РСФСР, это было бы полбеды. Но разного рода указания, приказы, распоряжения и проч. исходили тогда более чем из 50 Главков (Главнефть, Главцемент, Главхлеб и т.д.), и эти акты далеко не всегда соответствовали декретам Совнаркома РСФСР, но и подчас пересекались между собой ввиду недостаточно чётко определённых у каждого Главка полномочий. На всё это налагался жуткий голод в ряде регионов страны, а как следствие — продразверстка, содержание пятимиллионной РККА и т.д.

Трагическую ситуацию, как известно, «разрядил» переход (точнее — перевод экономики страны) к НЭПу, что потребовало соответствующего нормативно-правового регулирования, которое, по идее, должно было строиться на соответствующих научно-правовых исследованиях. Цель которого в 1920 г. поставил В.И. Ленин, провозгласивший: «Покорение, которому теперь 15 лет., через 10–20 лет будет жить в коммунистическом обществе»¹¹.

Доктрина П.И. Стучки в конечном счете сводилась к тому, что регулированию отношений внутри социалистического сектора хозяйства в той части, которым оно осуществлялось гражданским правом, суждено отмирание, а в части регулирования правом хозяйственным, где оно должно проходить при переходе от купли продажи к прямому снабжению, что означает административное распределение товаров, будет утрачивать свои правовые начала¹².

¹⁰ Стучка Петр Иванович (1865–1932), в 1923–1932 гг. — Председатель Верховного суда РСФСР. С 1927 по 1930 г. — ответственный редактор журнала «Революция права» (с 1930 по 1931 г. — «Советское государство и революция права», ныне — «Государство и право» Российской академии наук) (см. подр.: Клеандров М.И., Кроткова Н.В. Нам — 95 лет // Государство и право. 2022. № 2. С. 9; Кроткова Н.В. Нашему журналу — 85 лет // Государство и право. 2012. № 4. С. 11).

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 317.

¹² См.: Стучка П.И. Курс советского гражданского права. М.—Л., 1931. Т. 3. С. 10 и др.

Однако сворачивание НЭПа привело к обесценению этой — первой — доктрины хозяйственного (предпринимательского) права.

Вторая: т.н. довоенная теория единого хозяйственного права сформирована в основном Е.Б. Пашуканисом¹³. Согласно этой теории, хозяйственное право регулировало отношения с участием не только социалистических организаций, но и граждан, при этом здесь оно было не двухсекторным, а единым.

Идеология этой концепции заключалась, как подчеркивал С.С. Занковский, в том, что в её рамках правовое регулирование отношений социалистических организаций объединялось с отношениями с участием граждан, причём последним там — что вообще характерно для советской власти — отводилась второстепенная роль¹⁴. И данное поглощение хозяйственным правом гражданского Л.Я. Гинцбург, один из авторов этой концепции, чудом выживший в период жутких репрессивных гонений на сторонников теории хозяйственного права, объяснял тем, что на переломе 1920–1930-х годов в сферу государственного планирования оказалось вовлечённым всё народное хозяйство в целом, включая необобществленный сектор. В результате область общественных отношений вне «плановости и подчинения» оказалась столь обуженной (обедненной), что сохранять её как самостоятельный предмет правового регулирования, наряду с огромным материалом «права социалистического сектора», представлялось с научной точки зрения неоправданным¹⁵.

Почему имели место эти гонения — именно в отношении сторонников хозяйственного права того периода? В.С. Мартемьянов, получивший в 1991 г. доступ в соответствующие архивы к делам учёных школы хозяйственного права, когда он стал депутатом Верховного Совета СССР, писал: «Меня давно мучила история учёных школы хозяйственного права, репрессированных в тридцатые годы. В конце

¹³ Пашуканис Евгений Брониславович (1891–1937), с 1931 г. — директор Института советского строительства и права Коммунистической академии (ныне — Институт государства и права Российской академии наук); с 1936 г. — заместитель наркома юстиции СССР. В 1931 г. назначен ответственным редактором журнала «Советское государство и революция права» (см. подр.: Клеандров М.И., Кроткова Н.В. Указ. соч. С. 8, 10, 11; Савенков А.Н. Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 10, 11; Кроткова Н.В. Указ. соч. С. 12, 13).

¹⁴ См.: Занковский С.С. Возникновение и развитие доктрины предпринимательского права. С. 21 (со ссылкой на: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. Т. 33. С. 594–597).

¹⁵ См.: Гинцбург Л.Я. Наука гражданского (хозяйственного) права в СССР в 1929–1931 гг. // Правоведение. 1976. № 4–6. С. 96–105.

сороковых — начале пятидесятих годов, будучи студентом, я слышал шепотом передававшиеся рассказы о том, что были какие-то вредители-профессора, извратившие юридическую науку и жестоко наказанные за это. Только сорок лет спустя передо мной раскрылись пожелтевшие дела этих учёных.

Читая их, я никак не мог взять в толк, почему людей расстреляли совсем не за то, что прокламировалось тогда в открытой печати. Объявленные контрреволюционерами и вредителями на фронте правовой науки, по делам они проходили чаще всего как члены террористических организаций, замышлявших козни против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Особенно поразительным оказалось дело профессора Е.Б. Пашуканиса — заместителя наркома юстиции СССР, директора Института государства и права АН СССР. Именно ему в первую очередь приписывались контрреволюционные извращения марксистско-ленинской теории, которые-де оказали тлетворное влияние на советское правоведение тех лет, привели к созданию, в частности, «вредительской» теории советского хозяйственно-права...

Каюсь, когда взял в руки его дело, я полагал, что найду в нём хотя бы какой-то разбор вредительских акций, составивших целое течение («пашуканисовщину»), которое пришлось преодолевать, разоблачать, искоренять на всех направлениях «правового фронта». Понятно, я не ожидал здесь встретить подлинно правовой материи, но всё же думал, что обвинения хотя бы в основном совпадут с теми, что с размахом внедрял в общественное сознание лидер тогдашнего правоведения академик А.Я. Вышинский. Какое там!.. Обвинения в адрес Пашуканиса гласили: «С 1933 года являлся активным участником террористической организации...», «Лично завербовал в организацию Дзениса и Ашрафяна...», «Был в курсе террористической работы и сам являлся сторонником террора над руководителями ВКП(б) и Советского правительства...».

И лишь как довесок ко всему этому:

«...совместно с участниками организации Анчаровым и Берманом вёл контрреволюционную деятельность в области советского права». Без каких-либо подробностей по поводу этой самой теории¹⁶.

И отвечая на им же заданный вопрос: «Почему такое происходило?», В.С. Мартемьянов в той же статье писал: «Строгий порядок и подчинение закону в сфере управления хозяйством? Юридическое оформление сферы управления? Определение

степени обязательности плановых актов директивных органов? Нет, такого свободомыслия тоталитарная экономика, правящая бюрократия не прощали!

С высот гласности и исторической перспективы причины расстрела школы хозяйственного права и запрещения хозяйственно-правовой мысли видятся в том, что система отторгала, да в значительной мере отторгает и ныне, начала правопорядка в сфере экономики¹⁷.

Впрочем, гонениям в тот период подвергались не только учёные-юристы, но и философы. Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского университета Е.А. Ростовцев поведал о репрессиях против гуманитариев. Из 94 философов, работавших в Петроградском (Ленинградском) университете в 1917–1941 гг., репрессиям (расстрел, лишение свободы, ссылка, высылка) были подвергнуты 34 человека (36%). Парадокс, но лишь малая их часть относится к представителям «буржуазной идеалистической» философии (среди ярких фигур — И.А. Аскольдов, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, С.Л. Франк). Большинство репрессированных — верные бойцы идеологического фронта, приверженцы марксистско-ленинской философии, чьё проникновение в стены университета началось в 1921/22 уч. г. с внедрением в преподавание дисциплин т.н. партминимума¹⁸. «Старая», дореволюционная плеяда отечественных философов, как известно, покинула Россию на т.н. философских пароходах.

И *третья*: уже послевоенная, т.н. теория «адресата», согласно которой все нормы, регулирующие социалистическое хозяйство, должны быть отнесены к хозяйственному праву, а все нормы, определяющие правовой статус гражданина, — к праву гражданскому.

Впервые с такой концепцией выступил в 1956 г. В.С. Тадевосян¹⁹, который предложил строить систему права по целевой направленности правовых норм. Первая группа норм направлена на охрану и укрепление советского государственного строя. Эти нормы составляют государственное право. Вторая группа

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по: *Соснов А.Я.* Объединившая пространство. В центре внимания науковедов — консолидирующая роль АН СССР // Поиск. 2022. № 48. 25 нояб.

¹⁹ Тадевосян Врамшапу Самсонович (1900–1979), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, государственный советник юстиции II класса. В 1946 г. — помощник главного обвинителя от СССР на Токийском процессе японских военных преступников. В 1958–1963 гг. — заместитель директора Института государства и права им. А.Я. Вышинского АН СССР. До 1972 г. возглавлял один из секторов ИГП АН СССР. Член редакционной коллегии журнала «Советское государство и право» (см.: *Клеандров М.И., Кроткова Н.В.* Указ. соч. С. 14).

¹⁶ *Мартемьянов В.С.* Юридическая трагедия // Юрид. газ. 1992. № 1–2.

норм — на охрану и укрепление социалистической системы хозяйства и социалистической собственности. Данные нормы составляют хозяйственное право. Третья группа норм направлена на охрану прав граждан и составляет гражданское право.

В пределах каждой из этих трёх основных отраслей права существуют подотрасли. Хозяйственное право включает следующие подотрасли: промышленное, транспортное, сельскохозяйственное, кооперативное, торговое, коммунально-жилищное, банковско-кредитное право. Подотраслями гражданского права являются: семейное, трудовое, пенсионное, право личной собственности, наследственное, авторское, изобретательское, жилищное, обязательственное право, избирательное право и другие политические права²⁰.

На этих научных базах и начало создаваться и развиваться послевоенное хозяйственное право — как отрасль права, как отрасль юридической науки, как отрасль законодательства и как учебная дисциплина, чему способствовало на послевоенном этапе научное осмысление этой проблематики В.В. Лаптевым. После тяжёлого ранения в боях на Курской дуге он в 1944 г. поступил в Институт внешней торговли, проходил студенческую практику в Венгрии, работал по окончании учёбы в течение нескольких лет в Восточной Германии, где занимался вопросами репараций.

Но главное — он глубоко ознакомился с правовым регулированием хозяйственной деятельности в странах Восточной Европы с их различными формами социалистической экономики. В результате в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правовые вопросы организации и деятельности народных предприятий в ГДР». Этот вид предприятий так и не получил в нашей стране должного развития ни в советское, ни в постсоветское время, хотя отдельные их примеры на практике показывали хорошие результаты.

В 1964 г. В.В. Лаптев защитил докторскую диссертацию «Правовое положение государственных промышленных предприятий в СССР». В этом году, как известно, произошла, как тогда называли, «малооктябрьская революция» — на посту руководителя КПСС, а по факту, Советского государства Н.С. Хрущёва сменил Л.И. Брежнев, и, что весьма важно, Председателем Совета Министров СССР стал А.Н. Косыгин. Тот самый Косыгин, блестящий экономист, который в числе нескольких других наркомов после начала Великой Отечественной войны обеспечил за три месяца перенос 80% промышленного потенциала СССР на Урал, в Казахстан и в Среднюю Азию. Что, по всей

видимости, в условиях рыночной экономики, когда львиная доля этого промышленного потенциала находится в частных руках, сделать было бы весьма затруднительно.

Наверняка материалы докторской диссертации В.В. Лаптева и ряд иных его научных работ, в которых была обоснована необходимость если не полного отказа от административно-командных методов управления в народном хозяйстве СССР, то серьёзное её ослабление в сторону стимулирования экономической деятельности, в той или иной мере послужили стартом экономической реформы 1965 г. Можно сказать: баланс в единстве по руководству и осуществлению хозяйственной деятельности сместился, отношения по вертикали перестают быть чисто управленческими, а преобразовываются в хозяйственные отношения, в которых в неразрывном единстве наличествовали как планово-организационные, так и имущественные элементы. А сама экономическая реформа 1965 г. в основном базировалась на постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства»²¹, которое, кстати, аспиранты-хозяйственники должны были тогда, да и позднее, знать чуть ли не наизусть.

Но немногим позже коммунистическая идеология стала отвергать имущественные элементы как экономическое стимулирование в хозяйственно-управленческих отношениях, что в принципе привело к стагнации в экономике, а позже — и во внутривластной сфере. Когда затем последовали попытки внедрения рыночных отношений в экономику — перед распадом СССР, к какому-либо очевидному результату они не привели в условиях жёсткого правового регулирования на принципах плановой экономики.

Переход в начале 90-х годов экономики Российской Федерации на рыночные рельсы потребовал соответствующего правового обеспечения, чему активно и весьма успешно способствовали учёные, разделявшие доктрину хозяйственного права, убедительно обосновавшие: хозяйственное право становится правом предпринимательской деятельности — предпринимательским правом²². А это уже **четвёртая** по счёту доктрина хозяйственного, теперь — предпринимательского, права. И центром её по-прежнему оставался сектор предпринимательского права ИГП РАН, как и раньше, возглавляемым В.В. Лаптевым. Но он не только возглавлял данный сектор — об ответственной работе

²¹ См.: СП СССР. 1965. № 11–20, ст. 155.

²² См. подр.: Лаптев В.В. Предпринимательское право: понятие и субъекты. М., 1997.

²⁰ См.: Тадевосян В.С. Некоторые вопросы системы советского права // Сов. государство и право. 1959. № 7. С. 135.

В.В. Лаптева в журнале «Советское государство и право»²³ вспоминают академики Ю.К. Толстой²⁴ и Б.Н. Топорнин²⁵.

Но также эту доктрину активно развивали в ВЮЗИ (где соответствующую кафедру возглавил В.С. Мартемьянов); в МГУ (где кафедру возглавил А.Г. Быков); в Самарском госуниверситете (где кафедру возглавил Н.И. Коняев) и т.д. А главное — эта доктрина сохраняет своё органическое сочетание публично-правовых и частноправовых элементов в регулировании предпринимательских отношений и в настоящее время. А как самостоятельная отрасль права, предпринимательское право характеризуется своими принципами, предметом, методами регулирования и своеобразными субъектами²⁶.

В.В. Лаптев ещё в первой половине 90-х годов отмечал, что предпринимательское право как отрасль права характеризуется своими принципами, предметом, субъектами и методами регулирования. При этом, в частности, *принципами предпринимательского права*, по его мнению, являются: свобода предпринимательской деятельности; юридическое равенство различных форм собственности, используемых в предпринимательской деятельности; свобода конкуренции и ограничение монополистической деятельности; получение прибыли как цель предпринимательской деятельности; законность в предпринимательской деятельности; государственное регулирование предпринимательской деятельности. И хотя свобода предпринимательской деятельности означает право предпринимателя начинать и вести дело в любой форме хозяйственной деятельности, но она не беспредельна, она может быть ограничена законодательством в интересах общества.

В.В. Лаптев обращал внимание на то, что охват предпринимательским правом отношений и по горизонтали, и по вертикали имеет большое значение для их согласованного регулирования. При раздельном же регулировании этих отношений существует опасность ограничения прав предпринимателей путем усиления административных методов регулирования вертикальных отношений²⁷.

²³ В 1986 г. вошел в состав редколлегии журнала, а в 2008 г. — редсовета (см.: Клеандров М.И., Кроткова Н.В. Указ. соч. С. 17, 19).

²⁴ См.: Толстой Ю.К. Владимир Лаптев и его время // Жизнь, посвящённая науке: памяти академика Владимира Викторовича Лаптева / авт.-сост. С.В. Лаптев и др. М., 2013. С. 34.

²⁵ См.: Топорнин Б.Н. Из выступления на праздновании 80-летия академика В.В. Лаптева // Там же. С. 216.

²⁶ См. подр.: Лаптев В.В. Хозяйственное право — право предпринимательской деятельности // Государство и право. 1993. № 1. С. 33–42.

²⁷ См.: Лаптев В.В. Введение в предпринимательское право. М., 1994.

В то же время, немногим позднее, он предостерегал: игнорирование необходимости использовать при регулировании экономики не только частно-правовые, но и публично-правовые формы привело в начале 90-х годов к т.н. шоковой терапии, сторонники которой полагали, что экономика должна строиться на основе полного саморегулирования без какого-либо государственного вмешательства. Использование такого подхода привело к катастрофическим последствиям: оказались разрушенными целые отрасли промышленности, возникло огромное социальное неравенство, появились другие неблагоприятные последствия²⁸.

Уже в XXI в., когда правовое регулирование предпринимательской деятельности вошло в нормальное русло, В.В. Лаптев в 2003 г. подчёркивал: ни с теоретической точки зрения, ни с практических позиций сведение государственного воздействия на экономику к частноправовым формам не обосновано и неправомерно, поскольку экономика является сложной системой, включающей как горизонтальные, так и вертикальные связи, а последние частным правом охватываться не могут, и сведение государственного воздействия на экономику к частноправовым формам не даёт возможности решать многие проблемы в интересах общества и государства. Например, сегодня поставка нефти и нефтепродуктов на мировой рынок для предприятий-производителей несравненно более выгодна, чем поставка для внутренних нужд, поэтому государство вынуждено устанавливать ежегодные балансовые задания по поставке этих товаров на внутренний рынок с тем, что выполнение данных заданий есть условие получения разрешения на экспорт нефти и нефтепродуктов.

Вообще же, отмечал он, в последние годы в нашей стране произошло осознание необходимости использования государственного регулирования экономики, стали применяться различные способы публично-правового воздействия государства на хозяйственную деятельность, причём в качестве не только мер ограничительного характера, но и государственной поддержки тех видов деятельности, которые особенно важны для общества и государства. Широко используются такие меры государственного регулирования рыночной экономики, как прогнозирование и программирование социально-экономического развития, государственная поддержка малого предпринимательства, государственная регистрация субъектов предпринимательской деятельности, лицензирование отдельных видов деятельности, антимонопольное регулирование, сертификация продукции и многие другие. Ничего этого не было в начале 90-х годов,

²⁸ См.: Лаптев В.В. Субъекты предпринимательского права: учеб. пособие. М., 2003. С. 10.

когда игнорирование необходимости использовать при регулировании экономики не только частно-правовых, но и публично-правовых форм привело к появлению т.н. шоковой терапии, сторонники которой полагали, что экономика России должна строиться на основе полного саморегулирования без какого-либо государственного вмешательства. Как известно, такой подход привел к катастрофическим последствиям. Положение стало выправляться с применением государством более энергичных — публично-правовых — форм регулирования экономического развития страны.

Говоря о предпринимательском праве, центральным направлением которого является реальный сектор экономики, В.В. Лаптев развивает свою доктринальную концепцию хозяйственного права как самостоятельной отрасли права, согласно которой в условиях рыночной экономики хозяйственная деятельность выступает в основном как предпринимательская деятельность; регулирование хозяйственных отношений рассматривается сквозь призму предпринимательства, что важно для рационального формирования хозяйственно-правовых институтов в содержательном отношении и полезно для правильного понимания путей совершенствования правового регулирования промышленности и других отраслей реального сектора экономики. Совершенствование правового регулирования хозяйственной деятельности как в реальном секторе экономики, где специальных норм относительно небольшое количество, в чём выражается недооценка отраслей материального производства, возникшая при переходе к рыночной экономике, когда приоритетными стали приносящие быстрый и большой доход отрасли — торговля и банковская деятельность, а более важные с макроэкономической и стратегической точек зрения отрасли материального производства, особенно промышленность, оказались практически разрушенными (кроме сырьевых отраслей), так и во всём народном хозяйстве следовало бы, по справедливому мнению В.В. Лаптева, проводить на основе сочетания частноправовых и публично-правовых начал. Тем более что в настоящее время издаются многочисленные законы и иные нормативные акты по регулированию хозяйственных отношений, основанные именно на таком сочетании. Это прежде всего законодательство о техническом регулировании (технические регламенты) и законодательство о лицензировании предпринимательской деятельности, с учётом того, что функции контроля за хозяйственной деятельностью, выполняемые лицензирующими

органами, предполагается в перспективе возложить на бизнес-сообщества²⁹.

Какие выводы можно сделать из вышеизложенного — ретроспективного — взгляда относительно сочетания частноправовых и публично-правовых начал в регулировании хозяйственным (предпринимательским) правом экономических отношений на разных исторических этапах развития экономики в нашей стране?

1. Весьма важно учесть, что все эти доктринальные концепции учёными не были, что называется, «высосаны из пальца»: они появились, каждая, в особенных исторических, политических и экономических условиях нашего государства того или иного периода. При этом они всегда встречали ожесточённую критику со стороны учёных-юристов, не разделяющих ту или иную концепцию хозяйственного права.

Так, «двухсекторная» теория 20-х годов, основоположником которой был П.И. Стучка, возникла в период НЭПа. Этот период потребовал в экономике соответствующего правового обеспечения, поскольку он шёл сразу на смену жёсткому периоду военного коммунизма, когда в экономике главенствовала установка В.И. Ленина: «Мы ничего “частного” не признаём, для нас всё в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»³⁰.

Теория «единого» хозяйственного права, субъектом которой признавался гражданин и основоположниками которой были Е.Б. Пашуканис и Л.Я. Гинцбург, возникла в середине 30-х годов, в период активного строительства социалистической экономики, когда объективно потребовалось уже своё, соответствующее правовое обеспечение. Но в этом периоде доминировали не научные достижения, а партийная идеология, не допускающая вмешательства права в её установки.

Третья доктрина хозяйственного права, основанная на постулате единства отношений по руководству и по ведению хозяйственной деятельности в условиях социалистической плановой экономики (основоположником которой были В.В. Лаптев и В.К. Мамутов), появилась в период (середина 60-х годов), когда возникла настоятельная потребность в смене административно-командных методов руководства экономикой на плановые начала, на экономическую заинтересованность трудовых коллективов социалистических государственных предприятий в результатах своего труда.

Наконец, четвёртая доктрина — уже предпринимательского права (по сути, также разработанная

²⁹ См.: Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. М., 2010.

³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.

В.В. Лаптевым в самом начале 90-х годов) возникла в период начальной фазы перевода экономики плановой на рыночные рельсы и получила бурное развитие.

2. Вместе с тем для категорического утверждения о непосредственном влиянии каждой из названных доктрин на эффективность народнохозяйственного комплекса того или иного периода оснований нет. Ибо невозможно сказать, как воспринимает законодатель результаты научных достижений в сфере хозяйственного (предпринимательского) права. А отсюда — неясна и степень корреляции этих достижений в эффективности или, наоборот, неэффективности непосредственной хозяйственной деятельности. Это — задача, важная и актуальная для науки современного предпринимательского права.

3. Но был исторический период, когда ни о каком законодательном регулировании хозяйственной деятельности вообще речь не могла идти. Это — период Великой Отечественной войны, прежде всего крайне критическая вторая половина 1941 г. Методы руководства оборонной экономикой были экстремальными, и ни на праве, ни на Законе, ни даже на Конституции СССР они не основывались.

Примером может служить рассказ фронтовика В.А. Цуканова автору этих строк. В.А. Цуканов лично знал Когана, бывшего во время войны директором танкостроительного завода. При назначении на эту должность в критические дни сентября 1941 г. Сталин сказал Когану: «Будут танки — будет Коган. Не будет танков — не будет Когана». И в указанный Сталиным срок тот получил телеграмму: «Танки есть тчк Коган». А ведь запустить чуть ли не на пустом месте производство танков, когда необходима кооперация сотен поставщиков, с огромной номенклатурой необходимой продукции, слаженная работа тысяч голодных, непрофессиональных, работающих в холоде по 14 и больше часов в сутки работников — чрезвычайно сложно. И можно быть уверенным — в таких условиях, если бы напутствие И.В. Сталина имело место в иных формах (например: «постарайтесь, приложите все силы и проч.»), танков долго бы не было. А ведь это был момент, когда на кон было поставлено само существование нашего народа, нашего государства.

4. В каждом из исторических периодов баланс между частноправовыми и публично-правовыми началами хозяйственного права склонялся в ту или иную сторону, подчас с различной амплитудой. И в критические моменты частноправовые начала становились совсем незначительными. Но в целом, когда экономика развивалась в естественных, а не в экстремальных условиях, баланс этот был непоколебимым.

5. Сегодня мы находимся в таком историческом периоде, когда стратегические возможности, риски и вызовы существуют одновременно, неопределённость и непредвиденные факторы возрастают. Поэтому о равносильном балансе между частноправовыми и публично-правовыми началами в регулировании предпринимательской деятельности говорить не приходится. И первые звоночки в этом направлении уже прозвенели. Например, образован Координационный совет при Правительстве РФ по обеспечению потребностей Вооружённых Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, Положение о котором утверждено Указом Президента РФ от 21 октября 2022 г. № 763³¹; был принят п. 2 ст. 2 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»³² в редакции ст. 9 Федерального закона от 4 ноября 2022 г. № 427-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³³; и др.

Полномочия названного Координационного совета весьма внушительны (например: «давать поручения и рекомендации федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления и организациям по вопросам, относящимся к компетенции Координационного совета» (п/п. «Г» п. 6 Положения о Координационном совете)). Конечно, объём полномочий у этого органа далёк от объёма полномочий ГКО — Государственного Комитета Обороны СССР, созданного 30 июня 1941 г. на основе совместного постановления Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б), но всё же он означает серьёзное «перетекание» в сторону публично-правовых начал обозначенного выше баланса... А это, в свою очередь, означает необходимость широкой корректировки предпринимательского и иного законодательства, а значит — острую потребность в соответствующих научно-правовых исследованиях.

6. Стоит задуматься над тем, почему с 1980-х годов при одинаковых внутривнутриполитических стартовых условиях и существенно худшем, чем у нас, состоянии экономики ВВП КНР развивался двузначными, в процентном выражении, показателями, а у нас едва преодолеваемыми статистическими погрешностями? Проще всего ответить: у нас тогда, после смерти Л.И. Брежнева, не появился такой реформатор, как Дэн Сяопин, который, кстати,

³¹ См.: Росс. газ. 2022. 24 окт.

³² См.: СЗ РФ. 2008. № 52, ст. 6249.

³³ См.: Росс. газ. 2022. 7 нояб.

был автором многих политических афоризмов, не только широко известных (вроде «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы она мышей ловила»), но и малоизвестных, но глубоких по смыслу (например: «Наши цели ясны, но путь к ним извилист»). И ещё интересная информация о темпах развития экономики Китая: если 10 лет назад в стране было зарегистрировано 55 млн частных предприятий, то по итогам 2021 г. — уже 154 млн, из них более 100 млн были индивидуальными предприятиями; на долю частного сектора сегодня приходится более 50% налоговых поступлений, более 60% ВВП, более 70% технологических инноваций, более 80% городских рабочих мест и более 90% общего числа предприятий; а в среднем за последние 10 лет ежегодный объём инвестиций в НИОКР по КНР рос на 14%³⁴. Вообще же КНР, как известно, серьёзно ориентирована стать мировым лидером в ключевых технологиях XXI века — мобильной связи 5G и 6G, квантовых технологиях, суперкомпьютерных системах, включая искусственный интеллект, биотехнологиях и т.д.

Важным представляется отметить, что акад. РАН С.Ю. Глазьев ещё несколько лет назад пришёл к выводу: в Китае возник новый мирохозяйственный уклад, следующий за феодализмом, капитализмом и социализмом, названный им интегральным. Он указал, что этот уклад в настоящее время сформировался на основе синтеза социалистической идеологии и творческой самореализации личности в производственной деятельности, централизованного стратегического планирования и рыночной конкуренции, государственного контроля за обращением денег и частного предпринимательства. Это означает, что нам не следует полностью заимствовать достижения КНР, как экономические, так и правовые, в том числе относящиеся к правовому регулированию предпринимательской деятельности и руководству ею, особенно в вопросах поиска баланса между частноправовыми и публично-правовыми началами в этом регулировании. Но немалую часть этих достижений, с модернизацией в той или иной форме, воспринять стоило бы. Но, может быть, дело не только в отсутствии у нас такого политического реформатора, как Дэн Сяопин, а ещё и в неверном балансе между частноправовым и публично-правовым регулированием экономики?

7. В Российской Федерации доля частного сектора несопоставимо меньше, чем в КНР, и не в абсолютном, а относительном исчислении. Прежде всего потому, что у нас нет легального,

закреплённого в качестве субъекта гражданского законодательства самозанятого гражданина в Гражданском кодексе РФ (лучше, конечно, было бы в Предпринимательском кодексе РФ, но не о нём здесь речь). В Гражданском кодексе РФ есть ст. 23, в силу ч. 1 которой установлено: гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Но ведь это — не о самозанятых. Самозанятые регистрируются лишь как налогоплательщики, что предусмотрено п. 7.3 ст. 83 НК РФ. Да и то специальный налоговый режим для них ввели лишь в 2019 г. Для сравнения: как отмечается в отечественной литературе, в Казахстане в отличие от России самозанятые включены в систему обязательного социального, пенсионного и медицинского страхования, что возложено как в налоговом, так и в социальном страховании, что, несомненно, является одним из преимуществ казахской модели нормативной регламентации правового статуса самозанятых³⁵. В Российской Федерации с 2019 г., с момента введения отдельного налогового режима для самозанятых, официально в качестве самозанятых зарегистрировались около 5.5 млн чел., в то время как их, что общеизвестно, более 20 млн чел. Но ведь статус субъекта предпринимательской деятельности не может определяться лишь налоговым законодательством. В частности, в случае нарушения их предпринимательских прав неясно, в какой суд им за их защитой обращаться: если они просто граждане — физические лица, то в суд общей юрисдикции, а если граждане — индивидуальные предприниматели, то в арбитражный суд. Вот они в суды и не обращаются.

8. Поэтому представляется целесообразным после прекращения для нас турбулентности во внешнеполитических и внешнеэкономических отношениях, а также связанных с этим во внутренних делах создание государственного органа, что-то вроде Госплана 2.0. Этот орган (может быть, преобразованный из названного Координационного совета) будет обеспечивать, невзирая на отраслевую принадлежность и форму собственности хозяйственных предприятий и организаций, формирование стратегических целей развития народнохозяйственного комплекса и исходя из этих целей определять задачи для регионов, отраслей, корпораций и «ключевых» для страны предприятий.

9. Смещение баланса в сторону публично-правовых начал в управлении экономикой, укрепившееся в последнее время, явно носит долговременный

³⁴ См.: *Васильев Е.* Развитие Китая — благо для его партнёров. Как реформы и открытость стали двумя двигателями экономического роста КНР (Проект «Россия — Китай: события и комментарий») // Росс. газ. 2022. 15 нояб.

³⁵ См.: *Серова А.В., Серов С.И.* Проблемы правового статуса самозанятых в Российской Федерации и Республике Казахстан: налогово-правовое и социально-трудовое исследование // Росс. право: образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 119.

характер. А это означает необходимость использования современных, основанных на научных достижениях управленческих методик, изменение прежних управленческих процедур, в том числе основанных на принципах цифровизации, и т.д. Догмой должна стать установка: перестать кошмарить бизнес не означает свободы кошмарить потребителя, и эта установка должна найти жёсткое закрепление в соответствующих нормах предпринимательского законодательства (а также законодательства уголовного и административного). В идеале как частноправовые, так и публично-правовые отношения между бизнесом и государством должны базироваться на общих национальных интересах, которые в отдельные временные периоды могут основательно меняться, но в глубинной сущности своей оставаясь неизменными.

10. Но ещё более жёстким вариантом может быть создание, при острой необходимости, Государственного органа типа ГКО 2.0 с практически неограниченными правомочиями, в том числе способными объединить весь практически разрозненный народнохозяйственный комплекс, включающий прежде всего ТЭК, в единый народнохозяйственный организм. Не исключено — и с правом национализации частных предприятий, относящихся к ОПК, и формирования хозяйственного управления особого типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев Е.* Развитие Китая — благо для его партнёров. Как реформы и открытость стали двумя двигателями экономического роста КНР (Проект «Россия — Китай: события и комментарий») // Росс. газ. 2022. 15 нояб.
2. *Гинцбург Л.Я.* Наука гражданского (хозяйственного) права в СССР в 1929—1931 гг. // Правоведение. 1976. № 4—6. С. 96—105.
3. *Занковский С.С.* Возникновение и развитие доктрины предпринимательского права // Предпринимательское право в XXI веке: истоки и перспективы / под ред. С.С. Занковского, Н.И. Михайлова. М., 2018. С. 11, 21 (со ссылкой на: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. Т. 33. СПб., 1901. С. 594—597).
4. *Занковский С.С.* Из истории предпринимательского (хозяйственного) права // Проблемы экономики юридической практики. 2017. № 3. С. 52—56.
5. История российского предпринимательского (хозяйственного) и коммерческого (торгового) права // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 1. С. 23—36.
6. *Клеандров М.И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006. С. 1—119.
7. *Клеандров М.И., Кроткова Н.В.* Нам — 95 лет // Государство и право. 2022. № 2. С. 8, 10, 11, 14, 17, 19.
8. *Кроткова Н.В.* Нашему журналу — 85 лет // Государство и право. 2012. № 4. С. 9, 11—13.
9. *Лаптев В.А.* Источники предпринимательского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
10. *Лаптев В.В.* Введение в предпринимательское право. М., 1994.
11. *Лаптев В.В.* Предмет и система хозяйственного права. М., 1969.
12. *Лаптев В.В.* Предпринимательское право: понятие и субъекты. М., 1997.
13. *Лаптев В.В.* Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. М., 2010.
14. *Лаптев В.В.* Субъекты предпринимательского права: учеб. пособие. М., 2003. С. 10.
15. *Лаптев В.В.* Хозяйственное право — право предпринимательской деятельности // Государство и право. 1993. № 1. С. 33—42.
16. *Лаптев В.В.* Экономика и право (Теория и практика правового регулирования хозяйственных отношений). М., 1981. С. 5.
17. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 317; т. 44. С. 398.
18. *Мартемьянов В.С.* Юридическая трагедия // Юрид. газ. 1992. № 1—2.
19. *Попондопуло В.Ф.* Коммерческое (предпринимательское) право: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
20. *Попондопуло В.Ф.* Природа коммерческого (предпринимательского) права // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Ф. Попондопуло и О.Ю. Скворцова. М., 2005. Вып. 5. С. 3—30.
21. *Савенков А.Н.* Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 10, 11.
22. *Серова А.В., Серов С.И.* Проблемы правового статуса самозанятых в Российской Федерации и Республике Казахстан: налогово-правовое и социально-трудовое исследование // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 119.
23. Современное предпринимательское право / И.В. Ершова, Л.В. Андреева, Н.Г. Апрезова [и др.]; отв. ред. И.В. Ершова. М., 2014. С. 6 (автор параграфа — проф. Л.В. Андреева).
24. *Соснов А.Я.* Объединившая пространство. В центре внимания науковедов — консолидирующая роль АН СССР // Поиск. 2022. № 48. 25 нояб.
25. *Стучка П.И.* Курс советского гражданского права. М.—Л., 1931. Т. 3. С. 10.
26. *Тадевосян В.С.* Некоторые вопросы системы советского права // Сов. государство и право. 1959. № 7. С. 135.
27. *Толстой Ю.К.* Владимир Лаптев и его время // Жизнь, посвящённая науке: памяти академика Владимира Викторовича Лаптева / авт.-сост. С.В. Лаптев и др. М., 2013. С. 34.
28. *Топорнин Б.Н.* Из выступления на праздновании 80-летия академика В.В. Лаптева // Жизнь, посвящённая науке: памяти академика Владимира Викторовича Лаптева / авт.-сост. С.В. Лаптев и др. М., 2013. С. 216.

29. Яковлев В.Ф., Семигин Г.Ю. Экономическое (коммерческое) правосудие в России: в 4 т. / науч. консультант В.Н. Кудрявцев. Т. 1. Зарождение и развитие коммерческого правосудия (XII–XIX вв.); отв. ред. Л.Н. Алисова. М., 2004.

REFERENCES

1. Vasiliev E. China's development is a boon for its partners. How Reforms and Openness have Become Two Engines of China's Economic Growth (Project "Russia – China Project: events and commentary") // *Ross. gaz.* 2022. 15 Nov. (in Russ.).
2. Ginzburg L. Ya. Science of Civil (Economic) Law in the USSR in 1929–1931 // *Jurisprudence.* 1976. No. 4–6. P. 96–105 (in Russ.).
3. Zankovsky S.S. The emergence and development of the doctrine of Entrepreneurial Law // *Entrepreneurial Law in the XXI century: origins and prospects* / ed. by S.S. Zankovsky, N.I. Mikhailov. M., 2018. P. 11, 21 (with reference to: *Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus, I.A. Efron.* Vol. 33. St. Petersburg, 1901. P. 594–597) (in Russ.).
4. Zankovsky S.S. From the history of Entrepreneurial (Economic) Law // *Problems of economics of legal practice.* 2017. No. 3. P. 52–56 (in Russ.).
5. History of Russian Entrepreneurial (Economic) and Commercial (Trade) Law // *Herald of Kutafin University (MGU).* 2015. No. 1. P. 23–36 (in Russ.).
6. Kleandrov M.I. Economic justice in Russia: past, present, future. M., 2006. P. 1–119 (in Russ.).
7. Kleandrov M.I., Krotkova N.V. We are 95 years old // *State and Law.* 2022. No. 2. P. 8, 10, 11, 14, 17, 19 (in Russ.).
8. Krotkova N.V. Our journal is 85 years old // *State and Law.* 2012. No. 4. P. 9, 11–13 (in Russ.).
9. Laptev V.A. Sources of business law: abstract ... Doctor of Law. M., 2018 (in Russ.).
10. Laptev V.V. Introduction to Entrepreneurial Law. M., 1994 (in Russ.).
11. Laptev V.V. Subject and system of Economic Law. M., 1969 (in Russ.).
12. Laptev V.V. Entrepreneurial Law: concept and subjects. M., 1997 (in Russ.).
13. Laptev V.V. Entrepreneurial (Economic) Law and the real sector of the economy. M., 2010 (in Russ.).
14. Laptev V.V. Subjects of Entrepreneurial Law: textbook. M., 2003. P. 10 (in Russ.).
15. Laptev V.V. Economic Law – the law of entrepreneurial activity // *State and Law.* 1993. No. 1. P. 33–42 (in Russ.).
16. Laptev V.V. Economics and Law (Theory and practice of legal regulation of economic relations). M., 1981. P. 5 (in Russ.).
17. Lenin V.I. The complete works. Vol. 41. P. 317; vol. 44. P. 398 (in Russ.).
18. Martemyanov V.S. Legal tragedy // *Yurid. gaz.* 1992. № 1–2 (in Russ.).
19. Popondopulo V.F. Commercial (Entrepreneurial) Law: textbook. 3rd ed., reprint and add. M., 2008 (in Russ.).
20. Popondopulo V.F. The nature of Commercial (Entrepreneurial) Law // *Actual problems of science and practice of Commercial Law: collection of scientific articles / under the general editorship of V.F. Popondopulo and O. Yu. Skvortsova.* M., 2005. Issue 5. P. 3–30 (in Russ.).
21. Savenkov A.N. State. Law. Institute: 95 years of history in persons // *State and Law.* 2020. No. 3. P. 10, 11 (in Russ.).
22. Serova A.V., Serov S.I. Problems of the legal status of the self-employed in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: tax-legal and socio-labor law research // *Russian Law: education, practice, science.* 2020. No. 4. P. 119 (in Russ.).
23. Modern Entrepreneurial Law / I.V. Ershova, L.V. Andreeva, N.G. Apresova [et al.]; ed. by I.V. Ershov. M., 2014. P. 6 (the author of the paragraph is prof. L.V. Andreeva) (in Russ.).
24. Sosnov A. Ya. United space. The consolidating role of the USSR Academy of Sciences is in the focus of the attention of scientists // *Search.* 2022. No. 48. 25 Nov. (in Russ.).
25. Stuchka P.I. Course of Soviet Civil Law. M.–L., 1931. Vol. 3. P. 10 (in Russ.).
26. Tadevosyan V.S. Some questions of the system of Soviet law // *Soviet State and Law.* 1959. No. 7. P. 135 (in Russ.).
27. Tolstoy Yu. K. Vladimir Laptev and his time // *Life dedicated to science: in memory of Academician Vladimir Viktorovich Laptev / author-comp. S.V. Laptev et al.* M., 2013. P. 34 (in Russ.).
28. Topornin B.N. From a speech at the celebration of the 80th anniversary of Academician Vladimir Viktorovich Laptev // *Life dedicated to science: in memory of Academician V.V. Laptev / author-comp. S.V. Laptev et al.* M., 2013. P. 216 (in Russ.).
29. Yakovlev V.F., Semigin G. Yu. Economic (commercial) justice in Russia: in 4 vols / scientific consultant V.N. Kudryavtsev. Vol. 1. The origin and development of commercial justice (12th–19th centuries); ed. by L.N. Alisova. M., 2004 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. — Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

РЕОРГАНИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ВВЕДЕНИИ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

© 2023 г. А. В. Габов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gabov@igpran.ru

Поступила в редакцию 19.01.2023 г.

Аннотация. Под реорганизацией в соответствии с действующим российским законодательством понимается такое существенное изменение юридического лица, которое подпадает под пять названных в ст. 57 ГК РФ форм (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование). Цели реорганизации в обычных (ординарных) условиях деятельности юридического лица могут быть различны (расширение территории или сфер деятельности, оптимизация управленческой структуры и проч.). В текущих условиях — введения масштабных ограничительных мер (санкций) иностранными государствами и международными организациями в отношении российских юридических лиц — государство также обратилось к использованию реорганизации для формирования определенных мер воздействия (противодействия) на такие ограничительные меры, исходя из того, что их введение ставит российские юридические лица в невыгодное положение по сравнению с конкурентами из недружественных государств, поскольку лишает их возможности доступа к своему имуществу, расположенному (учитываемому) в зарубежных государствах. В особенности остро эта проблема встала для российских кредитных организаций, активы которых были «заморожены» в результате введения ограничительных мер. Для преодоления негативных последствий этого было принято специальное решение — возможность реорганизации кредитной организации в форме выделения из нее российского юридического лица, которому могут быть переданы активы кредитной организации, к которым ограничен доступ (Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, признании утратившим силу абзаца шестого части первой статьи 7 Закона Российской Федерации “О государственной тайне”, приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования корпоративных отношений в 2022 и 2023 годах»). Содержание указанного Федерального закона, его отличия от норм, которыми регулируется реорганизация в ординарных условиях, и стали предметом анализа для автора настоящей статьи. Автор также показывает, какие правовые решения являются недостаточно проработанными с юридико-технической точки зрения, а какие решения могут (и должны) со временем «перейти» из разряда экстраординарных в ординарные.

Ключевые слова: ограничительные меры, санкции, меры воздействия (противодействия), юридическое лицо, создание юридического лица, реорганизация, форма реорганизации, выделение, правопреемство.

Цитирование: Габов А. В. Реорганизация как способ защиты частных и публичных интересов при введении ограничительных мер в отношении российских юридических лиц // Государство и право. 2023. № 3. С. 74–86.

DOI: 10.31857/S102694520024775-3

REORGANIZATION AS A WAY TO PROTECT PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS DURING THE INTRODUCTION OF RESTRICTIVE MEASURES IN REGARD TO RUSSIAN LEGAL ENTITIES

© 2023 А. V. Gabov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: gabov@igpran.ru

Received 19.01.2023

Abstract. Reorganization in accordance with the current Russian legislation is understood as such a significant change in a legal entity that falls under the five named in Art. 57 of the Civil Code of the Russian Federation forms (merger, accession, division, spin-off of a legal entity, transformation). The goals of reorganization in the normal (ordinary) conditions of the activity of a legal entity may be different (expanding the territory or areas of activity, optimizing the management structure, etc.). In the current conditions — the introduction of large-scale restrictive measures (sanctions) by foreign states and international organizations against Russian legal entities — the state also turned to the use of reorganization to form certain measures of influence (counteraction) on such restrictive measures, based on the fact that their introduction puts Russian legal entities in a disadvantageous position compared to competitors from unfriendly states, since it deprives them of the opportunity to access their property located (recorded) in foreign states. This problem was especially acute for Russian credit institutions, whose assets were “frozen” as a result of the introduction of restrictive measures. To overcome the negative consequences of this, a special decision was made — the possibility of reorganizing a credit institution in the form of a spin-off of a Russian legal entity from it, to which the assets of the credit institution, to which access is restricted, can be transferred (Federal Law No. 292-FZ of July 14, 2022 “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation, invalidation of paragraph six of part one of Article 7 of the Law of the Russian Federation “On State Secrets”, suspension of the operation of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation and on the establishment of specific features of the regulation of corporate relations in 2022 and 2023”). The content of this Law, its differences from the norms that regulate reorganization in ordinary conditions, became the subject of analysis for the author of this article. The author shows which legal decisions are insufficiently developed from a legal and technical point of view, and which decisions can (and should) “move” over time from the category of extraordinary to ordinary.

Key words: restrictive measures, sanctions, measures of influence (counteraction), legal entity, creation of a legal entity, reorganization, form of reorganization, spin-off of a legal entity, succession.

For citation: Gabov, A.V. (2023). Reorganization as a way to protect private and public interests during the introduction of restrictive measures in regard to Russian legal entities // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 3, pp. 74–86.

Введение

В 2022 г. Российская Федерация как государство и российские резиденты — юридические лица, осуществляющие экономическую деятельность, столкнулись с масштабным введением в отношении них различного рода ограничительных мер (санкций)¹ со стороны иностранных государств и международных организаций². Эти ограничения имели понятные негативные последствия для деятельности российских юридических лиц (невозможность распоряжаться имуществом с местом нахождения (или

учета) на территориях других государств и др.); сокращение экономической активности российских юридических лиц привело к уменьшению налоговых платежей, что отразилось на состоянии государственных финансов; таким образом, можно констатировать, что введение ограничительных мер (санкций) как прямо, так и косвенно привело к значительному нарушению частных и публичных интересов³.

Российское государство в такой ситуации было вынуждено задействовать широкий спектр правовых средств (мер), как абсолютно новых, вызванных экстраординарными внешними условиями, так и тех, которые уже известны. В числе этих средств оказалась *реорганизация*; в частности, была установлена возможность *реорганизации кредитной организации в форме выделения* в соответствии с Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, признании утратившим силу абзаца шестого части первой статьи 7 Закона Российской Федерации “О государственной тайне”, приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской

¹ Далее будем использовать это словосочетание в силу следующего: а) оно учитывает то, как указанные меры называются в актах, которыми они введены (в США и Великобритании — это “*sanctions*” (санкции), а в документах Европейского Союза (здесь берем англоязычный вариант) — “*restrictive measures*” или ограничительные меры); б) использования обеих частей в российских нормативных актах (хотя отметим, что здесь есть различные варианты названия таких мер).

² Данное словосочетание будем использовать для обозначения инициаторов введения ограничительных мер (санкций) в силу того, что именно так эти инициаторы указаны в самом анализируемом законе (ч. 1 ст. 8); при этом отметим, что в других нормативных актах используются и иные их обозначения, к примеру: «иностранные государства, государственные объединения и (или) союзы и (или) государственные (межгосударственные) учреждения иностранных государств или государственных объединений и (или) союзов» или «Соединенные Штаты Америки и иные иностранные государства» (как вариант — «Соединенные Штаты Америки и примкнувшие к ним иностранные государства и международные организации») и т.д.

³ О санкциях и их последствиях см. также: Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / сост.: И.Н. Тимофеев, В.А. Морозов, Ю.С. Тимофеева. М., 2020; Экономические санкции против России: ожидания и реальность / под науч. ред. Р.М. Нуреева. М., 2021.

Федерации и об установлении особенностей регулирования корпоративных отношений в 2022 и 2023 годах»⁴ (далее — Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ). Новое регулирование содержит много интересных правовых решений, которые отличают проводимую согласно указанному Федеральному закону реорганизацию от таких реорганизаций, которые проводятся в ординарных условиях деятельности юридического лица; некоторые из таких правовых решений, вполне возможно, перестанут быть временными и станут частью ординарного регулирования, а потому необходим подробный анализ новых экстраординарных нормативных положений.

Анализ особенностей реорганизации кредитных организаций в соответствии с Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ

О целях принятия Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ указано в пояснительной записке к соответствующему законопроекту № 140807-8⁵ — снижение «негативных последствий недружественных действий иностранных государств и международных организаций и предусматривает установление специального регулирования в сфере финансового рынка и корпоративных отношений»; среди последних (особенностей корпоративного управления) оказались и его положения (ст. 8) о реорганизации, в отношении которых в пояснительной записке указано: «Законопроект допускает реорганизацию кредитных организаций, в отношении которых введены со стороны иностранных государств и международных организаций меры ограничительного характера, *целью которой является образование нового юридического лица, наделенного активами, “замороженными” в результате введенных ограничительных мер, при том что все обязательства к реорганизуемым кредитным организациям со стороны иностранных кредиторов могут удовлетворяться только за счет образованного юридического лица и его активов*».

Как видно из приведенного фрагмента, реорганизация при достижении цели — снизить негативное воздействие от недружественных действий иностранных государств и международных организаций — решает несколько задач: оптимизировать структуру активов кредитной организации за счет обособления (в форме передачи новому российскому юридическому лицу) активов кредитной организации, возможности распоряжения которыми в силу введенных ограничительных мер (санкций)

отсутствуют, не допустив при этом удовлетворения интересов иностранных кредиторов за счет иного имущества кредитной организации. Для того чтобы понять, каким образом эти задачи были решены в законе, рассмотрим основные элементы введенного регулирования.

Во-первых, новым регулированием могут воспользоваться только кредитные организации (в том значении, как их понимает российское законодательство о банках и банковской деятельности — Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁶ (далее — Закон о банках и банковской деятельности), — банк и небанковская кредитная организация). В пояснительной записке нет каких-либо цифр, которые показывают, что проблема «заморозки» активов коснулась только кредитных организаций⁷, однако пока указанная мера на юридические лица, осуществляющие деятельность в иных сферах, не распространяется.

Во-вторых, новое регулирование является временной мерой: воспользоваться им кредитные организации могут «до 1 июля 2023 года включительно»; в этой части Федеральный закон не в полной

⁶ См.: СЗ РФ. 1996. № 6, ст. 492.

⁷ Точных данных о размерах «замороженных» активов российских банков в открытом доступе не имеется. Примерные цифры можно понять из экспертной оценки состояния сводного баланса банков на 01.02.2022 г., приведенной в материале РБК от 07.06.2022 г.: «В активах: 1,6 трлн руб. в рублевом эквиваленте — средства российских банков на корреспондентских счетах в кредитных организациях Европы и США (счета ностро); 1,1 трлн руб. в рублевом эквиваленте — это межбанковские кредиты, депозиты и прочие размещенные средства (включая обратное РЕПО и суборды); неопределенный объем кредитов, предоставленных нерезидентам, ценные бумаги нерезидентов (точных данных нет, поскольку в отчетности нет детализации по юрисдикциям). В пассивах: 115 млрд руб. в рублевом эквиваленте на корсчетах, открытых российскими банками кредитным организациям США и Европы (лоро-счета); 361 млрд руб. в рублевом эквиваленте — обязательства по межбанковским кредитам и прочим привлеченным от банков-нерезидентов средствам» (см.: Власти придумали схему по извлечению банков от замороженных активов. Их можно будет перевести на отдельное юрлицо и считать обеспечением по долгам перед иностранцами. URL: <https://www.rbc.ru/finances/07/06/2022/629e00cf9a7947ac3b6aa313> (дата обращения: 13.01.2023)).

Банк России в целом в отношении «заморозки» активов российских банков отмечал в одном из своих докладов в 2022 г.: «В результате санкций часть активов российских банков оказалась полностью заблокированной. В основном это коснулось требований к контрагентам из недружественных стран и платежей по облигациям, которые зависли в Euroclear / Clearstream. У ряда банков также были заблокированы средства в НРД после введения в отношении него санкций. Перспективы возврата этих активов представляются крайне низкими, несмотря на то что с юридической точки зрения они пока не конфискованы. С одной стороны, нельзя игнорировать факт их обесценения» (см.: Перспективные направления развития банковского регулирования и надзора. М., 2022. С. 5. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/143838/dbra_20221227.pdf (дата обращения: 13.01.2023)).

⁴ См.: СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III), ст. 5259.

⁵ См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/140807-8> (дата обращения: 12.01.2023).

мере ясен, поскольку возникает вопрос: что, собственно, могут до этого времени сделать кредитные организации?

В самом Федеральном законе указано так — «*вправе осуществлять реорганизацию*»; однако такая терминология является некорректной, ибо ни в Гражданском кодексе РФ, ни в иных федеральных законах, регулирующих реорганизацию, слово «осуществлять» не используется, а потому возникает возможность толкования: или до этого момента кредитная организация вправе принять решение о реорганизации в лице уполномоченного органа, к компетенции которого относится принятие такого решения, или принять принципиальное решение о такой реорганизации (т.е. еще до принятия самого решения о реорганизации), или реорганизация должна быть завершена до этой даты. Скорее всего имеется в виду первый вариант ответа, однако здесь требуется уточнение (если, конечно, соответствующая мера (реорганизация) будет восстановлена в дальнейшем⁸).

В-третьих, для достижения целей Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ *используется только одна форма реорганизации — выделение*, причем без возможности ее сочетания с иными формами реорганизации; в результате такого выделения может быть создано как одно, так и несколько юридических лиц, при этом в Федеральном законе не уточняется их организационно-правовая форма. Это крайне любопытный момент, поскольку, как представляется, при отсутствии специального регулирования здесь действуют общие правила. А эти правила заключаются в следующем:

в соответствии со ст. 1 Закона о банках и банковской деятельности кредитная организация образуется как хозяйственное общество (т.е. либо общество с ограниченной ответственностью, либо акционерное общество);

ст. 57 ГК РФ после 2014 г. (после завершения реформы гражданского законодательства в части юридических лиц⁹) устанавливает определенные возможности в части проведения реорганизации юридического лица одной организационно-правовой формы, в результате завершения которой возникает юридическое лицо иной организационно-правовой

формы¹⁰, однако при определенных условиях; соответствующее правило ст. 57 ГК РФ выглядит так: допускается реорганизация с участием двух и более юридических лиц, в том числе созданных в разных организационно-правовых формах, если Гражданским кодексом РФ или другим нормативным правовым актом предусмотрена возможность преобразования юридического лица одной из таких организационно-правовых форм в юридическое лицо другой из таких организационно-правовых форм; гипотеза этой нормы в виде слов «реорганизация с участием двух и более юридических лиц» однозначно указывает, что в реорганизации, в результате которой может возникнуть юридическое лицо иной организационно-правовой формы, нежели то, которое принимало решение о ее проведении, должны изначально участвовать два и более юридических лиц.

Исходя из изложенного, а также анализа моделей форм реорганизации, закрепленных законодательством, можно утверждать, что приведенному условию ст. 57 ГК РФ («реорганизация с участием двух и более юридических лиц») соответствуют только слияние и присоединение, а потому понятно, что в результате реорганизации кредитной организации — хозяйственного общества в соответствии с Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ *может возникнуть только новое хозяйственное общество того вида, в котором существует эта кредитная организация*¹¹. Однако такое утверждение наталкивается на положения документа, принятого во исполнение положений данного Федерального закона, — решения Совета директоров Банка России от 27 сентября 2022 г. «Об определении формы документа, подтверждающего решение Банка России о согласовании реорганизации кредитной организации, осуществляемой в соответствии со статьей 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ, требований к содержанию такого документа и порядка его получения реорганизуемой кредитной организацией»¹² (далее — решение Совета директоров Банка России от 27 сентября 2022 г.). В нем указано, что в ходатайстве кредитной организации о государственной регистрации изменений, вносимых в устав кредитной организации и связанных с проводимой

⁸ Как отмечается в различных информационных ресурсах, анализируемое правовое средство рассматривается Банком России в том числе и как замена созданию фонда «плохих активов» (см.: Кузнецов М. Банкам придется разбираться с замороженными активами самостоятельно // Ведомости. 2022. 13 окт.).

⁹ После принятия Федерального закона от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19, ст. 2304.

¹⁰ Подробнее об истории вопроса и проблемах текущего регулирования см.: Габов А. В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 2014. С. 1–13.

¹¹ Отметим, что в литературе высказывается и иная точка зрения, с которой мы не согласны, предполагающая расширенное толкование соответствующего правила ст. 57 ГК РФ (см.: Нурждин Т. А. Понятие и модели смешанной реорганизации коммерческих организаций по законодательству Российской Федерации // Правоведение. 2017. № 5 (334). С. 88).

¹² См.: URL: <https://www.cbr.ru>

реорганизацией в форме выделения, дополнительно указываются: «просьба о выдаче документа о согласовании; полное и сокращенное (при наличии) наименования создаваемого юридического лица (создаваемых юридических лиц) *(для некоммерческой организации)*; полное и сокращенное (при наличии) фирменные наименования создаваемого юридического лица (создаваемых юридических лиц) *(для коммерческой организации)*». Таким образом, косвенно (норма установлена не законом, а подзаконным актом) Банк России указывает на возможность создания в результате реорганизации кредитной организации не хозяйственного общества, а некоммерческой организации. Такое регулирование сложно назвать определенным; совершенно очевидно, что если такой замысел (возможность создания по результатам реорганизации организации иной организационно-правовой формы) был изначально, то соответствующую норму необходимо было включать непосредственно в закон. В будущем (если срок нового регулирования будет продлен) это надо обязательно сделать.

Вне рамок регулирования остался вопрос о том, какова будет правоспособность вновь создаваемого лица (лиц)? Согласно ст. 49 ГК РФ коммерческие организации, за исключением унитарных предприятий и иных видов организаций, предусмотренных законом, могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом. Однако создаваемая в результате реорганизации согласно ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ организация (или несколько организаций) *не может быть признана обычной*; сама цель проводимой в соответствии с положениями указанного Федерального закона реорганизации и те положения ст. 8 этого же Федерального закона (ч. 7, 9), которые касаются особенностей правопреемства и правового режима имущества такого лица или лиц, дают основание для однозначного вывода о том, что в виде этого лица или лиц *перед нами своего рода фонд «плохих активов»* реорганизованной кредитной организации, причем активов, имеющих специальный правовой режим (признаются обеспечением исполнения обязательств реорганизуемой кредитной организации перед иностранными кредиторами из недружественных стран с определенными оговорками; «застрахованы» от обращения взыскания по долгам перед лицами, не являющимися соответствующими иностранными кредиторами из недружественных стран). Какие права и обязанности может (должно?) иметь такое лицо с учетом специфики правового режима его имущества (части имущества), какие виды деятельности оно может (должно) осуществлять и какие ограничения на виды деятельности могут (должны) быть установлены? Эти

вопросы в анализируемом Федеральном законе оставлены без ответа, между тем ответы на них понадобятся, а потому здесь явно потребуются дополнительное регулирование. Отдельный вопрос, что будет с активами (имуществом, имеющим специальный правовой режим) в случае несостоятельности (банкротства) такого юридического лица (да и должно ли оно подлежать банкротству)? Этот вопрос также потребует ответа.

В-четвертых, новое регулирование предполагает наличие существенных изъятий из общего порядка регулирования реорганизации; также установлена возможность дополнения регулирования реорганизации, установленного ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ, положениями иных нормативных актов.

Структурно ст. 8 указанного Федерального закона включает 17 частей, в которых определяется: специальный порядок взаимоотношений с кредиторами; необходимость согласования реорганизации с Банком России; особенности правопреемства и государственной регистрации создаваемого юридического лица. Таким образом, в полной мере роль своего рода мини-закона о реорганизации (как это иногда делается на уровне отдельных законов¹³) данная статья не выполняет — в той части, в которой она не устанавливает специальных положений, действуют иные нормы (Закон о банках и банковской деятельности и другие нормативные акты), регулирующие особенности реорганизации кредитной организации, а при их отсутствии — общие положения о реорганизации юридического лица организационно-правовой формы, в которой действует кредитная организация, а также общие нормы Гражданского кодекса РФ о реорганизации.

При этом в части последних ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ делает важные исключения: ч. 15 этой статьи определяет, что к анализируемому случаю реорганизации кредитной организации не применяется требование абз. 3 п. 4 ст. 57 ГК РФ¹⁴, а также правила ст. 60 ГК РФ в части, противоречащей положениям ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ. Первое

¹³ К примеру, см.: ст. 19 Федерального закона от 29.06.2018 г. № 171-ФЗ «Об особенностях реорганизации федерального государственного унитарного предприятия «Почта России», основах деятельности акционерного общества «Почта России» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 27, ст. 3954.

¹⁴ Это правило запрещает государственную регистрацию юридического лица, создаваемого в результате реорганизации (в случае регистрации нескольких юридических лиц — первого по времени государственной регистрации), ранее истечения соответствующего срока для обжалования решения о реорганизации, установленного п. 1 ст. 60¹ ГК РФ (три месяца после внесения в ЕГРЮЛ записи о начале процедуры реорганизации, если иной срок не установлен законом).

исключение, очевидно, направлено на ускорение процесса реорганизации и завершение этого процесса (государственная регистрация нового юридического лица) в максимально сокращенные сроки. Второе исключение становится понятным, если анализировать иные положения ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ: они определяют иную модель взаимоотношения реорганизуемого лица с кредиторами, а потому все, что этой модели противоречит, не подлежит применению.

Специальное регулирование, установленное ст. 8 указанного Федерального закона, может быть дополнено, но в ограниченном объеме: эта статья предполагает (ч. 10, 13, 16) возможность принятия Банком России (причем с указанием конкретного органа Банка России, имеющего право на это решение — Совета директоров Банка России): формы документа, подтверждающего решение Банка России о согласовании реорганизации¹⁵; специального порядка согласования с Банком России перечня имущества и обязательств, передаваемых создаваемому юридическому лицу¹⁶; особенностей порядка осуществления эмиссии акций кредитной организации и юридического лица, создаваемого в результате реорганизации кредитной организации (если оно создается в форме акционерного общества).

Соответствующие положения вызывают некоторое удивление: не очень ясен выбор органа Банка России, ответственного за принимаемые решения по дополнению специального регулирования — Совета директоров Банка России, как в свете полномочий этого органа, которые установлены ст. 18 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹⁷, так и с учетом того, что ранее для установления особенностей реорганизации такая юридическая техника (указание на Совет директоров как орган, принимающий решение) не применялась; интересно, что *регулированию подлежит не само согласование реорганизации* (его порядок) с Банком России (что было бы логично и, более того, соответствовало бы существу — в реальности такое согласование требуется), а *форма документа, подтверждающего согласование*.

Отметим также, что закрепленный подход к дополнительному регулированию (указание на возможность принятия актов Банка России только по указанным вопросам) не является верным, поскольку в новом регулировании нет ответов на многие важные вопросы относительно правового положения созданного в результате такой

реорганизации юридического лица (или лиц); рано или поздно здесь придется либо дополнять непосредственно нормы ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ, либо принимать иные нормативные правовые акты.

В-пятых, наибольший акцент в специальном регулировании сделан на взаимоотношения реорганизуемой кредитной организации со своими кредиторами, что логично и в полной мере соответствует тем целям и задачам, ради которых принимался Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ. К числу наиболее важных можно отнести следующие положения:

а) *сепарация (разделение) кредиторов*. При обычной реорганизации кредитной организации традиционно существует разделение кредиторов на две группы: физические лица и юридические лица с установлением особенностей взаимоотношений с каждой группой и с более льготным регулированием для физических лиц (см. ст. 23⁵ Закона о банках и банковской деятельности). Однако для целей и задач, ради которых принимался Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ, этого мало, а потому потребовалось разделить всех кредиторов (и физических, и юридических лиц) еще на две большие группы: обычных кредиторов и *иностранцев кредиторов из недружественных стран*. Если первые сохранили свои специальные права, которые предоставляются при реорганизации, хотя и с некоторыми изменениями, установленными ст. 8 указанного Федерального закона, то вторые этой же статьей (ч. 6) лишены каких-либо специальных прав при реорганизации, т.е. *они не вправе требовать досрочного исполнения или прекращения соответствующих обязательств и возмещения связанных с этим убытков*. Следует обратить внимание здесь на два обстоятельства:

законодатель лишил таких кредиторов только специальных прав, предусмотренных для кредиторов при проведении реорганизации; сами требования таких кредиторов к кредитной организации не уменьшились ни в части объема, ни в части содержания;

имущество, которое передано созданному в результате реорганизации юридическому лицу (или нескольким лицам), признается (ч. 9 ст. 8) обеспечением исполнения обязательств реорганизуемой кредитной организации перед такими кредиторами при условии соразмерности стоимости такого имущества и размера обязательств кредитной организации перед этими иностранными кредиторами. В итоге вместо одного права (причем временного характера — специального, действующего только при проведении реорганизации) иностранные кредиторы получили дополнительное обеспечение (со стороны третьего лица) исполнения кредитной

¹⁵ В настоящее время реализовано решением Совета директоров Банка России от 27.09.2022 г.

¹⁶ Такой порядок пока не утвержден.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790.

организацией перед ними своих обязательств постоянного характера, предусмотренное непосредственно законом. Причем имущество, являющееся обеспечением, имеет определенный иммунитет: обращение взыскания на него по долгам юридического лица перед лицами, не являющимися соответствующими иностранными кредиторами из недружественных стран, не допускается.

В этой части к новому регулированию возникает множество вопросов.

Возможность обеспечения поставлена под условие — «соразмерности стоимости такого имущества и размера обязательств кредитной организации перед этими иностранными кредиторами». Установление такого условия (по крайней мере в той форме, как это сделано в законе) вызывает вопросы; представим, что при проведении реорганизации будет допущена ошибка и позднее выяснится несоразмерность стоимости имущества и обязательств, — не станет ли это основанием для прекращения действия условия об обеспечении? С нашей точки зрения, *в этой части (ч. 9 ст. 8 Федерального закона от 14.07.2022 г. № 292-ФЗ) имеется неопределенность, и эта неопределенность должна быть устранена*. Еще один вопрос: кто и на каком этапе реорганизации должен определить, действует это условие (о «соразмерности») или нет? Прямого ответа в ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ нет, но отчасти можно ответить на поставленный вопрос, исходя из анализа ч. 7 этой статьи и п. 2 решения Совета директоров Банка России, от 27 сентября 2022 г.; ч. 7 ст. 8 указывает, что стоимость имущества, передаваемого юридическому лицу, создаваемому в результате реорганизации, не может быть менее стоимости обязательств реорганизуемой кредитной организации перед иностранными кредиторами из недружественных стран; п. 2 решения Совета директоров Банка России от 27 сентября 2022 г. определяет, что документ о согласовании реорганизации выдается Банком России, только если им согласован перечень имущества и обязательств, передаваемых кредитной организацией юридическому лицу, создаваемому в результате реорганизации. Таким образом, понятно, что проверку условия о «соразмерности» будет осуществлять Банк России на этапе согласования перечня имущества. Заметим, однако, что ч. 10 ст. 8 указывает на существование отдельного порядка согласования перечня имущества, которого пока нет.

Неясно значение слова «соответствующих» в ч. 9 в положении о том, что не допускается обращение взыскания на имущество по долгам юридического лица перед лицами, не являющимися соответствующими иностранными кредиторами из недружественных стран.

Можно предположить, что «соответствующие» в контексте этого правила — это *обозначение некоторого конкретного числа (списка) иностранных кредиторов из недружественных государств из общего числа, выделенных по какому-то критерию (соответственно, на определенную дату)*. Но каков этот критерий и какова эта дата?

Часть 6 ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ, лишающая иностранных кредиторов из недружественных стран специальных прав при реорганизации, ни прямых указаний, ни косвенных признаков, подсказывающих такие критерии и дату, не содержит. Статья 60 ГК РФ (ее положение о том, что «кредитор юридического лица, *если его права требования возникли до опубликования первого уведомления о реорганизации юридического лица*, вправе потребовать...») применительно к определению круга кредиторов, имеющих специальные права, делает привязку к факту возникновения права требования и дате опубликования первого из уведомлений о реорганизации, которое должно быть опубликовано в средствах массовой информации¹⁸. Это правило, несмотря на его формально общий характер, не охватывает множества случаев реорганизации, к тому же оно существенно скорректировано в судебной практике, которая указывает, что специальными правами кредиторов могут воспользоваться кредиторы, которые связаны с юридическим лицом обязательством, срок исполнения по которому еще не наступил¹⁹. Реорганизации кредитных организаций всегда осуществлялись по специальным правилам, установленным Законом о банках и банковской деятельности, однако особенности осуществления специальных прав кредиторов этот Закон (ст. 23⁵) определяет только применительно к реорганизации в формах слияния, присоединения и преобразования; выделения эта статья не касается. Именно поэтому, как представляется, ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ (ч. 2, 4, 5) определяет специальным образом и порядок уведомления

¹⁸ О соответствующих проблемах см.: Габов А. В. О правах кредиторов при реорганизации: сб. науч.-практ. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом». РАНХиГС, юридический факультет им. М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности (25 апреля 2016 года, г. Москва) / под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М., 2016. С. 69–80; *Его же*. О праве кредитора при проведении реорганизации потребовать досрочного исполнения обязательства, а при невозможности такого исполнения — прекращения обязательства и возмещения убытков // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 59–67; и др.

¹⁹ Так, согласно Рекомендациям Научно-консультативного совета при ФАС Уральского округа от 10.06.2015 г. № 1/2015 *под правом требования, возникшим до опубликования первого уведомления о реорганизации юридического лица, следует понимать дату заключения договора*.

кредиторов, и содержание прав кредиторов, не лишенных специальных прав (с традиционным разделением на юридических лиц и физических лиц), и порядок их осуществления.

Часть 4 (права кредиторов — юридических лиц) в части определения круга кредиторов делает привязку не к правам требования, как в ст. 60 ГК РФ, а к понятию «обязательство («если такое обязательство возникло...»», указывая, что специальными правами кредиторов могут воспользоваться кредиторы — юридические лица, если такое обязательство возникло до даты получения кредитором уведомления или до даты опубликования сообщения (которые делаются по правилам п. 1 ст. 23⁵ Закона о банках и банковской деятельности) и если такое право требования предусмотрено условиями заключенного с кредитной организацией договора. Часть 5 (права кредиторов — физических лиц) в части определения круга кредиторов также делает привязку к слову «обязательство» и указывает, что специальными правами кредиторов могут воспользоваться кредиторы — физические лица, если такое обязательство возникло до даты получения кредитором соответствующего уведомления или опубликования указанного сообщения.

Следовательно, когда мы говорим об определении перечня «соответствующих» в смысле ч. 9 ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ иностранных кредиторов из недружественных государств — юридических лиц, необходимо:

убедиться, что лицо является иностранным кредитором из недружественных государств в смысле этого Федерального закона, т.е., что перед нами иностранное лицо, связанное с иностранным государством, которое совершает в отношении российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия (в том числе если такое иностранное лицо имеет гражданство этого государства, местом его регистрации, местом преимущественного ведения им хозяйственной деятельности или местом преимущественного извлечения им прибыли от деятельности является это государство), и (или) лицо, которое находится под контролем указанного иностранного лица, независимо от места регистрации или места преимущественного ведения хозяйственной деятельности (за исключением случаев, если местом нахождения указанного лица является Российская Федерация), связанное с кредитной организацией обязательством;

далее необходимо исключить из числа указанных лиц (определенных как иностранные кредиторы из недружественных государств) тех лиц, в договорах (соглашениях) с которыми не предусмотрено наличие специального права при осуществлении реорганизации;

затем следует определиться, действует ли при проведении конкретной реорганизации условие части 3 ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ, т.е. передаются ли новому лицу (лицам — и здесь, кстати, еще одна неопределенность в том, всех ли это создаваемых лиц касается) имущество, в отношении которого у кредитной организации отсутствует фактическая возможность распоряжения в силу примененных ограничительных мер, и (или) обязательства перед иностранными кредиторами из недружественных стран. Если такое условие имеет место, тогда первых двух критериев для определения перечня «соответствующих» кредиторов достаточно; если нет (хотя это и сложно представить, поскольку неясно, зачем тогда вообще проводилась такая реорганизация), то тогда надо учитывать дату возникновения обязательства (обязательство возникло до даты получения кредитором уведомления или до даты опубликования сообщения), поскольку в этом случае не действует специальный порядок извещения иностранного кредитора.

Схожие действия необходимо осуществить и при составлении списка «соответствующих» иностранных кредиторов из недружественных государств — физических лиц, с тем исключением, что условие о возможности наличия специального права при реорганизации здесь отсутствует.

В целом, подводя итоги анализа в части определения списка «соответствующих» кредиторов, отметим, что юридико-техническая сторона ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ сложна и запутана; цели использования такой сложной юридической техники не ясны; понятно, что таких сложностей в толковании можно избежать, если исходить из целей, ради которых этот Закон принимался, соответственно, если специальных прав лишаются все иностранные кредиторы из недружественных государств, то все они (без использования иных условий) и есть «соответствующие» кредиторы; Федеральный закон, соответственно, в этой части нуждается в корректировке.

Неясными являются порядок и условия осуществления прав иностранных кредиторов из недружественных государств в отношении имущества, которое находится в собственности у созданных в результате реорганизации кредитной организации юридических лиц. Здесь также явно потребуется дополнительное регулирование;

б) *особенности осуществления прав кредиторов, не лишенных специальных прав при реорганизации.* В первую очередь отметим, что новое регулирование специальным образом определяет и содержание, и порядок осуществления прав кредиторов кредитной организации, не относящихся к категории иностранных кредиторов из

недружественных государств. Как мы уже отметили выше, ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ здесь исходит из традиционного разделения кредиторов на физических и юридических лиц, с установлением приоритета для физических лиц. За основу нового регулирования были

взяты положения о правах кредиторов при реорганизации кредитной организации в форме слияния, присоединения и преобразования (ст. 23⁵ Закона о банках и банковской деятельности), но с некоторыми изменениями, что можно увидеть из *табл. 1* и *2*.

Таблица 1

Специальные права кредитора — физического лица

	Статья 23 ⁵ Закона о банках и банковской деятельности	Часть 5 ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ
Содержание специального права	потребовать <i>досрочного исполнения обязательства, а при невозможности досрочного исполнения — прекращения обязательства и возмещения убытков</i> , если обязательство возникло до даты получения кредитором уведомления или опубликования сообщения	потребовать <i>досрочного исполнения обязательства, а при невозможности его досрочного исполнения — прекращения обязательства и возмещения убытков</i> , если обязательство возникло до даты получения кредитором уведомления или опубликования сообщения
Порядок осуществления	требования направляются кредиторами в письменной форме <i>в течение 30 дней</i> с даты получения кредитором уведомления либо в течение 30 дней с даты опубликования кредитной организацией в печатном издании, предназначенном для опубликования сведений о государственной регистрации юридических лиц, сообщения о принятом решении о реорганизации кредитной организации	в письменной форме в течение <i>десяти рабочих дней</i> с даты получения уведомления либо в течение десяти рабочих дней с даты опубликования кредитной организацией в печатном издании, предназначенном для опубликования сведений о государственной регистрации юридических лиц, сообщения о принятом решении о реорганизации кредитной организации в форме выделения

Таблица 2

Специальные права кредитора — юридического лица

	Статья 23 ⁵ Закона о банках и банковской деятельности	Часть 4 ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ
Содержание специального права	вправе потребовать досрочного исполнения <i>или</i> прекращения соответствующего обязательства и возмещения убытков, если такое право требования предоставлено юридическому лицу в соответствии с условиями заключенного с кредитной организацией договора	потребовать досрочного исполнения соответствующего обязательства, <i>а при невозможности его досрочного исполнения —</i> прекращения обязательства и возмещения убытков, если обязательство возникло до даты получения уведомления или опубликования сообщения, и если такое право требования предусмотрено условиями заключенного с кредитной организацией договора
Порядок осуществления	требования направляются кредиторами в письменной форме <i>в течение 30 дней</i> с даты получения кредитором уведомления либо <i>в течение 30 дней</i> с даты опубликования кредитной организацией в печатном издании, предназначенном для опубликования сведений о государственной регистрации юридических лиц, сообщения о принятом решении о реорганизации кредитной организации	в письменной форме в течение <i>десяти рабочих дней</i> с даты получения уведомления либо <i>в течение десяти рабочих дней</i> с даты опубликования кредитной организацией в печатном издании, предназначенном для опубликования сведений о государственной регистрации юридических лиц, сообщения о принятом решении о реорганизации кредитной организации в форме выделения

Из представленных в таблицах данных можно сформулировать несколько выводов.

В отношении всех кредиторов кредитной организации, равно так же, как это сделано в ст. 23⁵ Закона о банках и банковской деятельности, ч. 4 и 5 ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ предусматривают *внесудебный порядок осуществления прав кредитора*, путем непосредственного письменного обращения кредитора к реорганизуемой кредитной организации; этот

момент требует комментария; дело в том, что после принятия Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ установлен (ст. 60 ГК РФ) судебный порядок осуществления прав кредиторов, поскольку Закон о банках и банковской деятельности в части регулирования особенностей реорганизации кредитных организаций принимался до этого момента, возникал вопрос о том, в каком порядке необходимо осуществлять права при реорганизации кредитных организаций после его вступления

в силу²⁰; как видно, при создании нового регулирования законодатель не стал опираться на положения ст. 60 ГК РФ, а вернулся к тем подходам, которые были свойственны регулированию реорганизации ранее (к внесудебному порядку); такой подход представляется верным, применительно к анализируемому Федеральному закону этот выбор можно объяснить стремлением ускорить проведение реорганизации.

В части содержания прав кредиторов — физических лиц положения обоих Федеральных законов сходны; содержание же права кредитора — юридического лица изменилось: если в Законе о банках и банковской деятельности закреплена альтернатива (потребовать досрочного исполнения *или* прекращения соответствующего обязательства и возмещения убытков), то в ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ содержание права кредитора изложено так же, как и для кредиторов — физических лиц в этом же Законе, а также в ст. 60 ГК РФ.

Сроки осуществления права в ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ сокращены: вместо 30 календарных дней — 10 рабочих дней; такой подход, полагаем, может быть объяснен стремлением сократить сроки реорганизации.

Особенности уведомления кредиторов о реорганизации. В этой части ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ содержит следующие основные положения: общее правило, согласно которому (ч. 2) кредитная организация должна уведомить о принятом решении о реорганизации в форме выделения своих кредиторов в срок не позднее 10 рабочих дней с даты принятия такого решения одним из способов, предусмотренных ч. 1 ст. 23⁵ Закона о банках и банковской деятельности, за исключением случая, предусмотренного ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ. Таким образом, по сравнению со ст. 23⁵ Закона о банках и банковской деятельности срок уведомления кредиторов также сокращен, а вот способы уведомления оставлены такие же, как и в указанном Законе: путем направления каждому кредитору письменного уведомления (почтовым отправлением с уведомлением о вручении) и опубликования в печатном издании, предназначенном для опубликования сведений о государственной регистрации юридических лиц, сообщения о принятом решении или путем опубликования сообщения о принятом решении в печатном издании, предназначенном для опубликования сведений о государственной регистрации юридических лиц, а также в одном из печатных изданий, предназначенных

для опубликования нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого расположен филиал (филиалы) этой кредитной организации; к кредиторам, которых кредитная организация должна уведомить, относятся все кредиторы, включая и те, которые квалифицированы как иностранные кредиторы из недружественных государств. Такой вывод следует из того, что специальный порядок извещения иностранных кредиторов из недружественных государств действует (ч. 3 ст. 8) только при условии, что юридическому лицу, создаваемому в результате реорганизации кредитной организации в форме выделения, передаются имущество, в отношении которого у кредитной организации отсутствует фактическая возможность распоряжения в силу примененных ограничительных мер, и (или) обязательства перед иностранными кредиторами из недружественных стран; если же имеет место условие, указанное в ч. 3 ст. 8, то в этом случае подлежат уведомлению только те кредиторы, которые не относятся к иностранным кредиторам из недружественных государств; последние же уведомляются в течение 10 рабочих дней с даты государственной регистрации юридического лица, созданного в результате реорганизации кредитной организации в форме выделения, одним из способов, предусмотренных ч. 1 ст. 23⁵ Закона о банках и банковской деятельности.

В-шестых, ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ установлены особенности порядка реорганизации.

К таким особенностям относится в первую очередь необходимость согласования реорганизации с Банком России, а также согласования с ним перечня имущества и обязательств, передаваемых юридическому лицу, создаваемому в результате реорганизации²¹.

В соответствии с указанным подзаконным нормативным актом для получения документа, подтверждающего решение Банка России о согласовании ее реорганизации, кредитная организация направляет в Банк России документы, перечень которых установлен п. 27.2 Инструкции Банка России от 2 апреля 2010 г. № 135-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций»²² (далее — Инструкция Банка России от 2 апреля 2010 г. № 135-И), оформленные с учетом следующего:

²¹ См.: Решение Совета директоров Банка России от 27.09.2022 г.

²² См.: Вестник Банка России. 2010. № 23.

²⁰ См.: Габов А. В. Порядок осуществления прав кредиторов при реорганизации // Журнал рос. права. 2016. № 5. С. 44–54.

в ходатайстве кредитной организации о государственной регистрации изменений, вносимых в устав кредитной организации и связанных с такой реорганизацией, дополнительно указываются: просьба о выдаче документа о согласовании; полное и сокращенное (при наличии) наименования создаваемого юридического лица (создаваемых юридических лиц) (для некоммерческой организации); полное и сокращенное (при наличии) фирменные наименования создаваемого юридического лица (создаваемых юридических лиц) (для коммерческой организации);

в протоколе заседания уполномоченного органа управления кредитной организации должны быть зафиксированы решения, предусмотренные федеральными законами для случая реорганизации кредитной организации в форме выделения, в том числе о реорганизации кредитной организации в форме выделения и о создании в результате данной реорганизации юридического лица.

С учетом ссылки на указанный п. 27.2 Инструкции Банка России от 2 апреля 2010 г. № 135-И становится понятно, что обращение за согласованием реорганизации происходит на этапе завершения реорганизации. При этом такое «перекрестное» регулирование (путем отсылки к положениям другого документа) имеет явные «минусы»: вышеназванная Инструкция Банка России до настоящего времени не приведена в соответствие с обновленным после 2014 г. Гражданским кодексом РФ (к примеру, в части перечня предоставляемых документов там до сих пор упоминается «разделительный баланс»); было бы целесообразно установить перечень предоставляемых документов непосредственно в ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ или в специальном подзаконном акте Банка России.

Установлен перечень условий, при соблюдении которых выдается документ о согласовании реорганизации; он включает:

соблюдение требований, установленных ч. 3 ст. 10 Закона о банках и банковской деятельности, п. 27.2 Инструкции Банка России от 2 апреля 2010 г. № 135-И, а также п. 1 самого решения Совета директоров Банка России от 27 сентября 2022 г. С учетом содержания указанных норм перед нами требование о соблюдении формальных положений нормативных актов (перечень документов и проч.);

согласование Банком России в соответствии с ч. 10 ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ перечня имущества и обязательств, передаваемых кредитной организацией юридическому лицу, создаваемому в результате реорганизации. Часть 10 ст. 8, на которую сделана ссылка в этом положении, предусматривает наличие специального порядка согласования, который, однако, не

принят, а потому соблюдение этого положения пока представляется проблематичным;

отсутствие основания для запрета реорганизации кредитной организации, предусмотренного частью 8 ст. 23 Закона о банках и банковской деятельности²³.

Установление условий, при которых выдается специальное разрешение (в данном случае в форме согласования), — это все-таки предмет федерального закона, а не подзаконного акта; здесь, как представляется, требуется включение соответствующих положений непосредственно в текст ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ.

Согласно п. 3 решения Совета директоров Банка России от 27 сентября 2022 г. документ о согласовании реорганизации направляется Банком России реорганизуемой кредитной организации с использованием единого сервиса личного кабинета Банка России по процедурам допуска не позднее рабочего дня, следующего за днем направления Банком России в Федеральную налоговую службу документов, предусмотренных п. 27.8 Инструкции Банка России от 2 апреля 2010 г. № 135-И, и копии документа о согласовании.

К особенностям порядка реорганизации следует отнести и установление специальных сроков уведомления кредиторов о реорганизации, а также специальных сроков и порядка осуществления кредиторами своих прав.

Особенности порядка реорганизации касаются и вопросов государственной регистрации создаваемого в результате реорганизации юридического лица. В части особенностей государственной регистрации предусмотрено:

обязательное предоставление при государственной регистрации завершения реорганизации документа, подтверждающего ее согласование Банком России; форма такого документа — решения — установлена решением Совета директоров Банка России от 27 сентября 2022 г. Именно в этом документе Банка России установлено следующее правило (уровня явно не этого документа): в целях соблюдения требования части 14 ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ документы для государственной регистрации создаваемого юридического лица и решение о согласовании реорганизации Банком России направляются в Федеральную налоговую службу в срок, не

²³ В соответствии с указанной нормой Банк России имеет право запретить реорганизацию кредитной организации, если в результате ее проведения возникнут основания для применения мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), предусмотренные § 4.1 гл. IX Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

превышающий одного рабочего дня со дня получения решения;

правило о том, что внесение в ЕГРЮЛ записи в связи с завершением реорганизации кредитной организации и записи о государственной регистрации соответствующих изменений, вносимых в устав кредитной организации, должно осуществляться одновременно (ч. 14 ст. 8).

В-седьмых, ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ установлены особенности раскрытия информации; ч. 11 этой статьи устанавливает возможность не раскрывать информацию: кредитная организация с даты принятия решения о реорганизации и до даты ее завершения не раскрывает информацию о существенных фактах (событиях, действиях), затрагивающих финансово-хозяйственную деятельность данной кредитной организации, в публичных источниках раскрытия информации.

В-восьмых, ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ устанавливает особенности правопреемства как одного из последствий реорганизации. Как уже было отмечено выше, стоимость имущества, передаваемого юридическому лицу, создаваемому в результате реорганизации кредитной организации в форме выделения, не может быть менее стоимости обязательств реорганизуемой кредитной организации перед иностранными кредиторами из недружественных стран; при этом стоимость такого имущества определяется без учета того обстоятельства, что у кредитной организации отсутствует фактическая возможность распоряжаться таким имуществом в силу примененных ограничительных мер.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сформулировать несколько выводов.

Во-первых, текущие политические и экономические условия показали не просто несовершенство действующего законодательства в части реорганизации юридических лиц, а его неспособность обеспечить реализацию как частных, так и публичных интересов; в такой ситуации законодатель вынужден создавать специальное регулирование для проведения реорганизации. К случаю такого специального регулирования относится и ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ, включающая 17 частей; они не образуют в совокупности мини-закона о реорганизации (т.е., в отличие от других случаев специального регулирования, не охватывают значительного количества элементов реорганизации), тем не менее следует отметить, что в данных частях мы видим установление существенных особенностей проведения реорганизации

(и определения ее последствий) по сравнению с реорганизациями, которые проводятся в ординарных условиях как применительно ко всем юридическим лицам, так и применительно к кредитным организациям, реорганизации которых всегда имели особенности регулирования в законодательстве о банках и банковской деятельности.

При этом представляется, что имеющегося регулирования в этой статье, в том числе и с учетом того потенциального регулирования, которое может быть создано актами Банка России в случаях, когда это прямо указано в отдельных частях данной статьи, недостаточно. Понадобится дополнительное регулирование в части определения правоспособности создаваемой в форме выделения организации, уточнения правового режима ее имущества, на которое имеют права кредиторы из недружественных государств, а также порядка осуществления ими своих прав в отношении такого имущества и по ряду других вопросов.

Помимо дополнительного регулирования потребуется и некоторая коррекция положений ст. 8 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ. В этих положениях усматривается ряд неопределенностей и пробелов; отдельный вопрос — это содержание решения Совета директоров Банка России от 27 сентября 2022 г. — документа, формально принятого во исполнение указанного Федерального закона, но фактически содержащего такие регулирующие положения, которые должны быть урегулированы именно и только федеральным законом.

Во-вторых, многие из новых (экстраординарных) положений в реальности представляют собой реализацию иной модели регулирования отношений реорганизуемого лица со своими кредиторами (внесудебный порядок, особенности определения круга кредиторов, имеющих специальные права); перед нами не что иное, как попытка создать иное регулирование (основанное на иных подходах) в «противовес» тем правилам, которые установлены ст. 60 ГК РФ после реформы гражданского законодательства в части юридических лиц 2014 г.; и эти новые подходы представляются верными, а потому со временем следует подумать о «переходе» таких положений из экстраординарных в ординарные (обычные).

В-третьих, исходя из целей принятия Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ, в виде реорганизации перед нами не что иное, как специальная мера, направленная на защиту прав и интересов российских юридических лиц от недружественных действий (введение ограничительных мер (санкций)) иностранных государств и международных организаций; однако прямой связи с соответствующими специальными федеральными

законами (Федеральные законы: от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»²⁴; от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»²⁵) новое регулирование не имеет. Полагаем, что в соответствующих нормативных правовых актах на реорганизацию целесообразно указать; это, возможно, среди прочего, позволит устанавливать необходимое регулирование и указами Президента РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габов А.В. О правах кредиторов при реорганизации: сб. науч.-практ. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом». РАНХиГС, юридический факультет им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности (25 апреля 2016 года, г. Москва) / под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М., 2016. С. 69–80.
2. Габов А.В. О праве кредитора при проведении реорганизации потребовать досрочного исполнения обязательства, а при невозможности такого исполнения — прекращения обязательства и возмещения убытков // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 59–67.
3. Габов А.В. Порядок осуществления прав кредиторов при реорганизации // Журнал рос. права. 2016. № 5. С. 44–54.
4. Габов А.В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 2014. С. 1–13.
5. Кузнецов М. Банкам придется разбираться с замороженными активами самостоятельно // Ведомости. 2022. 13 окт.
6. Нуждин Т.А. Понятие и модели смешанной реорганизации коммерческих организаций по законодательству Российской Федерации // Правоведение. 2017. № 5 (334). С. 88.

7. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / сост.: И.Н. Тимофеев, В.А. Морозов, Ю.С. Тимофеева. М., 2020.
8. Экономические санкции против России: ожидания и реальность / под науч. ред. Р.М. Нуреева. М., 2021.

REFERENCES

1. Gabov A. V. On the rights of creditors during reorganization: collection of scientific and practical Articles III of the International Scientific and Practical Conference “Actual problems of Business and Corporate Law in Russia and abroad”. RANEPa, Speransky Faculty of Law, Institute of Law and National Security (April 25, 2016, Moscow) / under the general editorship of S. D. Mogilevsky, M. A. Egorova. M., 2016. P. 69–80 (in Russ.).
2. Gabov A. V. On the creditor's right to demand early fulfillment of the obligation during the reorganization, and if such fulfillment is impossible, termination of the obligation and compensation for losses // Society and Law. 2016. No. 2 (56). P. 59–67 (in Russ.).
3. Gabov A. V. The procedure for exercising creditors' rights during reorganization // Journal of Russ. Law. 2016. No. 5. P. 44–54 (in Russ.).
4. Gabov A. V. Reorganization and liquidation of legal entities: a scientific and practical commentary on Articles 57–65 of the Civil Code of the Russian Federation. M., 2014. P. 1–13 (in Russ.).
5. Kuznetsov M. Banks will have to deal with frozen assets on their own // Vedomosti. 2022. 13 Oct. (in Russ.).
6. Nuzhdin T. A. The concept and models of mixed reorganization of commercial organizations under the legislation of the Russian Federation // Pravovedenie. 2017. No. 5 (334). P. 88 (in Russ.).
7. The policy of sanctions: goals, strategies, tools: a textbook. 2nd ed., rev. and ex. / comp.: I. N. Timofeev, V. A. Morozov, Yu. S. Timofeeva. M., 2020 (in Russ.).
8. Economic sanctions against Russia: expectations and reality / under the scientific editorship of R. M. Nureyev. M., 2021 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГАБОВ Андрей Владимирович — доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, и.о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; научный руководитель Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета; 308015 г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Authors' information

GABOV Andrey V. — Doctor of Law, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Acting Head of the Sector the Civil and Entrepreneurial Law Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Scientific Supervisor of the Law Institute of the Belgorod State National Research University; 85 Pobedy str., 308015 Belgorod, Russia

²⁴ См.: СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1), ст. 44.

²⁵ См.: СЗ РФ. 2018. № 24, ст. 3394.

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ПРАВОМЕРНОЕ БЕЗДЕЙСТВИЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧИ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© 2023 г. В. В. Семенчук

Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск

E-mail: semenchuk_ord@mail.ru

Поступила в редакцию 15.02.2022 г.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы осуществления оперативно-розыскного контроля за совершаемыми преступлениями. Автором представлены причины, по которым оперативные сотрудники не осуществляют немедленное пресечение преступлений. Анализ судебной практики свидетельствует, что подобное вынужденное бездействие признается допустимым по различным социально оправданным причинам, несмотря на отсутствие для этого достаточных правовых оснований. С целью решения представленной проблемы выдвинуты предложения по совершенствованию Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в части установления условий документирования совершаемых преступлений, понятий и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также создания гарантий восстановления прав потерпевших, нарушенных ввиду необходимости продолжения оперативно-розыскного контроля за такими преступлениями.

Ключевые слова: правомерное бездействие, оперативно-розыскная деятельность, пресечение преступлений, документирование, оперативно-розыскные мероприятия, проверочная закупка, оперативный эксперимент, обоснованный риск, раскрытие преступлений, возмещение вреда.

Цитирование: Семенчук В.В. Правомерное бездействие: проблемные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности в ходе реализации задачи пресечения преступлений // Государство и право. 2023. № 3. С. 87–100.

DOI: 10.31857/S102694520018545-0

LAWFUL INACTION: PROBLEM ISSUES ABOUT THE IMPLEMENTATION
OF THE OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITY DURING
THE SOLVATION OF THE CRIME SUPPRESSION TASK

© 2023 V. V. Semenchuk

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk

E-mail: semenchuk_ord@mail.ru

Received 15.02.2022

Abstract. The article describes the problematic issues about the operative-investigative control over the continuing crimes. The author presents the reasons why operative officers don't immediately suppress crimes. Analysis of judicial practice shows that such forced inaction is recognized as acceptable because of various socially justified reasons, although there is no sufficient legal basis for this. For the solvation of presented problem author proposed to improve the Federal Law "On operative-investigative activity": establish the conditions for documenting continuing crimes; establish the definitions for the operative-investigative measures and special conditions for the "experimental" measures; provide guarantees for the restoration of the victim's rights violated due to the necessity of the operative-investigative control over continuing crimes.

Key words: lawful inaction, operative-investigative activity, crime suppression task, documentation, operative-investigative measures, test purchase, operational experiment, reasonable risk, disclosure of crimes, compensation for harm.

For citation: Semenchuk, V.V. (2023). Lawful inaction: problem issues about the implementation of the operative-investigative activity during the solvation of the crime suppression task // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 87–100.

Обеспечение защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также обеспечение безопасности общества и государства являются целью оперативно-розыскной деятельности (ОРД) и первостепенной обязанностью органов, ее осуществляющих. В контексте исполнения данной обязанности учеными отмечалось, что пассивность при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) недопустима и такие мероприятия должны осуществляться своевременно и в достаточном объеме¹.

Защита приведенных прав неразрывно связана с реализацией задачи ОРД по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также установлению причастных к ним лиц. Хотя элементы данной задачи связаны единой целью противодействия преступности, порой приходится выбирать между предупреждением и пресечением преступлений, с одной стороны, и их раскрытием — с другой.

Пример такого противоречия приводился учеными при рассмотрении оперативного внедрения: вмешаться в процесс противоправного развития событий и тем самым поставить под сомнение выполнение задачи по раскрытию преступления? воздержаться от вмешательства, не пресекая преступление, и лишь в дальнейшем реализовать информацию при привлечении разрабатываемого к уголовной ответственности?²

Очевидно, что пресечение подготавливаемых преступлений приоритетней раскрытия совершенных, так как позволяет избежать негативных последствий, устранение которых порой невозможно. Однако из любого правила есть исключения, и вмешательство в преступную деятельность может оказаться преждевременным и в дальнейшем помешать изобличению лиц, причастных к ее совершению, и как результат — создать условия совершения преступлений в будущем вне оперативного контроля.

В качестве причин вынужденного отказа от пресечения преступной деятельности в пользу продолжения оперативно-розыскного контроля за ней можно выделить:

¹ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный / А.И. Алексеев, О.А. Вагин, Д.В. Закаляпин и др.; под ред. А.И. Алексеева, В.С. Овчинского. М., 2011.

² См.: Вагин О.А., Исиченко А.П., Четчин А.Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный. М., 2009.

1. Необходимость установления других лиц, причастных к преступной деятельности, и фактов ее совершения. Пресечение преступления и задержание одного из участников группы лиц в момент совершения преступления может стать препятствием для изобличения других участников, причастность которых не была достоверно задокументирована. Данными лицами могут быть приняты меры по уничтожению следов преступной деятельности и сокрытию от правоохранительных органов.

2. Совершаемые действия до момента их окончания не всегда возможно квалифицировать как преступные. Например, в случае пресечения проникновения в автомобиль возникнет вопрос, как оценить задокументированные действия: как покушение на кражу, покушение на угон, умышленное повреждение чужого имущества, либо как гражданско-правовой деликт в случае незначительности ущерба? Если лицо откажется сообщить о своих истинных намерениях и умысел не будет задокументирован иным путем, то велика вероятность отказа в возбуждении уголовного дела. Пресечение подобных действий и оказание мер индивидуально-профилактического воздействия не является гарантией отказа от совершения преступления. В противоположность этому возможна смена модели преступного поведения, дополнительная маскировка и сокрытие следов преступной деятельности.

3. Проблемы в понимании достаточности данных для возбуждения уголовного дела. Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит конкретных критериев определения достаточности данных для возбуждения уголовного дела. Примеры формализации признаков преступления, обнаружение которых может указывать на достаточность данных, встречаются в подзаконных нормативных актах³, но имеют скорее характер исключений, призванных обеспечить более полное использование средств уголовного судопроизводства для защиты прав потерпевших. Закрепить такие критерии для всех криминальных ситуаций представляется труднореализуемой задачей.

В теории уголовного процесса сложилось представление, что для возбуждения уголовного дела достаточно сведений, подтверждающих событие преступления, свидетельствующих о его

³ Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц: приказ МВД России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16.01.2015 г. // Росс. газ. 2015. 30 марта.

признаках, которые могут иметь вероятностный характер и еще не обладать свойствами доказательств. В основном такие сведения касаются объекта и объективной стороны преступления⁴.

Подход правоприменителя по данному вопросу отличается. С.В. Клещев отмечал, что более 75% опрошенных следователей под достаточными данными понимают информацию, которая достоверно свидетельствует обо всех элементах состава преступления. По его мнению, это приводит к попыткам решить в данной стадии уголовного процесса задачи, перед ней не стоящие, что в конечном счете ведет к несвоевременному возбуждению уголовных дел⁵.

Причины подобной установки кроются в оценке судебной перспективы по уголовным делам. К.Б. Калиновский и А.Е. Чечетин по данному поводу отмечали, что прекращение уголовного дела расценивается как дефект в работе следователя, результат необоснованного его возбуждения⁶.

Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые показатели ведомственной статистической оценки результатов деятельности территориальных ОВД, имеющие отрицательное значение: отношение количества уголовных дел, возвращенных для дополнительного расследования прокурором и судом в порядке ст. 237 УПК РФ, к числу оконченных производством уголовных дел; число оправданных и лиц, дела в отношении которых прекращены судом за отсутствием события, состава преступления, а также в связи с непричастностью.

Представленные показатели нацелены на повышение качества предварительного расследования и его оперативного сопровождения, а также исключения необоснованного возбуждения уголовных дел. Однако их субъективное восприятие ведет к тому, что материалы сообщения о преступлении оцениваются не только с позиции достаточности оснований для возбуждения уголовного дела, но и через призму направления уголовного дела в суд.

⁴ См.: *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный. 15-е изд., перераб. и доп. М., 2021; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный / О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. М., 2014; *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный / под общ. ред. А.В. Смирнова. Подготовлено для СПС «КонсультантПлюс», 2012; *Эксархонупло А.А.* Работа адвоката с «отказными» материалами уголовных дел // Адвокатская практика. 2014. № 1. С. 35–38.

⁵ См.: *Клещев С.В.* О некоторых вопросах проверки сообщения о преступлении // Росс. следователь. 2010. № 14. С. 10, 11.

⁶ См.: *Калиновский К.Б., Чечетин А.Е.* Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российской уголовной процессуальной // Росс. следователь. 2015. № 9. С. 10–14.

В случае использования сведений, содержащихся в результатах ОРД, в качестве оснований для возбуждения уголовного дела у следователей возникают дополнительные требования к их информационному содержанию по сравнению с материалами проверки сообщения о преступлениях по заявлениям потерпевших, о чем, в частности, свидетельствуют результаты анкетирования сотрудников следственных подразделений⁷, проведенного в 2021 г.

На вопрос: «Требуется ли установление специальных требований к содержанию результатов ОРД при их использовании для возбуждения уголовного дела?» — 73.3% опрошенных сотрудников следственных подразделений СК России и 66.8% сотрудников следственных подразделений МВД России ответили: «Да, это будет стимулировать оперативных сотрудников к более качественному сбору информации в ходе документирования преступлений».

В свою очередь, на вопрос: «Должен ли следователь обладать правом возврата результатов ОРД для проведения дополнительной проверки, если они, по его мнению, не содержат достаточных данных для возбуждения уголовного дела?» — 51.6% опрошенных сотрудников следственных подразделений СК России и 59.9% сотрудников следственных подразделений МВД России ответили: «Да, для того, чтобы уйти от принятия излишних процессуальных решений и дать возможность доработать материал».

Предъявление больших требований к результатам ОРД имеет противоречивый характер.

С одной стороны, пострадавший предоставляет только те сведения, которыми он фактически располагает, и не обязан осуществлять сбор доказательственного материала. В стадии процессуальной проверки, проводимой в порядке ст. 144 УПК РФ, нет гарантии установления всех признаков преступления, что не исключает возбуждения уголовного дела. В случае с безвестным исчезновением граждан, когда такие признаки формализованы, для возбуждения уголовного дела, например, будет достаточно того, что без вести пропавшим окажется несовершеннолетний.

⁷ Проведено анкетирование 244 сотрудников следственных органов СК России (следственные органы по Республике Ингушетия, Алтайскому краю, Камчатскому краю, Приморскому краю, Хабаровскому краю и Еврейской автономной области, Амурской, Магаданской и Сахалинской областям) и 467 сотрудников следственных органов МВД России (следственные органы Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу, территориальных ОВД республик Бурятия, Саха (Якутия), Алтайского, Камчатского, Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Иркутской, Магаданской, Новосибирской и Оренбургской областей).

Кроме того, с целью восстановления нарушенных прав потерпевшими могут предприниматься меры по обжалованию решения отказа в возбуждении уголовного дела, не соответствующего их интересам.

С другой стороны, результаты ОРД в сравнении с заявлением потерпевшего, как правило, представляются не после обнаружения первичных признаков преступления, а после того, как будет проведена их проверка, что предполагает их большую информативность.

Исходя из этого, решение о возбуждении уголовного дела на основании результатов ОРД, в сравнении с работой по заявлению потерпевших, должно приниматься без дополнительных требований. Но с учетом представления о судебной перспективе возникает обратная ситуация, в качестве причин которой можно привести следующие: ОРД является профессиональной деятельностью должностных лиц органов власти, наделенных правом использовать определенные методы познания, что предполагает и большую ответственность за качество собранных данных в сравнении с информацией, представленной потерпевшими; при выявлении преступлений формирование результатов ОРД, как правило, осуществляется до регистрации сообщения о преступлении, что предполагает возможность сбора материала в более краткие сроки⁸.

На данном этапе возможно осуществление взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений, в рамках которого последние могут получать разного рода указания на необходимость дополнения собранных данных. Как видно из результатов анкетирования, сотрудники следственных подразделений положительно относятся и к возможности обретения права на возврат результатов ОРД без принятия по ним процессуальных решений с целью сбора дополнительных сведений.

Так, на вопрос: «Требуется ли совершение действий, предусмотренных ст. 144 УПК РФ, для проверки результатов ОРД при принятии решения о возбуждении уголовного дела?» — 40.6% опрошенных сотрудников следственных подразделений СК России и 43.5% сотрудников следственных подразделений МВД России ответили: «Да, в обязательном порядке»; 47.9% опрошенных сотрудников следственных подразделений СК России и 42.4% сотрудников следственных подразделений МВД России ответили: «Требуется, только для уточнения отдельных обстоятельств и получения новой информации».

⁸ См.: О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 г. // Росс. газ. 2006. 25 янв.

Формирование чрезмерных требований к содержанию результатов ОРД приводит к тому, что на стадии возбуждения уголовного дела оперативные сотрудники нацеливаются на формирование материала, который представляет «в миниатюре» уголовное дело, готовое к направлению в суд. Такой подход может повлечь заволокивание процесса реализации результатов ОРД и возможную утрату данных, сбор которых возможен исключительно посредством процессуальных действий.

Сталкиваясь с процедурой уголовно-процессуальной оценки результатов ОРД, оперативные сотрудники формируют модель поведения, предполагающую необходимость установления подробных сведений об обстоятельствах, относящихся к предмету доказывания. В данном случае избыточность документирования в стадии возбуждения уголовного дела нацелена на то, чтобы избежать ситуаций с отказом в возбуждении уголовного дела.

Помимо представленных имеют место и субъективные причины невмешательства в преступную деятельность: волокита в работе оперативных подразделений; желание увеличить отчетные показатели и проч.

Рассматриваемая проблема не имеет исключительно «умозрительного» характера и нашла отражение в практической плоскости. Первоначально вопрос о непресечении преступления после установления его признаков возникал при обжаловании результатов повторных проверочных закупок наркотических средств. В случае, если в ходе первой проверочной закупки были обнаружены признаки состава преступления, проведение по тем же основаниям в отношении тех же лиц повторных проверочных закупок вызывало критическую оценку со стороны судебных органов. При обосновании критики приводилось несколько аргументов.

1. Проведение повторного ОРМ не соответствовало задачам ОРД, так как преступную деятельность необходимо было пресечь после ее выявления в ходе первой проверочной закупки⁹.

2. В связи с тем, что после первой проверочной закупки были получены достаточные данные для возбуждения уголовного дела, сведения, послужившие основаниями для ее проведения, нельзя было использовать в качестве оснований для проведения повторного ОРМ¹⁰.

Конституционный Суд РФ также поддержал позицию Верховного Суда РФ о том, что в качестве

⁹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 22.01.2014 г. № 36-Д13-12; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 09.08.2017 г. № 75-УД17-3 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Определение Верховного Суда РФ от 28.04.2014 г. № 33-Д14-1 // СПС «КонсультантПлюс».

недопустимых должны быть признаны доказательства, полученные в результате повторных проверочных закупок, не имеющих целью выявление новых обстоятельств или других участников сбыта. В подобной ситуации преступная деятельность должна быть пресечена после проведения первой проверочной закупки, в ходе которой были выявлены признаки состава преступления¹¹.

Впоследствии подобные аргументы распространили на результаты повторных проверочных закупок иных предметов (например, спиртосодержащей жидкости, не отвечающей требованиям безопасности¹², огнестрельного оружия¹³, взрывчатых веществ¹⁴) и повторных оперативных экспериментов в отношении взяточполучателей¹⁵.

Одновременно с формированием критической позиции в судебной практике сформировались критерии допустимости повторного проведения ОРМ после того, как были установлены признаки преступления, достаточные для возбуждения уголовного дела. Так, согласно позиции Верховного Суда РФ, повторная проверочная закупка наркотических средств в отношении того же лица будет признана допустимой, если необходимость ее проведения будет вызвана выявлением каналов поступления наркотических средств и установлению других участников этой преступной деятельности¹⁶.

Конституционный Суд РФ также не исключил возможность повторного проведения ОРМ для того, чтобы предупредить или пресечь выявленное преступление, раскрыть уже совершенное преступление либо сначала установить виновных, а затем предупредить, пресечь или раскрыть их деяние¹⁷.

В дальнейшем аргументы по поводу несвоевременного пресечения преступлений стали использоваться при обжаловании доказательств,

основанных на результатах ОРД, осуществленной с целью документирования не только единичных, но и длящихся преступлений.

По мнению стороны защиты, после обнаружения факта преступления ОРМ проводилось с целью увеличения ущерба и его проведение способствовало причинению более тяжких последствий, а не пресечению преступления. Суд признал аргументы жалобы несостоятельными, так как ОРМ проводилось для получения полной информации о преступлении¹⁸.

Схожие аргументы о том, что преступная деятельность не пресекалась с целью искусственного увеличения размера дохода и периода преступной деятельности, высказывались стороной защиты и при обжаловании приговора суда по незаконной организации и проведению азартных игр¹⁹.

Сторона защиты отмечала, что, несмотря на фиксацию отдельных эпизодов сбыта, преступная деятельность не пресекалась, тем самым осужденные в косвенной форме побуждались к совершению противоправных действий. По мнению Суда, длительность проведения ОРМ соответствовала цели и задачам ОРД, в числе которых не только пресечение конкретного единичного факта сбыта заведомо подложных денежных средств, но и выявление всех участвующих в сбыте лиц, выяснение их преступной связи и источников поступления заведомо подложных денежных средств²⁰.

Суд признал проведение ОРМ законным, так как преступные действия не были пресечены оперуполномоченным по объективным причинам: с целью установления всех лиц, причастных к хищениям автомашин, и места их жительства; в связи с отсутствием возможности задержания одним оперуполномоченным двух соучастников преступлений²¹.

Стороной защиты в числе прочих аргументов апелляционной жалобы указывалось, что в отношении участников организованной преступной группы (ОПГ) проводилось ОРМ и выявлялись закладки наркотических средств, но преступная деятельность

¹¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2015 г. № 1276-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Марий Эл от 11.02.2019 г. по делу № 22-107/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Апелляционное постановление Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 17.03.2015 г. по делу № 22-67/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 21.05.2018 г. по делу № 22-2840/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Постановление Президиума Ростовского областного суда от 20.08.2015 г. № 44-у-173; Определение первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.11.2019 г. № 77-2/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.12.2021 г. № 25-УД21-27-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 г. № 669-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 05.09.2019 г. № 22-4689/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 26.08.2019 г. по делу № 22-1541/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 09.06.2020 г. № 22-2548/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22.07.2021 г. № 77-1623/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

не пресекалась. Позиция Суда по данным аргументам жалобы в тексте решения отсутствует²².

Сторона защиты указала, что оперативные сотрудники знали о подготовке преступления, но не пресекли его. По мнению Суда, на момент принятия решения о проведении ОРМ реализация преступного плана находилась на начальном этапе, все причастные к совершению преступления соучастники известны не были, какими-либо материалами, достоверно свидетельствующими о подготовке неустановленных лиц к совершению преступления, сотрудники полиции не располагали. Суд признал законность проведения ОРМ, так как оно отвечало необходимости решения задачи ОРД по выявлению и пресечению преступлений, что требует более полной информации о способе совершения преступления и его участниках²³.

В Конституционный Суд РФ также поступали жалобы²⁴ на нормы Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»²⁵, которые, по мнению заявителей, позволяют не пресекать обнаруженную преступную деятельность (например, для вовлечения новых лиц в совершение преступлений с целью их дальнейшего разоблачения; для доведения особо тяжких преступления до стадии окончания с целью увеличения наказания за содеянное). К сожалению, отказывая в принятии жалоб к рассмотрению, Конституционный Суд РФ не привел аргументов по поводу указанных обстоятельств, ограничившись формулировкой, что вопрос об оценке законности и обоснованности правоприменительных решений и действий, имевших место в уголовном деле, не входит в его компетенцию.

Анализ примеров судебной практики показывает, что в целом судебные органы положительно относятся к доказательствам, сформированным на основании результатов ОРМ, проведенных при наличии достоверных данных о признаках состава преступления. В то же время длительность документирования контролируемого преступления обосновывается не наличием правовых предписаний, а целесообразностью — необходимостью установления других участников преступной деятельности,

получения подробной информации и т.д. Подобный подход не является приемлемым, поскольку не дает определенности как в процессе осуществления ОРД, так и в ходе исследования ее результатов.

Риски признания действий оперативных сотрудников незаконными могут возникать не только в части обжалования доказательств, основанных на результатах, но и по ряду других направлений:

1. В связи с попыткой квалификации неисполнения обязанности по пресечению преступлений как должностного преступления.

Бездействие оперативных сотрудников может быть рассмотрено через призму злоупотребления должностными полномочиями. Так, согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»²⁶ подобным образом может быть квалифицировано умышленное неисполнение должностным лицом своих обязанностей из корыстной или иной личной заинтересованности, объективно противоречащее тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями, и повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства.

В случае квалификации действий оперативных сотрудников возможны попытки поставить вопрос о наличии в них следующих признаков состава преступления: наличие иной личной заинтересованности; осуществление деятельности вопреки задачам ОРД; наличие вреда для граждан и организаций, возникшего в результате непресечения преступления.

Схожим образом возможна попытка квалифицировать бездействие оперативных сотрудников как халатности, выразившейся в том, что ими не была исполнена обязанность, предусмотренная п. 1 ч. 1 ст. 14 Федерального закона об ОРД, а также задача ОРД по пресечению преступлений. В отличие от злоупотребления должностными полномочиями аргументом «против» халатности является необходимость установления того, что ущерб был причинен в результате недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности. Подобный мотив, на наш взгляд, отсутствует ввиду того, что в рассматриваемых ситуациях оперативный сотрудник временно не пресекает преступную деятельность ввиду необходимости решения задачи по раскрытию преступления, когда другим способом ее решение невозможно. В то же время данный признак халатности

²² См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 11.02.2020 г. по делу № 22-2564/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ См.: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16.04.2019 г. № 22-2094/2019 по делу № 1-55/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 г. № 1357-О // В официальных источниках опубликовано не было; Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 г. № 2779-О // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁵ См.: СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

²⁶ См.: Росс. газ. 2009. 30 окт.

обладает оценочным характером и зависит от правосознания лица, которое будет принимать соответствующее процессуальное решение (о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесении приговора).

В.Н. Борков и В.Ф. Луговик, рассматривая вопрос об освобождении оперативных сотрудников от уголовной ответственности по ст. 285 УК РФ, отмечали, что в отношении оперативного наблюдения за посягательством, совершаемым разрабатываемыми лицами, могут быть применены правила об обоснованном риске (ст. 41 УК РФ)²⁷.

Однако текущая конструкция подобного основания вызывает вопрос о его применимости в рассматриваемом контексте.

Так, учеными отмечалось, что одним из условий правомерности обоснованного риска является соответствие рискованных действий прямым предписаниям нормативных актов, содержащих правила поведения в определенных ситуациях, осуществления специфических видов деятельности²⁸.

Специальная норма, предусматривающая возможность причинения правомерного вреда, предусмотрена ч. 4 ст. 16 ФЗ об ОРД. Однако как ст. 41 УК РФ, так и ст. 16 Федерального закона об ОРД предполагают возможность освобождения от ответственности за причинение вреда самими оперативными сотрудниками. В рассматриваемом же случае вред может возникнуть в результате того, что сотрудниками допускается вынужденное бездействие по пресечению преступлений с целью осуществления их документирования и последующего раскрытия. Если построить причинно-следственную связь, то бездействие можно трактовать как условие, повлекшее причинение вреда. Но для избежания разночтений нормы Федерального закона об ОРД должны носить конкретный характер, предусматривая как возможность, так и условия причинения вреда.

Дополнительно отметим, что ОРД хотя и содержит элементы риска, но является профессиональной деятельностью, осуществляемой на регулярной основе уполномоченными должностными лицами. В связи с этим следует согласиться с учеными, предлагающими включение в уголовное законодательство самостоятельного основания для освобождения от уголовной ответственности в случае

причинения вреда при выполнении должностных полномочий²⁹.

2. В связи с действиями потерпевших, направленными на защиту нарушенных прав.

Например, при документировании краж автомобилей, если преступная деятельность не была пресечена в момент совершения преступления, преступники могут получить возможность использовать предмет посягательства, в том числе разобрать его или осуществить перебивку номеров агрегатов с целью последующей реализации. После пресечения преступления и изъятие похищенного имущества может встать вопрос о том, кто будет возмещать вред, причиненный потерпевшему?

С одной стороны, вред причинен преступной деятельностью и должен быть возмещен виновным лицом. С другой — пресечение преступления и выполнение обязанности по защите собственности исключили бы причинение вреда.

Необходимость выявления других участников преступной деятельности и другие мотивы продолжения документирования не выступают достаточным аргументом для конкретного пострадавшего. Кроме того, возможность взыскания ущерба с государства реальнее, нежели чем его взыскание за счет осужденного, который только гипотетически может иметь соответствующие средства.

Подобные мотивы могут стать причиной обжалования действий (бездействия) оперативных сотрудников со стороны потерпевших.

3. В связи с понуждением к представлению результатов ОРД со стороны органов прокуратуры.

На основании изложенного можно сформулировать вывод, что судебная практика является шатким фундаментом для осуществления ОРД при наличии достаточных данных о преступной деятельности.

Федеральным законом об ОРД не установлено общего порядка действий в рассматриваемой ситуации. Немногочисленным примером того, как может выглядеть исключение из задачи пресечения преступления, является нормативная регламентация контролируемой поставки.

Согласно ст. 49 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»³⁰ в рамках данного ОРМ под контролем органов, осуществляющих

²⁷ См.: Борков В.Н., Луговик В.Ф. Контролируемое преступление: уголовно-правовые и оперативно-разыскные аспекты // Известия Алтайского гос. ун-та. 2018. № 3. С. 163.

²⁸ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутов, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

²⁹ См.: Михайлов В.И. Правовое регулирование причинения вреда при правомерном выполнении профессиональных (должностных) функций // Адвокат. 2015. № 5. С. 33–42; Савинов А.В. Причинение вреда при исполнении служебных или профессиональных функций. Подготовлено для справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», 2013.

³⁰ См.: СЗ РФ. 1998. № 2, ст. 219.

ОРД, допускаются перемещение в пределах Российской Федерации, ввоз (вывоз) или транзит через территорию Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также инструментов или оборудования.

Положения ст. 390 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³¹ в целом соответствуют вышеприведенным нормам, дополнительно устанавливая, что в случае проведения контролируемой поставки по объектам, вывозимым из Российской Федерации, на основании международных договоров Российской Федерации или по договоренности с компетентными органами иностранных государств уголовное дело в Российской Федерации не возбуждается.

Представленные нормы дают возможность не осуществлять немедленное пресечение преступлений, предусмотренных ст. 228, 228¹, 228³, 228⁴, 229¹ УК РФ, совершаемых путем перевозки, пересылки внутри Российской Федерации и контрабанды наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Подобное правомочие нацелено на установление получателей перемещаемых объектов и иных участников преступной деятельности и, соответственно, не может рассматриваться как потворствование совершению преступлений.

В то же время нелогично, что правовая регламентация данного ОРМ осуществлена не в Федеральном законе об ОРД, а в других нормативных правовых актах и касается только документирования незаконного оборота наркотических средств, а также перемещения предметов через таможенную территорию Российской Федерации.

С учетом изложенного считаем необходимым выдвинуть следующие предложения по нормативной регламентации ОРД ввиду необходимости согласования интересов пресечения и раскрытия преступлений:

1. Правовое регулирование документирования в ОРД.

Несмотря на название, ст. 10 Федерального закона об ОРД в основном посвящена вопросам ведения дел оперативного учета и не содержит понятия и форм документирования. Отметим, что данное направление сопряжено с организационно-тактическими аспектами ОРД, поэтому его подробная регламентация на уровне Федерального закона об ОРД не представляется возможной. Ввиду необходимости сохранения государственной тайны, обеспечения эффективности ОРД и учета

специфики деятельности ее субъектов подробная регламентация документирования должна осуществляться в подзаконных нормативных правовых актах.

В то же время заслуживают внимания рамочные подходы к документированию, нашедшие место в авторских концепциях правовой регламентации ОРД³². Так, проект федерального закона об ОРД, разработанный Н.С. Железняком, содержит следующие предложения: на органы и должностных лиц, осуществляющих ОРД, возложена обязанность осуществлять документирование обстоятельств подготовки и совершения преступлений, обеспечивать сохранность их следов (ст. 7); установлены организационные формы документирования (оперативная проверка и оперативная разработка) и даны их дефиниции (ст. 1, 15).

Реализация данных предложений будет способствовать восприятию ОРД как организованного процесса, направленного на формирование завершенного информационного продукта, пригодного для прямого использования потребителем (следователем и судом), а не набора разрозненных ОРМ.

В то же время в праве должны быть закреплены условия осуществления ОРД после того, как будут обнаружены признаки преступной деятельности, достаточные для возбуждения уголовного дела. В связи с этим целесообразно дополнительно к предложенным Н.С. Железняком принять еще ряд норм:

А. Скорректировать содержание оснований для проведения ОРМ, предусмотренных п/п. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона об ОРД, изложив их в следующей редакции:

«1) признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших».

Предлагаемое изменение предназначено для того, чтобы допустить возможность осуществления ОРД при наличии достаточных данных для возбуждения уголовного дела без перехода к использованию результатов ОРД в уголовном судопроизводстве.

Б. Установить условия осуществления ОРД в случае обнаружения фактов подготовки и совершения преступления.

³¹ См.: СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I), ст. 5082.

³² См.: Железняк Н.С. Проект Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Красноярск, 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ordrf.ru> (дата обращения: 08.02.2022); Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ordrf.ru> (дата обращения: 08.02.2022).

Перед тем как перейти к описанию нормы, необходимо рассмотреть вопрос о пределах документирования: в какой степени может быть допущена подконтрольная преступная деятельность и для каких целей?

Вопросы целеполагания нашли отражение в ранее рассмотренной судебной практике, которая в качестве типовых выделила следующие социально одобряемые цели продолжаемого документирования: установление других участников преступной деятельности и их связей; получение полной информации о преступлении; выявление источников поступления предметов, используемых в преступной деятельности.

Вопрос о возможности вынужденного допущения последствий от преступной деятельности в процессе ее документирования подробно рассмотрен не был. Если рассматривать его в контексте допустимости причинения вреда в рамках ОРД, то можно выделить разные представления о границах приемлемости.

О.А. Вагин отмечал, что причинение вреда в виде нарушения общественной безопасности, угрозы жизни, причинения вреда здоровью человека, нанесения имущественного ущерба иным лицам в процессе осуществления ОРД, исходя из содержания ОРМ, не предполагается, не допускается, исходя из взаимосвязанных положений Федерального закона об ОРД и Уголовного кодекса РФ, и не может быть оправданным³³.

В.Н. Борков и В.Ф. Луговик, рассматривая пределы документирования подконтрольных преступлений, отмечали недопустимость ожидания правоохранительными органами совершения убийства, террористического акта и других преступлений, посягающих на личность и общественную безопасность, последствия которых необратимы, с целью последующего успешного их раскрытия и задержания лиц, их совершивших³⁴.

Г.С. Шкабин, изучая теоретические представления о вреде в уголовном праве, констатировал, что большинство ученых схожи во мнении о том, что не бывает безвредных преступлений³⁵.

В идеальном варианте правоохранительные органы должны быть нацелены на недопущение любого вреда от преступной деятельности. Но в реальной действительности это не всегда возможно

и степень безотлагательности пресечения преступлений должна определяться характером причиняемого вреда, который может отличаться по реальности наступления для конкретных лиц, объектам посягательств и обратимости последствий.

С учетом оперативно-розыскного контроля за преступной деятельностью можно говорить о полном исключении вреда, либо вероятном или реальном характере его наступления.

Примером первой категории является документирование взяточничества. В случае совершения данных преступлений без оперативно-розыскного контроля негативные последствия могут наступить не только для охраняемых законом общественных отношений, но и для конкретных лиц. Например, лицо, получившее за взятку диплом врача, впоследствии может причинить вред здоровью пациенту ввиду своей некомпетентности.

Когда взяточничество документируется в рамках ОРД, то после его окончания потенциальный вред для конкретных лиц будет отсутствовать, так как совершаемые взяткополучателем действия будут признаны незаконными.

Примером второй категории является документирование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. В данном случае вынужденное непресечение преступной деятельности может повлечь потенциальное наступление неблагоприятных последствий для физических лиц (причинение вреда здоровью от употребления наркотических средств; формирование условий преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения, и т.д.). Продолжение документирования будет социально оправданным только с целью выявления и фиксации деятельности всех участников преступной группы. Если же подобная цель недостижима, то преступная деятельность подлежит пресечению в ее установленной части.

Третья категория включает преступления, которые в случае их непресечения влекут наступления реальных последствий для интересов личности и организаций (преступления против личности, собственности и проч.).

Допущение совершения преступлений данной категории представляет наибольший риск для охраняемых законом интересов, что требует их более детальной классификации.

В зависимости от объектов противоправных посягательств можно выделить вред жизни, здоровью, правам и свободам человека и гражданина, собственности, безопасности общества и государства.

Жизнь и здоровье человека в перечне защищаемых объектов при конструировании цели ОРД поставлены на первое место не случайно, так как

³³ См.: Вагин О.А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сб. материалов Всеросс. «круглого стола», 3 ноября 2011 г. / В.В. Абрамочкин, А.С. Александров, В.М. Аتماжитов и др.; сост. К.Б. Капиновский. СПб., 2012.

³⁴ См.: Борков В.Н., Луговик В.Ф. Указ. соч. С. 163.

³⁵ См.: Шкабин Г.С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex russica. 2016. № 8. С. 62–80.

жизнь нельзя вернуть, а вред здоровью в зависимости от тяжести последствий также может быть невосполнимым. В случае реальной угрозы данным объектам преступная деятельность должна быть пресечена вне зависимости от достигнутых в ходе ОРД результатов. Аналогичным образом необходимо подходить к преступлениям, посягающим на безопасность общества и государства, совершение которых может повлечь наступление тяжких последствий для жизни и здоровья человека.

Защита всех форм собственности — конституционная обязанность государства, но, в отличие от жизни и здоровья, имущественный вред может быть восстановлен. Допущение причинения имущественного вреда третьим лицам может быть признано социально оправданным и закреплено в законодательстве, если оно вызвано необходимостью выявления лиц, совершающих преступления, и пресечения того вреда, который они могли бы причинить в будущем вне оперативно-розыскного контроля. Вместе с тем должен быть решен вопрос о правовых гарантиях восстановления имущественного вреда потерпевшим.

С учетом изложенного может быть предложена норма, предусматривающая условия осуществления ОРД, после того как были установлены данные о подготовке или совершении преступления:

«В случае обнаружения данных, свидетельствующих о подготовке и совершении преступления, достаточных для возбуждения уголовного дела, должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, осуществляют пресечение преступления и передачу результатов оперативно-розыскной деятельности для принятия решения о возбуждении уголовного дела».

В случае отсутствия реальной угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, либо государственной и общественной безопасности, осуществление оперативно-розыскной деятельности в рамках документирования совершаемых преступлений может быть продолжено без их пресечения в случае необходимости установления других участников преступлений и фактов совершения более тяжких преступлений, когда установление таких сведений иным путем не представляется возможным.

В случае установления указанных сведений либо обнаружения обстоятельств, свидетельствующих об объективной невозможности их установления, должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, осуществляют пресечение преступления и передачу результатов оперативно-розыскной деятельности для принятия решения о возбуждении уголовного дела».

2. Нормативная регламентация понятий и содержания ОРМ.

Уровень правовой регламентации ОРМ в Федеральном законе об ОРД нельзя признать удовлетворительным ввиду отсутствия их дефиниций и сведений о содержании в тех пределах, в каких это соответствует обеспечению сохранности государственной тайны.

Регламентация ОРМ на ведомственном уровне имеет свои минусы в контексте предмета исследования, так как подобные акты в силу закрытого характера не могут являться основанием, допускающим причинение ущерба потерпевшему ввиду необходимости продолжения документирования преступления. На это указывают положения ч. 3 ст. 15 Конституции РФ, согласно которым любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что обнаружение и контроль за делящимся преступлением возможны в рамках различных ОРМ. По своей природе все ОРМ направлены на сбор информации, но некоторые из них позволяют осуществить фиксацию преступной деятельности, другие же предполагают создание обстановки, в которой будут реализованы преступные намерения.

К первой категории, например, можно отнести ОРМ «наблюдение» и ПТП. В части их правовой регламентации нет целесообразности включения положений, которые позволяли бы документировать противоправную деятельность после обнаружения признаков преступления, так как для этого достаточно общих условий документирования.

Ко второй категории помимо контролируемой поставки можно отнести проверочную закупку и оперативный эксперимент.

А. Ю. Шумилов выделил такие ОРМ в категорию экспериментальных, так как их предметно-практическая часть состоит из ряда действий по изучению поведения лица в специально созданных (опытно-экспериментальных) условиях³⁶. Содержание данных ОРМ предполагает создание условий, в которых будут проявляться противоправные намерения, с целью их документирования вплоть до окончания совершения преступления. В то же время такое допущение, в отличие от контролируемой поставки, законом не предусмотрено.

Подобный вопрос может быть решен путем введения понятийного аппарата ОРМ, детализации оснований и условий проведения. Акцент на данных ОРМ связан с тем, что помимо решения вопроса о вынужденном допущении преступления

³⁶ См.: Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учеб. для вузов. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2008. С. 196.

необходимо создать правовые рамки, позволяющие отграничить правомерные действия оперативных сотрудников от провокации преступления.

На примере проверочной закупки реализация подобного подхода может выглядеть следующим образом:

А. Закрепление в Федеральном законе об ОРД специальных условий проверочной закупки.

В указанном Законе не предусматривается специальных оснований и условий для проведения данного ОРМ, но таковые имеют место в правовых позициях Верховного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, имеющих прямое влияние на судебную оценку доказательств, сформированных на основе результатов ОРМ.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»³⁷ результаты ОРМ могут быть положены в основу приговора, если они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также о проведении лицом всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния.

Подобная правовая позиция соответствует подходу ЕСПЧ³⁸, согласно которому оперативные сотрудники перед проведением ОРМ должны располагать сведениями: достаточными для подозрения лица в том, что он совершает или подготавливает преступление; указывающими на то, что преступление было бы совершено без вмешательства оперативных подразделений, т.е. объект ОРМ уже располагает умыслом на совершение преступления.

Ввиду отсутствия специальных условий проверочной закупки в правосознании оперативных сотрудников формируются разные представления о достаточности данных для ее проведения. Так,

³⁷ Росс. газ. 2006. 28 июня.

³⁸ См.: Case of Vanyan v. Russia (application no. 53203/99. Judgment date 15.12.2005) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-71673> (дата обращения: 27.01.2022); Case of Veselov and others v. Russia (applications nos. 23200/10, 24009/07 and 556/10. Judgment date 02.10.2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-113289> (дата обращения: 28.01.2022); Case of Lagutin and others v. Russia (applications nos. 6228/09, 19678/07, 52340/08, 7451/09 and 19123/09. Judgment date 24.04.2014) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-142518> (дата обращения: 28.01.2022).

в ходе анкетирования³⁹, проведенного в 2021 г., на вопрос: «Что, по Вашему мнению, является достаточным основанием для проведения проверочной закупки?» — были получены следующие результаты:

1. «Любые сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, в том числе полученные в ходе негласного содействия» — 38.9% респондентов.

2. «Результаты проверки первоначально полученной информации о противоправной деятельности, дающие основание подозревать, что преступление было совершено, совершается или будет совершено» — 26.2% респондентов.

3. «Любые из оснований для проведения ОРМ, предусмотренные статьей 7 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”» — 34.8% респондентов.

Представленные результаты еще не позволяют утверждать, что правовые позиции Верховного Суда РФ и ЕСПЧ игнорируются оперативными сотрудниками, так как те из них, кто систематически проводит проверочные закупки, безусловно, учитывают то, как результаты ОРМ будут восприняты в уголовном судопроизводстве. В то же время для единообразия правоприменения считает целесообразным дополнить Федеральный закон об ОРД специальными условиями проведения проверочной закупки: «Проверочная закупка проводится при наличии достаточных данных, указывающих на то, что лицо подготавливает, совершает или совершило преступление, и свидетельствующих о том, что умысел лица возник независимо от действий должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность».

Подобная конструкция позволит обеспечить решение двух задач: создать правило, позволяющее отграничить правомерные действия оперативных сотрудников от провокации; обеспечить возможность проведения ОРМ при наличии достоверных сведений о преступлении вместо его немедленного пресечения.

Б. Закрепление условий проведения повторных проверочных закупок.

Для случаев, когда в результате проверочной закупки были получены достаточные данные для возбуждения уголовного дела, необходимо определить условия повторного проведения ОРМ: «Повторное проведение проверочной закупки

³⁹ Проведено анкетирование 465 сотрудников оперативных подразделений МВД России (Управление на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу, территориальные ОВД республик Бурятия, Саха (Якутия), Алтайского, Камчатского, Красноярского и Хабаровского краев, Иркутской, Магаданской и Сахалинской областей, оперативные сотрудники из числа слушателей, проходивших обучение по программам повышения квалификации в ДВЮИ МВД России).

в отношении того же лица при наличии достаточных данных для возбуждения уголовного дела допускается с целью выявления других участников преступной деятельности, источников поступления предмета проверочной закупки, если другими способами получить указанные сведения не представляется возможным».

Рассмотрев вопросы регламентации деятельности оперативных сотрудников, необходимо обратиться к процедуре восстановления прав потерпевших, ущерб которым был причинен в ходе документирования (вынужденного допущения) преступной деятельности. Хотя непосредственным причинителем вреда является субъект преступления, условием его причинения становится правомерное бездействие оперативных сотрудников по его пресечению. По этой причине данный вопрос целесообразно рассмотреть через призму правового института компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями.

Статьей 16¹ ГК РФ предусмотрена возможность компенсации ущерба, причиненного личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов или должностных лиц этих органов в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом. Схожим образом п. 3 ст. 1064 ГК РФ определяет, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом.

Для реализации данных норм в специальном нормативном правовом акте должны быть установлены соответствующие правовые основания. А.В. Лисаченко на основе анализа судебной практики отмечал, что при отказе в возмещении ущерба, причиненного правомерными действиями, судами указывается на отсутствие специального нормативного основания⁴⁰. В Федеральном законе об ОРД таких норм нет, и на практике это влечет отказ в компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями должностных лиц органов, осуществляющих ОРД⁴¹.

Считаем, что обязанность по компенсации ущерба, причиненного личности или имуществу гражданина, потерпевшему от преступления, либо имуществу юридического лица, не имеющего отношения к преступной деятельности, в ходе документирования преступления должна быть возложена на государство.

Отказ от этого поднял бы вопрос о том, почему реализация обязанности по защите интересов одного лица в конкретной ситуации менее значима в сравнении с необходимостью раскрытия преступлений и защиты интересов иных лиц, которые возможно потерпели бы от преступлений в будущем.

Дополнительно следует разрешить вопрос о возмещении понесенных издержек государству. Правомерность действий в ходе осуществления ОРД само по себе должно являться гарантией от последующего взыскания издержек. Риск обратного в целом парализовал бы реализацию предлагаемых правомочий.

Полагаем, что норма, исключающая ответственность оперативных сотрудников за правомерные действия, должна найти место в Федеральном законе об ОРД, тем самым став дополнительной гарантией деятельности оперативных сотрудников.

Отметим, что в недавнем времени при разработке проекта ст. 15¹ Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в ч. 5 предлагалось указать, что сотрудник полиции не несет ответственности за вред, причиненный гражданам и организациям при вскрытии транспортного средства, если данная мера применялась по основаниям и в порядке, установленном законодательством⁴². Статс-секретарь — заместитель Министра внутренних дел РФ И.Н. Зубов отмечал, что в данном случае ущерб, причиненный законными действиями сотрудника полиции, будет компенсирован государством⁴³. Однако ко второму чтению в Государственной Думе Федерального Собрания РФ данное положение было исключено из законопроекта и, соответственно, не нашло отражения в тексте Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 424-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О полиции”».

По данному поводу следует отметить, что ситуации, порой очевидные на первый взгляд, должны быть подкреплены правовыми нормами, что позволит избежать необоснованных претензий в условиях противоборства интересов разных лиц.

Одновременно с этим должно быть установлено право государства взыскивать понесенные издержки с лица, фактически причинившего соответствующий ущерб в результате совершения преступления.

⁴⁰ См.: Лисаченко А.В. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления: практика применения и научное осмысление // Росс. юрид. журнал. 2017. № 4. С. 116–122.

⁴¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.12.2016 г. по делу № А40-118673/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴² См.: законопроект № 955380-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О полиции”» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/955380-7> (дата обращения: 02.02.2022).

⁴³ См.: Возмещение ущерба от действий полиции могут возложить на государство [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20201208/politsiya-1588281697.html> (дата обращения: 02.02.2022).

С учетом изложенного считаем целесообразным предложить нормы, следующие за общими условиями документирования:

«Компенсация ущерба личности или имуществу гражданина, не причастных к совершению преступлений, либо имуществу юридического лица, которое не было вовлечено в осуществление преступной деятельности, причиненного в результате совершения преступления, документируемого органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, осуществляется за счет казны Российской Федерации. Российская Федерация вправе взыскать расходы, понесенные в связи с компенсацией ущерба, с лица, осужденного за совершение преступления, повлекшего причинение ущерба, либо имущества других лиц, если будет доказано, что оно было приобретено в результате совершения такого преступления».

* * *

В заключение заметим, что предлагаемый подход к правовой регламентации ОРД позволит решить ряд задач: решить проблему соотношения задач пресечения и раскрытия преступлений; установить пределы документирования преступной деятельности; обеспечить правовые гарантии деятельности оперативных сотрудников и восстановления прав потерпевших. Реализация данных предложений станет дополнительным фактором в обеспечении баланса частных и публичных интересов в процессе раскрытия преступлений, а также придаст определенности в осуществлении ОРД и оценке ее результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный. 15-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
2. *Борков В.Н., Луговик В.Ф.* Контролируемое преступление: уголовно-правовые и оперативно-розыскные аспекты // Известия Алтайского гос. ун-та. 2018. № 3. С. 163.
3. *Вагин О.А.* Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сб. материалов Всеросс. «круглого стола», 3 ноября 2011 г. / В.В. Абрамочкин, А.С. Александров, В.М. Ахмажигитов и др.; сост. К.Б. Калиновский. СПб., 2012.
4. *Вагин О.А., Исиченко А.П., Четчин А.Е.* Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный. М., 2009.
5. *Железняк Н.С.* Проект Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Красноярск, 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ordrf.ru> (дата обращения: 08.02.2022).

6. *Калиновский К.Б., Четчин А.Е.* Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса // Росс. следователь. 2015. № 9. С. 10–14.
7. *Клещев С.В.* О некоторых вопросах проверки сообщения о преступлении // Росс. следователь. 2010. № 14. С. 10, 11.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшуттов, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
9. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный / А.И. Алексеев, О.А. Вагин, Д.В. Закаляпин и др.; под ред. А.И. Алексеева, В.С. Овчинского. М., 2011.
10. *Лисаченко А.В.* Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления: практика применения и научное осмысление // Росс. юрид. журнал. 2017. № 4. С. 116–122.
11. *Луговик В.Ф.* Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ordrf.ru> (дата обращения: 08.02.2022).
12. *Михайлов В.И.* Правовое регулирование причинения вреда при правомерном выполнении профессиональных (должностных) функций // Адвокат. 2015. № 5. С. 33–42.
13. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный / О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. М., 2014.
14. *Савинов А.В.* Причинение вреда при исполнении служебных или профессиональных функций. Подготовлено для справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», 2013.
15. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный / под общ. ред. А.В. Смирнова. Подготовлено для СПС «КонсультантПлюс», 2012.
16. *Шкабин Г.С.* Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex russica. 2016. № 8. С. 62–80.
17. *Шумилов А.Ю.* Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учеб. для вузов. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2008. С. 196.
18. *Эксархонупо А.А.* Работа адвоката с «отказными» материалами уголовных дел // Адвокатская практика. 2014. № 1. С. 35–38.

REFERENCES

1. *Bezlepkin B. T.* Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: article by article. 15th ed., reprint and add. M., 2021 (in Russ.).
2. *Borkov V. N., Lugovik V. F.* Controlled crime: criminal-legal and operational-investigative aspects // News of the Altai State University. 2018. No. 3. P. 163 (in Russ.).

3. *Vagin O.A.* Constitutional problems of operational investigative activity // Constitutional and legal problems of operational investigative activity: collection of materials of the All-Russian "Round Table", November 3, 2011 / V.V. Abramochkin, A.S. Alexandrov, V.M. Atmazhitov et al.; comp. K.B. Kalinovsky. SPb., 2012 (in Russ.).
4. *Vagin O.A., Isichenko A.P., Chechetin A.E.* Commentary on the Federal Law "On operational investigative activities": article by article. M., 2009 (in Russ.).
5. *Zheleznyak N.S.* Draft Federal Law "On operational investigative activities". Krasnoyarsk, 2012 [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://ordrf.ru> (accessed: 08.02.2022) (in Russ.).
6. *Kalinovsky K.B., Chechetin A.E.* Protection of the rights of victims of crimes at the stage of initiation of a criminal case of the Russian criminal process // Russ. Investigator. 2015. No. 9. P. 10–14 (in Russ.).
7. *Kleshchev S.V.* On some issues of checking a crime report // Russ. Investigator. 2010. No. 14. P. 10, 11 (in Russ.).
8. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and practical (article-by-article) / N.I. Vetrov, M.M. Daishutov, G.V. Dashkov et al.; ed. by S.V. Dyakov, N.G. Kadnikov. 2nd ed., reprint and add. M., 2013 (in Russ.).
9. Commentary on the Federal Law "On Operational Investigative Activities": article by article / A.I. Alekseev, O.A. Vagin, D.V. Zakalyapin et al.; ed. by A.I. Alekseev, V.S. Ovchinsky. M., 2011 (in Russ.).
10. *Lisachenko A.V.* Compensation for damage caused by lawful actions of state bodies and local self-government bodies: practice of application and scientific understanding // Russ. legal journal. 2017. No. 4. P. 116–122 (in Russ.).
11. *Lugovik V.F.* Operational Search Code of the Russian Federation: author's project [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://ordrf.ru> (accessed: 08.02.2022) (in Russ.).
12. *Mikhailov V.I.* Legal regulation of causing harm in the lawful performance of professional (official) functions // Lawyer. 2015. No. 5. P. 33–42 (in Russ.).
13. Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: article-by-article / O.N. Vedernikova, S.A. Vorozhtsov, V.A. Davydov et al.; res. ed. V.M. Lebedev; hand. author. col. V.A. Davydov. M., 2014 (in Russ.).
14. *Savinov A.V.* Causing harm in execution official or professional functions (Prepared for the legal reference system "ConsultantPlus", 2013) (in Russ.).
15. *Smirnov A.V., Kalinovsky K.B.* Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: article by article / under the general editorship of A.V. Smirnov. Prepared for the SPS "ConsultantPlus", 2012 (in Russ.).
16. *Shkabin G.S.* Harm in Criminal Law: types and legal regulation // Lex russica. 2016. No. 8. P. 62–80 (in Russ.).
17. *Shumilov A. Yu.* Course of fundamentals of operational investigative activity: textbook for universities. 3rd ed., ex. and rev. M., 2008. P. 196 (in Russ.).
18. *Exarchopulo A.A.* Work of a lawyer with "rejected" materials of criminal cases // Lawyer practice. 2014. No. 1. P. 35–38 (in Russ.).

Сведения об авторе

СЕМЕНЧУК Василий Владимирович — кандидат экономических наук, доцент, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России; 680020 г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15

Authors' information

SEMENCHUK Vasily V. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Operational-Investigative Activity of Enforcement Bodies, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 15 Kazarmenny lane, 680020 Khabarovsk, Russia

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2023 г. Л. Н. Сморчкова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: l.smorchkova@mail.ru

Поступила в редакцию 26.08.2022 г.

Аннотация. В статье обосновывается важность государственной поддержки инновационных кластеров, создаваемых в целях развития и внедрения высокотехнологичных продуктов и решений во все сферы общественной жизни, что должно способствовать росту экономики и обеспечению экономической безопасности Российской Федерации. Процесс создания и последующего развития инновационных кластеров нуждается в совершенствовании соответствующего административно-правового регулирования, а сами меры поддержки и стимулирования должны носить преимущественно административный характер, поскольку затраты государства на кластерные проекты, осуществляемые посредством субсидий, не всегда окупаются.

Ключевые слова: экономические отношения, управление экономикой, административно-правовое регулирование, государственные меры стимулирования, инновационный кластер, промышленный кластер, стратегия развития, высокотехнологичные решения.

Цитирование: Сморчкова Л. Н. Административно-правовое обеспечение развития инновационных кластеров в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 101–110.

DOI: 10.31857/S102694520024776-4

ADMINISTRATIVE-LEGAL SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF INNOVATIVE CLUSTERS IN MODERN RUSSIA

© 2023 L. N. Smorchkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: l.smorchkova@mail.ru

Received 26.08.2022

Abstract. The article substantiates the importance of state support for innovation clusters created for the development and implementation of high-tech products and solutions in all spheres of public life, which should contribute to the growth of the economy and ensure economic security of the Russian Federation. The process of creation and subsequent development of innovative clusters needs to improve the relevant administrative and legal regulation, and the support and incentive measures themselves should be predominantly administrative in nature, since the state's costs for cluster projects implemented through subsidies are not always paid off. The article has a problem-staging character.

Key words: economic relations, economic management, administrative and legal regulation, government incentives, innovation cluster, industrial cluster, development strategy, high-tech solutions.

For citation: Smorchkova, L. N. (2023). Administrative-legal support for the development of innovation clusters in modern Russia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 101–110.

Введение

Международные политические события в очередной раз показали важность внутреннего экономического развития Российской Федерации, значимость экономической независимости и обеспечения экономической безопасности для сохранения государственного суверенитета. В этих условиях поиск новых экономических форм и новые подходы к применению уже используемых могут дать дополнительный эффект, а их научно обоснованное правовое обеспечение позволит гарантировать поставленным целям встраиваемость в систему общественного производства.

В последние годы наблюдается расширение круга средств административно-правового воздействия на экономические отношения, обусловленное появлением различного рода инновационных технологий. К таковым можно отнести внедрение экспериментальных правовых режимов, совершенствование правового института обязательных требований, введение обязательной маркировки товаров средствами идентификации и проч.¹

Использование кластерного подхода при организации хозяйственных связей в современных экономических отношениях, нацеленных на развитие и внедрение инноваций, соответствует мировой тенденции. При этом Российская Федерация, по сравнению со странами-лидерами, имеет довольно низкие показатели кластерного развития: 95-е место в мировом рейтинге по состоянию на 2020 г. и незначительный уровень кластерной концентрации².

Последующие события в мировой экономике, отягощенные пандемией и текущей политической обстановкой, не способствовали бурному развитию кластеризации в России. Однако в условиях вынужденной организации новых хозяйственных связей, построения новых логистических цепочек, необходимости отечественного производства высокотехнологичной импортозамещающей продукции, возможно, именно кластерное объединение организаций как форма их интеграционного взаимодействия сможет способствовать решению вышеуказанных задач. Представляется, что не стоит недооценивать преимущества организации внутрикластерного устойчивого экономического взаимодействия и функционирования кластера как самостоятельной экономической единицы.

¹ См. подр.: Сморчкова Л. Н. Административно-правовые средства воздействия на экономические отношения: современное содержание правовой категории // Публичная власть: система, компетенции. Воронеж, 2021. С. 125–138.

² См.: URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/innovatsionnye-klastery-rossii/>

При этом инновационные кластеры представляют собой качественно иной уровень объединения производительных сил, подлежащий изучению как самостоятельное экономико-правовое явление, относительно новое и находящееся на этапе своего становления. Их успешное развитие и эффективное функционирование требуют не только применения мер государственной поддержки, но и поставленным целям административно-правового сопровождения.

Что такое инновационный кластер

Инновационный кластер — это прежде всего экономическое понятие. В научных публикациях, рассматривающих вопросы развития инновационных кластеров, затрагивается преимущественно экономическая сторона их функционирования, предлагаются наиболее эффективные модели их устройства³. При этом отмечается, что государственная кластерная политика в Российской Федерации выстраивается на основе европейской модели и не вполне учитывает успешный опыт отечественной истории формирования пространственных экономических структур — советских территориальных промышленных комплексов⁴.

Сам термин «кластер» (от англ. *cluster* — скопление (также гроздь, пучок, рой, концентрация)) в интересующем нас контексте означает объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая специфическими свойствами.

С экономической позиции кластер подразумевает определенную концентрацию на определенной территории географически локализованных компаний (производственных единиц), которые объединены едиными производственно-технологическими связями, позволяющими им повышать конкурентоспособность как на внешнем, так и на внутреннем рынке. Устойчивые производственно-технологические связи помогают поддерживать коммуникацию и обмен необходимой информацией на высоком уровне. Это касается и внедрения в производственные процессы инновационных технологий, что актуально при стремительном развитии цифровизации. Для обеспечения этого процесса в инновационные кластеры включаются различного рода научно-исследовательские учреждения.

³ См., напр.: Карпова Е. Г. Сущность и структура экономического кластера // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского гос. политех. ун-та. 2011. № 2. С. 62–67; Боуш Г. Д., Мадгазин Д. И. Экономические кластеры — эффективный инструмент повышения конкурентоспособности региона // Вестник Омского ун-та. Сер. «Экономика». 2007. № 4. С. 64–69.

⁴ См.: Гарнов А. П., Гарнова В. Ю. Кластеризация экономики: способы повышения эффективности государственной промышленной политики // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2016. № 6. С. 110–117.

Е.А. Монастырский под инновационным понимает кластер, сформированный на базе или имеющий в своем составе центры генерации научных знаний, центры генерации бизнес-идей, центры подготовки высококвалифицированных специалистов, выпускающий продукцию, обладающую долгосрочными конкурентными преимуществами, действующий на перспективных растущих рынках или формирующий новые рынки сбыта⁵.

С.В. Костин видит отличие инновационного кластера от промышленного или иного регионального в том, что его создание позволяет разрешить конфликт между цифровыми платформами и местной экономикой, используя преимущества цифровизации и локализации для взаимного удовлетворения интересов⁶. Н.Е. Егоров считает, что результатом функционирования именно инновационного кластера является создание особой формы инновации — общего интегрального инновационного продукта участников кластера⁷.

Немаловажное значение для понимания сущности инновационных кластеров имеет тот факт, что в условиях рыночной экономики они образуются исключительно на основе добровольного участия, что кардинально отличает их от территориальных промышленных комплексов, создаваемых в свое время в соответствии с плановым подходом советской экономики. Таким образом, внутри кластера возможна и приветствуется конкуренция между предприятиями и организациями, в него входящими, она является не менее важной движущей силой их развития, чем кооперация их деятельности. Предприятия и организации, научные и образовательные учреждения, становясь участниками инновационного кластера, не утрачивают самостоятельности, волю на участие в кластере они выражают путем подачи заявки, заключения соглашений и оформления необходимых документов.

Стимулом для участия в инновационном кластере являются несомненные выгоды, заключающиеся в возможности пользоваться общими сервисами в поиске поставщиков и покупателей, иных бизнес-партнеров, построении логистических цепочек, привлечении инвесторов, внедрении своих инноваций и получении площадок для их апробации, получении организационной и материальной помощи при открытии высокотехнологичного производства, закупке дорогостоящего оборудования, получении доступа к инновационным технологиям

и возможности проведения необходимых для развития научных изысканий, в облегченном доступе к различного рода финансовым ресурсам (например, использование рискованного финансирования для новых технологических компаний, участвующих в инновационном кластере), поиске необходимых специалистов или уникальных услуг и т.д.

Инновационный кластер также использует и другие возможности экономического кластерного образования, напрямую не связанные с инновационными технологиями и производством. При этом инновационный кластер, безусловно, обладает той же ключевой особенностью, что и любой экономический кластер, — наличием взаимосвязей, а не просто выступает как совокупность входящих в него предприятий и организаций. Взаимосвязи, устанавливаемые между участниками кластера, позволяют говорить о некоей системе, имеющей как внутреннюю структуру, так и выступающую во внешних отношениях (общественном производственном процессе) в качестве некоего целого. Кластер в качестве системы объединенных в него хозяйствующих субъектов представляет собой самостоятельную единицу, обладающую определенными свойствами, которые присущи всей системе как единому целому.

В том случае, когда все элементы и подсистемы, составляющие кластеры, работают в одном направлении, возрастает концентрация конкурентных преимуществ и можно говорить о синергетическом эффекте кластера как самостоятельного образования, когда экономический результат кластера превышает возможную совокупную сумму результатов его участников до вхождения в кластер. Именно этот эффект ценен для развития отечественной экономики, особенно в сложных социально-политических условиях.

Безусловно, в достижении задач экономического развития Российская Федерация должна использовать потенциал кластерного синергетического эффекта и стимулировать данную форму экономической кооперации не только в целях развития регионов или отдельных отраслей промышленности, но прежде всего в такой актуальнейшей сфере экономики, как инновационная деятельность, развитие и внедрение инновационных технологий во все области общественных отношений.

Опыт кластеризации в Российской Федерации

О необходимости проведения политики кластеризации в российской экономике много говорилось и писалось в научной экономической литературе в первом десятилетии XXI в. Так, например, основной задачей виделась организация согласованных действий федеральных и региональных органов исполнительной власти с целью вывести

⁵ См.: Монастырский Е.А. Инновационный кластер // Инновации. 2006. № 2. С. 40.

⁶ См.: Костин С.В. Инновационный кластер как институт развития инновационной экономики России // Экономические стратегии. 2022. № 3. С. 64—69.

⁷ См.: Егоров Н.Е. Инновационные кластеры в развитии экономики региона // Инновации и инвестиции. 2010. № 16. С. 47.

кластерные инструменты развития на системный уровень, а принятие Концепции кластерной политики в Российской Федерации представлялось основой создания новой промышленной среды⁸.

В результате в 2012 г. Минэкономразвития России, выполняя поручения Президента РФ и Правительства РФ, приступило к реализации программы поддержки инновационных территориальных кластеров (далее — ИТК)⁹, принятой в целях поддержки и развития экономики субъектов Российской Федерации.

Был проведен конкурсный отбор среди комплексов региональных предприятий, желающих выступить в качестве инновационного территориального кластера в целях получения государственной поддержки. Первоначально получить соответствующий статус удалось 25 ИТК, которые вошли в Перечень, утвержденный поручением Правительства РФ от 28 августа 2012 г. ДМ-П8-5060¹⁰. В этом Перечне в отношении каждого кластера помимо его наименования были указаны субъект Российской Федерации, на территории которого создан ИТК (сгруппированы по федеральным округам), его основная специализация, а также организация — координатор кластера, в качестве которых выступили как крупные отраслевые предприятия и организации, так и администрации соответствующих населенных пунктов. В последующие годы также проводились конкурсные отборы пилотных ИТК.

В зависимости от решаемых задач ИТК были разделены на три условные категории: кластеры, образованные на базе «якорных» высокотехнологичных предприятий; кластеры, образованные на базе ведущих научных и образовательных центров; кластеры, образованные на базе малого и среднего инновационного бизнеса, призванные развивать предпринимательство в сфере инноваций. Каждой из перечисленных категорий соответствовали свои основные задачи, для решения которых они были образованы. В зависимости от решаемых задач определялись и меры государственной поддержки, среди которых наиболее ценным представляется готовность государства способствовать организации технологических цепочек, высокотехнологичного производства на базе имеющейся исследовательской инфраструктуры, общих сервисов, включающих инновационную инфраструктуру.

Одним из важнейших инструментов государственной поддержки развития кластеров стало предоставление целевых субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, на территории которых находились ИТК, на цели реализации мероприятий, предусмотренных программами развития инновационных территориальных кластеров. За пятилетний период с 2013 по 2017 г. суммарный объем предоставленных на эти цели субсидий составил более 9 млрд руб.¹¹

Вместо организаций-координаторов кластеров в отношении ИТК были образованы центры кластерного развития, которые представляют собой специально созданную с целью реализации кластерной политики в субъекте Российской Федерации организацию, входящую в инфраструктуру поддержки малого и среднего предпринимательства, одним из учредителей которых является субъект Российской Федерации. Требования к центрам кластерного развития устанавливает Минэкономразвития России, в то время как обязанность по обеспечению создания и (или) развития инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, к которой относятся и центры кластерного развития, возложена на субъекты Российской Федерации.

Кластерные проекты реализуются на территориях с высоким уровнем инновационной активности — в особых экономических зонах, в закрытых территориальных образованиях, на территориях опережающего развития и в таких основных отраслях экономики, как судостроение, биотехнология, медицинская промышленность и фармацевтика, информационно-коммуникационные технологии, электроника, нефтехимия, а также создание ядерных и радиационных технологий, аэрокосмических аппаратов¹². Минэкономразвития России, оценивая развитие инновационных территориальных кластеров, констатирует, что результатом стал опережающий рост выпуска промышленной продукции и интеллектуальных услуг, высокие темпы создания и модернизации рабочих мест, масштабов проведения исследований и разработок¹³.

Существенным шагом в процессе кластерного развития в стране стало создание на основании Указа Президента РФ от 26 ноября 2018 г. № 672¹⁴ Московского инновационного кластера (далее — МИК),

⁸ См.: Фильченков В.А., Погребова Е.С. Кластерная политика — основа инновационного развития экономики региона // Сервис plus. 2011. № 4. С. 96.

⁹ См.: URL: https://cluster.hse.ru/innovative_clusters

¹⁰ См.: URL: https://www.iclaster.ru/upload/iblock/80a/1_poruchenie_pravitelstva_rossiyskoy_federatsii_ot_28_avgusta_2012_g_dm_p8_5060.pdf

¹¹ См.: Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России». М., 2019. Вып. 2. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-03/24-03-2019-nacdoklad.pdf>

¹² См.: URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/innovatsionnye-klastery-rossii/>

¹³ См.: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314301/0d9dc0ad732dcac2a10c00dbcc5f1c0a79e6c01f/

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. VI), ст. 7582.

который представляет собой платформу для развития инновационного потенциала города Москвы, разработки и внедрения инновационных технологий, обеспечения научно-технической и производственной кооперации и координации взаимодействия крупных корпораций с промышленными предприятиями, субъектами малого и среднего бизнеса, образовательными и научными организациями, институтами развития. Основу правового регулирования его деятельности составил Закон г. Москвы от 20 февраля 2019 г. № 5 «Об инновационном кластере на территории города Москвы»¹⁵.

Участие в инновационном кластере дает возможность доступа ко всем возможностям, инструментам и сервисам кластера, что решает многие задачи, возникающие у хозяйствующих субъектов, включая специальный доступ к мерам поддержки. Например, посредством Фонда Московского инновационного кластера осуществляется программа по компенсации высокотехнологичным предприятиям региона затрат на покупку оборудования до 30 млн руб.¹⁶

При поддержке Минэкономразвития России, осуществляемой в рамках программы поддержки малого и среднего предпринимательства, была реализована практика предоставления субсидий регионам для создания и функционирования центров кластерного развития, которые представляют собой специализированные организации, одним из учредителей которых является субъект Российской Федерации, и создаются с целью реализации кластерной политики в регионе. В результате было создано достаточно большое количество (более 50) региональных кластеров различной отраслевой специализации.

Помимо программной поддержки кластеров, осуществляемой Минэкономразвития России, Минпромторг России развивает еще одну форму кластеризации — промышленные кластеры. И в этой сфере, в отличие от ИТК, правовое регулирование отношений с участием промышленных кластеров стало развиваться на высшем законодательном уровне. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»¹⁷ вводит понятие промышленного кластера, под которым подразумевается совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта

Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации.

Промышленные кластеры являются формой территориального развития промышленности наряду с индустриальными (промышленными) парками и промышленными технопарками. При этом выше-названным Федеральным законом установлено, что применение в отношении промышленных кластеров мер стимулирования деятельности в сфере промышленности возможно только при условии создания специализированной организации (для которой также предусмотрен ряд требований), осуществляющей методическое, организационное, экспертно-аналитическое и информационное сопровождение развития промышленного кластера, с которой заключают соглашения все участники кластера.

Требования к промышленным кластерам были утверждены постановлением Правительства РФ от 31 июля 2015 г. № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров»¹⁸. Соответствующие требованиям промышленные кластеры регистрируются и включаются в реестр, который ведет Минпромторг России¹⁹. Летом 2022 г. было анонсировано, что Правительство РФ разрабатывает новые льготные параметры работы промышленных кластеров для стимулирования инвестиций в наукоемкие производства²⁰.

Всего в России создано порядка 120 экономических кластеров разного типа: включенных в перечень пилотных инновационных территориальных кластеров; поддерживаемых центром кластерного развития в рамках программы Минэкономразвития России по поддержке малого и среднего предпринимательства; включенных в перечень промышленных кластеров Минпромторга России. Однако подавляющее большинство из них находятся на начальном уровне развития и уровень их эффективности оценивается как низкий²¹.

Таким образом, в настоящее время существует определенный опыт и некоторая правовая база для организации различного рода кластеров, посредством которых осуществляется стимулирование экономической деятельности хозяйствующих субъектов. В то же время отсутствие видимого

¹⁵ См.: Ведомости МГД. 2019. № 3, ст. 5.

¹⁶ См.: URL: https://rg.ru/2022/08/05/reg-cfo/natalia-sergunina-moskovskie-tehnologicheskie-kompanii-vnov-mogut-kompensirovat-chast-rashodov-na-pokupku-oborudovaniia.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D

¹⁷ См.: СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I), ст. 41.

¹⁸ См.: СЗ РФ. 2015. № 32, ст. 4768.

¹⁹ См.: приказ Минпромторга России от 09.02.2016 г. № 304 (ред. от 29.01.2019 г.) «Об утверждении Порядка ведения реестра промышленных кластеров и специализированных организаций, соответствующих требованиям к промышленному кластеру и специализированной организации, в том числе обеспечения своевременного внесения изменений в содержащиеся в указанном реестре сведения». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minpromtorga-rossii-ot-09022016-n-304/>

²⁰ См.: URL: <https://ria.ru/20220629/rezhim-1799051019.html>

²¹ См.: URL: <http://pu.mtas.ru/contacts.php>

развития законодательства в этой области в последние пять-семь лет свидетельствует о том, что государство, возможно, недооценивает данную форму интенсификации национальной экономики.

Совершенствование административно-правового регулирования функционирования инновационных кластеров

В целом государство поддерживает идею развития кластеризации и ранее обозначенную кластерную политику. В Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»²² в рамках национальной цели «Цифровая трансформация» отмечено, что необходимо достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 г. Эти позиции тесно связаны с процессом формирования и развития инновационных кластеров, но для достижения действительного экономического роста инновационного типа необходимо определиться с регулирующей ролью государства и выбором модели управления в данной сфере²³.

В то же время в научной литературе даже в период, когда процесс кластерного развития в Российской Федерации обсуждался наиболее активно, подчеркивалось отсутствие как научно-правовой проработки сущности и признаков кластеров, так и единообразия в их нормативном сопровождении²⁴. Создаются экономические кластеры, обладающие разными правовыми статусами, с разными по содержанию и уровню правовым регулированием, и даже кластеры, которым специализированные статусы не были присвоены²⁵.

Анализ имеющегося законодательства в отношении формирования и функционирования именно инновационных кластеров свидетельствует об отсутствии законодательного регулирования на федеральном уровне, имеются ведомственные акты Минэкономразвития России и законодательство субъектов Российской Федерации. Региональное регулирование в отношении кластерной формы экономики отвечает задаче создания кластеров

как одной из технологий управления региональным развитием²⁶. Однако есть несколько факторов, обуславливающих потребность общегосударственного административно-правового регулирования процессов создания и осуществления ими своей деятельности.

Первым фактором, по мнению автора, является необходимость легитимного закрепления статуса инновационного кластера как самостоятельного субъекта экономических отношений с пониманием минимального круга прав и обязанностей и с установлением самых общих требований к его созданию и функционированию.

Экономисты выделяют три основные составляющие современного кластера в России: содержательную, выражающуюся в четком соответствии закрепленным в законодательстве критериям идентификации кластера; стратегическую, в соответствии с которой наличие программы или стратегии развития кластера является обязательным, поскольку формирует общее видение перспектив совместного движения; организационную — непременным атрибутом всех кластеров и программ их поддержки является специализированная организация, координирующая отношения, представляющая интересы во вне, осуществляющая функции оперативного управления, методическое, организационное, экспертно-аналитическое и информационное сопровождение²⁷. И если стратегическая составляющая, безусловно имеющая основное значение для эффективности функционирования инновационного кластера, действительно зависит от направленности (сферы) его деятельности, региональных задач и иных субъективных факторов, то критерии оценки неизбежно связанной с ней организационной составляющей должны быть определены в законодательстве.

Представляет интерес обязательность наличия у каждого кластера специализированной координирующей организации. В принципе он положительно решен в законодательстве (это специализированные организации промышленных кластеров, центры кластерного развития ИТК). Однако это не является препятствием подвергнуть необходимость такой организации некоторым сомнениям. С одной стороны, они выполняют, в сущности, посреднические функции, и эта деятельность должна оплачиваться, очевидно, из доходов кластерных

²² См.: СЗ РФ. 2020. № 30, ст. 4884.

²³ См.: Харламов А. В., Сибгатуллин А. Э. Формирование и развитие инновационных кластеров как условие перехода к экономическому росту интенсивного типа // Экономика и управление. 2020. № 9. С. 1005–1007.

²⁴ См.: Бабкин А. В., Новиков А. О. Кластер как субъект экономики: сущность, современное состояние, развитие // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского гос. политех. ун-та. Экономические науки. 2016. № 1. С. 9.

²⁵ См.: URL: <https://cluster.hse.ru/news/313983797.html>

²⁶ См.: Бурматова О. П., Куриляк Е. Ю. Кластерный подход как одна из современных технологий управления региональным развитием // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 29–34.

²⁷ См.: Марков Л. С., Курмашев В. Б., Низковский А. Ю. Федеральная и региональная кластерная политика России // Мир экономики и управления. 2017. № 4. С. 111, 112.

организаций. Специализированные организации могут влиять (как позитивно, так и негативно) на траекторию развития кластера. Необходимость принятия всех решений с учетом участия специализированной организации создает дополнительную инертность процесса, но, например, в общении с органами государственной власти и местного самоуправления интересы кластера могут быть более защищенными и т.д. С другой стороны, а может ли кластер сам выступать в качестве единого самостоятельного субъекта общественных отношений, естественно, сохраняя при этом экономическую и юридическую независимость и самостоятельность входящих в него предприятий и организаций? И кто тогда от имени кластера будет осуществлять его юридическое представительство?

Инновационный кластер может выступать как единый сегмент только в экономических отношениях, в правовых же отношениях признать кластер в качестве самостоятельного субъекта нет оснований. Именно поэтому наличие специализированной организации, которая от имени кластера вступает в различного рода правоотношения, необходимо признать обязательным. Более того, существует мнение, что для развития инновационных кластеров в Российской Федерации необходимо создание координационных центров кластерного развития²⁸. В отношении именно инновационных кластеров, как обладающих своей особой спецификой, это представляется весьма актуальным.

Вторым фактором, обуславливающим потребность общегосударственного административно-правового регулирования развития инновационных кластеров, является получение единообразных мер поддержки. С одной стороны, кластеры — это прежде всего региональная история, и каждый регион должен решать сам о совокупности мер поддержки тому или иному кластеру, ведь их в регионе может быть несколько. С другой стороны, финансовые средства в бюджеты субъектов Российской Федерации на эти цели поступают также из федерального бюджета, и государство в целом одинаково заинтересовано в развитии и территорий, и сфер экономики. Субсидирование кластерных проектов за счет средств федерального бюджета, а также оказание иных мер государственной поддержки также обуславливает необходимость определения на федеральном уровне единых критериев и требований к инновационным кластерам.

Е.А. Андреева, говоря о методах управления российской экономикой, справедливо утверждает,

²⁸ См.: Соломатина Н.А., Славнецкова Л.В. Координационный центр кластерного развития как основа функционирования инновационной системы в условиях интеграции // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 61–63.

что задачей такого управления является достижение установленных в документах стратегического планирования определенных экономических показателей. При этом наибольшего эффекта можно достичь, используя не только административно-правовой, но и финансово-правовой инструментарий. Базируясь на теории административного и финансового права, бюджетные методы управления определяются как средства выполнения данной задачи. В качестве таковых предлагаются основные методы финансовой деятельности государства — бюджетное финансирование, субсидирование, кредитование. Выбор того или иного метода финансового воздействия определяет их преимущества и недостатки²⁹.

Безусловно, государственная финансовая поддержка является важным стимулом образования и функционирования кластеров. Интересен опыт применения финансовых мер поддержки в отношении промышленных кластеров. Так, постановлением Правительства РФ от 28 января 2016 г. № 41 были утверждены Правила предоставления из федерального бюджета субсидий участникам промышленных кластеров на возмещение части затрат при реализации совместных проектов по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения³⁰. Субсидии предоставляются для возмещения части затрат инициаторов совместного проекта участников кластера, при этом возмещению подлежат только статьи затрат на процессные и технологические мероприятия. Иными словами, субсидируются кластерные проекты, в которых заинтересовано государство, а не деятельность предприятий — участников кластеров как таковая. В качестве другого примера можно привести программы субсидирования НИОКР для стимулирования разработки новых видов оборудования, которые реализует Минпромторг России в соответствии с постановлениями Правительства РФ от 12 декабря 2019 г. № 1649³¹ и от 13 декабря 2021 г. № 2281³².

Конечно, получение кластерами мер государственной поддержки посредством субсидирования не может и не должно являться главным и единственным аргументом их создания. У государства иная цель — развитие экономических отношений, отраслей, территориальных зон и в целом поддержание национальной экономики на мировом конкурентоспособном уровне. Поэтому вложение

²⁹ См.: Андреева Е.М. Бюджетные методы управления экономикой в законодательстве Российской Федерации // Ленинградский юрид. журнал. 2019. № 1. С. 102.

³⁰ См.: СЗ РФ. 2016. № 6, ст. 837.

³¹ См.: СЗ РФ. 2019. № 51 (ч. II), ст. 7619.

³² См.: СЗ РФ. 2021. № 51, ст. 8866.

денег³³ без последующего соразмерно экономического эффекта невыгодно для государства.

Государство оказывает меры поддержки инновационным кластерам, преследуя свои цели и интересы — развитие высоких технологий, ресурсных производств, освоение и выпуск новых высокотехнологичных видов продуктов и продукции и т.д. Положительно показал себя опыт применения таких административно-правовых мер стимулирования деятельности инновационных территориальных кластеров, как обеспечение поддержки реализации мероприятий программ развития ИТК в рамках федеральных целевых программ и государственных программ Российской Федерации, привлечение государственных институтов развития к реализации программ развития ИТК, организация доступа к специальным знаниям, способствование выходу на высококонкурентные международные рынки.

По мнению автора, необходимо в большей степени отдавать предпочтение мерам государственной поддержки административно-правового характера, а также финансовым мерам, не связанным с прямым финансированием или субсидированием. Большой потенциал имеет распространение на субъектов, составляющих инновационные кластеры, части налоговых льгот, применяемых для отдельных институтов развития, IT-компаний, льготное кредитование, лизинг высокотехнологичного оборудования и т.д.

К мерам государственной поддержки административного (управленческого) характера следует отнести правовые решения органов государственной власти и управления, нацеленные на обеспечение разноплановой помощи проектам, осуществляемым инновационными кластерами, прежде всего организационную с вовлечением в кластеры новых участников, с установлением хозяйственных связей, организацией рынка сбыта получаемых продуктов и продукции, внедрения высокотехнологичных решений во все сферы жизни. Так, например, Правительством Москвы заявлено, что оно готово способствовать внедрению высокотехнологичных решений, полученных в результате функционирования Московского инновационного кластера, во все сферы жизни столицы³⁴.

Третьим фактором необходимости именно общегосударственного, а не регионального правового регулирования видится тенденция к экстерриториальности инновационных кластеров. Несмотря на

тот факт, что кластеры в соответствии с их сущностью образуются компактно на определенной территории, именно для инновационных кластеров это обстоятельство перестает иметь определяющее значение, поскольку технологии и информация не имеют границ. Кроме того, известны примеры, экстерриториальных кластерных проектов³⁵.

Основой административно-правового обеспечения на федеральном уровне процессов формирования и развития инновационных кластеров, а также последующего стимулирования их деятельности может послужить имеющийся опыт правового регулирования создания и функционирования инновационных территориальных кластеров, промышленных кластеров. Еще один путь, который видят и предлагают ученые, — преобразование уже сложившихся промышленных кластеров в инновационные с привлечением к сотрудничеству в них тысяч частных небольших и средних предприятий³⁶.

Задачу совершенствования комплексного правового регулирования отношений по созданию инновационных кластеров и определению видов возможных мер государственной поддержки и стимулирования их деятельности возможно решить посредством принятия постановления Правительства РФ, поскольку сформированная законодательная база вполне соответствует характеру решаемой проблемы и не требует существенной переработки.

Выводы

Создание и устойчивое функционирование инновационных кластеров представляется перспективной формой развития российской экономики, позволяющей получить высокий экономический результат за счет синергетического эффекта. Государство может применять различные административные рычаги воздействия, имеющие целью ориентирование кластерной деятельности на свои интересы, посредством использования государственных мер поддержки и стимулирования.

Административно-правовое регулирование общественных отношений по созданию, функционированию и развитию инновационных кластеров в настоящее время по большей части не сформировано. Необходимость легитимного определения экономического и юридического статуса инновационного кластера, обеспечение равного доступа

³³ См.: Затраты на государственную поддержку промышленных кластеров в Российской Федерации в 2021–2023 гг. предварительно оцениваются в 1,6 млрд руб. URL: <http://www.finmarket.ru/news/5362394>

³⁴ См.: URL: <https://www.mos.ru/city/projects/cluster/>

³⁵ См.: URL: https://tass.ru/ekonomika/15469735?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D

³⁶ См.: Лукашин Ю. П., Рахлина Л. И. Инновационные кластеры за рубежом и в России // Вестник МИРБИС. 2019. № 2. С. 151.

к мерам государственной поддержки, а также тенденции к экстерриториальному развитию инновационных кластеров обуславливают потребность в общефедеральном регулировании.

При создании системы государственных мер поддержки и стимулирования развития инновационных кластеров необходимо отдавать предпочтение мерам административного характера, обеспечивающим как поддержку со стороны органов власти и управления различных уровней, так и организацию внедрения получаемых в инновационном кластере высокотехнологичных решений во все сферы жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Е.М. Бюджетные методы управления экономикой в законодательстве Российской Федерации // Ленинградский юрид. журнал. 2019. № 1. С. 102.
2. Бабкин А.В., Новиков А.О. Кластер как субъект экономики: сущность, современное состояние, развитие // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского гос. политех. ун-та. Экономические науки. 2016. № 1. С. 9.
3. Боуш Г.Д., Мадгазин Д.И. Экономические кластеры — эффективный инструмент повышения конкурентоспособности региона // Вестник Омского ун-та. Сер. «Экономика». 2007. № 4. С. 64–69.
4. Бурматова О.П., Куриляк Е.Ю. Кластерный подход как одна из современных технологий управления региональным развитием // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 29–34.
5. Гарнов А.П., Гарнова В.Ю. Кластеризация экономики: способы повышения эффективности государственной промышленной политики // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2016. № 6. С. 110–117.
6. Егоров Н.Е. Инновационные кластеры в развитии экономики региона // Инновации и инвестиции. 2010. № 16. С. 47.
7. Карпова Е.Г. Сущность и структура экономического кластера // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского гос. политех. ун-та. 2011. № 2. С. 62–67.
8. Костин С.В. Инновационный кластер как институт развития инновационной экономики России // Экономические стратегии. 2022. № 3. С. 64–69.
9. Лукашин Ю.П., Рахлина Л.И. Инновационные кластеры за рубежом и в России // Вестник МИРБИС. 2019. № 2. С. 151.
10. Марков Л.С., Курмашев В.Б., Низковский А.Ю. Федеральная и региональная кластерная политика России // Мир экономики и управления. 2017. № 4. С. 111, 112.
11. Монастырский Е.А. Инновационный кластер // Инновации. 2006. № 2. С. 40.
12. Сморгчкова Л.Н. Административно-правовые средства воздействия на экономические отношения: современное содержание правовой категории // Публич-

ная власть: система, компетенции. Воронеж, 2021. С. 125–138.

13. Соломатина Н.А., Славнецкова Л.В. Координационный центр кластерного развития как основа функционирования инновационной системы в условиях интеграции // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 61–63.
14. Фильченков В.А., Погребова Е.С. Кластерная политика — основа инновационного развития экономики региона // Сервис plus. 2011. № 4. С. 96.
15. Харламов А.В., Сибгатуллин А.Э. Формирование и развитие инновационных кластеров как условие перехода к экономическому росту интенсивного типа // Экономика и управление. 2020. № 9. С. 1005–1007.

REFERENCES

1. Andreeva E.M. Budgetary methods of economic management in the legislation of the Russian Federation // Leningrad legal journal. 2019. No. 1. P. 102 (in Russ.).
2. Babkin A.V., Novikov A.O. Cluster as an economic entity: essence, current state, development // Scientific and Technical Herald of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. 2016. No. 1. P. 9 (in Russ.).
3. Boush G.D., Madgazin D.I. Economic clusters are an effective tool for improving the competitiveness of the region // Herald of the Omsk University. Ser. "Economics". 2007. No. 4. P. 64–69 (in Russ.).
4. Burmatova O.P., Kurylyak E. Yu. Cluster approach as one of the modern technologies of regional development management // Herald of the Kemerovo State University. Ser.: Political, sociological and economic sciences. 2017. No. 4. P. 29–34 (in Russ.).
5. Garnov A.P., Garnova V. Yu. Clustering of the economy: ways to increase the effectiveness of state industrial policy // Herald of Plekhanov Russian University of Economics. 2016. No. 6. P. 110–117 (in Russ.).
6. Egorov N.E. Innovative clusters in the development of the region's economy // Innovations and investments. 2010. No. 16. P. 47 (in Russ.).
7. Karpova E.G. The essence and structure of the economic cluster // Scientific and Technical Herald of the St. Petersburg State Polytechnic University. 2011. No. 2. P. 62–67 (in Russ.).
8. Kostin S.V. Innovation cluster as an institute for the development of the innovative economy of Russia // Economic strategies. 2022. No. 3. P. 64–69 (in Russ.).
9. Lukashin Yu. P., Rakhlina L.I. Innovative clusters abroad and in Russia // Herald of MIRBIS. 2019. No. 2. P. 151 (in Russ.).
10. Markov L.S., Kurmashev V.B., Nizkovsky A. Yu. Federal and regional cluster policy of Russia // The world of economics and management. 2017. No. 4. P. 111, 112 (in Russ.).
11. Monastyrsky E.A. Innovation cluster // Innovations. 2006. No. 2. P. 40 (in Russ.).
12. Smorchkova L.N. Administrative and legal means of influencing economic relations: the modern content of the legal

- category // Public power: system, competencies. Voronezh, 2021. P. 125–138 (in Russ.).
13. *Solomatina N.A., Slavnetskova L.V.* The coordination center of cluster development as the basis for the functioning of the innovation system in the conditions of integration // *Izvestia of Saratov Un-t. New series. Ser.: Economics. Management. Law.* 2017. Vol. 17. Issue 1. P. 61–63 (in Russ.).
14. *Filchenkov V.A., Pogrebova E.S.* Cluster policy — the basis of innovative development of the region's economy // *Service plus.* 2011. No. 4. P. 96 (in Russ.).
15. *Kharlamov A.V., Sibgatullin A.E.* Formation and development of innovation clusters as a condition for transition to intensive economic growth // *Economics and management.* 2020. No. 9. P. 1005–1007 (in Russ.).

Сведения об авторе

СМОРЧКОВА Лариса Николаевна — доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SMORCHKOVA Larisa N. — Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher, Sector of Administrative Law and Administrative Process, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2023 г. С. В. Запольский*, Е. Л. Васянина**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: zpmoscow@mail.ru

**E-mail: elenavasyanina@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.10.2022 г.

Аннотация. В статье исследуются альтернативные правовые конструкции¹ регулирования финансовых отношений, причинами появления которых выступают, с одной стороны, изменение принципов работы международной финансовой системы и необходимость противодействия геополитическим рискам, а с другой — несовершенство механизма финансово-правового регулирования, включая противоречивость финансово-правовых норм, а также стойкое мнение об отсутствии у финансового права собственного правового инструментария и др.

Под альтернативными правовыми конструкциями авторы статьи понимают действие правового инструментария, использование которого продиктовано нестандартными или не предусмотренными заранее ситуациями в ходе правового регулирования финансовых отношений.

Не исключая возможности применения в некоторых ситуациях альтернативного правового регулирования, авторы формулируют вывод о том, что применение этого подхода не должно вызывать инвариантность действий правоприменителя: выбор между законным и полузаконным регулированием финансовых отношений. Альтернативный подход следует рассматривать как правовосстановительный и субсидиарный к основному правовому режиму.

Ключевые слова: альтернативные правовые конструкции, параллельное право, финансовые обязательства, ответственность, налоговый контроль, налоги, расходы, правовой эксперимент.

Цитирование: Запольский С.В., Васянина Е.Л. Об альтернативных правовых конструкциях регулирования финансовых отношений // Государство и право. 2023. № 3. С. 111–119.

DOI: 10.31857/S102694520024777-5

ABOUT ALTERNATIVE LEGAL CONSTRUCTIONS OF REGULATION OF FINANCIAL RELATIONS

© 2023 S. V. Zapolsky*, E. L. Vasyanina**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: zpmoscow@mail.ru

**E-mail: elenavasyanina@yandex.ru

Received 21.10.2022

Abstract. The article examines alternative legal institutions² for the regulation of financial relations, the causes of which are, on the one hand, a change in the principles of the international financial system and the need to counter geopolitical risks, and on the other hand, the imperfection of the mechanism of financial and

¹ В настоящей статье авторы отождествляют понятия «правовая конструкция» и «правовой институт».

² In this article, the authors identify the concepts of “legal construction” and “legal institution”.

legal regulation, including the inconsistency of financial and legal norms, as well as the firm opinion that the Financial Law does not have its own legal instruments, etc.

By alternative legal constructions, the authors of the article understand the action of legal instrument, the use of which is dictated by non-standard or not foreseen situations in the course of legal regulation of financial relations. Without excluding the possibility of using alternative legal regulation in some situations, the authors formulate a conclusion that the application of this approach should not cause the invariance of the actions of the law enforcer: the choice between legal and semi-legal regulation of financial relations. The alternative approach should be seen as restorative and subsidiary to the mainstream legal regime.

Key words: alternative legal institutions, parallel law, financial obligations, responsibility, tax control, taxes, expenses, legal experiment.

For citation: Zapolsky, S.V., Vasyanina, E.L. (2023). About alternative legal constructions of regulation of financial relations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 111–119.

Введение

Параллельные (альтернативные) правовые институты, паллиативные правовые конструкции¹, виды неправа, включая судебные прецеденты, позиции судов², а также квазиправовое регулирование социально-экономических отношений³ являются предметом научных исследований. Проблемы противопоставления официальному праву неформальных институтов, способствующих распространению параллельного права, исследуются в работе К. В. Агамирова «Юридическое прогнозирование как фундамент развития правовой системы»⁴. Изучению правовых институтов, аккумулирующих методы государственного администрирования экономики и горизонтального управления, являющихся субсидиарными к основному правовому режиму в условиях социально-экономических кризисов, посвящена диссертация И. И. Шувалова «Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика)»⁵. Особое внимание в науке уделено исследованию отдельных финансово-правовых режимов⁶, включая правовой эксперимент⁷.

¹ См.: Ким Ю. В. Паллиативная юридическая конструкция в Конституции РФ // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 441. С. 231–234.

² См.: Ершов В. В. Тенденции развития права и неправа // Росс. правосудие. 2012. № 7 (75). С. 5–15.

³ См.: Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учеб. для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2020.

⁴ Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фундамент развития правовой системы. М., 2015.

⁵ Шувалов И. И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.

⁶ См.: Андриевский К. В. Финансово-правовые режимы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.

⁷ См.: Поветкина Н. А. Правовой эксперимент как новая тенденция развития бюджетного права // Финансовое право. 2020. № 9. С. 21–25; Сморчкова Л. Н. Экспериментальный правовой режим как средство административного регулирования экономической сферы // Право и практика. 2021. № 3. С. 10–15.

Далеко не случайно в современных экономических реалиях ученые-правоведы проявляют интерес к вопросам формирования альтернативных правовых конструкций и паллиативных правовых институтов. Эти отклоняющиеся от права образования позволяют увидеть недостатки существующей модели правового регулирования социально-экономических отношений, определить ключевые направления развития права, отвечающие экономическим вызовам.

Появление альтернативных правовых конструкций регулирования финансовых отношений вызвано, с одной стороны, формированием многополярной системы внешнеэкономических отношений и необходимостью противодействия геополитическим рискам, а с другой — несовершенством механизма финансово-правового регулирования, включая противоречивость финансово-правовых норм, а также стойкое мнение об отсутствии у финансового права собственного правового инструментария и др.

Исследование причин появления альтернативных правовых институтов

Формированию современной модели правового регулирования финансовых отношений свойственно появление альтернативных правовых конструкций, представляющих собой не что иное, как отклонения в праве, по-разному оцениваемые представителями юридической науки⁸.

Под альтернативными правовыми конструкциями мы понимаем действие специального правового инструментария, имеющего правовосстановительный и субсидиарный характер к основному правовому режиму, использование которого продиктовано нестандартными или непредусмотренными ранее ситуациями в ходе правового регулирования финансовых отношений и (или) стойким мнением об отсутствии у финансового права собственного эффективного правового инструментария.

⁸ См.: Агамиров К. В. Указ. соч.

Причины возникновения альтернативных правовых конструкций регулирования финансовых отношений кроются прежде всего в дуалистическом характере права, проявляющемся «в сосуществовании двух правовых систем, основанных на одновременном действии двух основных источников права — правовом обычае и законодательном акте»⁹, а нередко в стремлении законодателя и правоприменителей создать условия функционирования финансовой системы, отвечающие потребностям экономического развития государства. Иными словами, их появление вызвано неспособностью механизма финансово-правового регулирования универсально отражать объективные потребности субъектов финансовых правоотношений.

На современном этапе развития финансового права появление альтернативных правовых институтов также вызвано изменением принципов мировой финансовой системы и необходимостью противодействия геополитическим рискам. Причиной появления альтернативных направлений правового регулирования международных финансовых отношений явились новые условия функционирования системы мирового хозяйства, которые привели к обходу норм международного права, принципов рыночной экономики и неприкосновенности частной собственности. В сложившейся обстановке «государства уже не могут, опираясь на известный правовой инструментарий, прогнозировать развитие социальных и экономических преобразований»¹⁰.

Изменение баланса сил в международных отношениях, направленное на переход к новой многополярной системе мироустройства, неизбежно вызывает появление нового вектора развития международного права и, как следствие, создание обновленной модели механизма финансово-правового регулирования, функционирование которой осложняется «двойной бухгалтерией международной политики, двумя внешнеполитическими и внешнеэкономическими программами и стратегиями действий»¹¹. Это приводит к формированию в отечественном праве двух параллельных направлений регулирования внешнеэкономических отношений, когда наряду с общими правилами и устоявшимися правовыми институтами применяются специальные правовые нормы, распространяющие свое действие в отношении

недружественных государств и их резидентов. В результате возникают специальные правила исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа, временный порядок исполнения государством обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами в рублях и т.д. В рассматриваемых случаях речь идет о параллельных правовых институтах регулирования финансовых отношений, появление которых связано с необходимостью противодействия геополитическим рискам.

Формирование альтернативных направлений правового регулирования экономических отношений является не только вынужденной мерой на пути создания альтернативного праву порядка. Их возникновение также вызвано несовершенством механизма финансово-правового регулирования, который, как оказалось, «не готов выдержать обвал негативных процессов переходного периода»¹², обеспечить резистентность финансовой системы к экономическим кризисам и сохранить должный уровень гарантий защиты прав субъектов финансовых правоотношений. Появление альтернативного праву регулирования финансовой сферы напрямую связано с цифровизацией и глобализацией экономических отношений, включая деятельность цифровых платформ, которые фактически диктуют правила функционирования рынка цифровых услуг, навязывают невыгодные условия осуществления финансовых операций, в том числе введение условий о паритете цен¹³, введение запрета на использование сторонних платежных систем, установление не охватываемых финансовым законодательством платежей (эквайринговых комиссий, взимаемых банками, комиссий, взимаемых технологическими компаниями от продажи приложений, которые устанавливаются через технологические компании, и др.).

В нынешних условиях наблюдается активизация процесса создания многочисленных правовых режимов, направленных на конкретных субъектов финансовых правоотношений и (или) соответствующие условия развития финансового рынка. В частности, стремительное развитие получают экспериментальные правовые режимы, представляющие собой модели регулирования, реагирующие на быстроменяющиеся условия функционирования финансовой системы. В настоящее время действует Федеральный закон от 22 июня 2020 г.

⁹ Леснова Н. И. Правовой дуализм в России XVIII — начала XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2007.

¹⁰ Савенков А. Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2022. № 2. С. 103–117.

¹¹ Зорькин В. Д. Право России: Альтернативы и риски в условиях глобального кризиса // Росс. газ. 2022. 29 июня.

¹² Абрамова А. А. Эффективность механизма правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Красноярск, 2006.

¹³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 21.06.2022 г. № 305-ЭС22-10220 по делу № А40-19473/2021. URL: <https://legallacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21062022-n-305-es-22-10220-po-delu-n-a40-194732021/>

«Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹⁴, однако еще задолго до его принятия такие регуляторные правила вводились Центральным банком РФ в целях развития финансовых технологий. С внедрением цифровых инструментов фискального администрирования связаны правовые эксперименты по прослеживаемости товаров¹⁵, по введению специального правового режима «Налог на профессиональный доход»¹⁶, автоматизированной упрощенной системы налогообложения и др. Фактически в рассматриваемых случаях наряду с общим порядком фискального администрирования применяются специальные правила реализации контролирующим органом контрольно-надзорной функции в условиях применения информационных систем и цифровых сервисов.

Развитие параллельного права зачастую связывают с развитием правоприменительной практики¹⁷, нередко вступающей в противоречие с действующими императивными нормами. Применение в целях регулирования финансовых отношений судебных актов, а также писем министерств и ведомств, содержащих не закрепленные финансовым законодательством приемы регулирования, — явление довольно частое.

Развитие правоприменительной практики вразрез с действующими финансово-правовыми нормами обусловлено прежде всего отсутствием закрепленных в законе условий осуществления финансовых обязательств. В частности, об этом свидетельствует обширная судебная практика по вопросам исполнения государственных контрактов и соглашений о предоставлении субсидий, иных инвестиционных соглашений, в которых конкретизируются условия осуществления финансовых расходных обязательств, что нередко не вписывается в параметры правового акта о бюджете и систему государственных программ и национальных проектов. Учитывая изложенное, порядок исполнения государственных (муниципальных) контрактов, а также концессионных и иных долгосрочных инвестиционных соглашений нуждается

в механизме приведения в соответствие с принципами осуществления бюджетного процесса посредством конкретизации в нормативном правовом акте условий осуществления финансовых расходных обязательств. Цели и объемы расходов по таким обязательствам не могут превышать объем средств, предусмотренных на реализацию соответствующих мероприятий правовым актом о бюджете и системой государственных программ и национальных проектов.

В сфере фискального регулирования отдельные правила осуществления налоговых обязательств долгое время были закреплены в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке налогоплательщиками обоснованности налоговой выгоды»¹⁸. И только в августе 2017 г. эти правила появились в ст. 54¹ НК РФ. Вместе с тем не имеют закрепления в Налоговом кодексе РФ такие применяемые на практике инструменты определения параметров налогового обязательства, как «налоговая реконструкция», «налоговая оговорка». Эти выработанные в рамках судебной практики правовые инструменты позволяют определять элементы юридического состава налога в случае недобросовестного поведения налогоплательщика, его контрагента, когда обоснованность полученной налоговой выгоды ставится налоговыми органами под сомнение. Активное распространение в практике налогообложения получили такие регулируемые гражданским правом конструкции, как «возмещение убытков», «заверения об обстоятельствах». Фактически складывается параллельное регулирование налоговых отношений, субсидиарное к Налоговому кодексу РФ.

Проблема развития параллельного права касается и других сфер правового регулирования. Так, в докладе Президенту РФ Уполномоченным по защите прав предпринимателей была отмечена проблема, касающаяся развития правоприменительной практики, в рамках которой суды отказывают в применении срока исковой давности, когда речь идет об изъятии имущества предпринимателей в пользу государства¹⁹. Более того, подготовлены предложения, предусматривающие право судов самостоятельно определять дату изменения или расторжения договора из-за форс-мажорных обстоятельств²⁰.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5017.

¹⁵ См.: постановление Правительства РФ от 25.06.2019 г. № 807 «О проведении эксперимента по прослеживаемости товаров, выпущенных на территории Российской Федерации в соответствии с таможенной процедурой выпуска для внутреннего потребления» // СЗ РФ. 2019. № 27, ст. 3677.

¹⁶ См.: Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I), ст. 7494.

¹⁷ См.: Кандыбко А.И. Параллельное право // Северокавказский юрид. вестник. 2012. № 2.

¹⁸ См.: Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

¹⁹ См.: Занина А. Приватизация без срока давности // Коммерсантъ. 2022. 30 мая.

²⁰ См.: Проект федерального закона «О внесении изменения в пункт 3 статьи 453 Гражданского кодекса Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 01/05/08-22/00130979) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.08.2022 г.).

Указанные примеры хотя и не имеют непосредственного отношения к развитию финансового законодательства, однако позволяют продемонстрировать масштаб проблемы, связанной с развитием правоприменительного права, охватывающей все сферы правового регулирования, включая финансовую.

Альтернативное правовое регулирование отдельных групп финансовых отношений

Во многом появление альтернативного правового регулирования финансовых отношений вызвано возрастающей конвергенцией частного и публичного права, устранением жесткого водораздела между ними. В актах финансового законодательства всегда закреплялись положения, направленные на возможность использования частнопроводных конструкций, которые могут быть эффективными инструментами регулирования финансовых отношений²¹. Наблюдаемый процесс усиления взаимопроникновения частного и публичного права, проявляющийся в расширении рецепции универсальных юридических конструкций в финансовом законодательстве, как представляется, вызван цифровизацией государственного управления. Дело в том, что внедрение информационных систем, упрощающих механизм взаимодействия субъектов финансовых правоотношений, приводит к сокращению круга закрепленных финансовым законодательством административных процедур, в результате чего возникает потребность в применении альтернативных инструментов воздействия на финансовые отношения, в качестве которых выступают межотраслевые универсальные юридические конструкции. В рамках правоприменительной практики выработаны подходы, легализующие регулирование финансовых отношений посредством многих частнопроводных конструкций, присущих гражданскому праву.

Складывающийся подход в регулировании финансовых отношений, нацеленный на преодоление разрыва между отраслями права, не только не противоречит природе финансов, но и соответствует предоставительно-обязывающему характеру права и положительно сказывается на развитии финансового законодательства²². Вместе с тем, поскольку активно внедряемые в механизм финансово-правового регулирования универсальные юридические конструкции начинают конкурировать с установленными финансовым законодательством административными ограничениями, возникает альтернативное правовое регулирование финансовых

отношений, что может привести к негативным последствиям, в том числе к неосновательному обогащению субъектов финансовых правоотношений. Например, возникающие споры об оценке обоснованности налоговой выгоды, о восстановлении нарушенного экономического положения налогоплательщика в условиях альтернативного правового регулирования могут разрешаться не только в рамках закрепленных Налоговым кодексом РФ процедур, но и на основе договора, заключенного между налогоплательщиком и его контрагентом. В результате налогоплательщик может одновременно с применением предусмотренной Налоговым кодексом РФ процедурой возврата налога восстановить свое нарушенное экономическое положение посредством использования таких конструкций, как заверения об обстоятельствах или возмещение убытков в сумме налоговой выгоды, признанной налоговым органом необоснованной, предъявляя соответствующие требования к своему недобросовестному контрагенту²³.

Представляется, что появление альтернативных (параллельных) правовых институтов в сфере финансово-правового регулирования связано с мнением о том, что финансовое право не имеет собственного эффективного правового инструментария, а финансы регулируются административным, гражданским и уголовным правом. В частности, вместо того, чтобы применять предусмотренные законом меры финансового принуждения в случае неуплаты или уклонения от уплаты налогов, правоприменитель прибегает к уголовному преследованию, а также к применению мер административной ответственности.

Сложившийся в законодательстве подход негативно сказался на регулировании отношений, складывающихся в сфере привлечения к ответственности за нарушение финансового законодательства²⁴. Одновременно применяются положения Налогового кодекса РФ, КоАП РФ, Уголовного кодекса РФ и даже Гражданского РФ, что, в свою очередь, приводит к усложнению механизма привлечения к ответственности за финансовые правонарушения и требует проведения работы по упорядочению системы мер юридической ответственности. В качестве эффективного правового инструмента мог бы стать «метод возложения имущественной ответственности в виде специального

²¹ См.: *Алексеев С.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. М., 2010. С. 350.

²² См.: *Запольский С.В., Васянина Е.Л.* Обязательство — ключевая категории теории финансового права // *Государство и право*. 2022. № 8. С. 111–120.

²³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 09.09.2021 г. № 302-ЭС21-5294 по делу № А33-3832/2019. URL: https://www.vsr.ru/stor_pdf_ec.php?id=2036658

²⁴ См.: *Галкин Д.В.* Роль института административно-правовой ответственности в обеспечении финансовой безопасности государства // *Финансовое право*. 2009. № 5.

(штрафного) финансового обязательства»²⁵, позволяющий сместить инициативу по уплате экономических санкций в бюджет с государства на бизнес, применение которого будет нацелено на преодоление разрыва между отраслями права в сфере применения механизма привлечения к юридической ответственности. Реализуемый подход не является новым, он как идея вытекает из принятого в советский период постановления Совмина СССР от 30 июля 1988 г. № 929 «Об упорядочении системы экономических (имущественных) санкций, применяемых к предприятиям, объединениям и организациям»²⁶, направленного на упорядочение системы мер имущественной ответственности посредством расширения сферы применения таких универсальных мер ответственности, как взыскание неустойки и возмещения убытков, а также правового инструментария финансового права (пени, уплата налога в двойном размере и др.).

С позиции применения обязательственного метода воздействия на отношения, складывающиеся в области применения мер принуждения, целесообразно рассмотреть вопрос о расширении сферы использования закрепленных финансовым законодательством мер финансово-правового принуждения, вытекающих из условий осуществления финансовых обязательств, к числу которых относятся: уплата налога в двойном размере, отказ в предоставлении налоговых вычетов (возмещения налога), возмещение убытков. Некоторые из обозначенных мер финансово-правового принуждения точно закреплены в актах финансового законодательства применительно к конкретным видам финансовых обязательств. Так, в соответствии со ст. 396 НК РФ уплата земельного налога производится в двукратном или четырехкратном размере вследствие отсутствия на земельном участке, предоставленном для жилищного строительства, построенного объекта недвижимости.

Расширение области применения таких специфических мер финансово-правового принуждения позволило бы в перспективе избежать параллельного регулирования отношений в сфере применения мер ответственности за нарушение финансового законодательства. Предложенный подход не противоречит обязательственному характеру финансовых правоотношений, не потребует кардинальных преобразований, а вполне соответствует наметившейся в законодательстве тенденции развития института имущественной ответственности в финансовом праве. Например, в ст. 35 НК РФ закреплены положения о возмещении налогоплательщикам убытков, причиненных неправомерными действиями налоговых

органов. Согласно ст. 270² БК РФ контролирующий орган вправе предъявить требование о возмещении ущерба к подконтрольному субъекту, нарушившему бюджетное законодательство, а положения Уголовно-процессуального кодекса РФ о возмещении ущерба, причиненного бюджетной системе, фактически блокируют применение мер уголовной ответственности, предусмотренных ст. 198–199² УК РФ.

Развитие альтернативного правового регулирования выражается и в том, что в обход финансового законодательства развивается сформированный в рамках правоприменительной практики налоговых органов параллельный правовой институт регулирования контрольно-надзорной деятельности. Его появление связано с применением контролирующими субъектами административных процедур, а также форм контроля, не предусмотренных финансовым законодательством и являющихся альтернативой предусмотренным Налоговым кодексом РФ налоговым проверкам. Нуждаются в проверке на соответствие Налоговому кодексу РФ формы предпроверочного анализа, порядок применения которых закреплен приказом ФНС России от 27 февраля 2015 г. № ММВ-8-2/13дсп@ «О проведении пилотного проекта по развитию на региональном уровне методов побуждения налогоплательщиков к добровольному исполнению налоговых обязательств», который не опубликован и не зарегистрирован в Министерстве юстиции РФ в качестве нормативного акта, однако упоминается судами при разрешении споров, связанных с процедурой проведения налогового контроля²⁷.

Единственным источником регулирования мероприятий предпроверочного анализа²⁸ является Определение Конституционного Суда РФ от 7 апреля 2022 г. № 822-О²⁹, согласно которому право налоговых органов на истребование документов не может быть использовано вместо контрольных полномочий, подлежащих применению в рамках проведения налоговой проверки.

Направления совершенствования налогового законодательства в части закрепления в Налоговом кодексе РФ форм предпроверочного анализа, ставших самостоятельной формой налогового контроля, определены в Резолюции сессии ПМЮФ-2022 «Развитие форм и методов налогового контроля». Вместе с тем разрешение проблемы применения не предусмотренных финансовым законодательством

²⁵ Запольский С. В. Самофинансирование предприятий (правовые вопросы). М., 1988. С. 133.

²⁶ См.: СП СССР. 1988. № 28, ст. 77.

²⁷ См.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 05.10.2020 г. по делу № А40-211149/18-115-4949 (Дело ООО «Артек»); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.10.2019 г. по делу № А41-394/2019.

²⁸ См.: Тарубо Е. В. Конституционные рамки предпроверочного анализа // Налоговед. 2022. № 8. С. 17–21.

²⁹ См.: URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-07042022-n-822-o/>

административных процедур и форм осуществления налогового контроля во многом зависит от выявления причин развития правоприменительной практики налоговых органов в свете Налогового кодекса РФ.

Очевидно, что причины происходящего во многом объясняются противоречивым характером налоговых норм в части определения полномочий налоговых органов, а также пренебрежением ключевыми принципами организации государственного управления, в результате чего инструменты реализации контрольно-надзорной деятельности превращаются в механизм давления на подконтрольных субъектов. Прежде всего речь идет о противоречивости положений Налогового кодекса РФ о праве ФНС России на осуществление нормотворческих полномочий в фискальной сфере. Устанавливая в п. 2 ст. 4 НК РФ запрет контрольно-надзорного органа на принятие нормативных правовых актов, в других статьях Кодекса законодатель это право субъекту делегирует, что приводит к негативным последствиям, выражающимся в отступлении механизма правового регулирования контрольно-надзорной деятельности от функционального подхода к управлению развитием экономики, в рамках которого «правильное определение функций каждого органа является определяющим моментом при установлении правомочий и ответственности в управлении»³⁰.

Именно отклонение от функционального подхода привело к смешению государственных функций между федеральными органами исполнительной власти, наделению контрольно-надзорных органов нормотворческими полномочиями, что в конечном счете выразилось в применении налоговыми органами не предусмотренных законом административных процедур и форм осуществления налогового контроля³¹. Это явилось причиной возникновения параллельного правового регулирования контрольно-надзорной деятельности, осуществление которой легализовано Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»³² и Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»³³, конкретизация положений которого фактически привела к формированию существенного правового массива регулирования контрольно-надзорной

деятельности, а регуляторная гильотина из одноразового приема регулирования контрольно-организационных отношений превратилась в перманентный правовой режим.

Помимо развития параллельного правового института регулирования контрольно-надзорной деятельности стремительно разрастается массив нормативных правовых актов, закрепляющих порядок установления, введения и взимания квазиналогов и сборов, не охватываемых сферой регулирования Налогового кодекса РФ. Количество не регулируемых указанным Кодексом фискальных взиманий, по некоторым данным, достигло уровня 70, что свидетельствует о формировании параллельной налоговой системы в государстве в обход налогового законодательства Российской Федерации.

Причиной сложившейся ситуации также являются противоречия друг другу законоположения, регулирующие порядок установления фискальных взиманий. Например, одновременно с положениями о запрете на установление вне рамок Налоговым кодексом РФ платежей, отвечающих признакам налогов и сборов, в п. 3 ст. 1 НК РФ закреплена норма, допускающая установление сборов и страховых взносов отдельными отраслевыми законами. Согласно указанному пункту ст. 1 действие Налогового кодекса РФ распространяется на отношения по установлению, введению и взиманию сборов, страховых взносов в тех случаях, когда это прямо предусмотрено Кодексом.

Помимо изложенного, происходит правовая девиация обязательных платежей и штрафных санкций в сфере осуществления расчетов с участием банков, порядок установления и взимания которых не подчиняется общим принципам установления фискальных платежей и принудительных изъятий, сформированных в рамках финансового права. Речь идет об эквайринговых комиссиях, комиссионных вознаграждениях по договорам банковского вклада, платежах за денежные переводы, которые фактически являются скрытыми фискальными взиманиями, а также о штрафных санкциях, порядок применения которых в отношении банков в отдельных случаях устанавливается решениями Агентства по страхованию вкладов.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов:

1. Параллельное (альтернативное) правовое регулирование финансовых отношений есть не что иное, как проявление мнения, состоящего в том, что финансовое право не имеет собственного инструментария, а финансы регулируются административным, гражданским и уголовным правом. Вместе с тем финансовое право — самодостаточная

³⁰ Бачило И.Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). М., 1976. С. 5.

³¹ См.: Васянина Е.Л. Актуальные проблемы правового регулирования финансовых отношений // Пролог: журнал о праве. 2022. № 3 (35). С. 44–51.

³² См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5007.

³³ См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5006.

отрасль права и может решить все вопросы без заимствования инструментов из других отраслей права. Избежать параллельного регулирования отношений в сфере применения мер юридической ответственности за нарушение финансового законодательства следует посредством применения метода возложения имущественной ответственности в виде соответствующего финансового обязательства. Этого можно достичь посредством расширения сферы применения закрепленных финансовым законодательством мер финансово-правового принуждения, вытекающих из условий осуществления финансовых обязательств, к числу которых относятся: уплата налога в двойном размере, отказ в предоставлении налоговых вычетов (возмещения налога), возмещение убытков и т.д.

2. Во избежание появления параллельных правовых институтов в фискальной сфере следует сосредоточиться на вопросах упорядочения правового регулирования отношений в сфере установления, введения, взимания фискальных платежей. Это одно из важных направлений развития механизма финансово-правового регулирования может быть реализовано посредством выделения в системе финансового права крупного правового массива, направленного на создание единого правового поля фискальной деятельности государства.

3. Не исключая возможности применения в некоторых ситуациях альтернативного правового регулирования, полагаем, что применение этого подхода не должно вызывать инвариантность действий правоприменителя, выбор между законным и полузаконным регулированием финансовых отношений. Альтернативный подход следует рассматривать как правовосстановительный и субсидиарный к основному правовому режиму.

Речь следует вести в аспекте признания за субъектами финансовых отношений субъективного финансового права как самостоятельной юридической ценности, подлежащей защите в форме нормативного правового акта, акта управления, судебного решения или же констатации положения о распространении на эту сферу общего (универсального) правового режима регулирования имущественных отношений, допускающего широкую альтернативность в применении юридических конструкций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова А.А.* Эффективность механизма правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Красноярск, 2006.
2. *Агамиров К.В.* Юридическое прогнозирование как фундамент развития правовой системы. М., 2015.
3. *Алексеев С.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. М., 2010. С. 350.

4. *Андреевский К.В.* Финансово-правовые режимы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.
5. *Бачило И.Л.* Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). М., 1976. С. 5.
6. *Васянина Е.Л.* Актуальные проблемы правового регулирования финансовых отношений // Пролог: журнал о праве. 2022. № 3 (35). С. 44–51.
7. *Ершов В.В.* Тенденции развития права и неправа // Росс. правосудие. 2012. № 7 (75). С. 5–15.
8. *Галкин Д.В.* Роль института административно-правовой ответственности в обеспечении финансовой безопасности государства // Финансовое право. 2009. № 5.
9. *Гетьман-Павлова И.В.* Международное частное право: учеб. для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
10. *Занина А.* Приватизация без срока давности // Коммерсантъ. 2022. 30 мая.
11. *Запольский С.В.* Самофинансирование предприятий (правовые вопросы). М., 1988. С. 133.
12. *Запольский С.В., Васянина Е.Л.* Обязательство — ключевая категории теории финансового права // Государство и право. 2022. № 8. С. 111–120.
13. *Зорькин В.Д.* Право России: Альтернативы и риски в условиях глобального кризиса // Росс. газ. 2022. 29 июня.
14. *Кандыбко А.И.* Параллельное право // Северокавказский юрид. вестник. 2012. № 2.
15. *Ким Ю.В.* Паллиативная юридическая конструкция в Конституции РФ // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 441. С. 231–234.
16. *Леснова Н.И.* Правовой дуализм в России XVIII — начала XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2007.
17. *Поветкина Н.А.* Правовой эксперимент как новая тенденция развития бюджетного права // Финансовое право. 2020. № 9. С. 21–25.
18. *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2022. № 2. С. 103–117.
19. *Сморчкова Л.Н.* Экспериментальный правовой режим как средство административного регулирования экономической сферы // Право и практика. 2021. № 3. С. 10–15.
20. *Тарибо Е.В.* Конституционные рамки предпроверочного анализа // Налоговед. 2022. № 8. С. 17–21.
21. *Шувалов И.И.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.

REFERENCES

1. *Abramova A.A.* Efficiency of the mechanism of legal regulation: abstract ... PhD in Law: 12.00.01. Krasnoyarsk, 2006 (in Russ.).
2. *Agamirov K.V.* Legal forecasting as a foundation for the development of the legal system. M., 2015 (in Russ.).

3. *Alekseev S.S.* Collected works: in 10 vols. 7: Philosophy of Law and theory of law. М., 2010. P. 350 (in Russ.).
4. *Andrievsky K.V.* Financial and legal regimes: dis. ... Doctor of Law. М., 2022 (in Russ.).
5. *Bachilo I.L.* Functions of management bodies (legal problems of registration and implementation). М., 1976. P. 5 (in Russ.).
6. *Vasyanina E.L.* Actual problems of legal regulation of financial relations // Prologue: journal about law. 2022. No. 3 (35). P. 44–51 (in Russ.).
7. *Ershov V.V.* Trends in the development of law and wrong // Russ. Justice. 2012. No. 7 (75). P. 5–15 (in Russ.).
8. *Galkin D.V.* The role of the institute of administrative and legal responsibility in ensuring the financial security of the state // Financial Law. 2009. No. 5 (in Russ.).
9. *Get'man-Pavlova I.V.* International Private Law: textbook for universities. 4th ed., reprint and add. М., 2020 (in Russ.).
10. *Zanina A.* Privatization without a statute of limitations // Kommersant. 2022. May 30 (in Russ.).
11. *Zapolsky S.V.* Self-financing of enterprises (legal issues). М., 1988. P. 133 (in Russ.).
12. *Zapolsky S.V., Vasyanina E.L.* Obligation — a key category of the theory of Financial Law // State and Law. 2022. No. 8. P. 111–120 (in Russ.).
13. *Zor'kin V.D.* The Law of Russia: Alternatives and risks in the context of the global crisis // Ross. gaz. 2022. June 29 (in Russ.).
14. *Kandybko A.I.* Parallel law // North Caucasian Legal Herald. 2012. No. 2 (in Russ.).
15. *Kim Yu. V.* Palliative legal construction in the Constitution of the Russian Federation // Herald of the Tomsk State University. 2019. No. 441. P. 231–234 (in Russ.).
16. *Lesnova N.I.* Legal dualism in Russia of the 18th — early 20th century: abstract ... PhD in Law: 12.00.01. N. Novgorod, 2007 (in Russ.).
17. *Povetkina N.A.* Legal experiment as a new trend in the development of Budget Law // Financial Law. 2020. No. 9. P. 21–25 (in Russ.).
18. *Savenkov A.N.* The global crisis of modernity as a subject of Philosophy of Law // State and Law. 2022. No. 2. P. 103–117 (in Russ.).
19. *Smorchkova L.N.* Experimental legal regime as a means of administrative regulation of the economic sphere // Law and practice. 2021. No. 3. P. 10–15 (in Russ.).
20. *Taribo E.V.* Constitutional framework of pre-verification analysis // Tax specialist. 2022. No. 8. P. 17–21 (in Russ.).
21. *Shuvalov I.I.* Legal regulation of entrepreneurial activity during the socio-economic crisis (theory and practice): dis. ... Doctor of Law. М., 2022 (in Russ.).

Сведения об авторах

ЗАПОЛЬСКИЙ Сергей Васильевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСЯНИНА Елена Леонидовна — доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZAPOLSKY Sergey V. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Administrative Law and Administrative Procedure Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASYANINA Elena L. — Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Administrative Law and Administrative Procedure Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

МАТЕРИНСТВО И ДЕТСТВО КАК ОСНОВА СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

© 2023 г. Н. В. Летова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: letovanv@mail.ru

Поступила в редакцию 22.08.2022 г.

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции развития социальной, в том числе и семейной, политики государства на современном этапе с учетом анализа новелл Конституции РФ. Особое внимание уделено семье, институту брака, основанных на традиционных семейных ценностях, детям, обеспечению приоритетной защиты их прав.

Автором выявлены особенности оказания социальной помощи семьям с детьми с учетом развития законодательства и сохранения в соответствующих нормах исторического наследия по вопросам защиты материнства и детства. Обоснован вывод о влиянии правового положения семьи, детей на порядок оказываемых им мер социальной помощи и поддержки, определяемых в зависимости от индивидуальных условий и критериев, доказано фундаментальное значение теоретических исследований о морали и нравственности, их сущностном влиянии на содержание норм права, направлений семейной политики, духовной основы общества и государства.

Ключевые слова: Конституция РФ, новеллы Конституции РФ, государство, история права, мораль, нравственность, семья, семейная политика, демографическая политика государства, дети, социальная поддержка, меры защиты и поддержки семей с детьми, брак, гарантии, традиционные семейные ценности, защита, приоритетная защита детей.

Цитирование: Летова Н. В. Материнство и детство как основа семейной политики: современность и историческое наследие // Государство и право. 2023. № 3. С. 120–127.

DOI: 10.31857/S102694520024778-6

MOTHERHOOD AND CHILDHOOD AS THE BASIS OF FAMILY POLICY: MODERNITY AND HISTORICAL HERITAGE

© 2023 N. V. Letova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: letovanv@mail.ru

Received 22.08.2022

Abstract. The article examines the trends in the development of social, including family, state policy at the present stage, taking into account the analysis of the novelties of the Constitution of the Russian Federation. Special attention is paid to the family, the institution of marriage based on traditional family values, children, ensuring the priority protection of their rights.

The author reveals the features of providing social assistance to families with children, taking into account the development of legislation and the preservation of the historical heritage in the relevant norms on the protection of motherhood and childhood. The conclusion about influence of the legal status of the family, children on the order of measures of social assistance and support provided to them, determined depending on certain conditions and criteria, is substantiated, the fundamental importance of theoretical research on morality and ethics, their essential influence on the content of the law, on the formation of family politics and the spiritual basis of society and the state.

Key words: Constitution of the Russian Federation, short stories of the Constitution of the Russian Federation, state, history of law, morality, moral, a family, family policy, demographic policy of the state, children, social support, protection and support measures for families with children, marriage, guarantees, traditional family values, protection, priority child protection.

For citation: Letova, N.V. (2023). Motherhood and childhood as a basis of family policy: modernity and historical heritage // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 120–127.

Государство уделяет пристальное внимание семье, проводит последовательную политику, направленную на укрепление института семьи, основанной на традиционных семейных ценностях, осуществляет комплексную защиту семьи и ее отдельных членов, поскольку заинтересовано в стабильности семейных отношений и создании условий для полноценного воспитания детей. Как отметил Президент РФ В.В. Путин, семьи с двумя и более детьми – будущее Российской Федерации. Поэтому на их запросы надо настроить все сферы, определяющие качество жизни. Добиться этих целей помогает нацпроект «Демография», благодаря которому молодым семьям оказывается финансовая поддержка и предоставляются разные льготы, чтобы обеспечить им достойный уровень жизни¹.

Предоставляя всеобъемлющие гарантии семьям с детьми, государство обеспечивает им приоритетную защиту. Такой принцип характерен не только для национального законодательства, но и традиционно включен в содержание международных актов², предусматривающих защиту прав ребенка в приоритетном порядке и гарантирующие особое попечение материнству и младенчеству.

Принцип государственной защиты семьи, материнства и детства исторически относится к числу базовых положений законодательства Российской Федерации, который получил последовательное развитие в поправках к Конституции РФ 1993 г. Поправки, внесенные в ст. 38, 67¹, 72 Конституции РФ, посвященные традиционным семейным ценностям, семье, детям, их защите, свидетельствуют об особом их значении для государства и внимании к их нуждам, потребностям, проблемам и заботам. Важно, что государство предоставляет особые гарантии определенной социальной группе (детям), предусматривает меры комплексной

помощи и поддержки, обеспечивает защиту в случае нарушения их прав.

Системное толкование положений Конституции РФ позволяет сформулировать вывод о том, что материнство признано на государственном уровне базовой ценностью гражданина, создание семьи и рождение детей позволяют каждому человеку стать матерью и отцом и им гарантированы условия для полноценного родительства.

Следует подчеркнуть, что на конституционном уровне укрепилось стойкое понимание, что защита института семьи имеет важное стратегическое значение для государства, повышения его потенциала, что предполагает обеспечение таких условий, при которых каждая семья могла бы чувствовать уверенность в будущем, иметь возможности для достойного воспитания своих детей, удовлетворять их базовые потребности в еде, жилье, образовании, получать необходимую социальную поддержку.

Защита семьи (материнства и детства) отличается комплексным подходом, включает многоаспектные меры поддержки семей с детьми, предполагает оказание им системной помощи, является приоритетным направлением социальной политики. Особенностью ее реализации на практике является последовательное принятие норм, направленных на укрепление семьи, основанной на зарегистрированном браке, принятие мер социально-экономической поддержки членов семьи с учетом их правового статуса (многодетные, малообеспеченные, полная, неполная, неблагополучная и др.), оценки жизненных обстоятельств, послуживших причиной неблагополучия семей, что позволяет оказывать им адресную помощь, применять индивидуальный подход при выборе комплекса мер, направленных на их поддержку.

Современный уровень оказания помощи семьям с детьми отличается строго персональной направленностью, когда на уровне законодательства дифференцируется помощь с учетом имеющегося статуса семьи, что позволяет оказывать такую поддержку, которая необходима именно конкретной семье, с учетом условий проживания и возможностей для воспитания детей. Такой подход позволяет не только распределять средства федерального, регионального бюджетов согласно их целевому назначению, но и оказывать помощь семье таким образом, чтобы выделяемые средства были

¹ См.: Послание Президента Федеральному Собранию. 15 января 2020 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>

² См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291; Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

потрачены именно на те нужды и потребности семьи, удовлетворение которых позволит обеспечить базовые потребности наиболее незащищенных членов семьи.

Особенностью социальной политики государства является определенное «смещение акцентов» в сторону семьи как объекта защиты и потребности учета ситуации, сложившейся в семье³, выявления причин ее неблагополучия, которые могут быть самыми разными (потеря одного из супругов, отсутствие жилья, работы, тяжелое состояние здоровья, инвалидность одного из членов семьи, алкоголизм и проч.), в целях оказания целевой помощи и семьям, и детям, проживающим в них.

К числу новых направлений семейной политики относится ее определенная многозадачность и многоуровневость в том смысле, что решение сугубо семейных задач сопряжено с одновременным решением других, не менее масштабных вопросов. В частности, наряду с социальными (поддержка семей с детьми разного статуса, выплата разных пособий, борьба с бедностью) решаются демографические (стимулирование рождаемости, поддержка многодетных семей)⁴ и семейные (поддержка института семьи и брака, основанных на традиционных семейных ценностях).

Такой подход в полной мере согласуется с базовыми документами, определяющими основные направления демографической политики государства⁵. Ее основными направлениями являются

³ Порядок предоставления помощи семьям с детьми изменился. Теперь при назначении социальных выплат учитываются определенные критерии: статус семьи, возраст и количество детей, проживающих в семье, доходы семьи. С 1 апреля 2021 г. пособия на детей от трёх до семи лет выплачивают малообеспеченным семьям. Для назначения пособия будут учитывать наличие у родителей недвижимого и движимого имущества, процентов по вкладам и все возможные доходы. В зависимости от материальной обеспеченности помощь может составить 50, 75 или 100% от прожиточного минимума ребёнка по региону. Сумма пособия меняется ежегодно и зависит от размера прожиточного минимума на детей.

⁴ Суммарный коэффициент рождаемости за 2021 г. составил 1.579. Естественный прирост – 2.9. Для решения таких задач были приняты программные документы, направленные на поддержку материнства, детства, семьи, создание надлежащих условий и стимулов для роста рождаемости. Согласно социологическому опросу, 41% россиян при наличии необходимых условий хотели бы иметь двух детей, 30% – трех, 15% – четырех и более. Только 6% даже в идеальных условиях ограничились бы одним ребенком, и лишь 3% в принципе против продолжения рода. Реально же на одну семью приходится 1.7 ребенка, эксперты в ближайшее время не ждут позитивных перемен (см.: Оценка государственных мер поддержки рождаемости среди населения, их роль в принятии решения о рождении детей. Опрос Агентства стратегических инициатив (АСИ) совместно с Фондом общественного мнения (ФОМ). URL: <https://asi.ru/opros-fom>).

⁵ См.: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной

поддержка, укрепление и защита семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества; отдельные положения направлены на профилактику семейного неблагополучия, повышение качества жизни семей с детьми⁶.

Современный уровень развития социальной политики государства отличается не только фундаментальностью, но и последовательной защитой традиционных семейных ценностей. Внимание государства к традиционным семейным ценностям изменилось, теперь они стали самостоятельным объектом защиты. Такое отношение к базовым ценностям имеет особое значение, поскольку крайний индивидуализм ряда западных государств с его приоритетом потребления и комфорта, почти уже созданного искусственного интеллекта дрогнул и отступил перед ценностями жизни и безопасности⁷. Как отмечает А.Н. Савенков, идея потребления не отвечает моральным и культурным ценностям нашего народа, при этом стремительное распространение цифровых технологий ставит правовое мышление и правовые принципы в крайне уязвимое положение⁸.

Следует признать, что тенденции развития государства, формирование его социальной, семейной, демографической политики, их объединяющая сила в том, что право, нравственность и религия представляют собой внутренне взаимосвязанный соционормативный комплекс. Справедливо мнение В.Д. Зорькина, что очевидный отрыв права от морально-нравственных регуляторов снижает его

семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35, ст. 4811; Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014 г.) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2007. № 42, ст. 5009.

⁶ Следует согласиться с мнением отдельных авторов, что «социальная защита» – одна из наиболее часто употребляемых общеправовых категорий, которая с учетом идеологии, воздействия экономических и социально-политических процессов используется для оценки социальной функции государства и является универсальной для всей правовой науки в целом. Содержание понятия «социальная защита» составляют такие понятия, как «социальные права», «деятельность государства по воплощению в жизнь целей и задач социальной политики», «социальное обеспечение». Одним из видов которого является социальное обслуживание незащищенных категорий граждан, к числу которых относятся дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей (см.: *Благодир А.Л.* Обеспечение социальной безопасности несовершеннолетних // *Безопасность детства, социальные проблемы и правовые способы их решения* / отв. ред. О.В. Рыбакова. М., 2021. С. 60).

⁷ См.: *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 12.

⁸ См.: *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 366.

эффективность и опасен трансформацией фундаментальных основ жизни человека⁹.

Сегодня законодательство ориентировано на определенный «разворот» к новой версии естественного права, определяющей категорией которого являются права человека, реализация которых не представляется возможной без значительного погружения права в сферу духовно-нравственных ориентиров и ценностей. Сохраняя историческую преемственность в подобных рассуждениях, уместно напомнить и о исследованиях Л.И. Петражицкого, который, выделяя в праве отдельные государственно-правовые явления, опирался в своих работах, прежде всего, на представления индивидов о норме, долге, морали и нравственности¹⁰. В этом смысле вопрос о соотношении норм права и представлений личности, общества о нормах морали и нравственности традиционно представлял интерес не только для теоретических исследований, но и практики, поскольку позволял обеспечить баланс интересов государства, общества, отдельных граждан в вопросах их защиты, в том числе и социальной обеспеченности, с тем, чтобы сохранить духовную и нравственную основу нашего государства.

Практическое «единение» наглядно проявляется в реализации задачи Президента РФ о создании системы партнерства всех органов власти для достижения отдельных направлений социальной политики, в частности, партнерства во имя ребенка в целях обеспечения приоритетной защиты его прав на всех уровнях власти и по каждому вопросу, затрагивающему его интересы; создание условий для объединения усилий со стороны общества, активного привлечения НКО, волонтерства, наставничества в социальную сферу государства, использующих в своей деятельности возможности государства для решения тех или иных задач¹¹.

Такой «посыл» Президента РФ является дополнительным стимулом, импульсом не только для органов власти, но и позволяет осмыслить существующие нравственные проблемы государственного устройства, связанного с произошедшей конституционной реформой, акцентирующей внимание прежде всего на ценностных изменениях российского конституционализма и устанавливающей

направленность государства на устранение из Конституции РФ «социальной обедненности»¹².

Многолетний ориентир политики государства на внешние отношения был обусловлен рядом обстоятельств объективного характера, в основном сугубо политических, которые оказывали существенное влияние и на социальную сферу. На данном этапе своего развития социальная политика максимально направлена на защиту семей с детьми, особенно наиболее нуждающихся в помощи и поддержке, интересы которых являются приоритетными для общества и государства¹³. Принципиально важно, что права человека как высшая ценность являются основой для формирования фундаментальных направлений социальной политики, органов, наделенных полномочиями оказывать социальную поддержку гражданам. Необходимо подчеркнуть, что именно на уровне конституционных положений традиционные семейные ценности, семья, приоритет семейного воспитания детей были определены как объекты поддержки, которым гарантирована всемерная защита, и они обозначены в качестве «фундамента» социальной политики государства, а обществу дан определенный ценностный ориентир в отношении сущности данных объектов, формирующих его морально-нравственную и духовную составляющие.

Следует отметить, что подготовка к такой системной трансформации осуществлялась на протяжении многих лет, до проведения конституционной реформы на практике неоднократно возникали вопросы о сущности и предназначении хотя и сформировавшихся устоев, но требующих оценки с учетом динамики общественного развития общества и государства. Так, в 2014 г. было дано разъяснение по смыслу ст. 38 (ч. 1) Конституции РФ, согласно которому традиционные семейные ценности (семья, дети) не только формируют духовную основу общества, но и способствуют сохранению преемственности поколений. Защиту таких ценностей необходимо осуществлять с учетом национальных, культурных, исторических особенностей Российской Федерации, положений Конституции РФ, международно-правовых актов,

⁹ См.: Зорькин В.Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 7.

¹⁰ См.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 408, 409.

¹¹ См.: Указ Президента РФ от 01.06.2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // СЗ РФ. 2012. № 23, ст. 2994; Указ Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СЗ РФ. 2017. № 23, ст. 3309.

¹² См.: Хабриева Т.Я. Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал рос. права. 2008. № 12. С. 19, 20.

¹³ См.: Хабриева Т., Румянцев О., Краснов М. и др. Обнуление и дух Конституции // Закон. 2020. № 3. С. 23–37; Зенкин С.А. Модернизация Конституции Российской Федерации: нормативная модель и практика // Lex russica. 2018. № 11. С. 40–62; Черепанов В.А. О необходимости и целесообразности конституционных изменений // Росс. юстиция. 2020. № 8. С. 35–38; Дудко И.Г. К вопросу об авторитетности Конституции Российской Федерации // Lex russica. 2018. № 11. С. 93–105; Азарова Е.Г. Конституционные требования к российскому законодательству о социальном обеспечении // Журнал рос. права. 2018. № 7.

обеспечивающих неприкосновенность автономии личности¹⁴.

Провозглашенные и закреплённые ценности в Конституции РФ позволяют утверждать, что сформулированы нравственные основы для формирования некоторой модели осуществления социальной политики, фундаментальные положения которой имплементированы не только в Основном Законе (ст. 7, 38, 67¹), но и получили свое развитие в отдельных положениях законодательства, согласно которым материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь со стороны государства¹⁵, обеспечивают защиту семье¹⁶ и отношениям в семье (ст. 1 СК РФ)¹⁷, ребенку¹⁸, закрепляя приоритет охраны его здоровья¹⁹ и определяя государственную политику в интересах детей как приоритетную²⁰, и др.

Нет сомнений, что семья как традиционная форма построения общества, была и остается одним из главных механизмов воспроизводства, особое отношение к которой позволит сохранить лучшие традиции, устои нашего государства для будущих поколений²¹. Кроме того, большая многопоколенная семья в традиционной российской семейной культуре всегда была основным типом семьи, в которой были налажены тесные взаимосвязи между несколькими поколениями родственников, в такой семье воспитание было направлено на формирование у младшего поколения духовно-нравственных, этических ценностей, уважения к родителям, а также людям старшего поколения.

Известно, что основное назначение семьи состоит в рождении и воспитании детей, передаче им необходимого жизненного опыта, базовых ценностей, основанных на традиционных представлениях морали и нравственности. Кардинальные изменения в обществе, касающиеся института брака,

трансформации брачных союзов в мире, обусловили потребность в закреплении в Основном Законе определения понятия брака как союза мужчины и женщины, что отвечает ст. 7, 38 Конституции РФ, отдельным положениям международных актов, предусматривающих возможность создания семьи в соответствии с положениями национального законодательства. Важно, что содержание Конституции РФ, международных договоров с участием Российской Федерации отрицает создание каких бы то ни было условий для поддержки и пропаганды союзов лиц одного пола. Последним в отдельных государствах разрешено регистрировать брак; в других — признают либо гражданские партнерства (civil partnerships), либо зарегистрированные партнерства (registered partnerships) или гражданские союзы (civil unions)²².

Вместе с тем общий принцип свободы заключения брачного союза в нашей стране не оспаривается, что в полной мере соответствует требованиям международных документов, согласно которым все граждане имеют право на вступление в брак, им должны быть предоставлены гарантии для свободного и равноправного заключения брака, а в случае его расторжения обеспечить защиту детей²³.

Последовательная защита материнства и детства в законодательстве Российской Федерации наглядно демонстрирует системное сохранение исторического наследия по отдельным вопросам в сфере семейных отношений. Так, в дореволюционных исследованиях отмечалась высокая степень влияния различных юридических фактов на права физического лица, отмечая, что все они разные, неодинаковые, обусловлены самыми разными причинами и обстоятельствами (факт рождения (имело значение законное оно или нет), возраст лица, его здоровье, к какому полу он относился, отношение родства, образование и др.)²⁴.

Если проанализировать содержание отдельных положений, регулирующих сферу семейных отношений, в том числе с участием детей, указанные критерии широко используются в нормах, направленных на оказание социальной поддержки детям, определяют содержание категории правовой статус

¹⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 г. № 24-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.

¹⁵ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.), ч. 2 ст. 25 // Росс. газ. 1995. 5 апр.

¹⁶ См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ч. 1 ст. 10.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

¹⁸ См.: Конвенция о правах ребенка, п. 1 ст. 18.

¹⁹ См.: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (с изм. и доп.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 7 // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

²⁰ См.: Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», ч. 2 ст. 4 // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3802.

²¹ См.: Беспалов Ю. Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 6–8.

²² См.: Palsson L. Marriage in Comparative Conflict of Laws: Substantive Conditions. The Hague, 1981. P. 330, 331; § 54 of the decision in Oliari and Others v. Italy. Judgment, 21 July 2015. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-156265>; Shishkina Yu. S. Institute of same-sex marriage in Russia and abroad: problems and prospects of its development // Family and Housing Law. 2012. No. 5. P. 16, 17; Morris J. The Conflict of Laws. 4th ed. L., 1993.

²³ См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ст. 23.

²⁴ См.: Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 2000. С. 105.

физического лица либо правовое положение семьи как объекта поддержки государством.

К числу новых положений Конституции РФ относится предоставление особой защиты детям, оставшимся без попечения родителей. Им гарантирована не только социальная поддержка, но и государство берет на себя функции отсутствующих родителей у ребенка (ст. 67¹). Практически это означает, что оно гарантирует помощь и всемерную поддержку указанной категории детей, временно или постоянно выполняя функции законного представителя ребенка. Вместе с тем важно, что такой подход, обеспечивающий защиту детей, оставшихся без попечения родителей, сохраняется и в случае применения норм, направленных на их дальнейшее устройство в семье на воспитание. К числу таких форм традиционно относятся опека и попечительство, усыновление (удочерение), приемная семья. Анализ норм об усыновлении позволяет утверждать, что законодатель предъявляет высокие требования в отношении кандидатов, претендующих на усыновление ребенка (ст. 127 СК РФ), некоторые из которых исторически предусматривались в отношении усыновителей и сохранились в действующих нормах²⁵.

Требования законодателя о физическом здоровье лица имеют определяющее значение в отношениях социального родительства, выступают как определяющие при совершении определенных семейно-правовых актов, например при установлении опеки и попечительства, усыновлении ребенка или его устройстве в приемную семью. Нет сомнений, что государство заинтересовано в том, чтобы лица, принявшие на себя обязанности по воспитанию ребенка, могли по состоянию своего здоровья надлежащим образом их исполнить. Во многих исследованиях физическому состоянию лиц уделялось пристальное внимание. Так, Г.Ф. Шершеневич признавал, что лицо, вступая в какие бы то ни было отношения, должно обладать нормальными физическими и умственными возможностями²⁶,

²⁵ Для заключения сделки об усыновлении необходимо было соблюдение ряда условий: усыновитель должен был быть возраста не менее 30 лет и по крайней мере на 18 лет старше своего усыновляемого, усыновителем мог быть лишь тот, кто сам является *persona sui juris* (лицо своего права), так как из лиц чужого права самостоятельным был лишь глава семьи (*pater familias*), ибо отцовская власть принадлежала только ему. В нормах прослеживалась прямая зависимость от принадлежности лица к определенному сословию и важное значение имел факт рождения ребенка, поскольку процедура усыновления различалась в зависимости от того, усыновляли законнорожденного ребенка или ребенка, рожденного вне закона (см.: Система римского гражданского права / под ред. Барона. Киев, 1889. Кн. 5. С. 34, 38; *Ефимов В.В.* История римского права. СПб., 1891. С. 299).

²⁶ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 74; см. также: *Венгеров А.Б.* Теория

а А.Б. Венгеров, отмечая особое значение таких критериев, как здоровье и возраст, считал, что они не обладают признаком единства, а напротив, разрушают правоспособность и дееспособность, при этом юридические факты по мере их накопления направлены на изменение объема и характера субъективных прав и обязанностей. Таким образом, такие критерии, как возраст, состояние здоровья, исторически не отличались признаком всеобщности²⁷, имели определяющее значение для юридических фактов и правового статуса лица, выделении его отдельных видов (специального и индивидуального).

Следует признать, что нормы действующего законодательства, направленные на регулирование семейных отношений, оказание социальной помощи и поддержки отдельным членам семьи, взаимосвязаны и взаимообусловлены наличием определенного правового статуса у лица, например ребенок-инвалид, дети с особыми заболеваниями, семьи, находящиеся в тяжелом материальном положении, одинокие матери, одинокие отцы, многодетные семьи²⁸. Такая «зависимость» норм обусловлена сохраняющейся тенденцией оказания адресной помощи отдельной категории граждан или семье, когда наличие определенного статуса у лица формирует определенный набор услуг, мер социальной поддержки, позволяющих ему удовлетворить индивидуальные потребности и нужды. К числу достижений социальной политики государства относится системное принятие норм,

государства и права. М., 1999. С. 398. Я.Р. Веберс отмечал, что правосубъектность зависит от возраста и в этом проявляется ее динамичность (см.: *Веберс Я.Р.* Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 184, 185). Исследования о влиянии воли и волеизъявления на условия действительности сделок, в том числе и семейного вида, были представлены в: *Ойгензихт В.А.* Воля и волеизъявление. Душанбе, 1983. С. 105; теория о юридических фактах, их составов в сфере семейных отношений — в: *Исаков В.Б.* Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. С. 13, 19; *Рейтов В.П.* Функциональная природа системы права. Пермь, 2002. С. 20.

²⁷ Как справедливо отмечалось в литературе дореволюционного периода, относительно дееспособности в русском законодательстве содержится много ограничений, некоторые из них сохранились, например, принадлежность лица к определенному полу, возраст, в несовершеннолетии полагаются три возраста, от рождения до 14 лет, от 14 до 17, от 17 до 21 года, состояние здоровья, что объясняется различными требованиями общежития или особенностями современного склада общественных отношений (см.: Свод законов гражданских Российской империи. Законы гражданские. СПб., 1911. Т. X. С. 47).

²⁸ См.: *Летова Н.В.* Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики. М., 2018. С. 7; *Ее же.* Меры государственной поддержки семьи, защита и борьба с бедностью семей с детьми // Социально-политические науки. 2020. № 2. С. 4; *Верин А.Ю.* Правовой статус несовершеннолетнего и особенности его реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. С. 26, 27; и др.

ориентированных на статус семьи или ребенка, что позволяет оказывать им адресную помощь и учитывать индивидуальные потребности ребенка, проживающего в семье.

На данном этапе своего развития государство принимает меры, направленные на защиту семьи, материнства и детства, уделяет внимание вопросам их охраны, гарантирует им социальную помощь и поддержку. Следует признать, что возможности государства отличались на разных этапах его развития, в определенные периоды внимание было сосредоточено на отдельных группах населения (одиноким матери, дети-инвалиды и др.), социальная политика государства охватывает практически все категории граждан.

* * *

Нет сомнений, что политика государства, направленная на защиту института семьи, способствует укреплению его социального назначения в обществе, обеспечивает полноценные условия для жизни семьи и воспитания детей. Принимая во внимание, что многообразие семейных союзов с течением времени будет расти, неизменным должно остаться деликатное отношение общества к семье, институту брака, их особой роли в жизни каждого гражданина.

Защита семейного союза, основанного на сохранении лучших традиций исторического наследия с учетом национальной идентичности и культуры нашего народа, позволит сохранить не одно поколение и обеспечить преемственность семейных ценностей в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азарова Е. Г.* Конституционные требования к российскому законодательству о социальном обеспечении // Журнал рос. права. 2018. № 7.
2. *Бабури С. Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 12.
3. *Беспалов Ю. Ф.* К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 6–8.
4. *Благодир А. Л.* Обеспечение социальной безопасности несовершеннолетних // Безопасность детства, социальные проблемы и правовые способы их решения / отв. ред. О. В. Рыбакова. М., 2021. С. 60.
5. *Веберс Я. Р.* Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 184, 185.
6. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права. М., 1999. С. 398.
7. *Верин А. Ю.* Правовой статус несовершеннолетнего и особенности его реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. С. 26, 27.

8. *Дудко И. Г.* К вопросу об авторитетности Конституции Российской Федерации // Lex russica. 2018. № 11. С. 93–105.
9. *Ефимов В. В.* История римского права. СПб., 1891. С. 299.
10. *Зенкин С. А.* Модернизация Конституции Российской Федерации: нормативная модель и практика // Lex russica. 2018. № 11. С. 40–62.
11. *Зорькин В. Д.* Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 7.
12. *Исаков В. Б.* Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. С. 13, 19.
13. *Летова Н. В.* Меры государственной поддержки семьи, защита и борьба с бедностью семей с детьми // Социально-политические науки. 2020. № 2. С. 4.
14. *Летова Н. В.* Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики. М., 2018. С. 7.
15. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. М., 2000. С. 105.
16. *Ойгензихт В. А.* Воля и волеизъявление. Душанбе, 1983. С. 105.
17. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 408, 409.
18. *Реутов В. П.* Функциональная природа системы права. Пермь, 2002. С. 20.
19. *Савенков А. Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 366.
20. Свод законов гражданских Российской империи. Законы гражданские. СПб., 1911. Т. X. С. 47.
21. Система римского гражданского права / под ред. Барона. Киев, 1889. Кн. 5. С. 34, 38.
22. *Хабриева Т. Я.* Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал рос. права. 2008. № 12. С. 19, 20.
23. *Хабриева Т., Румянцев О., Краснов М. и др.* Обнуление и дух Конституции // Закон. 2020. № 3. С. 23–37.
24. *Черепанов В. А.* О необходимости и целесообразности конституционных изменений // Росс. юстиция. 2020. № 8. С. 35–38.
25. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 74.
26. *Morris J.* The Conflict of Laws. 4th ed. L., 1993.
27. *Palsson L.* Marriage in Comparative Conflict of Laws: Substantive Conditions. The Hague, 1981. P. 330, 331.
28. *Shishkina Yu. S.* Institute of same-sex marriage in Russia and abroad: problems and prospects of its development // Family and Housing Law. 2012. No. 5. P. 16, 17.

REFERENCES

1. *Azarova E. G.* Constitutional requirements to the Russian legislation on social security // Journal of Russ. law. 2018. No. 7 (in Russ.).
2. *Baburin S. N.* The Moral State. Russian view on the values of constitutionalism. M., 2020. P. 12 (in Russ.).

3. *Bespalov Yu. F.* On the issue of family values in the Russian Federation // Family and Housing Law. 2018. No. 5. P. 6–8 (in Russ.).
4. *Blagodir A. L.* Ensuring the social safety of minors // Childhood safety, social problems and legal ways to solve them / ed. by O. V. Rybakov. M., 2021. P. 60 (in Russ.).
5. *Webers Ya. R.* Legal personality of citizens in the Soviet Civil and Family Law. Riga, 1976. P. 184, 185 (in Russ.).
6. *Vengerov A. B.* Theory of state and law. M., 1999. P. 398 (in Russ.).
7. *Verin A. Yu.* Legal status of a minor and features of its implementation: dis. ... PhD in Law. Kazan, 2016. P. 26, 27 (in Russ.).
8. *Dudko I. G.* On the question of the authority of the Constitution of the Russian Federation // Lex russica. 2018. No. 11. P. 93–105 (in Russ.).
9. *Efimov V. V.* History of Roman Law. St. Petersburg, 1891. P. 299 (in Russ.).
10. *Zenkin S. A.* Modernization of the Constitution of the Russian Federation: normative model and practice // Lex russica. 2018. No. 11. P. 40–62 (in Russ.).
11. *Zorkin V. D.* The essence of law // Questions of philosophy. 2018. No. 1. P. 7 (in Russ.).
12. *Isakov V. B.* The actual composition in the mechanism of legal regulation. Saratov, 1980. P. 13, 19 (in Russ.).
13. *Letova N. V.* Measures of state support of the family, protection and fight against poverty of families with children // Socio-political sciences. 2020. No. 2. P. 4 (in Russ.).
14. *Letova N. V.* The family status of a child: problems of theory and practice. M., 2018. P. 7 (in Russ.).
15. *Meyer D. I.* Russian Civil Law. M., 2000. P. 105 (in Russ.).
16. *Oygenzikht V. A.* Will and expression of will. Dushanbe, 1983. P. 105 (in Russ.).
17. *Petrazhitsky L. I.* Theory of law and the state in connection with the theory of morality. SPb., 2000. P. 408, 409 (in Russ.).
18. *Reutov V. P.* The functional nature of the legal system. Perm, 2002. P. 20 (in Russ.).
19. *Savenkov A. N.* State and law during the crisis of modern civilization. M., 2020. P. 366 (in Russ.).
20. Code of Civil laws of the Russian Empire. Civil Laws. St. Petersburg, 1911. Vol. X. P. 47 (in Russ.).
21. The system of Roman Civil Law / ed. by Baron. Kiev, 1889. Book 5. P. 34, 38 (in Russ.).
22. *Khabrieva T. Ya.* Theory of the modern basic law and the Russian Constitution // Journal of Russ. law. 2008. No. 12. P. 19, 20 (in Russ.).
23. *Khabrieva T., Rumyantsev O., Krasnov M. et al.* Zeroing and the spirit of the Constitution // Law. 2020. No. 3. P. 23–37 (in Russ.).
24. *Cherepanov V. A.* On the necessity and expediency of constitutional changes // Russ. Justice. 2020. No. 8. P. 35–38 (in Russ.).
25. *Shershenevich G. F.* Textbook of Russian Civil Law (ed. 1907). M., 1995. P. 74 (in Russ.).
26. *Morris J.* The Conflict of Laws. 4th ed. L., 1993.
27. *Palsson L.* Marriage in Comparative Conflict of Laws: Substantive Conditions. The Hague, 1981. P. 330, 331.
28. *Shishkina Yu. S.* Institute of same-sex marriage in Russia and abroad: problems and prospects of its development // Family and Housing Law. 2012. No. 5. P. 16, 17.

Сведения об авторе

ЛЕТОВА Наталия Валерьевна — доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LETOVA Natalia V. — Doctor of Law, Chief Researcher of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

СПОСОБЫ И ФОРМЫ РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ СПОРОВ

© 2023 г. Е. В. Михайлова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Поступила в редакцию 27.07.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена поиску ответа на вопрос о критерии определения способов и форм защиты нарушенных или оспоренных прав в межгосударственных правовых конфликтах. Проблема порядков разрешения споров, в которых в качестве сторон выступают суверенные государства и международные образования, является особенно острой. Международное сотрудничество приобретает самые широкие формы, следствием чего выступает не только улучшение положений государств в отдельных сферах, но и рост числа межгосударственных и международных конфликтов. На основе анализа внутригосударственной российской системы защиты прав, свобод и законных интересов сделан вывод о существовании двух альтернативных способов защиты: публично-правового, основанного на надстоящем положении судебного органа над спорящими сторонами; и частноправового в форме третейского разбирательства. Критерием их применения во внутригосударственной сфере является правовая природа спорного материального правоотношения и соотношение правовых статусов спорящих субъектов: «вертикальные» спорные правоотношения допускают только публично-правовую защиту, частноправовые, «горизонтальные» правоотношения допускают третейское разбирательство при условии согласия на это обеих сторон. Показано, что межгосударственные правовые отношения аналогичным образом могут быть частноправовыми, то есть основанными на равенстве участвующих в них государств-членов, и «вертикальными», правоотношениями координационного типа, в которых суверенные государства отказываются от части своего суверенитета и добровольно подчиняются юрисдикции определенного международного судебного органа. Сформулирован вывод о том, что в межгосударственных конфликтах оба способа защиты сохраняют свое значение и применяются на основании критерия соотношения правовых статусов участвующих в деле лиц (государств). Показано, что третейское разбирательство межгосударственных споров (международный арбитраж) сохраняет все признаки и свойства третейского разбирательства «внутренних» дел и должно применяться исключительно на основании волеизъявления государств — участников спорного материального правоотношения.

Ключевые слова: система защиты прав, способы и формы защиты прав, правосудие, третейский суд, межгосударственные отношения, международная интеграция, интеграционное правосудие.

Цитирование: Михайлова Е. В. Способы и формы разрешения межгосударственных споров // Государство и право. 2023. № 3. С. 128–137.

DOI: 10.31857/S102694520024819-1

METHODS AND FORMS OF RESOLUTION OF INTERSTATE DISPUTES

© 2023 E. V. Mikhailova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Received 27.07.2022

Abstract. The article is devoted to the search for an answer to the question about the criteria for determining the methods and forms of protection of violated or contested rights in interstate legal conflicts. The problem of dispute resolution procedures in which sovereign states and international entities act as parties is currently particularly acute. International cooperation is acquiring the broadest forms, which results not only in the improvement of the positions of states in certain areas, but also in the growth in the number of interstate and international conflicts. Based on the analysis of the domestic Russian system for the protection of rights, freedoms and legitimate interests, it was concluded that there are two alternative methods of protection: public law, based on the present position of the judicial authority over the disputing parties; and private law, in the form of arbitration. The criterion for their application in the domestic sphere is the legal nature of the disputed material relationship and the ratio of the legal statuses of the disputing subjects: “vertical” disputed legal relations allow only public legal protection, private law, “horizontal” legal relations allow arbitration, subject to the consent of both parties. It is shown that interstate legal relations in a similar way can be private law, that is, based on the equality of the member states participating in them, and “vertical”, legal relations of the coordination type, in which sovereign states renounce part of their sovereignty and voluntarily submit to the jurisdiction of a certain international judicial body. The conclusion is formulated that in interstate conflicts both methods of protection retain their significance and are applied on the basis of the criterion of the correlation of the legal statuses of the persons (states) involved in the case. It is shown that the arbitration of interstate disputes (international arbitration) retains all the features and properties of the arbitration of “internal” cases and should be applied solely on the basis of the will of the states — parties to the disputed material legal relationship.

Key words: rights protection system, methods and forms of rights protection, justice, arbitration court, interstate relations, international integration, integration justice.

For citation: *Mikhailova, E.V. (2023). Methods and forms of resolution of interstate disputes // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 128–137.*

Введение

Правовые конфликты возникают в рамках соответствующих правоотношений связывающих их субъектов. Несомненно, что выбор способа и формы защиты нарушенного или оспоренного права или законного интереса в основном детерминирован природой и особенностями спорного материально-правового отношения.

Природа правоотношения, в свою очередь, определяется исходя из сущности реализуемого в его рамках права. Традиционно все права классифицируют на частные и публичные. В основе частного права лежит частный интерес отдельных лиц. Основой публичного права является общий интерес, присущий неопределенному кругу лиц. Соответственно, частные правоотношения характеризуются равенством участвующих в них лиц, а публично-правовые отношения основаны на властном подчинении одной стороны другой.

Иными словами, основной фактор, влияющий на природу спорного правоотношения и применимые способы и формы защиты — это соотношение правовых статусов участвующих в правоотношении субъектов.

Поскольку субъектами правоотношений могут выступать не только физические и юридические лица, но и государства, обладающие особым правовым статусом, то вопросы способов и процессуальных форм разрешения межгосударственных конфликтов необходимо рассматривать отдельно.

Сущность и специфика межгосударственных правоотношений

Межгосударственные отношения, как и любые другие, могут реализовываться на основе добросовестного поведения их участников или разворачиваться в условиях правового конфликта.

Правильно отмечают, что на современном этапе внешние отношения Российской Федерации остаются слабоурегулированными в контексте принятия решений по спорным вопросам¹.

Межгосударственные отношения и, как возможное следствие, споры возникают на основе реализации норм международного права. Как отмечает А.Я. Капустин, международное право отличается от внутреннего тем, что регулирует отношения с участием как минимум двух государств².

Для определения системы разрешения межгосударственных споров, применимых способов и форм защиты прав государства в международной сфере необходимо понять, имеют ли межгосударственные конфликты ту же онтологическую правовую основу, что и внутригосударственные, поддаются ли они тем же классификациям и типизации.

Прежде всего необходимо определить существенные черты, или признаки, государства

¹ См.: Павлов Е.Я. Конституционно-правовой механизм осуществления внешних сношений РФ // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 2. С. 120.

² См.: Капустин А.Я. Международное право и вызовы XXI века // Журнал рос. права. 2014. № 7. С. 8.

и государственной власти, чтобы понять, какое влияние они оказывают на правоотношения, складывающиеся с его участием. Речь в данном случае будет идти о любом государстве, с любой формой правления — не вдаваясь в подробности особенностей государственного устройства. Нас интересуют его проявления вовне, т.е. в отношениях с другими субъектами права.

Как писал Н.М. Коркунов, основной отличительной особенностью государства является то, что оно — монополист принудительной власти. Все иные объединения и союзы, как бы они ни были самостоятельны, принуждение осуществляют только с позволения и под контролем государства³.

А.С. Алексеев указывал на такое свойство государства, как единство, в силу которого воля и деятельность его органов признаются волей и действиями государства как целого⁴. Это весьма важное положение, которое позволяет квалифицировать действия органов государственной власти и должностных лиц как действия самого государства. В литературе правильно указывают, что субъектом международного договора является государство, а не орган, заключивший его⁵.

А.С. Алексеев важнейшим из признаков государства считал верховную власть и указывал, что она в отличие от всех прочих властей верховная, ничем и никем не ограниченная, защищающая общий интерес всего народа⁶.

Итак, государство — это неосоздаемое юридическое образование, чья воля воплощается в деятельности его органов и должностных лиц. При этом государство является носителем абсолютной, верховной власти и управляет всеми прочими субъектами права.

Однако государство — не только субъект публичного права, но и частного. В.М. Хвостов подчеркивал, что как субъект публичного права государство стоит над частными лицами, а как носитель гражданских прав оно стоит рядом с ними⁷.

Государству (в отличие от всех прочих субъектов права) присуще «правовое двуличие» — с одной стороны, оно есть единый и единственный

властный субъект, устанавливающий, регулирующий и гармонизирующий любые правовые отношения в обществе и полномочный перевести в ранг правовых любые внеправовые отношения людей между собой с тем, чтобы на них воздействовать, с другой стороны, оно само является участником этих правовых отношений.

Статус государства определяет характер правовых норм — это или нормы частного характера (участвуя в которых, государство выступает «на равных» с иными субъектами, что прямо закреплено в Гражданском кодексе РФ⁸), или публичные нормы (в них государство занимает «надстоящее» по отношению к противоположной стороне положение властвующего лица). Это «внешнее» или «внутреннее» право, иначе его называют «частным» и «публичным». Понимание различия между этими двумя типами правовых норм необходимо для определения механизма их реализации и защиты.

Как субъект частного права государство может становиться участником гражданско-правовых отношений, в том числе внешнеэкономических. Это прямо закреплено в ст. 124 ГК РФ.

Таким образом, государство является субъектом как частного, так и публичного права и может вступать в частноправовые и публично-правовые отношения.

В целом разграничение правоотношений на частные и публичные должно производиться на основании критерия применяемых правовых статусов субъектов. По мысли Е.А. Нефедьева, частное правоотношение разграничивает интересы лиц, равных друг другу; публичное же право регулирует отношения лиц, из которых воля одного есть ничто в сравнении с волей другого⁹.

Межгосударственные, или международные, правоотношения представляют собой тот же тип юридического отношения, что и «внутренние» правовые связи. По Н.М. Коркунову, любое отношение предполагает связь, зависимость субъектов¹⁰.

Процессы международной интеграции происходят по двум направлениям: во-первых, путем вступления государств в различные международные организации; во-вторых, посредством образования межгосударственных объединений. Ю.А. Тихомиров отмечает, что все большее распространение приобретают межгосударственные объединения¹¹.

³ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 293–295.

⁴ См.: Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1895. С. 12.

⁵ См.: Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Статус международных межведомственных договоров Российской Федерации // Журнал рос. права. 2007. № 1. С. 117.

⁶ См.: Алексеев А.С. Русское государственное право: конспект лекций. 4-е изд. М., 1897. С. 5–7.

⁷ См.: История римского права. Пособие к лекциям профессора Московского университета В.М. Хвостова. 3-е изд. (испр. и доп.). М., 1907. С. 4, 5.

⁸ См.: СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

⁹ См.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1908. С. 5.

¹⁰ См.: Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 176.

¹¹ См.: Тихомиров Ю.А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал рос. права. 2006. № 6. С. 8, 9.

Таким образом, межгосударственные правоотношения классифицируются на два типа: в форме участия государства в международной организации и в форме равноправных объединений. Как справедливо отмечают авторы, существуют межгосударственные организации координационного типа (их большинство). Другие же, также являясь межгосударственными, наделены надгосударственными полномочиями¹².

Также правильно указывают, что следствием участия государства в международной организации выступает то, что они передают часть своих суверенных прав в пользу создаваемой ими единой¹³. Можно привести в пример договор о ЕАЭС, в соответствии с которым создана международная организация¹⁴.

Соответственно, можно констатировать, что в рамках межгосударственной интеграции возникает два типа правоотношений: частногоправового характера (отношения, основанные на равенстве государств) и публично-правовые (властеотношения, основанные на подчинении государства международному органу или организации). В литературе правильно подчеркивают, что международные интеграционные организации, обладающие наднациональным характером юридической природы, имеют полномочия ограничивать некоторые суверенные права их членов¹⁵.

Поэтому отношения равных, самостоятельных государств, основанные на договоре, есть частногоправовые отношения, и споры между ними следует квалифицировать как частногоправовые конфликты.

Напротив, споры, возникшие из членства государства в международной организации, предусматривающего координационные начала последней, следует трактовать как публично-правовые конфликты.

Из обоих типов межгосударственных правоотношений могут возникать конфликты. Поэтому требуется определить применимые к ним способы и формы защиты нарушенного или оспоренного права и законного интереса.

¹² См.: Рафалюк Е.Е. Международная интеграция: методологические проблемы исследования // Журнал рос. права. 2014. № 3. С. 47.

¹³ См.: Безбородов Ю.С. Интеграция как международно-правовой метод правовой конвергенции // Lex russica. 2017. № 12 (133). С. 128.

¹⁴ См.: Касьянов Р.А., Торкунова Е.А. Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 5 (44). С. 57.

¹⁵ См.: Безбородов Ю.С. О международно-правовых формах правовой конвергенции // Росс. право: образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 57.

Способы и формы защиты прав во внутригосударственных правовых конфликтах

Во внутригосударственных правоотношениях существует всего три способа разрешения спора: государственный, или публично-правовой; альтернативный государственному, или частногоправовой; а также самозащита права. Дифференциация этих способов защиты осуществляется по критерию правового статуса субъекта, осуществляющего защиту: это публично-правовой, властный субъект (государственный суд); частногоправовой субъект, уполномоченный законодательством на рассмотрение и разрешение гражданских дел (третейский суд) или же сам обладатель нарушенного или оспоренного права.

Государственная защита нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов — это конституционно гарантированное право на обращение в суд. Как писал Е.В. Васьковский, суд — это опора правового порядка; он проводит законы в жизнь; восстанавливает нарушенные права и карает нарушителей¹⁶. Основной характеристикой этого способа защиты является властный характер складывающихся при его реализации правоотношений. Это отмечает Н.А. Колоколов¹⁷, а Н.А. Чечина подчеркивала, что «процессуальные правоотношения являются властеотношениями, так как их субъекты находятся в отношениях власти и подчинения»¹⁸.

Частноправовая защита реализуется в форме третейского разбирательства гражданских дел. А.Х. Гольмстен полагал, что в частногоправовых делах сторонам дано право заключать между собой соглашение и передавать их спор избранному ими лицу¹⁹.

Однако могут ли названные способы защиты быть применены при рассмотрении и разрешении межгосударственных конфликтов?

Способы и формы защиты права, применимые во внутригосударственных конфликтах

Во-первых, рассмотрим вопрос о применимости к межгосударственным спорам государственного, или публично-правового (судебного), способа защиты.

¹⁶ См.: Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 18.

¹⁷ См.: Колоколов Н.А. Формирование судебной власти в самоопределившихся государствах: основы управления генезисом и эволюцией // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: сб. науч. ст. Краснодар — СПб., 2011. С. 193.

¹⁸ См.: Чечина Н.А. Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 20.

¹⁹ См.: Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. С. 154.

Поскольку государственная защита основана на надстоящем над спорящими сторонами положении государственного суда и в силу этого возможности принудительного исполнения всех его актов, то ответ на первый взгляд очевиден: так как ни одно государство не имеет превосходства над другими, то публично-правовых (административных) полномочий в отношениях с ними не имеет.

Однако не следует забывать, что публично-правовыми полномочиями относительно суверенных государств обладают международные образования — в случае, если членство в них предусматривает обязанность для входящих в это образование государств подчиниться его юрисдикции. Речь идет о «наднационализме» международных организаций. По справедливому суждению Т.Н. Нешатаевой, наднационализм и есть добровольное ограничение суверенной компетенции отдельных государств²⁰.

Например, право ЕС было поставлено выше национальных конституций государств и выше решений национальных конституционных судов²¹.

Поэтому можно говорить о том, что публично-правовой способ защиты нарушенных прав и законных интересов в межгосударственных конфликтах применим при наличии на это соответствующих оснований (членство в международной организации, предусматривающее соответствующую обязанность) и условий (наличие конфликта и волеизъявление одной из ее сторон на инициирование процедуры рассмотрения спора).

В юридической литературе в последние годы появился специальный термин — «интеграционное правосудие». В определенной степени оно противопоставляется классическому понятию международного правосудия. Это связано с введением в научный оборот понятия интеграции, под которым понимается такое объединение государств, при котором они добровольно отчуждают часть своего суверенитета в пользу надстоящего международного органа либо самого объединения. Об этом пишет А.С. Исполинов, сводя²² интеграционное правосудие к деятельности судов интеграционных объединений, которые создаются по модели Суда

ЕС²³. Подобного подхода придерживается целый ряд видных ученых²⁴.

Иными словами, интеграционные (как и любые международные) объединения государств могут быть основаны на их равенстве и неприкосновенности суверенитетов или иметь «вертикальную», координационную структуру.

По мнению К.Л. Чайки, суды интеграционных образований отличаются от классических межгосударственных судов как раз специфической сферой полномочий²⁵.

Другие исследователи отмечают, что суды интеграционных объединений отличаются от «классических» международных судов по юрисдикции суда интеграционного объединения, которая является обязательной для государств-членов; по основаниям обращения в суд сообщества (нарушение нормы коммунитарного права); а также по тому, что суд интеграционного объединения обладает наднациональными полномочиями²⁶.

В результате межгосударственной интеграции формируется так называемое «наднациональное право», основным отличием которого от права международного специалисты называют нарушение принципа равенства сторон²⁷. Это — основополагающий признак, позволяющий правоотношения, складывающиеся между суверенными государствами в рамках интеграционного образования, считать публично-правовыми.

Однако не все авторы выделяют «интеграционное правосудие». Например, Л.П. Ануфриева считает, что оно должно быть отнесено к «международному правосудию»²⁸.

С точки зрения процессуалиста, в рассуждениях по любой юридической проблеме на первый план всегда выходят вопросы защиты нарушенного права. В этом смысле понятие правосудия не может быть «разбито» на составляющие.

²³ См.: там же. С. 112.

²⁴ См.: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 104.

²⁵ См.: Чайка К.Л. Суд интеграционного объединения как международный судебный орган // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 147, 148.

²⁶ См.: Рафалюк Е.Е. Международные суды и интеграция в Латинской Америке // Всеросс. журнал науч. публикаций. 2011. Сентябрь. С. 63.

²⁷ См.: Дорская А.А., Дорский А.А. Международные интеграционные организации и проблема формирования наднационального права // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 106.

²⁸ Ануфриева Л.П. Международные судебные органы в евразийской интеграции (проблемы теории международного права) // Актуальные проблемы рос. права. 2015. № 10 (59). С. 218.

²⁰ См.: Нешатаева Т.Н. Интеграция и наднационализм // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2014. Вып. 2 (24). С. 244.

²¹ См.: Иксанов И.С., Косырев И.Ю. Проблемы наднационального правового регулирования на примере деятельности Суда Евразийского экономического союза // Гуманитарные науки. Вестник Финансового ун-та. 2017. № 5. С. 7.

²² См.: Исполинов А.С. Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 3. С. 108, 109.

Правосудие — это разновидность публично-правовой, властной деятельности по рассмотрению и разрешению правовых конфликтов. Наличие публичной власти в статусе субъекта, осуществляющего разрешение дела, в любом ее проявлении — внутригосударственном или в области международных отношений — позиционирует правосудие. Правосудие всегда осуществляется судом, который связан с участниками дела «вертикальными» отношениями.

Таким образом, в межгосударственных конфликтах публично-правовой способ защиты (в форме процессуальной деятельности соответствующих органов международных образований) сохраняет свое значение. Как и при отправлении внутригосударственного правосудия, международное правосудие (в том числе «интеграционное правосудие», если этот термин уместен с точки зрения международного права) осуществляется только уполномоченным судом при наличии соответствующих оснований (членство государства в международном образовании с условием распространения на его юрисдикцию властных полномочий указанного суда) и условий (возникновение правового конфликта, обращение одной из его сторон к суду в установленном порядке). При этом в процессе реализации этого способа защиты права между субъектами правового конфликта складываются «вертикальные» властеотношения со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями: обязательностью для проигравшей стороны принятого судебного акта, возможностью его принудительного исполнения и преюдициальностью.

Второй способ защиты нарушенных или оспоренных прав и законных интересов — частноправовой в форме третейского разбирательства. Применим ли он в области межгосударственных конфликтов?

Выдающийся русский ученый-правовед А.И. Вицын третейский суд понимал как «суд частного лица»²⁹. Е.В. Васьковский также указывал на право третейских судов разрешать исключительно частноправовые конфликты³⁰.

И эти утверждения применимы не только к внутригосударственным спорам.

Поскольку государства, как было указано выше, вступают во взаимные отношения как частноправового характера (когда межгосударственное взаимодействие основано на равном правовом положении его участников), так и в публично-правовые отношения (координационного типа, основанные на отчуждении части своего суверенитета в пользу

межгосударственной организации), то юрисдикция третейских судов (арбитражей) распространяется на них в случае, во-первых, частноправового конфликта и, во-вторых, при условии заключения ими третейского (арбитражного) соглашения.

Третейский суд (арбитраж) может быть «внешним» и «внутренним». Их правовая природа одна — это негосударственное образование, обладающее юрисдикционными полномочиями по рассмотрению и разрешению конфликтов на основании заключенных их сторонами арбитражных соглашений (третейских соглашений). Но «внешний арбитраж» рассматривает и разрешает дела с т.н. иностранным элементом. «Внешний арбитраж» называется также «международным коммерческим арбитражем». Он регулируется специальным нормативным правовым актом: Законом РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»³¹. Однако и «внутренние», и «внешние» арбитражи подчинены единому принципу — добровольности применения.

Как правильно отмечают авторы, автономия воли сторон — один из основных принципов международного частного права³².

Третейское разбирательство межгосударственных споров изначально зародилось как форма разрешения конфликтов, возникших из международных договоров государств, т.е. как форма разрешения частноправовых конфликтов³³.

Представляется, что каких-либо существенных отличий международных третейских судов, рассматривающих межгосударственные споры, от «внутренних» третейских судов не имеется. Международные арбитражные суды имеют ту же природу, что и прочие третейские суды, и должны осуществлять свою юрисдикционную деятельность на основе общих начал третейского разбирательства.

Один из основных принципов арбитража — добровольность его применения. Третейское разбирательство дела может быть начато исключительно в том случае, если обе стороны правового конфликта согласились на эту процедуру, о чем заключили арбитражное (третейское) соглашение. Поэтому основой защиты частных интересов в международных отношениях является арбитраж

³¹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32, ст. 1240.

³² См.: Лазарева Т.П., Шестакова М.П. Некоторые проблемы выбора применимого права в практике разрешения внешнеэкономических споров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 71.

³³ См.: Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М. и др. Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6. С. 117.

²⁹ Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое рассуждение. М., 1856. С. 15, 16.

³⁰ См.: Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 371.

как институт, созданный на основе норм международных договоров³⁴. Отмечается также, что включение в основной договор пункта о согласии сторон на передачу споров третейскому суду означает, что государства согласны передать разрешение споров международному арбитражу³⁵.

Рассуждая о международном спортивном арбитраже, Н.Л. Пешин правильно полагает, что его принципы могут быть исключительно договорными, а в основе его деятельности должно лежать согласие всех вовлеченных сторон³⁶. Это касается любого арбитража, как «внешнего», так и «внутреннего».

Важно, что отсутствие арбитражного соглашения, подписанного спорящими государствами, во всех случаях есть основание для отказа в возбуждении дела в арбитражном суде по мотиву отсутствия у него необходимой компетенции. Рассмотрение и разрешение международными третейскими судами дел, стороны которых не заключали арбитражное соглашение, незаконно, а вынесенное в этом случае арбитражное решение должно быть отменено. Так, в деле «ЮКОС против Российской Федерации», рассмотренном Международным арбитражем в Гааге, Российская Федерация обоснованно утверждала, что третейский суд не обладал необходимой юрисдикцией по рассмотрению спора на основании многостороннего Договора к Энергетической хартии (ДЭХ), к которому прибегли истцы. Российская Федерация подписала этот Договор в 1994 г., применяла временно, но не ратифицировала из-за возражений Государственной Думы ФС РФ, а в 2009 г. официально вышла из ДЭХ³⁷. Очевидно, что при таких обстоятельствах решение Гаагского арбитража является незаконным.

Выводы

Итак, проблемы допустимых и применимых способов и форм защиты прав государства в международных отношениях сегодня характеризуются особой остротой. Нельзя не согласиться с мнением зарубежных коллег о том, что международные и транснациональные юрисдикционные органы могут выносить решения, имеющие определенный экономический

и политический эффект³⁸. Поэтому практику, в соответствии с которой российские субъекты внешнеэкономической деятельности зачастую вынуждены обращаться к иностранным механизмам (Лондонский международный арбитражный суд, Арбитражный центр Федеральной хозяйственной палаты в Вене и др.)³⁹, сложно признать законной и отвечающей интересам Российской Федерации.

Любое государство — обладатель верховной власти на определенной территории и в отношении определенной группы людей. На международной арене государства равны и каждое обладает собственным суверенитетом.

Однако государства, как и любые субъекты права, вступают во взаимные отношения. Природа этих правовых отношений может быть различна. Они могут быть основаны на равенстве их участников, а могут иметь властную, координационную природу. В последнем случае государства жертвуют частью своего суверенитета в пользу какой-либо международной организации или органа, во имя достижения определенных выгод. При этом условии между государствами и международными организациями складываются «вертикальные» правоотношения, в рамках которых государство должно подчиняться воле соответствующего органа.

Соответственно, различную правовую природу имеют и конфликты, возникающие в межгосударственных отношениях. Конфликты, возникающие из частноправовых, т.е. основанных на равном положении участвующих в них субъектов, правоотношений, могут разрешаться только посредством международного арбитража — третейских судов, предназначенных для рассмотрения и разрешения межгосударственных споров. Как и любой третейский суд, международный арбитраж имеет полномочия только в отношении дел, стороны которых заключили третейское (арбитражное) соглашение. В противном случае и сам арбитраж, и его решение *arbitri* являются незаконными.

В публично-правовых межгосударственных конфликтах допустимым является только публично-правовое разрешение дела, т.е. органом, обладающим соответствующими полномочиями по отправлению международного правосудия. Стороны — участники правового конфликта в силу их членства в международной организации уже не вправе передать свой спор иному суду и обязаны

³⁴ См.: *Доронина Н.Г.* Актуальные проблемы защиты интересов государства в экономических отношениях // Журнал рос. права. 2005. № 12. С. 78.

³⁵ См.: *Волова Л.И.* Механизм разрешения международных инвестиционных споров // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2010. Т. 8. № 1. С. 82.

³⁶ См.: *Пешин Н.Л.* О статусе и юрисдикции спортивного арбитражного суда в Лозанне // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 126.

³⁷ См.: URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/business/05/11/2021/61841ffb9a79472a304e7eab> (дата обращения: 06.02.2022).

³⁸ См.: *Орлова И.А.* Решения международных транснациональных и иностранных юрисдикционных органов: проблемы признания и исполнения // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2018. № 5 (54). С. 106.

³⁹ См.: *Абдуллоев Ф.* Экономический Суд СНГ в Евразийском пространстве // Евразийский юрид. журнал. 2011. № 2 (33).

подчиниться юрисдикции соответствующего судебного органа.

Поэтому внутригосударственные способы защиты нарушенных и оспоренных прав: публично-правовой (властный; в форме государственного судопроизводства) и частноправовой (альтернативный; в форме третейского разбирательства), — сохраняют свое значение и в межгосударственных конфликтах. Определяющим в обоих случаях является признак соотношения правовых статусов спорящих субъектов: если они взаимно равны, то государства вправе самостоятельно, на добровольной основе определить судебный орган, который разрешит их спор. Если же конфликт возник между государствами — членами определенной международной организации, которой они делегировали часть своего суверенитета, прежде всего в вопросах разрешения споров, либо спорные правоотношения сложились между государством и самой этой международной организацией, то единственным применимым в деле способом защиты права является разрешение спора указанным судебным органом.

В литературе высказано правильное суждение о том, что «отсутствие иерархии является одной из основных причин конфликтов юрисдикций и норм в международном праве»⁴⁰. Признавая его справедливость, все же следует отметить, что при условии использования критерия соотношения правовых статусов спорящих субъектов и классификации всех спорных межгосударственных правоотношений на частноправовые и публично-правовые в большинстве случаев можно безошибочно определить как уполномоченный на рассмотрение и разрешение дела орган, так и применимое в деле материальное и процессуальное законодательство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллоев Ф.* Экономический Суд СНГ в Евразийском пространстве // Евразийский юрид. журнал. 2011. № 2 (33).
2. *Алексеев А.С.* К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1895. С. 12.
3. *Алексеев А.С.* Русское государственное право: конспект лекций. 4-е изд. М., 1897. С. 5—7.
4. *Ануфриева Л.П.* Международные судебные органы в евразийской интеграции (проблемы теории международного права) // Актуальные проблемы рос. права. 2015. № 10 (59). С. 218.
5. *Безбородов Ю.С.* Интеграция как международно-правовой метод правовой конвергенции // Lex russica. 2017. № 12 (133). С. 128.
6. *Безбородов Ю.С.* О международно-правовых формах правовой конвергенции // Росс. право: образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 57.
7. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 18, 371.
8. *Вицын А.И.* Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое рассуждение. М., 1856. С. 15, 16.
9. *Волова Л.И.* Механизм разрешения международных инвестиционных споров // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2010. Т. 8. № 1. С. 82.
10. *Гольмстен А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. С. 154.
11. *Доронина Н.Г.* Актуальные проблемы защиты интересов государства в экономических отношениях // Журнал рос. права. 2005. № 12. С. 78.
12. *Дорская А.А., Дорский А.А.* Международные интеграционные организации и проблема формирования наднационального права // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 106.
13. *Иксанов И.С., Косырев И.Ю.* Проблемы наднационального правового регулирования на примере деятельности Суда Евразийского экономического союза // Гуманитарные науки. Вестник Финансового ун-та. 2017. № 5. С. 7.
14. *Исполинов А.С.* Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 3. С. 108, 109, 112.
15. История римского права. Пособие к лекциям профессора Московского университета В.М. Хвостова. 3-е изд. (испр. и доп.). М., 1907. С. 4, 5.
16. *Капустин А.Я.* Международное право и вызовы XXI века // Журнал рос. права. 2014. № 7. С. 8.
17. *Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М. и др.* Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6. С. 117.
18. *Касьянов Р.А., Торкунова Е.А.* Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 5 (44). С. 57.
19. *Колоколов Н.А.* Формирование судебной власти в самоопределившихся государствах: основы управления генезисом и эволюцией // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: сб. науч. ст. Краснодар — СПб., 2011. С. 193.
20. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 293—295.
21. *Лазарева Т.П., Шестакова М.П.* Некоторые проблемы выбора применимого права в практике разрешения внешнеэкономических споров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 71.
22. *Нефедьев Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1908. С. 5.

⁴⁰ *Солнцев А.М., Голубев В.В.* ВТО и региональные интеграционные объединения: конкуренция юрисдикций и применимых принципов права при разрешении межгосударственных споров // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2013. № 1 (18). С. 95.

23. *Нешатаева Т.Н.* Интеграция и наднационализм // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2014. Вып. 2 (24). С. 244.
24. *Орлова И.А.* Решения международных транснациональных и иностранных юрисдикционных органов: проблемы признания и исполнения // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2018. № 5 (54). С. 106.
25. *Павлов Е.Я.* Конституционно-правовой механизм осуществления внешних сношений РФ // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 2. С. 120.
26. *Пешин Н.Л.* О статусе и юрисдикции спортивного арбитражного суда в Лозанне // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 126.
27. *Рафалюк Е.Е.* Международная интеграция: методологические проблемы исследования // Журнал рос. права. 2014. № 3. С. 47.
28. *Рафалюк Е.Е.* Международные суды и интеграция в Латинской Америке // Всеросс. журнал науч. публикаций. 2011. Сентябрь. С. 63.
29. *Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В.* Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 104.
30. *Солнцев А.М., Голубев В.В.* ВТО и региональные интеграционные объединения: конкуренция юрисдикций и применимых принципов права при разрешении межгосударственных споров // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2013. № 1 (18). С. 95.
31. *Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н.* Статус международных межведомственных договоров Российской Федерации // Журнал рос. права. 2007. № 1. С. 117.
32. *Тихомиров Ю.А.* Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал рос. права. 2006. № 6. С. 8, 9.
33. *Чайка К.Л.* Суд интеграционного объединения как международный судебный орган // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 147, 148.
34. *Чечина Н.А.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 20.
5. *Bezborodov Yu. S.* Integration as an international legal method of legal convergence // Lex russica. 2017. No. 12 (133). P. 128 (in Russ.).
6. *Bezborodov Yu. S.* On international legal forms of legal convergence // Russ. law: education, practice, science. 2017. No. 4. P. 57 (in Russ.).
7. *Vaskovsky E. V.* Textbook of civil procedure. M., 2003. P. 18, 371 (in Russ.).
8. *Vitsyn A. I.* Arbitration Court of Russian Law, historical and dogmatic reasoning. M., 1856. P. 15, 16 (in Russ.).
9. *Volova L. I.* Mechanism for resolving international investment disputes // Economic Herald of the Rostov State University. 2010. Vol. 8. No. 1. P. 82 (in Russ.).
10. *Golmsten A. H.* Textbook of Russian civil procedure. 5th ed., rev. and add. SPb., 1913. P. 154 (in Russ.).
11. *Doronina N. G.* Actual problems of protecting the interests of the state in economic relations // Journal of Russ. law. 2005. No. 12. P. 78 (in Russ.).
12. *Dorskaya A. A., Dorsky A. A.* International integration organizations and the problem of formation of supranational law // Legal Science. 2016. No. 4. P. 106 (in Russ.).
13. *Iksanov I. S., Kosyrev I. Yu.* Problems of supranational legal regulation on the example of the Court of the Eurasian Economic Union // Humanities. Herald of the Financial University. 2017. No. 5. P. 7 (in Russ.).
14. *Ispolinov A. S.* What is hidden behind the catchy term "integration justice"? // Law. HSE Journal. 2017. No. 3. P. 108, 109, 112 (in Russ.).
15. *History of Roman Law. A manual for lectures by Professor of Moscow University V. M. Khvostov.* 3rd ed. (rev. and add.). M., 1907. P. 4, 5 (in Russ.).
16. *Kapustin A. Ya.* International Law and challenges of the XXI century // Journal of Russ. law. 2014. No. 7. P. 8 (in Russ.).
17. *Kapustin A. Ya., Kovler A. I., Belyalova A. M. et al.* The practice of considering interstate complaints in international courts: the history of the issue and prospects // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2020. No. 6. P. 117 (in Russ.).
18. *Kasyanov R. A., Torkunova E. A.* Ensuring human rights in the post-Soviet space // Herald of MGIMO University. 2015. No. 5 (44). P. 57 (in Russ.).
19. *Kolokolov N. A.* Formation of judicial power in self-determined states: fundamentals of genesis and evolution management // Protection of rights in Russia and other countries of the Council of Europe: current state and problems of harmonization: collection of scientific articles Krasnodar – St. Petersburg, 2011. P. 193 (in Russ.).
20. *Korkunov N. M.* Lectures on the General theory of law. SPb., 2003. P. 293–295 (in Russ.).
21. *Lazareva T. P., Shestakova M. P.* Some problems of choosing the applicable law in the practice of resolving foreign economic disputes // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2019. No. 6. P. 71 (in Russ.).
22. *Nefediev E. A.* Textbook of Russian civil procedure. 3rd ed. M., 1908. P. 5 (in Russ.).
23. *Neshataeva T. N.* Integration and supranationalism // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2014. Issue 2 (24). P. 244 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Abdullov F.* The Economic Court of the CIS in the Eurasian space // Eurasian legal journal. 2011. No. 2 (33) (in Russ.).
2. *Alekseev A. S.* On the doctrine of the legal nature of the state and state power. M., 1895. P. 12 (in Russ.).
3. *Alekseev A. S.* Russian State Law: lecture notes. 4th ed. M., 1897. P. 5–7 (in Russ.).
4. *Anufrieva L. P.* International judicial bodies in Eurasian integration (problems of the theory of International Law) // Actual problems of Russ. law. 2015. No. 10 (59). P. 218 (in Russ.).

24. *Orlova I.A.* Decisions of international transnational and foreign jurisdictional bodies: problems of recognition and enforcement // Herald of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan. 2018. No. 5 (54). P. 106 (in Russ.).
25. *Pavlov E. Ya.* Constitutional and legal mechanism for the implementation of foreign relations of the Russian Federation // Herald of MGIMO University. 2012. No. 2. P. 120 (in Russ.).
26. *Peshin N.L.* On the status and jurisdiction of the Court of Arbitration for Sport in Lausanne // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2019. No. 5. P. 126 (in Russ.).
27. *Rafalyuk E.E.* International integration: methodological problems of research // Journal of Russ. law. 2014. No. 3. P. 47 (in Russ.).
28. *Rafalyuk E.E.* International courts and integration in Latin America // All-Russian Journal of Scientific Publications. 2011. September. P. 63 (in Russ.).
29. *Rafalyuk E.E., Zaloilo M.V., Vlasova N.V.* Legal models of integration associations of the states of Eurasia and Latin America // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2017. No. 2. P. 104 (in Russ.).
30. *Solntsev A.M., Golubev V.V.* WTO and regional integration associations: competition of jurisdictions and applicable principles of law in resolving interstate disputes // Herald of the Volgograd State University. Ser. 5. Jurisprudence. 2013. No. 1 (18). P. 95 (in Russ.).
31. *Tiunov O.I., Kashirkina A.A., Morozov A.N.* The status of international interdepartmental agreements of the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2007. No. 1. P. 117 (in Russ.).
32. *Tikhomirov Yu. A.* Comparative jurisprudence: development of concepts and public practice // Journal of Russ. law. 2006. No. 6. P. 8, 9 (in Russ.).
33. *Chaika K.L.* The Court of the integration association as an international judicial body // Proceedings of the ISL of the RAS. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 147, 148 (in Russ.).
34. *Chechina N.A.* Elected proceedings on civil procedure. SPb., 2004. P. 20 (in Russ.).

Сведения об авторе

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна — доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующей сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

MIKHAILOVA Ekaterina V. — Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ XX ВЕКА. КОНСТИТУЦИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК ЕВРОПЫ И АЗИИ

© 2023 г. Е. В. Виноградова*, И. Л. Данилевская**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: evsfrf@gmail.ru

**E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.01.2023 г.

Аннотация. Исследование конституционных проектов как части истории российской государственности особенно актуально в связи с формированием институтов современного отечественного конституционализма. Импульс для развития этого процесса был получен принятием в 2020 г. конституционных поправок. Исследование конституционных проектов обусловлено тем, что они содержат аспекты теоретического конституционализма, формирующиеся на каждом историческом этапе развития государства и общества. В статье анализируется проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии, который отразил в себе противоречия одного из переломных моментов новейшей истории России. Рассматривая этот проект как часть отечественной истории государственного строительства, подчеркивается его ценность и влияние на Конституцию РФ, формирование российской конституционной идентичности.

Ключевые слова: Конституция СССР, Конституция РФ, проект Конституции А.Д. Сахарова, конституционализм, российская конституционная идентичность.

Цитирование: Виноградова Е. В., Данилевская И. Л. Конституционные проекты XX века. Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии // Государство и право. 2023. № 3. С. 138–145.

DOI: 10.31857/S102694520024779-7

CONSTITUTIONAL PROJECTS OF THE 20th CENTURY. THE CONSTITUTION OF THE UNION OF SOVIET REPUBLICS OF EUROPE AND ASIA

© 2023 E. V. Vinogradova*, I. L. Danilevskaya**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: evsfrf@gmail.ru

**E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru

Received 24.01.2023

Abstract. The study of constitutional projects, as part of the history of Russian statehood, is especially relevant in connection with the formation of institutions of modern domestic constitutionalism. The impetus for the development of this process was received by the adoption of constitutional amendments in 2020. The study of constitutional projects is due to the fact that they contain aspects of theoretical constitutionalism, which is formed at each historical stage of the development of the state and society. The article analyzes the draft Constitution of the Union of Soviet Republics of Europe and Asia, which reflected the contradictions of one of the turning points in the modern history of Russia. Considering this project as part of the national history of state-building, its value and influence on the Constitution of the Russian Federation are emphasized, the formation of the Russian constitutional identity.

Key words: Constitution of the USSR, Constitution of the Russian Federation, draft Constitution of A.D. Sakharov, constitutionalism, Russian constitutional identity.

For citation: Vinogradova, E.V., Danilevskaya, I.L. (2023). Constitutional projects of the 20th century. The Constitution of the Union of Soviet Republics of Europe and Asia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 138–145.

В 2023 г. одной из важнейших конституционно значимых дат, безусловно, является 30-летие со дня принятия Конституции РФ. Этот юбилей дает возможность обратиться к событиям, оказавшим влияние на формирование современного российского конституционализма. Одно из них может показаться не столь значимым по сравнению с другими, но повод позволяет погрузиться в те времена, когда создавался правовой фундамент, обеспечивший «политическую целостность России»¹. Юбилей Конституции РФ — это не только дата появления важнейшего политико-юридического документа, ставшего, по мнению конституционалистов, системным юридическим выражением основных политических ценностей, но и начало нового пути в отечественной истории государства и права.

Обращение к отечественному историческому опыту в условиях современных вызовов особенно актуально. Как неоднократно подчеркивал Президент РФ В.В. Путин, мы в значительной мере опираемся на фундамент того, что сделали предыдущие поколения, и обладаем преимуществом в историческом опыте². Переломные, судьбоносные периоды в жизни государства всегда вызывают особый исследовательский интерес. Один из таких периодов в новейшей истории России, вне всяких сомнений, — конец 80-х — начало 90-х годов, т.н. период перестройки. Это время справедливо характеризовали временем «открытия пространства для конституционного творчества»³. Создавалась новая конституционно-правовая реальность, предлагались конституционные проекты, одним из которых является проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии акад. А.Д. Сахарова⁴, предвосхитивший многие принципы действующего конституционного регулирования.

¹ Зорькин В.Д. Конституция РФ — правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2018. № 12. С. 5–17.

² См.: Послание Президента РФ В.В. Путина 12.12.2012 г.; Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 21.10.2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

³ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцев. Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 гг.). М., 2009. С. 35, 36.

⁴ Советский физик, один из создателей первой советской водородной бомбы, академик АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской и Ленинской премий,

Наше обращение к этому документу вызвано не только желанием отдать дань памяти великому российскому гражданину, но и попытаться проанализировать ключевые идеи и основные положения конституционного проекта, которые остаются удивительно созвучными современным реалиям многополярного, противоречивого мира.

Проект Конституции А.Д. Сахарова являлся одним из альтернативных конституционных проектов первой волны, наличие которых стало одним из знаковых признаков конституционной реформы. Ее началом можно считать состоявшуюся в 1988 г. XIX Всесоюзную конференцию КПСС, решения которой определили основные направления изменений основ системы власти и управления в СССР. Именно они сформировали направления политико-правовой реформы. На первом этапе большое значение придавалось наделению реальной властью Советов народных депутатов «как основы социалистической государственности и самоуправления»⁵, поэтому в качестве первого шага был принят Закон о выборах народных депутатов СССР. Следующий этап обуславливался необходимостью конституционной реформы.

Конституционная реформа началась принятием решения о внесении изменений и дополнений в Конституцию. Избранный Съезд народных депутатов СССР стал своеобразной площадкой формирования новых конституционных идей. I Съезд был воспринят обществом как событие масштабное, его влияние на судьбы людей связывалось с коренными преобразованиями, которые должны произойти в результате изменения структур и механизма функционирования политических, экономических, социальных и духовных институтов страны на основе верховенства закона. Росту уровня самосознания, политизации общества, активности народа и формированию общественного мнения, основанного на непосредственном восприятии событий, содействовала полная трансляция его заседаний из Кремлевского Дворца съездов. Прямая трансляция заседаний показала, а полученные

народный депутат СССР и член Конституционной комиссии I Съезда народных депутатов СССР, лауреат Нобелевской премии мира.

⁵ Тарасова Е.А. Депутатские группы Съезда народных депутатов РСФСР — РФ в 1990–1993 гг. // Парламентаризм в России: проблемы и перспективы: сб. ст. / под ред. М.В. Ходякова. СПб., 2006. С. 269–278.

социологами данные подтвердили, что развернувшиеся по принципиальным вопросам дебаты были чрезвычайно напряженными. Порой они имели драматическую окраску⁶. Народные избранники критиковали власть, становясь известными политиками в стране, создавая авторитетный российский парламент⁷.

В контексте настоящей статьи, абстрагируясь от полемики по поводу традиционности российских институтов власти, хотелось бы обозначить однозначную позицию, что Съезд народных депутатов СССР — это полноценный законодательный орган. Он воспроизводил отечественные традиции парламентаризма. Его авторитет в обществе был предопределен уважением к депутатскому корпусу, сформированному из известных и уважаемых в стране людей.

Одним из народных депутатов СССР был акад. А.Д. Сахаров, которого относили к группе депутатов-радикалов, позиционировавшихся как граждане с высоким уровнем политического сознания и открыто выражавших собственную позицию, которая зачастую не совпадала с мнением власти. На Съезде депутат Сахаров был наиболее авторитетным из тех, кто озвучивал аргументы против советской системы в политической, экономической и военной сферах. Ему удалось выступить перед Съездом (и Советским Союзом) 11 раз⁸.

Небезынтересно, что выдвижение кандидатуры акад. А.Д. Сахарова в народные депутаты СССР в марте 1989 г. поддержали 55 научных институтов, затем ученые Физического института АН СССР настояли на выдвижении его кандидатуры от Академии наук СССР. Ученых, которые отстаивали в этом вопросе мнение и права ученых советов, поддержал вице-президент Академии наук СССР, директор Института государства и права АН СССР, акад. В.Н. Кудрявцев⁹.

Идеи справедливости и гуманизма как основы диалога власти и человека стали не только основой политической программы А.Д. Сахарова-депутата, но и частью его жизненных принципов, которые он декларировал ещё в 1975 г. в своей работе

«О стране и мире». «Действительность современного мира очень сложна, многопланова, — пишет А.Д. Сахаров, — в ней причудливо смешаны трагедия, безысходность, апатия, предрассудки, невежество и динамичность, самоотверженность, надежда, разум. Будущее может быть ещё более трагично. Оно может быть и более достойным человека, более добрым и разумным. Но его также может не быть совсем. Всё это зависит от нас — живущих во всех странах мира. Будущее разума, научного предвидения и прогресса, будущее общего блага должно осуществиться»¹⁰.

Возможности преобразования общества народный депутат СССР, акад. А.Д. Сахаров видел в торжестве науки. Не случайно в демократическом крыле Съезда кроме А.Д. Сахарова работали выдающиеся ученые, избранные депутатами от Академии наук СССР, в частности Р.З. Сагдеев¹¹, Н.П. Шмелев¹², С.С. Аверинцев¹³, Н.Я. Петраков¹⁴, В.Л. Гинзбург¹⁵, В.В. Иванов¹⁶.

Идея о необходимости коренных преобразований общества, появившаяся в период перестройки, обосновывала идею принятия новой Конституции. Политико-правовая реальность всегда диктует условия, которые должны отражать действительность в документах, имеющих высшую юридическую силу. Как отмечает в своей работе В.Д. Зорькин, «если изменения реальности и высокопрофессиональный анализ убедительно покажут, что действующая Конституция... уже не способна выполнять свои функции и не позволяет России адекватно ответить на вызовы исторического времени и что конституционные трансформации не только возможны, но и необходимы, всем нам придется подчиниться требованиям жизни»¹⁷.

¹⁰ Сахаров А.Д. Тревога и надежда / сост. Е. Боннэр. 2-е изд. М., 1991. С. 19, 20.

¹¹ Советский, российский химик, выдающийся специалист в области химической физики, академик РАН, лауреат Ленинской и Государственной премий.

¹² Советский, российский экономист, академик РАН, директор Института Европы РАН.

¹³ Советский, российский филолог, культуролог, крупный специалист в области изучения философии и культуры русской и европейской литературы XIX–XX вв., член-корреспондент АН СССР, действительный член РАН.

¹⁴ Советский, российский экономист, политолог, академик АН СССР, академик РАН, директор Института проблем рынка РАН.

¹⁵ Советский и российский физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии по физике, лауреат Ленинской и Сталинской премий, академик АН СССР, академик ряда научных академий зарубежных стран.

¹⁶ Советский и российский лингвист, семиотик, антрополог, один из основателей Московской школы компаративистики, академик РАН, директор Института мировой культуры МГУ.

¹⁷ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 57.

⁶ См.: Алферов В.А. Первый Съезд народных депутатов в зеркале социологии // Научный коммунизм. 1990. № 1. С. 62–71.

⁷ См.: Сиянов В.Н. Политические лидеры и традиционное общество // Парламентаризм в России: проблемы и перспективы: сб. ст. / под ред. М.В. Ходякова. С. 249–257.

⁸ См.: Къеза Д. Переход к демократии / пер. с итал. М., 1993. С. 77, 97.

⁹ Советский, российский ученый-криминолог, автор более трехсот научных работ в области уголовного права, криминологии, теории и социологии права, академик Академии наук СССР, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. В течение 16 лет В.Н. Кудрявцев был директором Института государства и права РАН.

Таким образом, необходимость переосмысления основ конституционного устройства страны всегда контекстно связана с существующей политико-правовой реальностью. Это не предопределено отношением к самой Конституции как правовому документу, обладающему в стране высшей юридической силой. Для России, как и для всех государств, вне зависимости от формы жесткости конституционного документа предусмотрены возможности изменения ее текста, обусловленные трансформацией социальных, экономических и иных отношений. Здесь, вероятно, нелишним будет напомнить, что вопреки широко распространенному мнению о том, что для России идеи конституционализма не являются традиционными, идея конституционного закрепления основ государственного устройства имеет в нашей стране многовековую историю. Первым опытом отечественных конституционных преобразований принято считать конституционные проекты графа Н.И. Панина, Д.И. Фонвизина и др. второй половины XVIII в. Проекты декабристов П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева, князя П.В. Долгорукова, М.М. Сперанского, сенатора Н.Н. Новосильцева в XIX в.¹⁸ — образцы российской конституционно-правовой мысли, весьма созвучные своему времени и во многом превосходящие по глубине аргументации западные образцы. В начале XX в. предлагались проекты либералов и представителей революционного движения, обосновывавших разные подходы к формированию конституционного устройства Российской Империи — от эволюционного перехода к конституционной монархии до уничтожения существующей государственности и провозглашения нового государства, которое было создано и существовало в течение почти всего XX столетия¹⁹. После принятия в 1918 г. Конституции РСФСР на протяжении всего периода существования Советского государства создаются проекты, а затем принимаются конституции, которые, по мнению исследователей, при наличии демократической окраски не имели практической реализации²⁰.

Задача формирования новой конституционной модели дальнейшего развития страны актуализировала в период перестройки необходимость теоретических исследований. В 1989 г. учеными

Института государства и права АН СССР была разработана Концепция новой Конституции Союза ССР. Рассматривая Конституцию как «гарант» перестройки, ученые ИГПАН, по сути, имели в виду модернизацию всей большой страны. Указывалось, в частности, что Конституция должна иметь высокую юридическую эффективность, быть актом непосредственного действия, в центре внимания новой Конституции должны быть отношения между гражданином, обществом и государством. Это и ряд других юридически четко сформулированных положений Концепции совпадает с последующими разработками Рабочей группы Конституционной комиссии РСФСР. Провозглашая принцип правового государства, ученые ИГПАН предлагали предварить Конституцию особой декларацией прав гражданина. Указанная Концепция давала более развернутую и стройную картину органического устройства власти, исходила из необходимости отказа от «распорядительных» функций Верховного Совета при одновременном усилении его контрольных функций и права вотировать доверие (недоверие) правительству. Для укрепления гарантий независимости законодательной власти, поддержания принципа разделения властей как одного из базовых принципов правовой государственности в проекте предлагалось создать институт президента, а также специальный избирательный конвент из представителей республик либо граждан страны. Одно из предложений проекта — преобразование Комитета конституционного надзора в Конституционный Суд было реализовано в октябре 1991 г. Этому органу было предоставлено право прекращать действие законов в случае признания их несоответствующими Конституции. Проект содержал также ряд конституционных решений, призванных поднять роль правосудия как одного из важнейших факторов правовой государственности, в частности закрепление принципов несменяемости судей, ответственности за попытки воздействовать на суд и за неуважение к правосудию, создание системы судов по трудовым спорам, по делам несовершеннолетних, административных и семейных судов либо специальных палат по этим вопросам при общих судах²¹.

Актуализация теоретических исследований основ конституционализма отразила российскую специфику. Как парадигмальный пример можно привести дискуссию превращения «памяти» в очень влиятельный фактор политической, культурной, национальной и конфессиональной мобилизации. Акцент был сделан на том, что у единого

¹⁸ См. подр.: *Сперанский М.М.* План государственных преобразований графа М.М. Сперанского. М., 1905. С. 359; *Долгоруков П.В.* Правда о России. Париж, 1861. С. 236; Полный сборник Платформ всех русских политических партий. СПб., 1906. С. 102.

¹⁹ См.: *Виноградова Е.В., Данилевская И.Л.* Конституция, которой не было // *Образование и право*. 2019. № 7. С. 19.

²⁰ См. подр.: *Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1945–1985 гг.)* / под общ. ред. Ю.Л. Шульженко. М., 2012.

²¹ См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцев: в 6 т. Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 гг.). С. 38–40, 101–109.

пространства СССР была и своя структурная память как системообразующий фактор, память институтов и структур, поэтому каждый, кто хотел реформировать систему, должен был решить вопрос о том, что делать с этой системной инерцией, с коннотациями, накопившимися у привычно очерченного пространства и знакомых институтов. По самой своей природе конституция как наиболее емкое и краткое описание системы должна была решать эту проблему «системной памяти»²².

И здесь проект Конституции А.Д. Сахарова содержал попытку урегулировать конфликт между революционным потенциалом «памятей» людей и инерцией «памяти» системы. Не случайно научный руководитель А.Д. Сахарова акад. И.Е. Тамм²³ утверждал, что для написания Конституции надо иметь за плечами не только жизнь и немного здравого смысла в голове, но и обязательно уважать тех, для кого она пишется, и уважать самого себя²⁴. Это уважение к истории советской страны проявилось, в частности, в том, что, предлагая название проекта — «Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии», акад. А.Д. Сахаров фиксировал преемственность с ранним советским периодом, ссылаясь на еще очень сильный в те времена авторитет В.И. Ленина²⁵. Ленин настаивал именно на таком названии на заседаниях комиссии Оргбюро ЦК, которая готовила к октябрьскому (1922 г.) Пленуму ЦК РКП(б) вопрос о взаимоотношениях РСФСР с независимыми советскими республиками²⁶.

По мнению А.Н. Яковлева²⁷, предлагаемые конституционным проектом нормы были не столько нормами права, сколько концепцией, объединяющей цели суверенной государственности с общечеловеческими²⁸. Отчасти это справедливая характеристика, вместе с тем, как показывает анализ, концепция и структура конституционного проекта А.Д. Сахарова предопределялась приоритетностью

ценностей, значимых для общества. При этом каждая из его 46 статей, выполняя свою регулятивную роль, несла и определенную нормативную нагрузку, поскольку в проекте присутствуют нормы-декларации, нормы-принципы и нормы-цели. Вначале проект формулирует «глобальные установки общества и государства»²⁹ о сохранении среды обитания, гармонизации экономического, социального и политического развития, духовной и материальной свободе, основы создания и целей Союза и др., затем устанавливает положения о правах человека, определяет статус союзных республик и их органов, регламентирует компетенцию Центрального Правительства и Съезда народных депутатов Союза, предусматривает наличие президентской системы правления и отражает вопросы организации экономики³⁰.

Конечно, проект содержал поводы для критики. Исследователями отмечалось наличие пережитков «державного» мышления в ряде статей. В частности, в статьях, определяющих правила вступления и выхода республик из Союза (ст. 16, 17), для вступления республик в Союз было определено наличие решения её законодательного органа власти, в то время как для выхода уже предлагалось проведение референдума³¹. Кстати, эти вопросы в Конституции РФ никак не урегулированы.

Критиковали и национальный раздел проекта. Так, предполагалось, что во главе Союза суверенных и равноправных республик будет стоять парламент, в котором более 50% мест будет принадлежать представителям одной республики — Российской, население которой будет играть решающую роль и при выборах Президента Союза. Подвергся критике и политический раздел, в частности, отсутствие принципов строя, который, по мысли Сахарова, должен сложиться в результате конвергенции на пути развития демократии и большего обеспечения прав человека, за счет создания синтезного строя по отношению к капитализму и социализму³².

Все это так, но спустя три с лишним десятилетия можно утверждать, что некоторые положения этого проекта и ныне сохраняют свою актуальность. Этот проект был нацелен на перспективу мирового развития, как «гуманный русский план модернизации мира». Причем предлагалось использовать не военное противостояние и экономическую

²² Герасимов И. Воспоминание о будущем // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 341, 342.

²³ Советский физик-теоретик, основатель крупной научной школы, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии по физике, Герой Социалистического Труда, лауреат двух Сталинских премий, член многих научных академий мира.

²⁴ См.: Конституционные идеи Андрея Сахарова: сб. / сост. Л.М. Баткин. М., 1990. С. 82.

²⁵ См.: Герасимов И. Указ. соч. С. 341, 342.

²⁶ См.: Иойрыш А.И. Уроки А.Д. Сахарова (государственно-политические взгляды). М., 1996. С. 55.

²⁷ Советский и российский политический деятель, депутат Верховного Совета СССР, народный депутат СССР, член Президентского Совета СССР, один из «архитекторов», идеологов перестройки, публицист, доктор исторических наук, директор Института мировой экономики и международных отношений.

²⁸ См.: Яковлев А.Н. Обращение к праву // Конституционные идеи Андрея Сахарова: сб. / сост. Л.М. Баткин. С. 72–76.

²⁹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 695.

³⁰ См.: Проект «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» // Конституционные идеи Андрея Сахарова: сб. / сост. Л.М. Баткин. С. 4–14.

³¹ См.: Белоцерковский В. О будущей конституции и проекте Сахарова // Октябрь. 1990. № 10. С. 143.

³² См.: там же. С. 142–144.

агрессию, а путь конвергенции, мирного объединения европейских и азиатских народов.

Несмотря на то что проект оставляет открытыми многие вопросы при проведении крупнейшей конституционной реформы, в частности, в нем не определена организация системы власти, предложено сохранение Советов, полагая возможным не предоставлять им статуса «политической основы» государства³³. В нем предлагается новый подход к определению места государственности в системе миропорядка, основанный на том, что начатая в апреле 1985 г. «перестройка» отражает не только противоречия внутри Советского государства, но и переход от биполярного мира.

Поэтому важным фактором необходимости коренных преобразований в стране А.Д. Сахаров считал внешние причины. Его идея о том, что «необходимо внести определенные изменения в принципы проведения международной политики, последовательно подчинив все конкретные цели и местные задачи основной задаче активного предупреждения обострения международной обстановки, активно проводить и углублять до уровня сотрудничества, планировать политику таким образом, чтобы её ближайшие и отдаленные последствия не обостряли международную обстановку, не вызывали бы ни у одной стороны таких трудностей, которые могут вызвать усиление сил реакции, милитаризма, национализма, фашизма, реваншизма»³⁴, созвучна нынешнему видению принципов, на которых должны строиться отношения между государствами. Сейчас кажутся почти наивными рассуждения о возможном сближении разных стран на основе идеи общечеловеческого стремления к всеобщему благоденствию. Но смелость манифестации идеи того, что страна готова меняться и, возможно, в чем-то уступать ради достижения мира, заслуживает того, чтобы уделить внимание ее автору.

Формирование российской конституционной идентичности уходит своими глубинными корнями в идеи сосуществования и развития на основе взаимного уважения суверенных прав народов с их традициями, культурными, философскими, правовыми конструктами собственной системы ценностей, провозглашенных в документе самого высокого для любого государства уровня — Конституции.

³³ См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990—1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцев: в 6 т. Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990—1993 гг.). С. 37.

³⁴ Сахаров А.Д. Указ. соч. С. 19, 20.

Суверенитет и независимость страны — понятия, важные для А.Д. Сахарова, который был не только талантливым физиком, но и ученым, обладающим даром предвидения с превосходно развитой интуицией. В 1953 г. И.В. Курчатов³⁵, представляя 32-летнего Сахарова в Академии наук СССР, сказал, что для обороны страны А.Д. Сахаров сделал больше, чем все здесь присутствующие³⁶. Всемирно известный ученый, выдающийся физик, внесший огромный вклад в развитие теоретической и прикладной физики, он был избран народным депутатом СССР, вошёл в состав Конституционной комиссии Съезда и разработал альтернативный проект Конституции, в котором отразил свои размышления о судьбах мира, приоритетах развития цивилизации, осознавая глобальную взаимозависимость власти и гражданского общества.

Его называли политическим идеалистом, но при этом отмечали, что он умел принимать участие в достаточно реальных политических шагах, стремился внести свой вклад в понятие «перестройка». В предложенной конституционной модели А.Д. Сахаров хотел найти способ решения ряда серьезных проблем, стоявших перед нашим государством три с лишним десятилетия назад. Поэтому полагаем весьма важным напомнить об одном из конституционных проектов XX в., который не был поддержан, но остался частью историко-правовой памяти российской государственности.

* * *

30-летие принятия Конституции РФ, которое мы отмечаем в этом году, — это не только дата появления важнейшего политико-юридического документа, ставшего, по мнению конституционалистов, системным юридическим выражением основных политических ценностей и правовым фундаментом, обеспечившим политическую целостность России³⁷. Как справедливо указывает В.Д. Зорькин, полноценная реализация правового потенциала Конституции во многом зависит от того, насколько верно будет «определен баланс между стабилизационной и обновленческой функциями Конституции. В конечном счете это вопрос о разумных и эффективных пределах, способах и формах адаптации высоких образцов

³⁵ Советский физик-ядерщик, основатель Института атомной энергии АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и четырех Сталинских премий, академик Академии наук СССР, родоначальник советского атомного проекта.

³⁶ См.: Назаров В.А. Паскаль XX столетия — Андрей Дмитриевич Сахаров: материалы IV науч.-практ. конф. «История и культура Сарова». Саров, 2002. С. 58, 59.

³⁷ См. подр.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2012. С. 1007.

современного конституционализма к очень сложным реалиям российской жизни»³⁸. Одним из таких образцов можно считать Конституцию Союза Советских Республик Европы и Азии А.Д. Сахарова, которая в ряду конституционных проектов разных периодов российской государственности, предлагаемых отечественными государственными деятелями, просветителями, мыслителями и учеными, составляет правовое и культурное наследие нашего государства. Её автор, ученый с мировым именем, исходил из того, что в международной политике должны присутствовать научная методология и демократический дух, стремление к бесстрашному учету всех фактов, взглядов и теорий, максимальная гласность и принципиальная последовательность точно сформулированных стратегических и тактических целей. По его мнению, наука с ее последовательностью и объективностью может способствовать объединению человечества, именно это свойство бесконечно противоречивой науки является главным³⁹. Эти подходы остаются актуальными в любую эпоху, в любом обществе. Для нашей страны они часть отечественного конституционного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферов В.А. Первый Съезд народных депутатов в зеркале социологии // Научный коммунизм. 1990. № 1. С. 62–71.
2. Белоцерковский В. О будущей конституции и проекте Сахарова // Октябрь. 1990. № 10. С. 142–144.
3. Виноградова Е.В., Данилевская И.Л. Конституция, которой не было // Образование и право. 2019. № 7. С. 19.
4. Герасимов И. Воспоминание о будущем // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 341, 342.
5. Долгоруков П.В. Правда о России. Париж, 1861. С. 236.
6. Зорькин В.Д. Конституция – правовой вектор развития России // Конституция Российской Федерации: к 25-летию принятия Основного Закона. Текст. Комментарии. Алфавитно-предметный указатель. М., 2018. С. 67.
7. Зорькин В.Д. Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2018. № 12. С. 5–17.
8. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 57.
9. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 гг.). М., 2009. С. 35–40, 101–109.
10. Иойрыш А.И. Уроки А.Д. Сахарова (государственно-политические взгляды). М., 1996. С. 55.
11. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2012. С. 1007.
12. Конституционные идеи Андрея Сахарова: сб. / сост. Л.М. Баткин. М., 1990. С. 82.
13. Кьеза Д. Переход к демократии / пер. с итал. М., 1993. С. 77, 97.
14. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 695.
15. Назаров В.А. Паскаль XX столетия – Андрей Дмитриевич Сахаров: материалы IV науч.-практ. конф. «История и культура Сарова». Саров, 2002. С. 58, 59.
16. Полный сборник Платформ всех русских политических партий. СПб., 1906. С. 102.
17. Проект «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» // Конституционные идеи Андрея Сахарова: сб. / сост. Л.М. Баткин. М., 1990. С. 4–14.
18. Сахаров А.Д. Лионская лекция. 27 сентября 1989 г. // Сахаров А.Д. Тревога и надежда: статьи, письма, выступления, интервью: в 2 т. / сост. Е. Боннэр. Т. 2: 1986–1989 (после возвращения из горьковской ссылки). М., 2006. С. 632, 633.
19. Сахаров А.Д. Тревога и надежда / сост. Е. Боннэр. 2-е изд. М., 1991. С. 19, 20.
20. Сиянов В.Н. Политические лидеры и традиционное общество // Парламентаризм в России: проблемы и перспективы: сб. ст. / под ред. М.В. Ходякова. СПб., 2006. С. 249–257.
21. Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1945–1985 гг.) / под общ. ред. Ю.Л. Шульженко. М., 2012.
22. Сперанский М.М. План государственных преобразований графа М.М. Сперанского. М., 1905. С. 359.
23. Тарасова Е.А. Депутатские группы Съезда народных депутатов РСФСР – РФ в 1990–1993 гг. // Парламентаризм в России: проблемы и перспективы: сб. ст. / под ред. М.В. Ходякова. СПб., 2006. С. 269–278.
24. Яковлев А.Н. Обращение к праву // Конституционные идеи Андрея Сахарова: сб. / сост. Л.М. Баткин. М., 1990.

REFERENCES

1. Alferov V.A. The First Congress of People's Deputies in the mirror of sociology // Scientific Communism. 1990. No. 1. P. 62–71 (in Russ.).
2. Belotserkovsky V. About the future constitution and Sakharov's project // October. 1990. No. 10. P. 142–144 (in Russ.).
3. Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L. Constitution, which was not // Education and Law. 2019. No. 7. P. 19 (in Russ.).

³⁸ Зорькин В.Д. Конституция – правовой вектор развития России // Конституция Российской Федерации: к 25-летию принятия Основного Закона. Текст. Комментарии. Алфавитно-предметный указатель. М., 2018. С. 67.

³⁹ См.: Сахаров А.Д. Лионская лекция. 27 сентября 1989 г. // Сахаров А.Д. Тревога и надежда: статьи, письма, выступления, интервью: в 2 т. / сост. Е. Боннэр. Т. 2: 1986–1989 (после возвращения из горьковской ссылки). М., 2006. С. 632, 633.

4. *Gerasimov I.* Remembrance of the future // *Ab Imperio*. 2004. No. 4. P. 341, 342 (in Russ.).
5. *Dolgorukov P.V.* The Truth about Russia. Paris, 1861. P. 236 (in Russ.).
6. *Zorkin V.D.* The Constitution – the legal vector of development of Russia // *Constitution of the Russian Federation: to the 25th anniversary of the adoption of the Basic Law. Text. Comments. Alphabetically-subject index*. M., 2018. P. 67 (in Russ.).
7. *Zorkin V.D.* The Constitution of the Russian Federation – the legal basis for the integration of Russian society // *State and Law*. 2018. No. 12. P. 5–17 (in Russ.).
8. *Zorkin V.D.* Russia and the Constitution of the XXI century. M., 2008. P. 57 (in Russ.).
9. From the history of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993) / under the general editorship of O.G. Rummyantsev. Vol. 5: Alternative drafts of the Constitution of the Russian Federation (1990–1993). M., 2009. P. 35–40, 101–109 (in Russ.).
10. *Ioyrysh A.I.* Lessons of A.D. Sakharov (state-political views). M., 1996. P. 55 (in Russ.).
11. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. by V.D. Zorkin. M., 2012. P. 1007 (in Russ.).
12. Constitutional ideas of Andrei Sakharov: collection / comp. L.M. Batkin. M., 1990. P. 82 (in Russ.).
13. *K'eza D.* Transition to democracy / transl. from Italian. M., 1993. P. 77, 97 (in Russ.).
14. *Maltsev G.V.* Social foundations of law. M., 2011. P. 695 (in Russ.).
15. *Nazarov V.A.* Pascal of the XX century – Andrey Dmitrievich Sakharov: materials of the IV Scientific and Practical Conf. “History and culture of Sarov”. Sarov, 2002. P. 58, 59 (in Russ.).
16. The complete collection of Platforms of all Russian political parties. St. Petersburg. 1906. P. 102 (in Russ.).
17. Draft “Constitution of the Union of Soviet Republics of Europe and Asia” // *Constitutional ideas of Andrey Sakharov: collection / comp. L.M. Batkin. M., 1990. P. 4–14 (in Russ.).*
18. *Sakharov A.D.* Lyon lecture. September 27, 1989 // *Sakharov A.D. Anxiety and hope: articles, letters, speeches, interviews: in 2 vols / comp. E. Bonner. Vol. 2: 1986–1989 (after returning from Gorky exile). M., 2006. P. 632, 633 (in Russ.).*
19. *Sakharov A.D.* Anxiety and hope / comp. E. Bonner. 2nd ed. M., 1991. P. 19, 20 (in Russ.).
20. *Siyanov V.N.* Political leaders and traditional society // *Parliamentarism in Russia: problems and prospects: collection of articles / ed. by M.V. Khodyakov. SPb., 2006. P. 249–257 (in Russ.).*
21. The Soviet state system: realities, projects, ideas, disputes (1945–1985) / under the general editorship of Yu.L. Shulzhenko. M., 2012 (in Russ.).
22. *Speransky M.M.* Plan of state transformations of Count M.M. Speransky. M., 1905. P. 359 (in Russ.).
23. *Tarasova E.A.* Deputy groups of the Congress of People’s Deputies of the RSFSR – RF in 1990–1993 // *Parliamentarism in Russia: problems and prospects: collection of articles / ed. by M.V. Khodyakov. SPb., 2006. P. 269–278 (in Russ.).*
24. *Yakovlev A.N.* Appeal to the law // *Constitutional ideas of Andrey Sakharov: collection / comp. L.M. Batkin. M., 1990 (in Russ.).*

Сведения об авторах

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, врио первого заместителя директора Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 8022-0021
ORCID: 0000-0002-3568-9042

ДАНИЛЕВСКАЯ Инна Леонидовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 6990-8150

Authors' information

VINOGRADOVA Elena V. – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Acting First Deputy Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

DANILEVSKAYA Inna L. – PhD in Law, Senior Researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

© 2023 г. Г. Г. Акобян^{1, 2, *}, Р. Х. Акобян^{1, **}

¹Гаварский государственный университет, Республика Армения

²Академия государственного управления Республики Армения, г. Ереван

*E-mail: hranush.hranti@gmail.com

**E-mail: ruzanna.hakobyan@mail.ru

Поступила в редакцию 30.03.2022 г.

Аннотация Статья посвящена эволюции формы правления в процессе государственно-конституционного строительства Республики Армения, разделения ветвей государственной власти при различных формах правления, обеспечения баланса между ними, механизма «сдержек и противовесов», а также вопросам полномочий государственных институтов, их взаимоотношений и взаимоконтроля. Теоретическую основу настоящей статьи составили научные труды, посвященные формам правления государства.

Нормативно-правовую основу исследования составили Конституция РА 1995 г. и конституционные изменения 2005, 2015 гг., а также Конституция РФ 1993 г. и конституции других государств. Применяя как общие исследовательские методы изучения темы (исторический, аналитический), так и специальные юридические методы (системно-структурный, сравнительно-правовой), были проанализированы конституционное законодательство Республики Армения и 30-летний опыт государственного правления, в результате которого выявлены существующие теоретические и практические проблемы, сформулированы выводы.

Ключевые слова: Конституция, конституционные реформы, форма правления, президент, парламент, правительство, премьер-министр.

Цитирование: Акобян Г.Г., Акобян Р.Х. Эволюция формы правления Республики Армения // Государство и право. 2023. № 3. С. 146–152.

DOI: 10.31857/S102694520024780-9

EVOLUTION OF THE FORM OF GOVERNANCE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

© 2023 Н. Н. Hakobyan^{1, 2, *}, R. H. Hakobyan^{1, **}

¹Gavar State University, Republic of Armenia

²Academy of State Administration of the Republic of Armenia

*E-mail: hranush.hranti@gmail.com

**E-mail: ruzanna.hakobyan@mail.ru

Received 30.03.2022

Abstract. The article relates to the evolution of the form of governance in the process of state and constitutional construction of the Republic of Armenia, the mechanisms of separation of branches of state power under different forms of governance, the mechanisms of ensuring balance, restraints and counterbalances, the powers of state institutions, their relations, as well as issues of mutual control.

The theoretical basis of the article is the scientific works dedicated to the forms of mutual control.

The normative-legal basis of the study is the Constitution of the Republic of Armenia of 1995 and the constitutional amendments of 2005 and 2015, as well as the Constitution of the Russian Federation and constitutions other states. Using both the general research methods (historical, analytical) and special legal methods (systemic-structural, comparative legal) to study the topic, the authors analyzed the constitutional

legislation of the Republic of Armenia and the experience of public administration of the last thirty years, identified the existing theoretical and practical problems, conclusions are formulated.

Key words: Constitution, constitutional reforms, form of governance, President, Parliament, Government, Prime Minister.

For citation: *Hakobyan, H.H., Hakobyan, R.H. (2023). Evolution of the form of governance of the Republic of Armenia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 146–152.*

В конституционной характеристике государства особое значение имеет форма правления, определяющая, по сути, полномочия конституционных органов, порядок их формирования, взаимоотношения, статус главы государства, функционирование демократических институтов.

В современном мире существует множество форм правления. Так, в некоторых странах (Катар, Оман) до сих пор сохраняется абсолютная монархия. Типом абсолютной монархии является также теократическая монархия (Ватикан, Саудовская Аравия). Есть государства, форму государственного правления которых можно охарактеризовать как дуалистическую монархию (например, Бахрейн, Бутан, Иордания, Кувейт, Лихтенштейн, Монако, Марокко)¹.

Ряд современных монархий имеют определенные элементы республиканского правления. Такая нетипичная система правления существует в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), Малайзии, имеющих федеративное государственное устройство. Некоторые субъекты в этих федерациях являются наследственными монархиями (7 эмиратов ОАЭ, 9 из 13 штатов Малайзии). При этом определен срок полномочий главы государства (пять лет в обоих государствах). По истечении этого периода избирается новый монарх².

Однако наиболее распространенными формами правления являются президентские (США, страны Латинской Америки), полупрезидентские республики (Российская Федерация, Франция, Литва, Грузия, Польша, Румыния). Ряд ученых утверждают, что для Российской Федерации наиболее приемлема форма президентского правления. Так, по мнению В.Д. Зорькина, для Российской Федерации более предпочтительна президентская форма государственного правления, так как эта форма обладает более высоким уровнем устойчивости и гибкости³.

Описывая государственную форму правления, М.А. Краснов также считает, что в Российской Федерации предпочтительнее президентская власть⁴. Возможно, для федеративных государств, также исходя из опыта, такая точка зрения ученых более приемлема.

Парламентская форма правления существует в Италии, Чехии, Дании, Норвегии, ФРГ, Армении и других государствах.

По результатам референдума, проведенного 21 сентября 1991 г., была провозглашена Республика Армения, которая до принятия Конституции РА 1995 г. действовала в соответствии с законодательством Армянской ССР на основании

принципов Декларации о независимости Армении, принятой в 1990 г.

Конституция РА закрепила основы конституционного строя, принципы взаимоотношений человека и общества, основные права и свободы человека, статус конституционных органов, порядок их формирования, функции, механизмы разделения и взаимоотношения властей. В ст. 1 Конституции РА была закреплена цель построения суверенного, демократического, социального и правового государства.

В результате общественно-политического развития в 2005 и 2015 гг. были приняты конституционные изменения, направленные на углубление демократических процессов, четкое разделение властей, исключение чрезмерной централизации власти и установление реального контроля и подотчетности деятельности всех органов власти. На основе этих принципов серьезные изменения претерпела государственная форма правления: от полупрезидентской (1995–2005 гг., сохранив полномочия президента до апреля 2008 г.) к полупарламентской (2005–2015 гг., сохранив полномочия президента до апреля 2018 г.), а затем к парламентской форме правления. Фактически за 30 лет система государственного правления Армении претерпела существенные изменения, что, на наш взгляд, не оправдано

В системе управления государством ключевыми вопросами являются взаимоотношения «президент – правительство – парламент», а также перед кем в конце концов подотчетно правительство, кем назначается премьер-министр, какие рычаги воздействия имеет парламент в отношении правительства, какие механизмы «сдержек и противовесов» действуют.

Институт главы государства существует в государствах как с президентской и парламентской, так и со смешанной парламентско-президентской формой правления, но с разными полномочиями и порядком избрания.

В президентских и полупрезидентских формах правления институт президента в основном входит в состав исполнительной власти, тогда как в парламентских республиках институциональный статус президента в системе органов государственной власти не воспринимается однозначно⁵. Мы согласны с тем, что в мире нет двух государств, органы управления которых имели бы абсолютно одинаковую организацию⁶. В Финляндии (ст. 4 Конституции), Греции (ст. 26 Конституции), Исландии (ст. 2 Конституции) президент участвует в осуществлении исполнительной власти. Как правило, президент призван обеспечивать стабильное функционирование государственной власти, соблюдать

¹ См.: Степанян В., Степанян А., Кесоян А. Актуальные проблемы парламентской формы правления (на армян. яз.). Ереван, 2020. С. 22.

² См.: Чиркин В.Е. Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право. 1994. № 1. С. 109.

³ См.: Зорькин В.Д. О президенте и конституционном строе РФ // Конституционный вестник. 1990. № 2. С. 50.

⁴ См.: Краснов М.А. Россия как полупрезидентская республика: проблема баланса полномочий // Государство и право. 2003. № 10. С. 23.

⁵ См.: Половченко К.А. Особенности правового статуса президента в системе органов государственной власти Республики Сербия // Право и управление. XXI век. 2015. № 2 (35).

⁶ См.: Арутюнян Г., Баглай М. Конституционное право: энциклопедический словарь. М., 2006. С. 514.

конституционный порядок, представлять государство в международных отношениях и т.д. В республиках, имеющих парламентскую форму правления (ФРГ, Италия, Латвия, а также Республика Армения), функции президента ограничены⁷. В парламентских республиках президент как символ государства в основном представляет страну в международных отношениях, однако практически не участвует в осуществлении полномочий управления государством. Государства Восточной Европы с полупрезидентской формой правления разделены на две группы в зависимости от полномочий президента республики в сфере исполнительной власти. В первую подгруппу, имеющую «парламентско-президентскую» форму правления, входят Литва, Польша, Румыния, Сербия, Хорватия и т.д., а во вторую — с «президентско-парламентской» формой правления входят государства — члены СНГ: Российская Федерация⁸, Украина, Беларусь, а в недавнем прошлом и Армения⁹.

Мы согласны с И.А. Ильиным, который отмечает, что «каждый народ и каждая страна есть живая сущность, со своими уникальными особенностями, своей неповторимой историей, своим темпераментом... Вот почему каждый народ стремится добиться своего индивидуального правления и своей конституции, который соответствует только самому себе»¹⁰.

Поэтому в современных условиях сравнительный анализ форм правления государств позволяет высказать суждение о том, что не стоит искать идеальную модель правления, критиковать или оправдывать недостатки разных форм правления, а выбрать систему правления в соответствии с конкретным государством, конкретными историческими и политическими условиями¹¹.

Конституция РА 1995 г. ввела полупрезидентскую систему правления, в которой президент руководил всеми ветвями власти и отвечал за обеспечение их нормального функционирования, поддержание конституционного порядка государства, территориальной целостности и безопасности, а также представлял государство в международных отношениях.

Осуществляя общее руководство внутренней и внешней политикой государства, он являлся главой исполнительной власти, созывал и вел заседания правительства, подписывал решения, а премьер-министр мог созвать заседание правительства только по поручению президента.

До 2005 г. президент РА мог по своему усмотрению назначать и освобождать от должности премьер-министра (п. 4 ст. 55) и членов правительства. Однако жизнь показала цену этой «свободы».

В Армении в течение 1990–2000 гг. были заменены 10 премьер-министров, что предопределило нестабильность в стране и отрицательно сказалось на государственных

учреждениях. В условиях полупрезидентской формы правления наиболее неприемлемой была та конституционная модель, согласно которой президент «может распустить Национальное собрание и назначить досрочные выборы после консультаций с председателем Национального собрания и премьер-министром» (п. 3 ст. 55). То есть понятие «консультроваться», закрепленное в Конституции РА, не влекло правовых последствий, не содержало в себе какой-либо обязывающей, запрещающей или ограничивающей нормы, и даже если председатель Национального собрания не давал своего согласия, то это не служило основанием для роспуска парламента. Эта возможность досрочного прекращения полномочий НС создавала дисбаланс между двумя ветвями власти, особенно, если учесть, что обе имели первичный мандат.

Гарантиями обеспечения стабильности, установления демократии и развития парламентаризма в государстве являются нормальное функционирование государственных институтов в рамках их полномочий, надлежащее использование механизмов «сдержек и противовесов» и обеспечение принципа законности. Президент Армении имел полномочия, связанные даже с организацией работы отдельного института власти — законодательного органа. Президент созывал внеочередную сессию Национального собрания по инициативе не менее $\frac{1}{3}$ от общего числа депутатов или правительства (ст. 70). Президент также играл существенную роль и в деле формирования судебной власти. Совет правосудия (ст. 94) возглавлял Президент РА, который назначал 14 членов состава Совета. Он отзывал и назначал судей по предложенному списку кандидатов. В то же время президент назначал четырех членов, а также председателя Конституционного суда, в случае неизбрания председателя Конституционного суда Национальным собранием. В его полномочия входило также назначение Генерального прокурора РА, его заместителей и т.д.

Фактически президент был свободен в своих действиях и мог без каких-либо оснований распустить наделенное первичным демократическим мандатом Национальное собрание. Не обсуждая другие полномочия, возложенные на президента, можем заключить, что он был фактическим «владельцем» всех ветвей власти и мог бы при любых обстоятельствах беспрепятственно прекратить деятельность органов законодательной и исполнительной власти.

Конституционные изменения 2005 г. ограничили роль президента: статус президента был определен в ст. 49 Конституции РА, согласно которой президент является главой государства (подобная норма существует в конституциях Российской Федерации¹², Франции, Чехии и других государств) и гарантом нормального функционирования всех ветвей власти. Поправки в Конституцию РА привели не только к существенному ограничению полномочий президента, но и, соответственно, к значительному расширению полномочий парламента, к изменению формы правления от полупрезидентской к полупарламентской. Изменились порядок формирования органов государственной власти, их полномочия, конституционная ответственность. Так, президент не имел полномочий назначать и освобождать от должности премьер-министра и назначал его только после согласования с парламентским большинством НС (п. 4 ст. 55), по предложению же премьер-министра назначал министров. Таким образом, прежде всего правительство несло политическую ответственность перед Национальным собранием, а назначение премьер-министра больше не

⁷ Хотя в парламентских республиках полномочия президента ограничены, однако в некоторых государствах президент может распустить парламент (Словакия, Латвия), а также в установленном порядке возглавляет вооруженные силы, назначает главу вооруженных сил (Македония, Греция, Болгария, Армения), подписывает международные договоры (Словакия, Армения), имеет право на вето (Сербия, Словакия, Эстония), оспаривает закон в Конституционном суде (Хорватия, Армения).

⁸ О конституционном строе Российской Федерации см.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2001.

⁹ См.: Погосян В., Товмасян Г. Проект конституционных изменений Республики Армения: краткие пояснения (на армян. яз.). Ереван, 2005. С. 72.

¹⁰ Ильин И.А. Почему мы верим в Россию // Ильин И.А. Соч. М., 2006. С. 14–21.

¹¹ См.: Степанян В., Степанян А., Кесоян А. Указ. соч. С. 37.

¹² О Конституции Российской Федерации см.: Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000.

решалось волей президента. Премьер-министр пользовался доверием и защитой парламентского большинства. Важно отметить, что исполнительная власть стала независимой от президента, который больше не созывал и не председательствовал на заседаниях правительства, за исключением вопросов обороны и внешней политики государства.

В тех странах, где президент и парламент имеют совместные полномочия по назначению премьер-министра, законодательные и исполнительные органы власти несут взаимную конституционную и политическую ответственность¹³, и их сотрудничество несет более системный характер, как, например, в Российской Федерации.

Конституции большинства государств с развитой государственно-правовой системой содержат условия, согласно которым только президент имеет право распустить парламент. Поправки в Конституцию РА 2005 г. исключили абсолютное полномочие президента на роспуск парламента без каких-либо оснований. Президент РА имел право распустить Национальное собрание по предложению председателя НС или премьер-министра, если: а) Национальное собрание два раза подряд в течение двух месяцев не одобряет программу правительства; б) Национальное собрание в течение трех месяцев очередной сессии не принимает решения по проекту закона, признанного постановлением правительства неотложным; в) в течение очередной сессии более трех месяцев не созывает заседания парламента; г) в течение очередной сессии более трех месяцев Национальное собрание не принимает какого-либо решения по обсуждаемым им вопросам (п. 3 ст. 55, ст. 74.1).

В то же время был запрещен роспуск Национального собрания в период военного или чрезвычайного положения, а также тогда, когда был возбужден вопрос об отрешении от должности президента (ст. 63). Полномочия президента были ограничены и в сфере судебной власти: отныне он не был председателем Совета Правосудия (заседания созывались председателем Кассационного суда), генеральный прокурор назначался и освобождался от должности Национальным собранием по предложению президента. Вышеуказанные формы правления существенно повлияли на взаимоотношения и полномочия парламента, правительства, президента. При полупрезидентской форме правления Конституция РА была ориентирована на власть, а у президента были «сверхполномочия». Полупарламентская форма правления, хотя и ограничивала полномочия президента, в частности, в вопросах роспуска Национального собрания, назначения премьер-министра, тем не менее она содержала в себе некоторые «неопределенности», так, если:

1) парламентское большинство от партии президента, то власть вновь сосредотачивается в руках президента;

2) президент не имеет политического большинства в парламенте: а) не исключено, что политическое большинство может противостоять главе государства, что, очевидно, будет препятствовать развитию государства; б) президент, избираемый народом, не может выполнять свою предвыборную программу, поскольку она полностью зависит от парламентского большинства; в) возникает вопрос, в таком случае, в условиях президентско-парламентского противостояния, какую политическую программу следует осуществлять, как же проводить внешнюю политику и обеспечивать безопасность, оборону и территориальную целостность государства;

3) отсутствие парламентского большинства также усложняет работу президента и правительства. Сформированная политическая коалиция может распасться. В форме полупарламентского правления президент силен не только конституционными полномочиями, но и парламентским большинством;

4) не были предусмотрены механизмы для контроля президента в смешанных формах правления, он не был субъектом политической и конституционной ответственности, не был подотчетен даже народу;

5) в случае небольшой разницы голосов избранного и проигравшего кандидатов в президенты, общество делится на две части, возрастает опасность социальной конфронтации и уменьшается толерантность.

Чтобы исключить подобные «неопределенности», конституционная реформа 2015 г. совершила переход к парламентской форме правления, коренным образом изменив систему управления страной, сформировав законодательный орган с широкими полномочиями и президентский институт с весьма ограниченными полномочиями...

Согласно Конституции РА президент как глава государства: имеет функцию следить за соблюдением Конституции (однако не предусмотрено, каким образом президент должен обеспечить соблюдение Конституции); не имеет первичного мандата, избирается парламентом, а не народом; может быть избран президентом Республики только один раз сроком на семь лет, что обеспечивает стабильность, а деятельность президента не обуславливается волей парламентского большинства; в ходе осуществления своих полномочий не может являться членом какой-либо партии, что может позволить ему взять на себя роль независимого арбитра; президент не может занимать какую-либо иную должность, заниматься предпринимательской деятельностью, выполнять иную оплачиваемую работу (ст. 123, 124); президентом может быть избрано лицо, достигшее сорока лет, последние шесть лет являющееся гражданином Республики Армения, последние шесть лет постоянно проживающее в Республике Армения, обладающее избирательным правом и владеющее армянским языком; президент имеет протокольные и представительские (репрезентативные) функции.

Беспартийный статус президента гарантирует нейтралитет в отношениях с органами государственной власти. Таким образом, ему отводится роль «арбитра». Он играет важную роль во время политических кризисов. Так, президент Латвии в соответствии со ст. 48 Конституции в таких ситуациях может предложить распустить парламент и назначить референдум. Президенты Румынии (ст. 80 Конституции Румынии) и Греции (ст. 37 Конституции Греции) тоже имеют политическую роль в случае конституционной нестабильности и конфронтации между государственными органами. Однако в Конституции РА такие полномочия не закреплены за президентом.

Президент РА больше не назначает премьер-министра, поскольку последний избирается парламентом, а также назначается после парламентских выборов по представлению парламентского большинства.

Согласно ст. 149 Конституции РА президент должен безотлагательно назначить премьер-министром кандидата, представленного парламентским большинством, сформированным в порядке, установленном ст. 89 Конституции РА. В результате конституционных реформ 2015 г. ни один субъект не может распустить парламент Республики

¹³ См. об этом подр.: Акобян Р.Х. Проблемы конституционной ответственности (на армян. яз.). Ереван, 2008. С. 516.

Армения. Только вследствие непосредственного применения конституционных норм Национальное собрание может быть распущено в следующих случаях, если: 1) Национальное собрание не избирает премьер-министра дважды подряд в соответствии с п. 3 ст. 149 Конституции РА; 2) Национальное собрание дважды не утверждает программу правительства (п. 3 ст. 151)¹⁴.

Конституция РА наделила Национальное собрание функциями контроля за деятельностью *исполнительной власти* (утверждение программы правительства, выборы премьер-министра, утверждение и контроль государственного бюджета, запросы депутатов правительству, запросы депутатских фракций, назначение на ключевые должности, образование комиссии по расследованию, обсуждение актуальных вопросов, представления годового отчета правительства и другие институты) (ст. 108, 111–115, 151, 157).

В парламентской системе правления государства и правительство, и премьер-министр подотчетны Национальному собранию. Между государственными органами нет институциональных противоречий, когда есть парламентское большинство. «Борьба» происходит главным образом между парламентским большинством и меньшинством.

В Республике Армения расширены права парламентского меньшинства в вопросах занятия парламентских должностей (заместитель председателя Национального собрания, председатели комиссии), законодательной инициативы, создания комиссии по расследованию и др. Большинство назначений на должности не может быть осуществлено без участия меньшинства, так как необходимо согласие $\frac{3}{4}$ депутатов (президентские выборы в парламенте¹⁵), $\frac{3}{5}$ депутатов (Генеральный прокурор, Председатель и члены Счетной палаты, Центральной избирательной комиссии, Защитник прав человека, Председатель Центрального банка и другие члены Совета ЦБ, судебные органы и т.д.).

Важной особенностью парламентской формы правления является коллегиальное управление. Создание Совета Национального собрания Конституцией РА обеспечивает эффективный механизм предотвращения единогласного решения важных вопросов председателем Национального собрания.

При парламентской форме правления премьер-министр наделен широкими полномочиями, некоторые из которых были предусмотрены для президента в полупарламентской системе.

Здесь существенно то обстоятельство, что в отличие от президента (в полупарламентской системе) премьер-министр подотчетен перед Национальным собранием. Конституция РА определяет порядок назначения и избрания премьер-министра. После общенациональных выборов парламентское большинство или коалиция предлагает президенту назначить премьер-министром своего кандидата, которому нельзя представить вотум недоверия в течение года, а также во время военного и чрезвычайного положения. В случае

отставки премьер-министра или в других случаях вакансии премьер-министра, согласно п. 2 ст. 149 Конституции РА, каждая фракция имеет право выдвинуть кандидата на пост премьер-министра в течение семи дней. Считается избранным тот кандидат, за которого проголосовало более половины депутатов. В случае неизбрания премьер-министра через семь дней после голосования проводятся новые выборы премьер-министра, в которых имеют право участвовать кандидаты, выдвинутые не менее чем одной третью депутатов¹⁶. В соответствии со ст. 115 Конституции РА проект решения Национального собрания о вотуме недоверия премьер-министру может быть внесен не менее чем $\frac{1}{3}$ от общего числа депутатов только в том случае, если в проекте решения одновременно предлагается кандидатура нового премьер-министра. Таким образом, по примеру ФРГ в Республике Армения предусмотрен конструктивный вотум недоверия. Законодательный орган может выразить вотум недоверия премьер-министру исходя из политических, социальных, экономических и других причин, а президент был неконтролируем и до конца срока незаменим, если только не был привлечен к конституционной ответственности за тяжкое преступление или государственную измену.

По Конституции РА президент практически не участвует в формировании судебной власти. Согласно ст. 166 Конституции РА:

1. Судей Конституционного суда избирает Национальное собрание не менее чем $\frac{3}{5}$ голосов от общего числа депутатов сроком на 12 лет. Конституционный суд состоит из девяти судей, троих из которых выдвигает президент Республики, троих — правительство, троих отбирают по предложению Общего собрания судей.

2. Конституционный суд из своего состава избирает сроком на шесть лет председателя и вице-председателя Конституционного суда без права переизбрания.

3. Председателя Кассационного суда по предложению Высшего судебного совета из состава Кассационного суда избирает Национальное собрание большинством голосов от общего числа депутатов сроком на шесть лет. Одно и то же лицо может быть избрано председателем Кассационного суда только один раз.

4. Судей судов первой инстанции и апелляционных судов назначает президент Республики по предложению Высшего судебного совета.

5. Председателей судов первой инстанции и апелляционных судов по предложению Высшего судебного совета из состава соответствующего суда назначает президент Республики сроком на три года.

Из вышесказанного следует, что при парламентской форме правления формирование судебной системы в основном осуществляется парламентом.

Таким образом, анализ показывает, что в соответствии с измененной Конституцией РА основные полномочия президента были возложены на Национальное собрание и премьер-министра. Перераспределение полномочий между Национальным собранием, правительством и президентом

¹⁴ В Сербии (ст. 109 Конституции Сербии), в Молдове (ст. 85 Конституции Молдовы), в Словакии (ст. 102 Конституции Словакии) парламент распускается, если не избирает премьер-министра, не формирует правительство или не может принять решение. В Черногории парламент распускается, если не осуществляет свои конституционные полномочия, а в Греции парламент может быть распущен, если ему не удастся обеспечить стабильность правительства.

¹⁵ В некоторых парламентских республиках президент избирается непосредственно народом (Ирландия, Словения, Сербия, Молдова, Финляндия) или со стороны двух палат парламента совместно с региональными представителями (Италия, Германия).

¹⁶ В Албании (ст. 96 Конституции Албании), в Словакии (ст. 110 Конституции Словакии) премьер-министр назначается президентом республики по предложению парламентского большинства. В большинстве стран парламент избирает премьер-министра, но, например, в Сербии (ст. 127 Конституции Сербии), в Молдове (ст. 98 Конституции Молдовы) парламент участвует в формировании правительства и должен утвердить его состав.

несколько сместило вектор в пользу взаимодействия между Национальным собранием и правительством. Возросла роль Конституционного суда в обеспечении баланса между полномочиями трех ветвей власти.

Практика показывает, что все формы правления государства имеют свои преимущества и недостатки, поэтому однозначно не можем считать приемлемой одну форму и исключать другую. Однако полагаем, что парламентское управление больше подходит для стран с развитыми демократическими институтами. В течение последних четырех лет форма парламентского правления в Республике Армения создала конституционные «пробелы». В связи с этим в Армении уже создана комиссия по реформированию Конституции РА. По нашему мнению, конституционная реформа должна способствовать укреплению института президента в плане полномочий (по примеру Чехии, Австрии), пересмотру некоторых полномочий премьер-министра (реорганизация полиции и служб национальной безопасности в министерства), совершенствованию действующих механизмов формирования судебной власти и осуществления парламентского контроля через увеличение прав парламентского меньшинства (считаем целесообразным полномочия по формированию Счетной палаты возлагать на парламентскую оппозицию), обеспечению относительной независимости ветвей власти, положительно влияя на формирование парламентской культуры, процесс развития парламентаризма¹⁷, деятельность парламентского большинства и меньшинства и т.д.

* * *

Таким образом, государственно-конституционное строительство в Республике Армения закономерно сопровождалось изменениями формы правления, направленными на развитие демократических институтов, претворение в жизнь принципов правового государства. Однако следует отметить, что на этом поиски модели государственного управления не закончились.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000.
2. Акобян Г.Г. Парламент и парламентаризм в Республике Армения (на армян. яз.). Ереван, 2007. С. 708.
3. Акобян Р.Х. Проблемы конституционной ответственности (на армян. яз.). Ереван, 2008. С. 516.
4. Арутюнян Г., Баглай М. Конституционное право: энциклопедический словарь. М., 2006. С. 514.
5. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2001.

6. Зорькин В.Д. О президенте и конституционном строе РФ // Конституционный вестник. 1990. № 2. С. 50.
7. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию // Ильин И.А. Соч. М., 2006. С. 14–21.
8. Краснов М.А. Россия как полупрезидентская республика: проблема баланса полномочий // Государство и право. 2003. № 10. С. 23.
9. Логосян В., Товмасыан Г. Проект конституционных изменений Республики Армения: краткие пояснения (на армян. яз.). Ереван, 2005. С. 72.
10. Половченко К.А. Особенности правового статуса президента в системе органов государственной власти Республики Сербия // Право и управление. XXI век. 2015. № 2 (35).
11. Степанян В., Степанян А., Кесоян А. Актуальные проблемы парламентской формы правления (на армян. яз.). Ереван, 2020. С. 22, 37.
12. Чиркин В.Е. Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право. 1994. № 1. С. 109.

REFERENCES

1. Avakian S.A. The Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. M., 2000 (in Russ.).
2. Hakobyan H.H. Parliament and Parliamentarism in the Republic of Armenia (in Armenian). Yerevan, 2007. P. 708.
3. Hakobyan R.H. Problems of constitutional responsibility (in Armenian). Yerevan, 2008. P. 516.
4. Harutyunyan G., Baglay M. Constitutional Law: Encyclopedic dictionary. M., 2006. P. 514 (in Russ.).
5. Baglay M.V. Constitutional Law of the Russian Federation. M., 2001 (in Russ.).
6. Zor'kin V.D. On the President and the constitutional system of the Russian Federation // Constitutional Bulletin. 1990. No. 2. P. 50 (in Russ.).
7. Ilyin I.A. Why we believe in Russia // Ilyin I.A. Essays. M., 2006. P. 14–21 (in Russ.).
8. Krasnov M.A. Russia as a semi-presidential republic: the problem of the balance of powers // State and Law. 2003. No. 10. P. 23 (in Russ.).
9. Poghosyan V., Tovmasyan G. Draft Constitutional amendments of the Republic of Armenia: brief explanations (in Armenian). Yerevan, 2005. P. 72.
10. Polovchenko K.A. Features of the legal status of the President in the system of state authorities of the Republic of Serbia // Law and management. XXI century. 2015. No. 2 (35) (in Russ.).
11. Stepanyan V., Stepanyan A., Kesoyan A. Actual problems of the parliamentary form of government (in Armenian). Yerevan, 2020. P. 22, 37.
12. Chirkin V.E. Atypical forms of government in a modern state // State and Law. 1994. No. 1. P. 109 (in Russ.).

¹⁷ См. о парламентаризме подр.: Акобян Г.Г. Парламент и парламентаризм в Республике Армения (на армян. яз.). Ереван, 2007. С. 708.

Сведения об авторах**АКОБЯН Грануш Грантовна —**

доктор юридических наук, профессор,
преподаватель Гаварского государственного
университета; 1201 Республика Армения,
г. Гавар, ул. Гранта Акобяна, д. 1; преподаватель
Академии государственного управления
Республики Армения; 0028 Республика
Армения, г. Ереван, ул. Киевян, д. 8

АКОБЯН Рузанна Хачиковна —

доктор юридических наук, доцент, ректор
Гаварского государственного университета;
1201 Республика Армения, г. Гавар,
ул. Гранта Акобяна, д. 1

Authors' information**НАКОБЯН Hranush H. —**

Doctor of Law, Professor, Lecturer at Gavar State
University; 1 Hrant Hakobyan str.,
1201 Gavar, Republic of Armenia; Academy of State
Administration of the Republic of Armenia;
8 Kievyan, 0028 Yerevan, Republic of Armenia

НАКОБЯН Ruzanna H. —

Doctor of Law, Associate Professor, Rector of
Gavar State University; 1 Hrant Hakobyan str.,
1201 Gavar, Republic of Armenia

ТЕОРИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ТРУДА: ОБОЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2023 г. С. Ю. Чуча

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Поступила в редакцию 09.08.2022 г.

Аннотация. Рассматриваются проблемы модернизации предмета трудового права и теории трудовых правоотношений в условиях трансформации сферы труда. На основании исторического анализа процесса структуризации права на отрасли прогнозируется направление развития трудового права как частно-публичной отрасли. Предлагается и обосновывается конвергенция теории единого неделимого трудового правоотношения Н.Г. Александрова и теории комплекса трудовых правоотношений В.Н. Скобелкина в условиях перехода к новым технологическим укладам и роста дифференциации способов организации труда. На базе теории комплекса единых трудовых правоотношений предлагаются пути расширения предмета отрасли трудового права за счет включения в него возникающих на договорной и недоговорной основе новых связанных с применением труда человека отношений. Обосновывается необходимость смены презумпции доказывания наличия трудовых отношений, трех-субъектного состава участников системы правовых связей, возникающих при применении заемного труда (договора о предоставлении работника), и солидарной ответственности субъектов на стороне работодателя (солидарного работодателя).

Ключевые слова: предмет трудового права, трудовое правоотношение, трудовой договор, заемный труд, теория, доктрина, промышленная революция, технологический уклад, специальные меры в сфере экономики.

Цитирование: Чуча С. Ю. Теория трудовых правоотношений в условиях трансформации сферы труда: обозначение проблемы // Государство и право. 2023. № 3. С. 153–157.

DOI: 10.31857/S102694520024820-3

THEORY OF LABOR RELATIONS IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF THE SPHERE OF WORK: DESIGNATION OF THE PROBLEM

© 2023 S. Yu. Chucha

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Received 09.08.2022

Abstract. The problems of modernization of the subject of Labor Law and the theory of labor relations in the context of the transformation of the labor sphere are considered. Based on the historical analysis of the process of structuring the law on the branches, the direction of development of private-public branches and, above all, Labor Law is predicted. The convergence of the theory of a single indivisible labor legal relationship by N.G. Aleksandrov and the theory of a complex of unified labor relations V.N. Skobelkin in the context of the transition to new technological paradigms and the growth of differentiation in the ways of organizing labor. On

the basis of the theory of a complex of unified labor legal relations, ways are proposed to expand the subject of the branch of Labor Law by including in it new relations arising on a contractual and non-contractual basis related to the use of human labor. The necessity of changing the presumption of proving the existence of labor relations, the three-subject composition of the participants in the system of legal relations arising from the use of agency labor (a contract for the provision of an employee), and the joint liability of subjects on the side of the employer (solidary employer) are substantiated.

Key words: subject of Labor Law, labor relations, labor contract, agency work, theory, doctrine, industrial Revolution, technological structure, special measures in the sphere of economy.

For citation: Chucha, S. Yu. (2023). Theory of labor relations in the context of transformation of the sphere of work: designation of the problem // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 3, pp. 153–157.

В России назрела потребность проведения модернизации не только экономики, но и трудового права с тем, чтобы оно обеспечивало правовое регулирование новых форм организации труда, соответствующих этой модернизируемой экономике, постоянно возникающим в ходе смены технологического уклада способам организации производства, радикально отличным от классического индустриального.

Социальные партнеры настроены на регулирование новых отношений, возникающих при применении труда человека в пользу иного субъекта, нормами трудового права, достигнув в целом определенного консенсуса. При наличии политического консенсуса главным препятствием выступают, как представляется, не вопросы юридической техники (каким нормативным правовым актом регламентировать эти новые формы организации труда — Трудовым кодексом РФ¹, Законом о занятости² или другими федеральными законами, и научное сообщество, и практики в большинстве своем склоняются к первому варианту). Труднее всего обойти противоречие соответствующих законопроектных доктринальным теоретическим положениям.

Чтобы понять предысторию проблемы, обратим взгляд на пару тысячелетий назад.

Римское частное и римское публичное право как отрасли права на протяжении тысячелетий своего становления не воспринимались как некие относительно самостоятельные комплексы норм³ и развивались, реагируя на постоянные и постепенные изменения окружающей действительности, усложнение общества, экономики (технологий производства, географии торговли и технологических цепочек) и производственных отношений, посредством совершенствования уже имеющихся нормативных предписаний и характерных (привычных) для каждой из них методов правового регулирования, лишь в ограниченных масштабах подвергаясь взаимной диффузии. Изменения организации производства, вызванные ускоренным технологическим прогрессом, потребовали правового регулирования организации труда, что вызвало процесс конвергенции частного и публичного права и, как следствие,

полную невозможность правового регулирования этой уже почти системы общественных отношений, сложившейся внутри или частного, или публичного права, исключительно частно- или публично-правовыми отраслевыми методами. Неприменимость же к этой взаимосвязанной группе общественных отношений отраслевых принципов правового регулирования препятствовала ее дальнейшему развитию в рамках материнской отрасли, одновременно разрушая и саму выверенную отраслевую интегративную структуру — систему отрасли. Результатом стало строительство из элементов, отторгнутых частным и публичным правом, но тяготеющих друг к другу вследствие регулирования ими единой группы общественных отношений, новой — частно-публичной — отрасли, которую мы называем трудовым правом.

Она стала первой из возникших таким образом сложно структурированных из публичных и частных элементов отраслей. Первоначально, в самом начале своего формирования, трудовое право напоминало отрасль публичного права (Устав о промышленном труде — нормативный акт, в целом относящийся к административному (полицейскому) праву) с элементами частного, но почти сразу стало рассматриваться как институт права гражданского, поскольку в основе трудовых правоотношений лежал цивилистический договор найма труда, названный трудовым⁴.

Исторический процесс способствовал становлению новой отрасли — уже в 1918 г. был принят первый КЗоТ РСФСР⁵ («кодекс военного коммунизма»), в 1922 г. за ним последовал новый («кодекс НЭПа») ⁶, десятилетиями изменявшийся и дополнявшийся⁷. Накопленный нормативный материал позволил Н.Г. Александрову к 1948 г. теоретически обосновать формирование самостоятельной отрасли советского права — трудового⁸.

Сложное переплетение свободно вступающих в трудовые отношения на основании договора, но вынужденных выполнять обязательства по договору исключительно личным трудом, подчиняясь в процессе трудовой деятельности хозяйской воле работодателя, элементов правоотношений, свойственных и частному, и публичному праву, с тем,

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.

² См.: Закон РФ от 19.04.1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 18, ст. 565; СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1915; 2023. № 1 (ч. 1), ст. 16.

³ Рассуждать о несовпадении отрасли права и отрасли законодательства юристы стали относительно недавно, а изучение правоотношения и до сего дня остается привилегией по большей части отечественных исследователей (см. об этом, напр.: Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н. О некоторых проблемах институционализации гражданского права в Российской Федерации // Международный журнал гражданского и торгового права. 2017. № 3. С. 71–74).

⁴ См.: Таль Л.С. Трудовой договор: цивилистическое исследование. Ч. 1: Общие учения; Ч. 2: Внутренний правопорядок хозяйственных предприятий. Ярославль, 1913–1918.

⁵ См.: СУ РСФСР. 1918. № 87/88, ст. 905.

⁶ См.: КЗоТ РСФСР // СУ РСФСР. 1922. Отд. 1. № 70, ст. 903.

⁷ См.: Галузо В.Н. Возможно ли комплексное правоприменение при отсутствии официальной систематизации в Российской Федерации? // Государство и право. 2018. № 6. С. 76–81.

⁸ См.: Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М., 1948.

чтобы сколь-либо эффективно функционировать, должно представлять собой взаимосвязанную интегративную совокупность, имеющую антиэнтропийный характер, т.е. систему, удаление части элементов из которой влечет разбалансировку системы в целом с возможным последующим разрушением.

Вероятно, чтобы доктрина способствовала сохранению этой системы и препятствовала растаскиванию по нормам и институтам трудо-правовой материи (собственно — отрасли трудового права) гражданским и административным правом (договор — в одну сторону, трудовой распорядок — в другую отрасль), но, напротив, продолжать собирание этих связей из смежных отраслей, Н.Г. Александров теоретически обосновал единство и неделимость трудового правоотношения — при «извлечении» из него необходимых связей, трудовое правоотношение перестает быть таковым. И ему удалось и теоретически обосновать создание, и сохранить отрасль единой.

Еще больше укрепили единство отрасли дальнейшие исследования В.М. Догадова⁹, М.П. Карпушина¹⁰, Л.Я. Гинцбурга¹¹ и др.

В 1982 г. В.Н. Скобелкин опубликовал монографию «Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих (нормы и правоотношения)»¹². Исследование трудовых правоотношений позволило ему сформулировать вывод о существовании их системы, элементы которой могут существовать независимо от трудового договора. Его выводы подкреплялись многочисленными примерами оспоримости доводов, приводимых в поддержку теории единого трудового правоотношения. Дополнительные аргументы были им изложены в 1999 г. в монографии «Трудовые правоотношения»¹³ и учебном пособии «Трудовое процедурно-процессуальное право»¹⁴.

В.Н. Скобелкин описывал ситуацию в период попыток проведения в СССР экономической реформы в 1970-е годы, хотя и закончившейся неудачно, однако повлекшей возникновение новых форм организации труда. Ну а фундаментальный труд 1999 г. и последующие публикации были посвящены регулированию труда в совершенно новых условиях — в условиях многообразия форм собственности, конкуренции способов организации труда на предприятиях разных организационно-правовых форм и наличия рынка труда. Его теория закладывала основу модификации доктрины трудового права. То, что В.Н. Скобелкин разделяет предмет отрасли трудового права и предмет правового регулирования¹⁵, которые, на наш взгляд, образуют одни и те же общественные отношения, лишь увеличивает теоретическую нагрузку в изучении его подхода, но никак не

влияет на практическую сторону применения для развития доктрины трудового права и распространения отраслевых норм на новые группы общественных отношений.

Представляется, что сегодня нет практического смысла «цементировать» теорию единого неделимого трудового правоотношения. Н.Г. Александров создавал отрасль и в это единое правоотношение «подтягивал» правовые связи из смежных отраслей, а неделимостью правоотношения прикреплял их к трудовому праву, к предмету отрасли. Сейчас о проблеме отраслевой самостоятельности трудового права дискуссия фактически не ведется.

Главное — попытаться «расшить» проблемы, с которыми столкнулось трудовое право в современных быстро меняющихся условиях четвертой промышленной революции, смены и смешения технологических укладов и, как следствие, способов организации труда.

Для этого нужно наряду с теорией единого трудового правоотношения Н.Г. Александрова использовать доктрину В.Н. Скобелкина. Исходя из того, что трудо-правовых договоров так же немало, как и гражданско-правовых, если вместо дифференциации (особенностей) говорить о самостоятельных видах трудо-правовых договоров, в которых классический трудовой договор существует наряду с трудовым договором в профессиональном спорте, трудовым договором на сезонные работы, трудовым договором с руководителем, платформенным трудовым договором и т.д., и попытаться разработать теорию Александрова—Скобелкина — **теорию множественности единых трудовых правоотношений**, возникающих на основании незакрытого перечня видов трудовых договоров и недоговорных оснований (например, обязательный труд), предполагающую, что исключение из единого трудо-правового отношения определенного вида отдельных правовых связей не только может разрушить это правоотношение как трудовое, превратив его в гражданско-правовое, но и только лишь (и как правило) превратить его в другой трудо-правовой договор из открытого перечня, закрепленного в измененном Трудовом кодексе РФ.

Такой подход позволит завершить начатый полтора столетия назад процесс и окончательно изъять из предмета гражданского права все договоры, предусматривающие найм труда, оставив ему на первых порах только договор личного найма между физическими лицами, предполагающий равенство сторон, если это самостоятельный труд не у единственного работодателя.

Тогда при возникновении спора суд будет устанавливать соответствие конкретного договора личного найма между двумя лицами конкретному виду трудо-правового договора из целого ряда других трудо-правовых договоров (включающего и классический трудовой договор), закрепленного ТК РФ, и применять в отношении возникших правоотношений нормы Трудового кодекса РФ о конкретном виде трудо-правового договора: это может быть трудо-правовой трудовой договор (классический); трудо-правовой договор заемного труда — назовем его лучше трудо-правовым договором о предоставлении работников, чтобы не входить в противоречие с нынешним запретом ст. 56¹ ТК РФ (уже трехсубъектный, со своими дополнительными отличительными признаками, кроме выполняемого лично труда); трудо-правовой договор с профессиональным спортсменом (в числе субъектов появляется федерация, спортивный клуб, иной порядок разрешения споров); трудо-правовой договор с руководителем; трудо-правовой платформенный договор, трудо-правовой договор с зависимым

⁹ См.: Догадов В.М. К вопросу о возникновении и прекращении социалистических трудовых отношений // Вопросы трудового права. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 58–74.

¹⁰ См.: Карпушин М.П. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1958.

¹¹ См.: Гинцбург Л.Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977.

¹² Скобелкин В.Н. Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих (нормы и правоотношения). М., 1982.

¹³ Скобелкин В.Н. Трудовые правоотношения. М., 1999.

¹⁴ Скобелкин В.Н., Передерин С.В., Чуча С.Ю., Семенюта Н.Н. Трудовое процедурно-процессуальное право: учеб. пособие / под ред. В.Н. Скобелкина. Воронеж, 2002.

¹⁵ См.: Лушников А.М., Лушикова М.В. Курс трудового права: в 2 т. Т. 1. Историко-правовое введение. Общая часть. Коллективное трудовое право: учеб. М., 2003. С. 94.

самозанятым и т.д., включая, возможно, и трудо-правовой договор «с лицом со сложным нейроимплантом»¹⁶, если его потребует организация производства и труда в будущем.

Перечень трудо-правовых договоров, возможно, будет открытым, стороны всегда смогут согласовать между собой конструкцию, не описываемую перечисленными в Трудовом кодексе РФ видами трудо-правовых договоров. Если согласовать не удастся, то определяться, какими нормами (относящимися к какому виду трудо-правовых договоров) следует руководствоваться по аналогии, сторонам поможет уполномоченный государственный орган (Роструд) или суд, если решение инспекции не удовлетворит стороны.

Во всяком случае до квалификации договора на работников в полном объеме должны распространяться три группы правовых норм: социальное партнерство¹⁷, социальное страхование и охрана труда в смысле обеспечения безопасных условий исполнения обязанностей по договору.

Понятно, что, являясь участниками системы социального страхования, такие работники должны будут уплачивать взносы в соответствующие фонды. И в целом любое лицо, получающее плату за применение своего труда, должно нести равную финансовую нагрузку, что само по себе устранило экономическую основу большинства споров об отраслевой принадлежности договоров о труде.

Такой подход позволит сменить и презумпцию доказывания в немногих остающихся случаях подмены трудовых договоров гражданско-правовым суррогатом: всякий выполняемый лично не в личных интересах другого человека труд образует трудовые отношения, если не доказано иное, и сделает саму эту подмену экономически бессмысленной.

В Трудовом кодексе РФ следует закрепить и нормы о правовом регулировании бездоговорных форм лично выполняемого труда (например, обязательного труда в порядке исполнения наказания) — ведь и эта категория субъектов должна будет иметь права, предоставляемые по меньшей мере теми же тремя группами норм, пусть и с некоторыми ограничениями.

Обозначенный подход позволит по-новому подойти к проблеме заемного труда¹⁸ (договора предоставления работника). Трехсубъектный (из них два — на стороне работодателя) единый комплекс индивидуальных правовых связей весьма сложно «вписать» в действующую доктрину трудового права. В основе запрета заемного труда, как представляется, лежит возможность злоупотреблений в отношении обязанностей перед работником, сложность найти в конкретной ситуации ответственный (и при этом — платежеспособный!) субъект на стороне работодателя. Цивилистическая терминология вторична. А почему бы не ввести солидарную ответственность предоставляющего и использующего наемный труд лиц? Они между собой могут договориваться о чем угодно, но если в результате фактически

будут нарушены права работника, то он сможет солидарно с них взыскать вред или потребовать в суде солидарно осуществить какие то действия. Конечно, вовсе не факт, что любые действия каждый из них может совершить самостоятельно. Важно, что солидарное решение суда в пользу работника исполнится — и пусть потом сами части «солидарного работодателя» противоборствуют между собой, обязанный судом субъект со второй частью «солидарного работодателя» на договорных началах решает вопрос ответственности между ними. Если же работодатели не смогут осуществлять предпринимательство в таком режиме — значит, им следует выбрать иной способ организации труда. И еще это будет означать то, что в данном конкретном случае труд, выполняемый на основе договора предоставления работника, экономически и организационно не оправдан. Но и запрещать непопулярную форму организации труда тоже не нужно — кому-то она может быть полезной и экономически оправданной в конкретных условиях. Представляется, что, например, организация труда мигрантов именно по такой схеме устранил многие предъявляемые к ней претензии.

Повлияют на организацию производства и труда и, соответственно, изменят трудовые отношения и их субъектный состав законодательные новеллы о непосредственном влиянии Правительства РФ на конкретные трудо-правовые связи на отдельных предприятиях. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»¹⁹ дополнен ст. 26¹, согласно которой в целях обеспечения проведения Вооруженными Силами РФ, другими войсками, воинскими формированиями и органами контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации Правительством РФ могут приниматься решения о введении специальных мер в сфере экономики, в том числе предусматривающие установление особенностей правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах, включая установление порядка и условий привлечения к работе за пределами продолжительности рабочего времени, в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни, предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков²⁰.

* * *

Возможно, в итоге мы придем к тому, что единственным необходимым и достаточным признаком трудового правоотношения будет личный характер труда (за исключением труда в пользу равного субъекта — физического лица, вторым признаком возникающего при этом трудового правоотношения следует сохранить его несамостоятельность в результате подчинения воли работодателя). Любой труд, выполняемый лично, будет порождать отношения, являющиеся предметом трудового права. Связь любого лица, использующего свой собственный труд в интересах другого лица, безотносительно его самостоятельности или нет, образует трудо-правовое отношение, входящее в предмет трудового права, будучи исключенным из предмета гражданского права.

¹⁹ См.: СЗ РФ. 1996. № 23, ст. 2750.

²⁰ См.: Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Росс. газ. 2022. 19 июля.

¹⁶ Филипова И. А. Трудовое право: вызовы информационного общества // Право. Журнал ВШЭ. 2020. № 2. С. 182. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.162.182

¹⁷ См.: Чуча С. Ю. Конституционализация и расширение юридического содержания понятия социального партнерства в Российской Федерации // Правоведение. 2021. Т. 5. № 3. С. 249–261. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).249–261; Его же. Социальное партнерство в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений // Государство и право. 2022. № 1. С. 130–142. DOI: 10.31857/S102694520018280-9

¹⁸ См.: Куренной А. М. Заемный труд — за и против // Закон. 2014. № 4. С. 2, 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М., 1948.
2. Галузо В.Н. Возможно ли комплексное правоприменение при отсутствии официальной систематизации в Российской Федерации? // Государство и право. 2018. № 6. С. 76–81.
3. Гинзбург Л.Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977.
4. Догадов В.М. К вопросу о возникновении и прекращении социалистических трудовых отношений // Вопросы трудового права. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 58–74.
5. Карпушин М.П. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1958.
6. Куренной А.М. Заемный труд — за и против // Закон. 2014. № 4. С. 2, 3.
7. Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: в 2 т. Т. 1. Историко-правовое введение. Общая часть. Коллективное трудовое право: учеб. М., 2003. С. 94.
8. Скобелкин В.Н. Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих (нормы и правоотношения). М., 1982.
9. Скобелкин В.Н. Трудовые правоотношения. М., 1999.
10. Скобелкин В.Н., Передерин С.В., Чуча С.Ю., Семенюта Н.Н. Трудовое процессуально-процессуальное право: учеб. пособие / под ред. В.Н. Скобелкина. Воронеж, 2002.
11. Таль Л.С. Трудовой договор: цивилистическое исследование. Ч. 1: Общие учения; Ч. 2: Внутренний правопорядок хозяйственных предприятий. Ярославль, 1913–1918.
12. Филипова И.А. Трудовое право: вызовы информационного общества // Право. Журнал ВШЭ. 2020. № 2. С. 182. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.162.182
13. Чуча С.Ю. Конституционализация и расширение юридического содержания понятия социального партнерства в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. С. 249–261. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).249–261
14. Чуча С.Ю. Социальное партнерство в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений // Государство и право. 2022. № 1. С. 130–142. DOI: 10.31857/S102694520018280-9
15. Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н. О некоторых проблемах институционализации гражданского права в Российской Федерации // Международный журнал гражданского и торгового права. 2017. № 3. С. 71–74.

REFERENCES

1. Alexandrov N.G. Labor relationship. M., 1948 (in Russ.).
2. Galuzo V.N. Is complex law enforcement possible in the absence of official systematization in the Russian Federation? // State and Law. 2018. No. 6. P. 76–81 (in Russ.).
3. Ginzburg L. Ya. Socialist labor relationship. M., 1977 (in Russ.).
4. Dogadov V.M. On the issue of the emergence and termination of socialist labor relations // Issues of Labor Law. M.; L., 1948. Issue 1. P. 58–74 (in Russ.).
5. Karpushin M.P. Socialist labor relationship. M., 1958 (in Russ.).
6. Kurennoy A.M. Agency labor – pros and cons // Law. 2014. No. 4. P. 2, 3 (in Russ.).
7. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Labor Law course: in 2 vols. Vol. 1. Historical and legal introduction. A common part. Collective Labor Law: textbook. M., 2003. P. 94 (in Russ.).
8. Skobelkin V.N. Ensuring the labor rights of workers and employees (norms and legal relations). M., 1982 (in Russ.).
9. Skobelkin V.N. Labor relations. M., 1999 (in Russ.).
10. Skobelkin V.N., Perederin S.V., Chucha S. Yu., Semenyuta N.N. Labor Procedural Law: textbook / ed. by V.N. Skobelkin. Voronezh, 2002 (in Russ.).
11. Tal L.S. Employment contract: A civilistic study. Part 1: General Teachings; Part 2: Internal law and order of economic enterprises. Yaroslavl, 1913 (in Russ.).
12. Filipova I.A. Labor Law: challenges of the information society // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 2. P. 182. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.162.182 (in Russ.).
13. Chucha S. Yu. Constitutionalization and expansion of the legal content of the concept of social partnership in the Russian Federation // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 3. P. 249–261. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).249–261 (in Russ.).
14. Chucha S. Yu. Social partnership in the sphere of regulation of labor and other relations directly related to them // State and Law. 2022. No. 1. P. 130–142. DOI: 10.31857/S102694520018280-9 (in Russ.).
15. Eriashvili N.D., Galuzo V.N. On some problems of institutionalization of Civil Law in the Russian Federation // International Journal of Civil and Commercial Law. 2017. No. 3. P. 71–74.

Сведения об авторе

ЧУЧА Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHA Sergey Yu. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

ФИНАНСОВЫЙ И ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ: АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

© 2023 г. С. А. Агамагомедова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: saniyat_aga@mail.ru

Поступила в редакцию 11.08.2022 г.

Аннотация. В условиях реформы контрольно-надзорной деятельности важно разграничить различные направления государственного контроля и надзора в определенных сферах регулирования. Применительно к таможенной сфере можно констатировать одновременное использование категорий финансового и таможенного контроля без определения пределов контрольно-надзорного воздействия. Анализ существующих позиций к соотношению данных видов государственного контроля позволил выделить четыре методологических подхода к модели подобного соотношения. Выделенные подходы основаны на отождествлении, поглощении, разграничении финансового и таможенного контроля, обосновании научных категорий, объединяющих их, консолидирующих их регламентацию и осуществление. Существующие подходы объединены признанием неразрывной связи, взаимной обусловленности рассматриваемых категорий и основаны на теоретических положениях о комплексности таможенного права и всеобъемлющем характере финансового контроля в государственном управлении. На основе проведенного анализа предложена концепция частичного поглощения для обоснования соотношения таможенного и финансового контроля.

Часть таможенного контроля, связанная с уплатой таможенных платежей, позиционируется в качестве элемента государственного финансового контроля. Одновременно финансовый контроль, осуществляемый в сфере трансграничного перемещения товаров, может быть отнесен к таможенному контролю. В современных условиях роль финансовых аспектов таможенного контроля планомерно снижается.

Ключевые слова: финансовый контроль, таможенный контроль, фискальные функции, таможенные платежи, таможенное обложение, государственный контроль и надзор, таможенная сфера.

Цитирование: Агамагомедова С.А. Финансовый и таможенный контроль: аспекты соотношения и проблемы разграничения // Государство и право. 2023. № 3. С. 158–164.

DOI: 10.31857/S102694520021450-6

FINANCIAL AND CUSTOMS CONTROL: ASPECTS OF CORRELATION AND PROBLEMS OF DELIMITATION

© 2023 S. A. Agamagomedova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: saniyat_aga@mail.ru

Received 11.08.2022

Abstract. In the context of the reform of control and supervision activities, it is important to distinguish between the various areas of state control and supervision in certain areas of regulation. With regard to the customs sphere, one can state the simultaneous use of the categories of financial and customs control without determining the limits of control and supervisory influence. An analysis of the existing positions on the ratio of these types of state control made it possible to identify four methodological approaches to the model of such a ratio. The selected approaches are based on the identification, absorption, delimitation of financial and customs control, substantiation of scientific categories that unite them, consolidating their regulation and implementation. The existing approaches are united by the recognition of the inseparable connection, mutual

conditionality of the categories under consideration and are based on theoretical provisions on the complexity of customs law and the comprehensive nature of financial control in public administration.

On the basis of the analysis carried out, the concept of partial absorption is proposed to justify the relationship between customs and financial control.

The part of customs control related to the payment of customs duties is positioned as an element of state financial control. At the same time, financial control exercised in the field of cross-border movement of goods can be attributed to customs control. In modern conditions, the role of the financial aspects of customs control is gradually decreasing.

Key words: financial control, customs control, fiscal functions, customs payments, customs taxation, state control and supervision, customs sphere.

For citation: *Agamagomedova, S.A. (2023). Financial and customs control: aspects of correlation and problems of delimitation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 158–164.*

В условиях перманентного поиска эффективных моделей контрольно-надзорной деятельности особую значимость приобретает соотношение различных видов, направлений государственного контроля и надзора как функций управления в определенной сфере общественных отношений. Обоснование конструкций соотношения отдельных видов контроля и надзора, их административно-процедурное разграничение, специфика их аксиологического и институционального обеспечения имеют значение не только и не столько для доктринальной теоретико-правовой системы государственного контроля и надзора. Подобные аспекты исследования контрольно-надзорной деятельности имеют важное значение для разграничения соответствующих полномочий контролеров, их компетентностной структуризации, что в конечном итоге призвано повысить эффективность контрольно-надзорного воздействия в конкретных сферах социальной регуляции. Последние зачастую испытывают на себе управленческое влияние, отраженное в различных направлениях и формах контрольно-надзорной деятельности одновременно.

Одной из таких сфер исторически выступает сфера трансграничного перемещения товаров или таможенная сфера. Применительно к ней ученые активно используют категории финансового и таможенного контроля¹. Считаем необходимым обосновать варианты их соотношения, выделить проблемы разграничения и предложить оптимальную модель подобного разграничения с точки зрения административно-правового регулирования.

Соотношение финансового и таможенного контроля: существующие подходы

Понятие таможенного контроля исторически выступает базовой функцией таможенных органов, оно прошло длительный путь эволюции и традиционно содержится в действующем таможенном законодательстве, в современных условиях — в законодательстве интеграционного уровня². Под таможенным контролем понимается совокупность совершаемых таможенными органами действий, направленных на проверку и (или) обеспечение соблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможенном регулировании (п/п. 41 п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза³).

¹ Подробнее об этом см., напр.: Галузо В.Н., Канафин Н.А. Таможенный контроль в системе функций таможенных органов в Российской Федерации // Международный журнал гражданского и торгового права. 2016. № 1. С. 62–66.

² См. об этом, напр.: Галузо В.Н. Таможенное право: учеб. для студ. вузов. М., 2016.

³ См.: СЗ РФ. 2017. № 47, ст. 6843.

Определение финансового контроля отсутствует в законодательстве. Ученые понимают под ним контроль со стороны уполномоченных государством органов и организаций за законностью действий в процессе собирания, распределения и использования денежных фондов государства и муниципальных образований в целях осуществления эффективной финансовой политики в обществе для обеспечения прав и свобод граждан⁴. Другие авторы позиционируют его в качестве контроля за законностью и целесообразностью действий в области образования, распределения и использования денежных фондов государства и отдельных организаций в целях эффективного развития экономических отношений и недопущения нарушений законности⁵, формы реализации контрольной функции финансов, то есть присущего финансам свойства служить средством контроля за производством, распределением и использованием совокупного общественного продукта и национального дохода⁶.

Финансовый и таможенный контроль близки и взаимно связаны, они в определенной степени обусловлены экономическими отношениями и фискальными целями публичной власти.

На основе проведенного анализа научных позиций к соотношению данных направлений контрольно-надзорной деятельности государственных органов считаем возможным выделить как минимум четыре методологических подхода к обоснованию подобного соотношения.

Первый научный подход основан на максимальном отождествлении рассматриваемых категорий, прежде всего, таможенного контроля с финансовым. Ученые используют категорию «финансового контроля в таможенных правоотношениях», а совершенствование таможенного администрирования выделяют в качестве актуального направления развития государственного финансового контроля⁷. В рамках данного подхода таможенный контроль позиционируется в качестве финансового контроля, осуществляемого в определенной сфере общественных отношений — таможенной.

⁴ См.: Грачева Е.Ю. Финансовый контроль — подотрасль финансового права // Финансовое право. 2002. № 2. С. 57–63.

⁵ См.: Жданов А.А. Финансовое право Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд. М., 1995. С. 166.

⁶ См.: Козырин А.Н. Взаимодействие общества и государства в сфере публичных финансов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 2 (39). С. 101.

⁷ См.: Иванча И.И. Роль таможенной службы в развитии государственного финансового контроля поступления таможенных платежей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/319/image/319-143.pdf> (дата обращения: 24.11.2021).

Второй подход основан на поглощении этих видов государственного контроля друг другом. При этом распространенной выступает позиция, когда таможенный контроль рассматривается в качестве элемента государственного финансового контроля⁸. Реже ученые выделяют категорию финансового контроля в области таможенного дела⁹. Подходы, основанные на поглощении рассматриваемых научных категорий, выражаются в том, что таможенный контроль позиционируется как часть финансового контроля, а финансовый контроль — как структурный элемент в системе таможенного дела, важнейшим институтом которой выступает таможенный контроль.

Третий подход основан на включении финансового и таможенного контроля в качестве самостоятельных (полноправных) составляющих в рамках иных правовых категорий, т.е. их разграничении, прежде всего административно-процедурном.

Примером может служить понятие «государственного контроля в таможенной сфере», в который ученые включают наряду с самим таможенным контролем также финансовый, валютный, нормотворческий, правоохранительный и иной контроль¹⁰. В качестве другого примера можно привести предлагаемую отдельными авторами классификацию контрольно-надзорных процедур в деятельности таможенных органов, включающую в себя: а) порядок проведения ведомственного контроля; б) порядок проведения финансового контроля; в) порядок проведения инспекторских проверок таможенных органов; г) порядок проведения таможенного контроля; д) порядок проведения валютного контроля; е) порядок проведения иных видов государственного контроля, осуществление которых возложено на таможенные органы, и др.¹¹

Четвертый подход находит выражение в обосновании научных категорий, объединяющих финансовый и таможенный контроль, выступающих «общими знаменателями» рассматриваемых понятий, консолидирующих их регламентацию и осуществление. Прежде всего речь идет о таких категориях как публичные финансы, таможенные платежи. Ученые видят в последних собирательную категорию науки финансового права и отмечают, что предметы таможенного и финансового права пересекаются¹². Еще одной такой категорией, используемой значительно реже, выступает категория таможенного обложения, в которой отдельные авторы видят

элемент таможенного процесса¹³. По сути, близость финансовых и таможенных институтов подтверждается и обосновывается в рамках финансово-правовой теории таможенного обложения. Так, Н.И. Химичева одной из первых обосновала позицию о существовании группы платежей (к числу которых была отнесена и таможенная пошлина), отличие которых от налогов состоит в том, что им свойственен возмездный характер, а обязанность их уплаты возникает исключительно в связи с обращением к органам публичной власти¹⁴. Полагаем, что теория таможенного обложения определенным образом «примиряет» финансовый и таможенный контроль, выступает плоскостью их пересечения.

Выделенные нами подходы объединяет одно: ученые и практики признают тесную связь и взаимообусловленность рассматриваемых категорий, возможность различных вариантов их соотношения. Последние основаны на двух особенностях, традиционно выделяемых применительно к рассматриваемым сферам публично-правового регулирования. Во-первых, это комплексный характер таможенного права. А.Н. Козырин в качестве особенности таможенного права выделяет объединение в его рамках административно-правовых и финансово-правовых норм¹⁵. Данную позицию о комплексном характере таможенно-правовых норм поддерживают и другие ученые¹⁶.

Во-вторых, это всеобъемлющий характер финансового контроля, который присутствует во всех областях государственного управления. По признанию ученых, финансы пронизывают все стороны государственной деятельности и решение, по сути, любого управленческого вопроса не представляется возможным без решения сопутствующих ему финансовых аспектов¹⁷.

Факторы, обусловившие существующее в науке «наложение» финансового и таможенного контроля

Считаем возможным выделить две группы факторов, обусловивших существующее в науке «наложение» финансового и таможенного контроля: исторические и структурно-функциональные.

К.С. Бельский относит категорию «государственные денежные средства» к стартовым категориям науки финансового права¹⁸. Государственный контроль генерирует в публично-правовой организации общества прежде всего как контроль финансовый.

¹³ См.: *Матвиенко Г.В.* Правовые основы таможенного процесса / под ред. С.В. Запольского. М., 2011. С. 186–225.

¹⁴ См.: *Бакаева О.Ю.* Развитие научных идей профессора Н.И. Химичевой в теории таможенного обложения // Развитие научных идей профессора Н.И. Химичевой в современной доктрине финансового права: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. в рамках III Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н.И. Химичевой, посвященных 90-летию со дня рождения Нины Ивановны (Саратов, 2 октября 2018 г.) / под ред. Е.В. Покачаловой. Саратов, 2020. С. 26, 27.

¹⁵ См.: *Козырин А.Н.* Таможенное право России: учеб. пособие. М., 1995.

¹⁶ См.: *Малиновская В.М.* Таможенное право России: учеб. по публичному и частному праву: в 2 т. Т. 1: Публичное право. М., 2008. С. 371–487.

¹⁷ См.: *Грачева Е.Ю.* Финансовая деятельность и финансовый контроль как система управления // Актуальные вопросы рос. права. 2016. № 9 (70). С. 61.

¹⁸ См.: *Бельский К.С.* Финансовое право. М., 1994. С. 29.

⁸ См.: Комментарий к Таможенному кодексу Таможенного союза ЕвразЭС от 27 ноября 2009 года (постатейный) / Антропцева И.О., Бевзюк Е.А., Бернев А.Э. и др. Подготовлен для системы «Консультант-Плюс», 2014 (коммент. к ст. 110 ТК ТС); *Ковалева Э.Р., Гафурова Г.Т., Якутов З.С.* Государственный финансовый контроль в схемах и таблицах: учеб.-наглядное пособие. Казань, 2017. С. 29; *Ицкович Б.Ф.* Развитие теоретических и практических аспектов понятия «бюджетный контроль» // Финансы и кредит. 2009. № 40. С. 30; *Зырянова Т.В., Даниленко Н.И.* Таможенный контроль и его роль в повышении эффективности государственного финансового контроля // Финансы и кредит. 2005. № 28 (196). С. 2–8.

⁹ См.: *Литвинова Ю.М.* Финансовый контроль в области таможенного дела: проблемы правового регулирования и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 9, 10.

¹⁰ См.: *Янчуков Д.А.* Государственный контроль в таможенной сфере: административно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9.

¹¹ См.: *Трунина Е.В.* Административные процедуры в деятельности таможенных органов Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование. Волгоград, 2013. С. 25.

¹² См.: *Ашмарин А.И.* Финансово-правовое регулирование контроля за уплатой таможенных платежей в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2010. С. 12–14.

А.А. Ялбулганов выделяет следующие особенности в освещении контрольной деятельности государства наукой финансового права в дореволюционный период.

1. Контроль за финансовым хозяйством представлял направление государственной деятельности, регулируемой совместно нормами государственного, административного и финансового (бюджетного) права.

2. Предметом финансово-контрольной деятельности выступало публичное хозяйство, т.е. хозяйство государства и «подчиненных ему общественных организаций, каковы провинции, земства, города и сельские общины».

3. Исследование финансового контроля ученые нередко подменяли изучением контрольно-ревизионной техники, иными словами, контроль понимался буквально как «поверка», ревизия и т.п.¹⁹

Все это свидетельствовало о том, что государственный контроль отождествлялся с финансовым, а понимание последнего включало в себя весь арсенал существующего на тот период средств контрольно-надзорного воздействия. При этом тот факт, что государственный контроль возникает первоначально именно как финансовый, признает большинство ученых, исследующих вопросы финансового контроля²⁰.

Деятельность таможенных органов, которая и в историческом аспекте, и в настоящее время зачастую полностью отождествляется с таможенным контролем, всегда имела существенную фискальную составляющую, роль и значение которой менялись в различные исторические периоды развития государственно-правовых институтов. Выдающийся отечественный историограф таможенного дела Ю.Г. Кисловский обращает внимание на то, что в определенные хронологические периоды таможенная служба выполняла исключительно фискальные задачи²¹. В советский период, когда основной задачей таможенных органов выступало обеспечение государственной монополии внешней торговли, финансовые функции таможенной службы атрофированы, отсутствие рыночных механизмов хозяйствования, таможенно-тарифных инструментов регулирования внешней торговли сводит их на нет. Ситуация меняется в начале 1990-х годов, когда провозглашение рыночной экономики и многообразия форм собственности, либерализация внешнеэкономических отношений стимулируют возрождение финансового функционала таможенных органов, укрепляют их роль в формировании государственно-бюджетного²².

Таким образом, в историческом отношении таможенный контроль закономерно генерирует в рамках государственного финансового контроля, при этом финансовая составляющая деятельности таможенных органов имеет подвижные пределы, меняющиеся в различные хронологические периоды в зависимости от стратегических целей публичной власти.

Структурно-функциональные факторы, оказавшие влияние на формирование и развитие подходов к соотношению финансового и таможенного контроля, тесно связаны

с историческими и выражаются в позиционировании таможенных органов в структуре органов государственной власти.

Таможенное ведомство в разные периоды своего функционирования находилось в подчинении финансовых органов. Так, с 1811 г. в Российской Империи в состав Министерства финансов входит Департамент внешней торговли, состоящий из двух отделений: внешних сношений и таможенного. К ведению последнего относилось в том числе «наблюдение за исправностью и верностью пошлинных сборов»²³. С 1864 г. Департамент внешней торговли переименовывается в Департамент таможенных сборов, что определенным образом характеризует приоритеты государственной политики Российской Империи. В настоящее время Федеральная таможенная служба находится в ведомственном подчинении Министерства финансов РФ, что также накладывает отпечаток на позиционирование таможенных органов как органов финансового функционала.

По результатам исследований, проведенных Всемирной таможенной организацией (ВТамО), в более чем половине государств — членов ВТамО таможенная и налоговая службы осуществляют свою деятельность в рамках одного ведомства, как правило, министерства финансов²⁴. Кроме того, ученые признают наличие общих инструментов в достижении частных и публичных интересов в налоговых и таможенных отношениях, выступающих элементами института финансового контроля²⁵. Нами также обращалось внимание на общие для таможенных и налоговых органов меры, обеспечивающие проведение государственного контроля, одной из которых выступает, к примеру, инвентаризация²⁶.

Плательщики таможенных платежей выступают участниками финансовых отношений, в частности, ученые правомерно ставят вопросы стимулирования плательщиков таможенных платежей к добросовестному поведению, соблюдению финансовой дисциплины в условиях цифровизации экономики²⁷.

Безусловно, деятельность таможенных органов имеет финансовый характер. Об этом говорят многие ученые. Так, Е.В. Сергеев считает, что таможенный контроль объединяет меры административного и финансового характера²⁸. К.И. Боков полагает, что история таможни как финансового института государства берет начало с Манифеста 1801 г., утвердившего организационную структуру финансового ведомства²⁹. Ученые

²³ Кисловский Ю.Г. Указ. соч. С. 82, 83.

²⁴ См.: Давыдов Р.В. Международная практика взаимодействия налоговых и таможенных служб: оценка Всемирной таможенной организацией // Вестник РТА. 2017. № 2. С. 7–15.

²⁵ См.: Бакаева О.Ю. Сочетание публичных и частных интересов как принцип финансового и таможенного права // Ленинградский юрид. журнал. 2013. № 3. С. 22–28; Бакаева О.Ю., Покачова Е.В. Мониторинг и аудит как инструмент достижения частных и публичных интересов в налоговых и таможенных отношениях // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 616–643.

²⁶ См. также: Агамагомедова С.А. Инвентаризация как мера, обеспечивающая проведение государственного контроля // Хозяйство и право. 2019. № 12. С. 103–109.

²⁷ См.: Бакаева О.Ю. Вопросы стимулирования плательщиков таможенных платежей к соблюдению финансовой дисциплины в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела в условиях международной экономической интеграции: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2020. С. 6–11.

²⁸ См.: Сергеев Е.В. Таможенный контроль: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 19.

²⁹ См.: Боков К.И. Становление и развитие таможенного дела и таможенного законодательства в России: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10.

¹⁹ См.: Ялбулганов А.А. Финансовый контроль как правовой институт: основные этапы развития // Правоведение. 2000. № 3. С. 86.

²⁰ См.: Грачева Е.Ю. Особенности становления бюджетного контроля в дореволюционной России // Банковское право. 2013. № 6. С. 19–29; Ялбулганов А.А. Указ. соч. С. 87.

²¹ См.: Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российской империи. М., 1995. С. 32.

²² Подробнее об этом см.: Олмтиев А.Ю., Галузо В.Н. Об истории развития таможенного законодательства России (с 1649 г. по настоящее время) // Право и жизнь. 2015. № 6. С. 95–112.

обращают внимание на связь таможенного и налогового регулирования, что также сближает таможенный контроль с мерами финансового характера. Ю.А. Тихомиров в начале 2000-х годов обращал внимание на пересечение подотрасли налогового права с таможенным правом, которое находится в стадии становления³⁰.

Кроме того, ведущие ученые признают за финансовым контролем обеспечительную функцию по отношению к соблюдению действующего законодательства в области налогообложения, валютных операций, регулирования внешнеэкономической деятельности и др.³¹

А.Ф. Ноздрачев, выделяя в качестве трех целей таможенной деятельности экономические, регулятивные и правоохранные, в содержание экономических целей включает взимание таможенных платежей при перемещении товаров через таможенную границу³². Позднее ученый дополняет составляющие в решении экономических задач таможенных органов обеспечением в пределах своей компетенции экономической безопасности и единства таможенной территории Российской Федерации³³.

Д.Н. Бахрах при характеристике целей, преследуемых таможенным делом, называет защитные и экономические группы целей. В число последних ученый относит «чисто фискальные, то есть пополнение доходной части бюджета страны, и регулятивные»³⁴.

ФТС России также позиционируется учеными в качестве органа, выполняющего функции по контролю в сфере денежного обращения. Данные публичные функции распределены между Банком России, ФНС России, Федеральной службой по финансовому мониторингу и ФТС России³⁵.

Уровни соотношения таможенного и финансового контроля

Можно выделить два уровня в вопросах соотношения таможенного и финансового контроля. Первый (элементарный) уровень заключается в обеспечении таможенным контролем определенной доли поступлений в федеральный бюджет и, соответственно, таком участии таможенных органов в финансовой деятельности государства. Второй уровень связан с обеспечением финансовой безопасности как составляющей национальной безопасности таможенными органами в том числе и посредством реализации юрисдикционных функций, выступающих обеспечительными по отношению к контрольно-надзорным. Речь идет о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, пресечении контрабанды и др.

Ученые зачастую позиционируют интересы таможенных органов и подконтрольных им лиц в качестве полярных, антагонистичных, представляя, что для таможенных органов приоритетным направлением деятельности остается формирование государственной казны за счет аккумулируемых таможенных

платежей, а для участников внешнеэкономической деятельности и граждан — упрощение таможенных процедур и минимизация соответствующих затрат³⁶. Полагаем, что в современных условиях эта полярность несколько нивелируется, эффективность государственного контроля и надзора в таможенной сфере измеряется не только посредством критериев фискального свойства.

Концепция частичного поглощения

Соотношение таможенного и финансового контроля можно представить в рамках концепции частичного поглощения.

Часть таможенного контроля, к примеру контроль за правильностью исчисления и своевременностью уплаты таможенных платежей, действительно выступает элементом государственного финансового контроля. Данная научная позиция прослеживается у ряда авторов³⁷. Однако полное отождествление таможенного контроля с финансовым контролем, представление его в качестве разновидности последнего представляется отражением ограниченного подхода. Таможенный контроль представляет собой совокупность множества контрольных и надзорных составляющих, существенная часть которых не связана с фискальными задачами публичной власти.

В то же время часть финансового контроля осуществляется в сфере трансграничного перемещения товаров, т.е. в таможенной сфере.

Выводы

На основе проведенного анализа можно сформулировать вывод о том, что только часть направлений таможенного контроля имеет отчетливо выраженную финансовую природу и может быть отнесена к финансовой контрольной функции государства. При этом возрастает значение «нефинансовых» направлений контрольно-надзорной деятельности таможенных органов (обеспечение соответствия ввозимой продукции требованиям безопасности, контроль за оборотом отдельных категорий товаров, пресечение оборота санкционной продукции и др.), а также их регулирующих (в том числе координирующих) функций.

Применительно к государственному финансовому контролю следует констатировать тот факт, что его могут осуществлять органы иной (не финансовой в чистом виде) отраслевой принадлежности, органы надведомственной контрольной компетенции, федеральные органы исполнительной власти, надзорные и иные органы. Государственный финансовый контроль осуществляется в самых разных сферах публичного управления, одной из которых выступает сфера трансграничного перемещения товаров, и представлен в ней налоговым, таможенным, валютным и иными видами контроля, ограниченными аспектом трансграничности. Финансовый контроль в сфере трансграничного перемещения товаров составляет часть таможенного контроля, что находит отражение в структуре управленческой компетенции таможенного ведомства (взимание таможенных и иных платежей, контроль правильности их исчисления и своевременности уплаты и др.).

Разграничение финансового и таможенного контроля имеет еще один важный аспект значимости. Эффективность таможенного контроля, позиционируемого в качестве

³⁰ См.: Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал рос. права. 2001. № 5. С. 8.

³¹ См.: Козырин А.Н. Взаимодействие общества и государства в сфере публичных финансов. С. 100; Ялбуганов А.А. Указ. соч. С. 91.

³² См.: Ноздрачев А.Ф. Понятия в таможенном праве // Право и экономика. 1998. № 10. С. 57.

³³ См.: Ноздрачев А.Ф. Правовое обеспечение новой организации и деятельности таможенных органов: состояние и задачи дальнейшего совершенствования // Законодательство и экономика. 2005. № 2 (250). С. 24.

³⁴ Бахрах Д.Н. Таможенное право как институт административного права // Государство и право. 1995. № 3. С. 13.

³⁵ См.: Актуальные проблемы финансового права / Л.Л. Арзуманова, Н.М. Артемов, О.В. Болтинова и др.; отв. ред. Е.Ю. Грачева. М., 2016.

³⁶ См.: Бакаева О.Ю. Сочетание публичных и частных интересов как принцип финансового и таможенного права. С. 25.

³⁷ См.: Цидилина И.А. Администрирование таможенных платежей как направление финансовой деятельности государства (финансово-правовой аспект). М., 2016; Литвинова Ю.М. Финансовый контроль в области таможенного дела: проблемы правового регулирования и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

исключительно финансового, определяется посредством критериев, отражающих показатели (контрольные показатели) деятельности таможенных органов по обеспечению финансовых поступлений в государственный бюджет. В то же время объективными критериями при оценке таможенного контроля должны быть комплексные показатели, связанные как с выполнением плановых финансовых обязательств, так и с обеспечением комфортности ведения бизнеса, укреплением доверия бизнеса к власти, стимулированием добросовестного поведения подконтрольных лиц, их экономической активности и позитивной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамагомедова С.А. Инвентаризация как мера, обеспечивающая проведение государственного контроля // *Хозяйство и право*. 2019. № 12. С. 103–109.
2. Актуальные проблемы финансового права / Л.Л. Арзуманова, Н.М. Артемов, О.В. Болтинова и др.; отв. ред. Е.Ю. Грачева. М., 2016.
3. Ашмарин А.И. Финансово-правовое регулирование контроля за уплатой таможенных платежей в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2010. С. 12–14.
4. Бакаева О.Ю. Вопросы стимулирования плательщиков таможенных платежей к соблюдению финансовой дисциплины в условиях цифровой экономики // *Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела в условиях международной экономической интеграции: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф.* Минск, 2020. С. 6–11.
5. Бакаева О.Ю. Развитие научных идей профессора Н.И. Химичевой в теории таможенного обложения // *Развитие научных идей профессора Н.И. Химичевой в современной доктрине финансового права: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. в рамках III Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н.И. Химичевой, посвященных 90-летию со дня рождения Нины Ивановны* (Саратов, 2 октября 2018 г.) / под ред. Е.В. Покачаловой. Саратов, 2020. С. 26, 27.
6. Бакаева О.Ю. Сочетание публичных и частных интересов как принцип финансового и таможенного права // *Ленинградский юрид. журнал*. 2013. № 3. С. 22–28.
7. Бакаева О.Ю., Покачалова Е.В. Мониторинг и аудит как инструмент достижения частных и публичных интересов в налоговых и таможенных отношениях // *Вестник Пермского ун-та. Юридические науки*. 2018. Вып. 41. С. 616–643.
8. Бахрах Д.Н. Таможенное право как институт административного права // *Государство и право*. 1995. № 3. С. 13.
9. Бельский К.С. Финансовое право. М., 1994. С. 29.
10. Боков К.И. Становление и развитие таможенного дела и таможенного законодательства в России: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10.
11. Галузо В.Н. Таможенное право: учеб. для студ. вузов. М., 2016.
12. Галузо В.Н., Канафин Н.А. Таможенный контроль в системе функций таможенных органов в Российской Федерации // *Международный журнал гражданского и торгового права*. 2016. № 1. С. 62–66.
13. Грачева Е.Ю. Особенности становления бюджетного контроля в дореволюционной России // *Банковское право*. 2013. № 6. С. 19–29.
14. Грачева Е.Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль как система управления // *Актуальные вопросы рос. права*. 2016. № 9 (70). С. 61.
15. Грачева Е.Ю. Финансовый контроль — подотрасль финансового права // *Финансовое право*. 2002. № 2. С. 57–63.
16. Давыдов Р.В. Международная практика взаимодействия налоговых и таможенных служб: оценка Всемирной таможенной организацией // *Вестник РТА*. 2017. № 2. С. 7–15.
17. Жданов А.А. Финансовое право Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд. М., 1995. С. 166.
18. Зырянова Т.В., Даниленко Н.И. Таможенный контроль и его роль в повышении эффективности государственного финансового контроля // *Финансы и кредит*. 2005. № 28 (196). С. 2–8.
19. Иванча И.И. Роль таможенной службы в развитии государственного финансового контроля поступления таможенных платежей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/319/image/319-143.pdf> (дата обращения: 24.11.2021).
20. Ицкович Б.Ф. Развитие теоретических и практических аспектов понятия “бюджетный контроль” // *Финансы и кредит*. 2009. № 40. С. 30.
21. Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского. М., 1995. С. 32, 82, 83.
22. Ковалева Э.Р., Гафурова Г.Т., Якутов З.С. Государственный финансовый контроль в схемах и таблицах: учеб.-наглядное пособие. Казань, 2017. С. 29.
23. Козырин А.Н. Взаимодействие общества и государства в сфере публичных финансов // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 2002. № 2 (39). С. 100, 101.
24. Козырин А.Н. Таможенное право России: учеб. пособие. М., 1995.
25. Комментарий к Таможенному кодексу Таможенного союза ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 года (постатейный) / Антропцева И.О., Бевзюк Е.А., Бернев А.Э. и др. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2014 (коммент. к ст. 110 ТК ТС).
26. Литвинова Ю.М. Финансовый контроль в области таможенного дела: проблемы правового регулирования и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 9, 10.
27. Малиновская В.М. Таможенное право России: учеб. по публичному и частному праву: в 2 т. Т. 1: Публичное право. М., 2008. С. 371–487.
28. Матвиенко Г.В. Правовые основы таможенного процесса / под ред. С.В. Запольского. М., 2011. С. 186–225.
29. Ноздрачев А.Ф. Понятия в таможенном праве // *Право и экономика*. 1998. № 10. С. 57.
30. Ноздрачев А.Ф. Правовое обеспечение новой организации и деятельности таможенных органов: состояние и задачи дальнейшего совершенствования // *Законодательство и экономика*. 2005. № 2 (250). С. 24.
31. Олишников А.Ю., Галузо В.Н. Об истории развития таможенного законодательства России (с 1649 г. по настоящее время) // *Право и жизнь*. 2015. № 6. С. 95–112.
32. Сергеев Е.В. Таможенный контроль: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 19.
33. Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // *Журнал рос. права*. 2001. № 5. С. 8.
34. Трунина Е.В. Административные процедуры в деятельности таможенных органов Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование. Волгоград, 2013. С. 25.
35. Цидилина И.А. Администрирование таможенных платежей как направление финансовой деятельности государства (финансово-правовой аспект). М., 2016.
36. Ялбулганов А.А. Финансовый контроль как правовой институт: основные этапы развития // *Правоведение*. 2000. № 3. С. 86, 87.
37. Янчуков Д.А. Государственный контроль в таможенной сфере: административно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9, 91.

REFERENCES

1. *Agamagomedova S.A.* Inventory as a measure ensuring state control // *Economy and law*. 2019. No. 12. P. 103–109 (in Russ.).
2. Actual problems of Financial Law / L.L. Arzumova, N.M. Artemov, O.V. Boltinova et al.; ed. E. Yu. Gracheva. M., 2016 (in Russ.).
3. *Ashmarin A.I.* Financial and legal regulation of control over the payment of customs duties in the Russian Federation Federation: abstract ... PhD in Law. Lyubertsy, 2010. P. 12–14 (in Russ.).
4. *Bakaeva O. Yu.* Issues of stimulating customs payers to comply with financial discipline in the digital economy // Actual problems of the theory and practice of customs in the context of international economic integration: collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference. Minsk, 2020. P. 6–11 (in Russ.).
5. *Bakaeva O. Yu.* Development of scientific ideas of Professor N.I. Khimicheva in the theory of customs taxation // Development of scientific ideas of Professor N.I. Khimicheva in the modern doctrine of Financial Law: collection of scientific tr. based on the materials of the International Scientific and Practical Conference within the framework of the III Saratov Financial and Legal readings of the scientific school of N.I. Khimicheva, dedicated to the 90th anniversary of the birth of Nina Ivanovna (Saratov, 2 October 2018) / ed. by E.V. Pokachalova. Saratov, 2020. P. 26, 27 (in Russ.).
6. *Bakaeva O. Yu.* Combination of public and private interests as a principle of Financial and Customs Law // *Leningrad legal journal*. 2013. No. 3. P. 22–28 (in Russ.).
7. *Bakaeva O. Yu., Pokachalova E.V.* Monitoring and audit as a tool for achieving private and public interests in tax and customs relations // *Herald of the Perm University. Legal sciences*. 2018. Issue 41. P. 616–643 (in Russ.).
8. *Bakhrakh D.N.* Customs Law as an institute of Administrative Law // *State and Law*. 1995. No. 3. P. 13 (in Russ.).
9. *Belsky K.S.* Financial Law. M., 1994. P. 29 (in Russ.).
10. *Bokov K.I.* Formation and development of customs affairs and customs legislation in Russia: historical and legal research: abstract ... PhD in Law. M., 2012. P. 10 (in Russ.).
11. *Galuzo V.N.* Customs Law: textbook for students of universities. M., 2016 (in Russ.).
12. *Galuzo V.N., Kanafin N.A.* Customs control in the system of functions of customs authorities in the Russian Federation // *International Journal of Civil and Commercial Law*. 2016. No. 1. P. 62–66 (in Russ.).
13. *Gracheva E. Yu.* Features of the formation of budget control in pre-revolutionary Russia // *Banking Law*. 2013. No. 6. P. 19–29 (in Russ.).
14. *Gracheva E. Yu.* Financial activity and financial control as a management system // *Current issues of Russian law*. 2016. No. 9 (70). P. 61 (in Russ.).
15. *Gracheva E. Yu.* Financial control – a sub-branch of Financial Law // *Financial Law*. 2002. No. 2. P. 57–63 (in Russ.).
16. *Davydov R.V.* International practice of interaction between tax and customs services: assessment by the World Customs Organization // *Bulletin of the RCA*. 2017. No. 2. P. 7–15 (in Russ.).
17. *Zhdanov A.A.* Financial Law of the Russian Federation: textbook. 2nd ed. M., 1995. P. 166 (in Russ.).
18. *Zyryanova T.V., Danilenko N.I.* Customs control and its role in improving the efficiency of state financial control // *Finance and credit*. 2005. No. 28 (196). P. 2–8 (in Russ.).
19. *Ivanha I.I.* The role of the customs service in the development of state financial control of the receipt of customs payments [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/319/image/319-143.pdf> (accessed: 24.11.2021) (in Russ.).
20. *Itskovich B.F.* Development of theoretical and practical aspects of the concept of “budget control” // *Finance and credit*. 2009. No. 40. P. 30 (in Russ.).
21. *Kislovsky Yu.G.* History of the customs of the Russian state. M., 1995. P. 32, 82, 83 (in Russ.).
22. *Kovaleva E.R., Gafurova G.T., Yakupov Z.S.* State financial control in schemes and tables: textbook. Kazan, 2017. P. 29 (in Russ.).
23. *Kozyrin A.N.* Interaction of society and the state in the field of public finance // *Constitutional Law: Eastern European Review*. 2002. No. 2 (39). P. 100, 101 (in Russ.).
24. *Kozyrin A.N.* Customs Law of Russia: textbook. M., 1995 (in Russ.).
25. Commentary to the Customs Code of the EurAsEC Customs Union dated November 27, 2009 (article by article) / Antroptseva I.O., Bevyzyuk E.A., Bernev A.E. et al. Prepared for the system “Consultant Plus”, 2014 (comment. to Article 110 of the TC CU) (in Russ.).
26. *Litvinova Yu. M.* Financial control in the field of customs: problems of legal regulation and law enforcement: abstract ... PhD in Law. Saratov, 2011. P. 9, 10 (in Russ.).
27. *Malinovskaya V.M.* Customs Law of Russia: textbook on Public and Private Law: in 2 vols. Vol. 1: Public Law. M., 2008. P. 371–487 (in Russ.).
28. *Matvienko G.V.* Legal bases of the customs process / ed. by S.V. Zapol'sky. M., 2011. P. 186–225 (in Russ.).
29. *Nozdrachev A.F.* Concepts in Customs Law // *Law and Economics*. 1998. No. 10. P. 57 (in Russ.).
30. *Nozdrachev A.F.* Legal support of the new organization and activity of customs authorities: the state and tasks of further improvement // *Legislation and Economics*. 2005. No. 2 (250). P. 24 (in Russ.).
31. *Olympiev A. Yu., Galuzo V.N.* On the history of the development of the customs legislation of Russia (from 1649 to the present time) // *Law and Life*. 2015. No. 6. P. 95–112 (in Russ.).
32. *Sergeev E.V.* Customs control: problems of legal regulation: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2005. P. 19 (in Russ.).
33. *Tikhomirov Yu. A.* Public law regulation: Dynamics of spheres and methods // *Journal of Russ. law*. 2001. No. 5. P. 8 (in Russ.).
34. *Trunina E.V.* Administrative procedures in the activities of the customs authorities of the Russian Federation: theoretical and applied research. Volgograd, 2013. P. 25 (in Russ.).
35. *Tsidilina I.A.* Administration of customs payments as a direction of financial activity of the state (financial and legal aspect). M., 2016 (in Russ.).
36. *Yalbulganov A.A.* Financial control as a legal institution: the main stages of development // *Jurisprudence*. 2000. No. 3. P. 86, 87 (in Russ.).
37. *Yanchukov D.A.* State control in the customs sphere: administrative and legal aspects: abstract ... PhD in Law. M., 2011. P. 9, 91 (in Russ.).

Сведения об авторе

АГАМАГОМЕДОВА Саният Абдулганиевна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

AGAMAGOMEDOVA Saniat A. — PhD of Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ,
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ, НОВЫЕ ВЫЗОВЫ**
(Всероссийская научная конференция с международным участием)

© 2023 г. Н. В. Варламова*, Т. А. Васильева**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Поступила в редакцию 28.11.2022 г.

Аннотация. 25 октября 2022 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Права человека: традиционные ценности, универсальные стандарты, новые вызовы». В ее работе приняли участие представители ведущих российских научных и учебных учреждений, а также исследователи из Беларуси, Казахстана, Вьетнама. На конференции был рассмотрен широкий круг проблем, связанных с разнообразием теоретических интерпретаций прав человека, формированием концепции конституционного статуса человека, обеспечением и защитой конкретных прав человека. Особое внимание было уделено влиянию на эти процессы современных достижений нейронаук, генной инженерии, а также широкого использования цифровых технологий.

Ключевые слова: права человека, конституционный статус человека, традиционные ценности, универсальные стандарты прав человека, нейронауки, генная инженерия, искусственный интеллект, цифровизация.

Цитирование: Варламова Н. В., Васильева Т. А. Права человека: традиционные ценности, универсальные стандарты, новые вызовы (Всероссийская научная конференция с международным участием) // Государство и право. 2023. № 3. С. 165–187.

DOI: 10.31857/S102694520024781-0

**HUMAN RIGHTS: TRADITIONAL VALUES,
UNIVERSAL STANDARDS, NEW CHALLENGES**
(The All-Russian Scientific Conference with international participation)

© 2023 N. V. Varlamova*, T. A. Vasilieva**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Received 28.11.2022

Abstract. On October 25, 2022 the Institute of State and Law of the Russian Academy of Science hosted the All-Russian Scientific Conference with international participation “Human rights: traditional values, universal standards, new challenges”. It was attended by representatives of leading Russian scientific and educational institutions, as well as researchers from Belarus, Kazakhstan, Vietnam. The conference examined a wide range of problems related to the diversity of theoretical interpretations of human rights, the formation of the concept of constitutional status of a person, and the enforcement and protection of human rights. Particular attention was paid to the influence on these processes of modern achievements of neuroscience, genetic engineering, as well as extensive use of digital technologies.

Key words: human rights, constitutional status of a person, traditional values, universal human rights standards, neuroscience, genetic engineering, artificial intelligence, digital technologies.

For citation: Varlamova, N. V., Vasilieva, T. A. (2023). Human rights: traditional values, universal standards, new challenges (The All-Russian Scientific Conference with international participation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 165–187.

25 октября 2022 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Права человека: традиционные ценности, универсальные стандарты, новые вызовы». В ее работе приняли участие более ста ученых, представляющих девять субъектов Российской Федерации, и более 30 ведущих научных учреждений и вузов России, а также исследователи из Беларуси, Казахстана, Вьетнама.

Пленарное заседание конференции открыл доклад **советника Президента РФ, председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека В.А. Фадеева**. Он подчеркнул, что Всеобщая декларация прав человека¹ — это противоречивый и в правовом отношении во многих аспектах трудно реализуемый документ. Однако он пронизан гуманизмом и жестко заявляет неприятие тирании, и в этом его главное значение для человечества. Это общественный идеал, с которым согласны многие на Западе, но далеко не все на Востоке. Институт прав человека — великое завоевание, однако он базируется на западном мировоззрении, основанном на индивидуализме, что не позволяет объединить человечество. Индивидуализм не следует навязывать тем народам, которым он не свойствен. Индивидуальные права человека не должны диссонировать с общественным благом. Общность в понимании прав человека необходимо достигать на базе уважения всех народов, признания разных путей развития, обеспечения гармонии между правами индивида и правами общества и его отдельных групп.

Сегодня на международном уровне требуется организовать работу по поиску консенсуса в области прав и свобод человека при полном равноправии участвующих в этом процессе народов. Это будет способствовать преодолению кризиса, формированию новой, более справедливой модели мироустройства.

С приветственным словом к конференции обратилась **Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Москалькова**. Программа конференции, по ее мнению, позволяет рассмотреть проблематику прав человека сквозь призму уважения национальных ценностей, взаимодействия различных культур и религий, обеспечения государственного суверенитета, формирования многополярной системы международных отношений, развития новых технологий, реформирования органов публичной власти и социальной сферы в России в связи с принятием в 2020 г. поправок к Конституции РФ.

¹ Принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948 г. (см.: Росс. газ. 1998. 10 дек.).

Конструктивная работа участников конференции придаст новый импульс дальнейшему развитию теории и практики защиты прав человека.

Сопредседатель Ассоциации юристов России, д-р юрид. наук В.Н. Плигин (ИГП РАН) отметил, что в XXI в. человек осознает гарантированность своих прав и их незыблемость, хотя понимание того, что права человека есть высшая ценность, заняло целые столетия. Он проследил развитие правовой доктрины, национального и международного регулирования в данной сфере и показал, что результатом общественного прогресса стали расширение каталога основных прав и свобод человека и конкретизация их содержания, признание прав человека на международном уровне, возложение на государства обязанностей по их обеспечению и защите.

Первый заместитель руководителя рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, канд. юрид. наук И.В. Чечельницкий обратил внимание на необходимость разработки новой концепции прав человека, основанной на российских традиционных ценностях, справедливом балансе общего блага и личных интересов граждан. В современных условиях правозащитная деятельность все больше ориентируется на совместную работу органов государственной власти и институтов гражданского общества по восстановлению прав человека, нарушенных несправедливыми законами или решениями отдельных чиновников.

В своем выступлении **д-р юрид. наук, проф. С.А. Авакьян (МГУ им. М.В. Ломоносова)** подчеркнул, что разговор о конституционном статусе личности в последнее время приобретает странный характер: всем понятна его важность и вместе с тем зачастую малая полезность. Превалирующим является потребительский подход, в котором доминирующее значение имеют проблемы обеспечения жизнедеятельности человека как физического существа. Безусловно, это необходимо. Но есть же и другая ипостась человека: он существо общественное, способное активно проявлять себя в публичных делах — государственных, социальных, культурных. Как известно, объединение таких личностей, которым безразлично, что происходит вокруг, для участия в решении государственных и общественных дел называют социумом. В регулировании конституционного статуса личности в последнее время наблюдается резкое увеличение внимания к блоку прав и свобод, которые позволяют раскрыть заложенный в человеке потенциал социальной активности. Разумеется, это требует формирования соответствующей общественной обстановки. Все это нашло отражение в положениях Конституции РФ, появившихся в ней в результате реформы 2020 года. Сегодня можно констатировать государственно-правовой подход к человеку

как к общественному существу, непосредственно-му участнику большинства социально-политических процессов.

Доклад д-ра юрид. наук, доц. **Т.А. Васильевой (ИГП РАН)** был посвящен концепции достоинства человека, которая в настоящее время является базовой для международной и национальных систем защиты прав человека. В основе этой концепции лежит идея признания различий и разнообразия, возможности человека самостоятельно определять свою судьбу и образ жизни. Конституции подавляющего большинства стран содержат положения об уважении достоинства человека. В практике органов конституционного контроля они используются для определения границы между сферами индивидуальной свободы и допустимого вмешательства государства, а также для установления наиболее серьезных нарушений основных прав и свобод, приводящих к унижению достоинства человека.

В самом общем виде можно выделить три группы конституционных споров, касающихся достоинства человека, — связанные с уважением автономии человека, его права на принятие индивидуальных решений; обеспечением достойного уровня жизни; защитой от действий представителей публичной власти и третьих лиц, ущемляющих достоинство. В последнем случае особо актуально обеспечение физической и психической неприкосновенности лиц, находящихся под контролем государства (задержанные, отбывающие наказание в виде лишения свободы, пациенты психиатрических больниц, военнослужащие и т.п.). Практика органов конституционного контроля свидетельствует о том, что содержание концепции достоинства человека видоизменяется с течением времени, отражая эволюцию во взглядах и моральных ценностях, обусловленную развитием общественных отношений, культуры, появлением новых технологий.

На тесную связь тематики прав человека в юридической науке с анализом соотношения правовых и иных социальных норм обратил внимание д-р юрид. наук, проф. **Л.Р. Сюкияйнен (НИУ ВШЭ)**. Взаимодействие права, нравственности и религии в последнее время привлекает особое внимание. В нашей стране это наглядно проявилось в ходе дискуссии вокруг проблемы юридической защиты чувств верующих. Агрессивный неолиберализм, охвативший многие государства, обострил вопрос о моральной оценке прав лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Заметный рост мусульманских меньшинств на Западе привел к конфликтам на почве противостояния различных представлений о правах и свободах человека.

Для поиска решений всех этих проблем представляет интерес исламская концепция, которая исходит из того, что юридически признаваемые

права и свободы человека не могут нарушать точно установленные предписания шариата. Исламский подход к правам человека и соответствующая правовая практика подтверждают выдвинутый рядом исследователей тезис о наличии у прав человека естественных пределов, заданных религиозными постулатами. Исходя из этого, можно полагать, что единые универсальные стандарты прав человека могут быть реализованы в условиях различных цивилизаций только в рамках присущих им культурных и религиозно-нравственных ценностей. Глобализация привносит немало нового в формы и результаты взаимодействия права, нравственности и религии. Наблюдается формирование культурной и духовно-нравственной многополярности современного мира. Все это повышает актуальность исследования соотношения права, религии и нравственности при разработке проблематики прав человека.

Доклад д-ра юрид. наук, проф. **В.А. Карташкина (ИГП РАН)** был посвящен вопросам межгосударственного согласования норм о правах человека и различий в их интерпретации. Разработка норм, закрепленных в международных соглашениях, занимает длительное время в связи с различием подходов государств к пониманию отдельных прав человека. При этом процесс формирования международных стандартов в сфере прав человека идет неравномерно: в периоды разрядки международной напряженности он ускоряется, а в условиях обострения взаимоотношений государств замедляется и даже прекращается.

Каким образом государствам удастся принимать международные акты соглашения, возлагающие на них обязательства по соблюдению прав человека? Во-первых, в процессе согласования норм часто не уточняется содержание многих используемых понятий — равенства, свободы, социального прогресса. Трактуют их различным образом, участники международных договоров вкладывают в них и общий демократический смысл.

Во-вторых, государства сознательно идут на многочисленные уступки, исходя из важности разрабатываемых соглашений для всех участников мирового сообщества. Решающую роль играет и возможность использования разных способов осуществления различных прав и свобод, многие из которых сформулированы в общих чертах, без определения их конкретного содержания.

Различные варианты учреждения нового Международного суда по правам человека с участием России обсуждались в докладе члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф. **М.И. Клеандрова (ИГП РАН)**. Прекращение членства Российской Федерации в Совете Европы и выход из Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября

1950 г.² не означает отсутствие объективной необходимости в международной судебной защите прав российских граждан. Возможно несколько вариантов создания такого Международного суда. Это мог бы быть Суд по правам человека в рамках СНГ. Научная проработка этой идеи осуществлялась во второй половине 1990-х годов. Тогда же были приняты Положение о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств от 24 сентября 1993 г. и Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.³ Суд по правам человека может быть учрежден в Союзном государстве России и Беларуси. Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства»⁴ предусматривалось создание Суда Союзного государства (гл. IV). Однако суд, действующий на основании договора двух государств, вряд ли в полной мере может считаться международным. Еще одной альтернативой могло бы стать создание Азиатского Суда по правам человека на базе Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных учреждений⁵. Но будет непорочно совместить понимание прав человека в рамках мусульманской, конфуцианской и иных правовых традиций.

Несмотря на все сложности формирования нового Международного суда по правам человека с участием России, такой орган необходим. Но при этом невозможно признание нашей страной юрисдикции двух и более международных судов по правам человека, поскольку неизбежны расхождения между их правовыми позициями, которые будут складываться в их практике. Созданию нового Международного суда по правам человека должно предшествовать принятие нового базового международного акта о правах человека (хартии, конвенции), в котором необходимо зафиксировать не только права человека, уже устоявшиеся и признанные во всех государствах ее участниках, но и новые, еще только складывающиеся права: право на здоровую окружающую среду, цифровые права, права в сфере генной инженерии, искусственного интеллекта и др.

Доклад члена-корр. НАН Беларуси, д-ра юрид. наук, проф. Г.А. Василевича (Белорусский государственный университет) был посвящен проблеме конституционного закрепления общечеловеческих ценностей. В современных условиях вопрос

о содержании ценностей, которые должны получать правовое признание, становится предметом острой дискуссии. Обычно к общечеловеческим ценностям относят разделяемые всем мировым сообществом социальные, политические и нравственные идеалы, содействующие социальному прогрессу и развитию человеческой личности. Антиподом им выступают ценности, часто выдаваемые за современные, которые ведут к деградации общества, нравственности и морали.

Конституционные изменения, которые произошли в Российской Федерации в 2020 г. и в Республике Беларусь в 2022 г., выявили стремление народов этих стран сохранить свои исторические и культурные ценности, противостоять современным негативным тенденциям. Особую значимость приобретает закрепление в учредительных актах норм о сохранении памяти о героическом прошлом наших народов (ст. 67.1 Конституции РФ, ст. 15, 54 Конституции РБ). Признавая высшую ценность прав и свобод отдельного человека, белорусский конституционный законодатель (народ) закрепил в Конституции положение о долге каждого проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства (ст. 21).

Таким образом, конституционная доктрина и конституционные тексты наших государств нацеливают нынешнее и будущее поколения на сохранение идентичности народа, которому есть чем гордиться и что отстаивать.

В докладе д-ра юрид. наук, проф. А.И. Ковлера (ИЗиСП при Правительстве РФ) акцентировалось внимание на радикальных изменениях социального и правового бытия человека, обусловленных стремительным развитием новых информационных технологий. Философы говорят об утрате человеком своей идентичности, антропологической данности. Вместе с тем невозможно отрицать и положительные аспекты цифровизации, прежде всего ускорение и упорядочение процесса обработки и хранения большого массива данных, необходимых для осуществления многих социальных функций. В этой связи возрастает роль правовых регуляторов этого процесса, ведется поиск адекватных методов регулирования. Необходимо провести диагностику состояния современного права, его способности реагировать на цифровые вызовы, извлечь уроки из опыта решения аналогичных задач в мировой практике. Отдельного рассмотрения заслуживают проблемы «роботизации правосудия», а также перехода к новым формам «цифровой демократии».

В целом пришествие «цифровой цивилизации» требует не только традиционных нормативных, позитивно-правовых методов реагирования, но и использования антропологического

² См.: СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

³ См.: СЗ РФ. 1999. № 13, ст. 1489.

⁴ См.: СЗ РФ. 2000. № 7, ст. 786.

⁵ См.: Устав Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных учреждений. Принят в Джакарте 12 июля 2010 г. URL: http://aacc-asia.org/content/statute/9_AACC%20Statute_RU.pdf (дата обращения: 12.11.2022).

и социологического подхода. Только их сочетание позволит более эффективно адаптировать правовое бытие человека к новым условиям, перенастроить правовую систему и в конечном счете обеспечить обновление статуса личности, претендующей на новые права.

На проблеме согласования частных и публичных интересов при обеспечении прав человека в связи с развитием генетических технологий остановилась **д-р юрид. наук В.В. Лапаева (ИГП РАН)**. Данная проблема актуализируется в контексте формирования персонализированной медицины, основанной на учете генетических особенностей пациента. Наряду с открывающимися заманчивыми перспективами это несет в себе и риски, связанные с тем, что персонализированная медицина может «перетянуть на себя» ресурсы, необходимые для развития общественного здравоохранения в целом.

Другое направление поиска баланса частных и публичных интересов в сфере применения генетических технологий обусловлено наметившимся отходом от доминировавшего ранее безоговорочного запрета на редактирование наследуемого генома человека, сегодня взят курс на обеспечение возможности лечения посредством такого редактирования генома в рамках жестких правовых ограничений и при строгом контроле за их соблюдением. Проблема заключается в том, что отказ от запрета на редактирование наследуемого генома открывает перспективы не только для лечения, но и для т.н. совершенствования человека, т.е. улучшения его физических и когнитивных характеристик. А это создает предпосылки для качественно нового неравенства, чреватого биосоциальным расколом человечества. Однако с правовой точки зрения отказ от безоговорочного запрета в пользу его правовых ограничений обоснованный, поскольку в противном случае имела бы место дискриминация определенной группы лиц на основании особенностей их генетического статуса по сравнению с теми, кто может лечиться с помощью генетического модифицирования соматических (т.е. не передающихся по наследству) клеток. Безопасность избранной стратегии будет зависеть от того, удастся ли создать эффективную систему контроля за исследовательской и клинической практикой в данной сфере и обеспечить ее правовое регулирование на глобальном уровне. Любой иной уровень регулирования проблему не решит, поскольку спрос на т.н. дизайнерских детей будет удовлетворяться путем репродуктивного туризма и формирования рынка криминальных услуг.

Документы международных и наднациональных организаций, в которых определяются основные подходы к обеспечению социальных прав в условиях кризисов, были проанализированы в докладе

канд. юрид. наук, доц. Н.В. Колотовой (ИГП РАН). Кризисные и чрезвычайные ситуации обычно сопряжены с нехваткой материальных и финансовых ресурсов. В связи с этим государства обращаются к стратегии временного ограничения социальных прав. Хотя дерогация международно-правовых обязательств по обеспечению социальных прав в период чрезвычайной ситуации невозможна⁶, Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам в замечаниях общего порядка определил условия их допустимых ограничений. Прежде всего сокращение объемов обеспечения социальных прав применяется в интересах защиты уязвимых групп населения⁷, нуждающихся в дополнительных мерах поддержки государства из-за несоразмерности ущерба, причиняемого их жизни и здоровью в условиях кризиса⁸. Однако запрещается произвольный регрессивный пересмотр социальных обязательств: требуется тщательное рассмотрение их обоснованности и полноты максимально возможного использования имеющихся в распоряжении государства ресурсов применительно к каждому случаю. Не могут быть ограничены социальные обязательства безотлагательного характера, предполагающие обеспечение социальных прав на минимальном уровне и без какой-либо дискриминации⁹. Применение регрессивных мер и ограничение минимальных стандартов предоставления социальных прав могут стать предметом судебного рассмотрения, в том числе на наднациональном уровне.

Оценке моратория на банкротство с точки зрения конституционных положений, и прежде всего свободы экономической деятельности, был посвящен доклад **члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук А.В. Габова (ИГП РАН)**. Данный мораторий был установлен в 2020 г. в качестве меры защиты

⁶ См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (ст. 4). Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 220 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17, ст. 291.

⁷ См.: Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Двадцать вторая сессия (2000 г.). Замечание общего порядка № 14 — Право на наивысший достижимый уровень здоровья (ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) (п. 28). Замечания общего порядка приводятся по базе данных договорных органов ООН: Объединенные нации. Права человека. Управление Верховного Комиссара. URL: <https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/human-rights-treaty-bodies-general-comments> (дата обращения: 02.11.2022).

⁸ См.: Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Семнадцатая сессия (1997 г.). Замечание общего порядка № 8 — Связь между экономическими санкциями и уважением экономических, социальных и культурных прав (п. 7).

⁹ См.: Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Пятая сессия (1990 г.). Замечание общего порядка № 3 — Природа обязательств государств-участников (п. 1 ст. 2 Пакта) (п. 9, 10).

от банкротства юридических лиц, оказавшихся в сложной ситуации в результате эпидемии коронавируса и введения различного рода ограничений, направленных на предотвращение ее распространения. В связи с пандемией высказывались мнения о целесообразности введения чрезвычайного положения, однако использование этого конституционного механизма не позволило бы достичь указанных целей в силу положения ст. 56 Конституции РФ о недопустимости установления дополнительных ограничений целого ряда прав и свобод, в том числе предусмотренных ч. 1 ст. 34 и ст. 46 Конституции РФ, в условиях чрезвычайного положения. А иных правовых средств реагирования, релевантных масштабу чрезвычайных обстоятельств, наше право на тот момент не имело.

Мораторий — это институт, который традиционно использовался для облегчения положения кредиторов, оказавшихся в затруднительной ситуации. Известны две его формы: индивидуальный и всеобщий (генеральный) мораторий. Первый вид моратория используется в российском законодательстве о банкротстве с 1992 г., а второй масштабно применялся в нашей стране только в период Первой мировой войны; после нее он использовался крайне редко. Гражданский кодекс РФ лишь вскользь упоминает о моратории в ст. 202 как об отсрочке исполнения обязательств, без какой-либо конкретизации. Иных положений о моратории до 2020 г. наше право не содержало. Между тем для защиты интересов граждан в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, которые затрагивают либо значительную часть, либо все население определенной территории и даже страны в целом, этот институт при надлежащем регулировании весьма эффективен. Специфика всеобщего (генерального) моратория, которая и предопределяет интерес к нему, — это «снятие» проблемы доказывания лицом того факта, что чрезвычайные обстоятельства создали для него сложную ситуацию вплоть до невозможности исполнения обязательств. Регулирование генерального моратория в России в настоящее время является несовершенным, причем в самых принципиальных элементах. Во-первых, данный мораторий не является мораторием только на банкротство, а имеет более значительные последствия.

Во-вторых, часто не обращается внимание на то, что этот мораторий может быть введен и в период экономических кризисов. И в этом смысле мораторий, как и чрезвычайное и военное положение, представляет собой институт, цель которого — обеспечить интересы граждан и юридических лиц в связи с различными чрезвычайными событиями негативного характера. При этом мораторий — это прежде всего ограничение прав, что требует тщательности в регулировании как его последствий,

так и исключений для его применения, поэтому было бы целесообразно подумать о регулировании этого института на конституционном уровне.

Поиск форм и методов государственного управления, адекватных условиям становления в мире нового технологического уклада, как подчеркнула **канд. юрид. наук, доц. М.А. Штатина (РУДН)**, приводит к формированию все большего количества специальных административно-правовых режимов — чрезвычайных и ординарных, ограничительных и преференциальных. Они действуют для обеспечения безопасности, охраны и защиты общества, личности и государства, стимулирования развития общественных отношений в определенном направлении, ограничения и пресечения негативных воздействий на общество и человека. Каждый из элементов правовой конструкции специального правового режима (субъекты и объекты режимного регулирования, режимные средства и правила, организационно-юридические гарантии) непосредственно связан с реализацией прав граждан и организаций. Цели и пределы действия всех специальных административно-правовых режимов должны определяться с учетом максимально возможного обеспечения прав человека. Наибольшему воздействию подвергаются права человека в условиях экстраординарных административно-правовых режимов, действующих в условиях угрозы безопасности и в чрезвычайных ситуациях, когда допускается применение мер, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, устанавливаются дополнительные административно-правовые обязанности и запреты, государственным и муниципальным органам предоставляются чрезвычайные полномочия, вводятся особые формы управления территорией. При этом первостепенное значение имеют административно-правовые гарантии прав человека, в том числе надлежащее правовое регулирование и информационное сопровождение специальных административно-правовых режимов.

В докладе **канд. юрид. наук И.И. Бутрима (ИГП РАН)** были проанализированы права и социальные гарантии участников боевых действий и членов их семей, предусмотренные отечественным законодательством. Докладчик дал развернутую характеристику основных элементов статуса военнослужащего как совокупности гарантий, льгот и компенсаций, материальных и правовых условий и средств, обеспечивающих возможность пользоваться предоставленными государством правами. Были раскрыты особенности реализации прав и гарантий военнослужащих в зависимости от правового режима участия в боевых действиях (в частности, при вооруженных конфликтах, в период мобилизации, военного времени и др.). Подробно рассмотрены особенности правового статуса граждан,

призванных на военную службу по мобилизации, лиц, участвующих в боевых действиях в составе добровольческих отрядов, и членов их семей, в том числе проблемы реализации их социально-экономических и трудовых прав и социальных и правовых гарантий (в области осуществления предпринимательской деятельности, налогообложения, исполнительного производства, жилищного обеспечения и др.). По мнению докладчика, с учетом существующей неопределенности начала военной службы (что является ключевым моментом для реализации прав и гарантий) для отдельных категорий участников боевых действий, в частности при призыве по мобилизации, следует законодательно определить в качестве такового дату приказа органа военного управления, например, об отправке к месту службы. Обоснована необходимость законодательного распространения всей совокупности прав и социальных гарантий военнослужащих, проходящих службу по контракту, на все вышеуказанные категории участников боевых действий (мобилизованных, членов добровольческих отрядов) и на иные категории лиц, содействующих выполнению боевых задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, при их использовании за пределами страны, при проведении контртеррористических операций.

По мнению д-ра юрид. наук, проф. В.И. Крусса (Тверской государственный университет), глубинная трансформация миропорядка должна подтолкнуть российскую юридическую науку к выходу из той зоны комфорта, в которой она находилась последние десятилетия. Представляется, что постсоветское правоведение излишне легко отказалось от наработок социалистической теории «подлинных» прав и свобод человека и весьма опрометчиво перешло к апологетике универсальных («общепризнанных») трактовок их сущности, содержания и «демократических стандартов» признания и обеспечения. Корни этой проблемы находятся не на идеологическом, а на мировоззренческом и гносеологическом уровнях. Сегодня проясняются последствия интерпретации и практического признания прав человека в контексте критической переоценки классической научной парадигмы с инновационных позиций неклассики и постнеклассики. Однако права человека более всего «нуждаются» в классических, методологически перспективных концепциях развертывания общих понятий в конкретные характеристики сущего как должного. Докладчик подчеркнул, что заявленная им тема «Права человека. XXI век. *Finita la comedia?*» не является провокационно-риторической или панической реакцией на риски утраты юриспруденцией предметной идентичности. Напротив, его ключевая идея — необходимость доктринально-конституционного обоснования отрицательного ответа на поставленный вопрос.

Национальная юридическая наука должна озабочиться выработкой и экспликацией положений, которые в итоге составят не обезличено «новую», но онтологически и «пристрастно» модулированную конституционную концепцию прав и свобод человека в Российской Федерации как пригодных для практического пользования правомочий личности, продуктивная «селекция, культивирование и взращивание» которых возможны только «на почве» основ конституционного строя России, включая легитимные интерпретации их значения в актах и правовых позициях Конституционного Суда РФ.

Конференция продолжила работу в рамках трех секций. На **первой секции «Конституционные права: проблемы реализации»** обсуждались вопросы обеспечения конкретных прав человека и обоснования их необходимых ограничений.

В докладе канд. юрид. наук Н.В. Путило (ИЗиСП при Правительстве РФ) отмечалось, что все изменения, которые сегодня претерпевают социальные права, можно условно разделить на несколько видов: (1) изменения внутри данной группы прав; (2) изменения «вокруг» данной группы, связанные с гарантиями, механизмами реализации социальных прав; (3) появление новых групп прав человека на основе (с включением в них) социальных прав; (4) формирование новых групп прав человека, тесно связанных с социальными правами.

Особое внимание необходимо уделять использованию информационно-коммуникационных технологий при обращении за получением социальных услуг в широком их понимании и новым подходам к обеспечению доступа к ограниченным, но жизненно необходимым в условиях техногенной цивилизации благам. Так, доступ к сети Интернет, возможность пользоваться ею следует рассматривать как новое общественное благо, которое превращается в потребность первого порядка. Поэтому государство должно обеспечить доступ к Интернету как отдельным группам населения, которые самостоятельно этот доступ получить не могут в силу экономических причин или особенностей состояния человека, так и всем гражданам. Есть все основания включить возможность пользования сетью Интернет в состав социальных прав (прав второго поколения). Потребуется законодательное закрепление новых обязанностей государства по обеспечению такого доступа, включая технические и материально-организационные составляющие (точки доступа, скорость и т.д.). Необходимо также обеспечить финансовую возможность пользования данным правом, а в перспективе — его предоставление на бесплатной основе.

Следует отметить возрастающее значение т.н. прав приоритета, т.е. гарантированных законом

возможностей доступа к тем или иным благам в первоочередном порядке. Такие права были известны в советское время (например, право на установку телефона), но они воспринимались как льготы, не тождественные по своему характеру «полноценным» правам граждан. В настоящее время эти права актуальны практически во всех сферах, в частности в медицине (например, доступ к трансплантатам).

Вопросы обеспечения прав лиц, занятых в гигномике¹⁰, были в центре внимания **д-ра юрид. наук, доц. И.В. Шестеряковой (Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))**. Современные трудовые отношения претерпевают качественные изменения. У работников все более востребованы гибкие формы трудовых отношений, позволяющие сочетать работу с семейными обязанностями, получением образования, творчеством и т.д. Такие возможности предоставляет работа в гигномике. Даная форма занятости позволяет получать доход лицам с ограниченными возможностями, жителям сельских или экономически неблагополучных районов. Однако при этом не гарантируются трудовые права работников. Такие отношения, как правило, не признаются трудовыми, в связи с чем оплата труда может не соответствовать государственным стандартам и быть даже ниже установленного минимального размера оплаты труда, в результате люди вынуждены работать больше, чтобы обеспечить достаточный доход (т.н. облачное рабство), возникают вопросы с последующим пенсионным обеспечением. Работники фактически лишены возможности защищать свои права, поскольку часто работник и работодатель находятся в разных городах, странах и даже на разных континентах. В такой ситуации необходимо принять единые нормы о минимальных трудовых гарантиях для занятых в гигномике. Основу таких норм должны составить международные стандарты в отношении основополагающих принципов и прав в сфере труда.

В докладе **д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Андриченко (ИЗиСП при Правительстве РФ)** отмечалось, что в последние годы в России актуализируется проблема вынужденной миграции. Поиск ее наиболее эффективных решений находится в ряду приоритетных задач. Законодательство Российской Федерации о беженцах было сформировано в начале 90-х годов и в целом соответствует требованиям

Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 г.¹¹ и Протокола, касающегося статуса беженцев от 31 января 1967 г.¹² Вместе с тем оно уже не обеспечивает в полной мере потребности реализации государственной миграционной политики России, не учитывает современные вызовы национальной безопасности. Наибольшие проблемы обусловлены тем, что Федеральным законом от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах»¹³ весьма ограничено регламентируются вопросы временного убежища; не урегулировано, пусть даже в самой общей форме, предоставление политического убежища; не устанавливаются процедуры дополнительной защиты, а также временной защиты в случаях экстренного массового прибытия на территорию Российской Федерации иностранных граждан, ищущих убежище (решение этих вопросов передано на подзаконный уровень); практически не регламентируется добровольное возвращение лиц, запросивших или получивших убежище; слабо учитываются особенности статуса отдельных категорий лиц, ищущих убежище (детей, женщин, стариков, инвалидов). Между тем все это — важные инструменты государственной защиты лиц, ищущих убежище. Систематизация законодательства в данной сфере требует комплексного подхода, в рамках которого устанавливались бы единые процедуры и механизмы для предоставления различных видов убежища и соответствующего ему статуса.

На изменение терминологии в нормативных правовых актах Правительства РФ и министерств обратила внимание **канд. юрид. наук Ю.В. Соболевская (Московский институт социологических исследований)**: понятие «клиентоцентричное государство» используется вместо «социального государства», а «клиент» — вместо «гражданина». Это связано с передачей многофункциональным центрам, а также коммерческим и некоммерческим организациям государственных полномочий по организации предоставления гражданам государственных и муниципальных услуг (ст. 7 Федерального закона от 30.12.2020 г. № 509-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁴). Деятельность данных структур может выйти за рамки обеспечения удобства получения гражданами соответствующих услуг. Это создает условия для осуществления скрытого контроля и оценки деятельности

¹¹ См.: Организация Объединенных Наций. Конвенция и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 15.11.2022).

¹² См.: там же. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees_prot.shtml (дата обращения: 15.11.2022).

¹³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12, ст. 425.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. 1), ст. 4.

¹⁰ От англ. *gig economy* — кратковременная независимая занятость обычно с использованием цифровых платформ, без фиксированного трудового распорядка и с оплатой за выполненные задания или проекты (по аналогии с музыкальной индустрией, где «гиг» — это однократное сольное или групповое выступление артистов).

государственных и муниципальных органов, анализа и управления поведением граждан, что, в свою очередь, чревато утратой государством полноценного контроля над общественными процессами, а гражданами — своей субъектности во взаимоотношениях с государством.

Социологические исследования показывают, что электронное взаимодействие должностных лиц с гражданским обществом не заменяет живое общение, попытки решения региональных и муниципальных проблем исключительно таким способом оказываются неудачными из-за отсутствия открытости и доверия граждан. Достаточно развитая в России активность местных политиков, реализуемая в неформальном взаимодействии с населением, начиная с 2010-х годов угасает в связи с тем, что нарастающая технитизация ведет к обезличенности коммуникаций и формализации отношений.

Характеристикой современного российского общества является кризис института семьи и снижение уровня родительской ответственности, отметила д-р юрид. наук, проф. **Н.С. Нижник (Санкт-Петербургский университет МВД России)**. Она рассмотрела данную проблему на основе анализа судебной статистики, фиксирующей стабильно высокое количество дел, возникающих из брачно-семейных отношений, в том числе дел о лишении или ограничении родительских прав, причем абсолютное большинство исковых требований такого рода (более 90%) удовлетворяется в ходе судебного разбирательства¹⁵.

В современной России прослеживается тенденция увеличения числа семей, в которых один или оба родителя являются иностранцами, имеют двойное гражданство, постоянно или временно, полностью или преимущественно проживают за пределами страны. Это отражается на разрешении различных споров между родителями, например, вытекающих из применения искусственных методов репродукции человека.

Вопросы реализации права на судебную защиту затронул **канд. юрид. наук Е.А. Фокин (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ право на судебную защиту не предполагает возможность заявителя по своему усмотрению выбирать конкретные способы и процедуры получения судебной защиты, однако в законодательном регулировании порядка осуществления судебной защиты имеется настоятельная необходимость обеспечения баланса

между потребностями судебной системы и интересами потенциальных заявителей.

В гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве широкое распространение получили сокращенные процедуры рассмотрения дел (упрощенное, приказное, письменное производство). Основаниями для рассмотрения дел в рамках соответствующих процедур являются только цена иска и отсутствие реального правового конфликта. Придание в данном случае юридического значения и позиции заявителя способствовало бы, с точки зрения докладчика, реализации принципа состязательности.

Далее он подчеркнул, что в соответствии с законодательством о рынке ценных бумаг владелец облигаций не может самостоятельно обратиться в суд с иском к эмитенту. Судебная защита предусмотрена по групповому иску всех владельцев облигаций, предварительно избравших своего представителя. Соответствие такого подхода конституционному праву на судебную защиту вызывает серьезные сомнения, реализация данных законодательных предписаний порождает также сложности на практике.

В докладе **канд. филол. наук, доц. А.К. Соболевой (НИУ ВШЭ)** обсуждались проблемы допустимости ограничения свободы выражения мнения в целях защиты репутации органов власти. Как и многие другие права человека, свобода выражения мнения может быть ограничена федеральным законом в целях защиты прав и законных интересов других лиц. Данный вопрос приобретает особую актуальность в связи с изменениями, внесенными в российское уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях, которые направлены на поддержание авторитета органов публичной власти и практически исключают критику выполнения ими своих функций. Между тем в доктрине и судебной практике обосновывается, что органы исполнительной власти не должны иметь правовых оснований для защиты чести, достоинства или деловой репутации.

Наиболее полное выражение данная позиция нашла в решении Европейского Суда по правам человека от 15 марта 2022 г.¹⁶ Суд отметил, что органы исполнительной власти, наделенные публично-властными полномочиями, существенно отличаются от юридических лиц, конкурирующих на рынке и заинтересованных в хорошей репутации для привлечения клиентов с целью получения прибыли, поскольку они существуют для того, чтобы служить обществу, и финансируются налогоплательщиками. Для предотвращения злоупотребления властью и коррупции в демократической

¹⁵ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. (Раздел 2) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 18.11.2022).

¹⁶ См.: ECtHR. *ООО MEMO v. Russia*, Application No. 2840/10. Judgment of 15 March 2022.

системе деятельность государственных органов всех видов должна быть предметом пристального внимания не только законодательных и судебных властей, но и общественного мнения. Как указал Суд, защита от диффамации юридического лица, осуществляющего публичную власть, по общему правилу не может рассматриваться как преследующая легитимную цель «защиты репутации других лиц». Такой подход не лишает отдельных государственных служащих, прямо названных в публикации или легко идентифицируемых, подавать иски в личном качестве, если затронуты их честь и достоинство. Кроме того, в качестве легитимной цели признается защита авторитета правосудия в силу особой роли судебной власти в обществе.

На критериях обоснованности уголовно-правовых ограничений свободы слова и информации в сети Интернет остановилась **канд. юрид. наук, доц. С.М. Мкртчян (Волгоградский государственный университет)**. Данные критерии, по ее мнению, можно разделить на формальные (лексические и грамматические приемы выражения мыслей, идей и взглядов) и содержательные (направленность и содержание распространяемой информации). Все они имеют своим основанием положения Конституции РФ о допустимых ограничениях свободы слова и информации (ч. 3 ст. 17, ч. 2 ст. 29, ч. 3 ст. 55). В последнее время обострилась проблема восприятия обществом требований уголовного закона, ограничивающих свободу слова и информации, в том числе вновь установленных. Причины этого видятся в отсутствии разъяснительной работы с населением, несовершенстве технико-юридических приемов конструирования соответствующих составов преступлений и административных правонарушений, отсутствии единообразной правоприменительной практики и стремлении судебных органов ограничиваться только формальными критериями, неверном понимании существа свободы информации как не подлежащей никаким ограничениям и реализуемой в зависимости от предпочтений каждого человека. Между тем ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. содержит широкий перечень оснований для ограничения прав и свобод человека, в том числе указывая на его моральную (ч. 2) и социальную (ч. 3) ответственность при их реализации.

Обеспечению прав человека в досудебном производстве по уголовному делу посвятил доклад **д-р юрид. наук, проф. С.Б. Россинский (ИГП РАН)**. В первую очередь он указал на необходимость надлежащего выполнения требований о разъяснении участникам досудебного производства их процессуальных прав в доступной для восприятия форме. Проблемы, возникающие в следственной практике, обусловлены отсутствием должной правовой культуры следственных работников и несформированностью прикладных технологий. Эти проблемы

могут быть решены посредством надлежащего методического обеспечения следственной деятельности. Необходимо сформировать краткий унифицированный перечень базовых тезисов, позволяющих в доступной форме объяснить сущность и задачи проводимого процессуального действия, а также алгоритмы поведения участвующих в нем лиц. Соответствующие положения следует включить непосредственно в бланк протокола надлежащего процессуального действия. Форма разъяснения участникам досудебного производства их прав должна определяться с учетом наибольшей комфортности для их уяснения: одни лучше воспринимают информацию на слух; другие — визуально и т.д. Это потребует разработки принципиально новой прикладной методики, основанной на должном понимании следователями целей процедуры разъяснения участникам досудебного производства их прав.

Вопрос совместимости прав человека с имперской традицией был в центре внимания **канд. юрид. наук, доц. Е.Н. Кузнецовой (Самарский НИУ им. акад. С.П. Королева)**. Характерная для Российской Империи модель верховной власти — неограниченной, несменяемой, безответственной — фактически исключала институт прав человека. Советское государство частично унаследовало имперскую традицию. Максимальная централизация власти, отсутствие ее разделения на обособленные ветви не способствовали созданию условий для верховенства прав человека. Конституция РФ 1993 г., провозгласившая демократическое правовое федеративное государство, не привела к радикальному отказу от модели власти советского образца. Однако это первая в отечественной истории Конституция, в которой права и свободы человека были признаны высшей ценностью, что дает основания надеяться на преодоление имперской традиции, препятствующей их реализации.

Доклад **д-ра юрид. наук, проф. С.А. Глотова (Московский государственный областной университет)** был посвящен анализу поправок к Конституции РФ 2020 года социального характера. Реализация новых конституционных положений требует значительных человеческих, материальных и финансовых ресурсов, привлечение которых может оказаться весьма затруднительным в современных условиях. Но Российская Федерация осуществляет серьезный разворот в сторону активной и действенной социальной политики.

Российское социальное государство функционирует в условиях рыночной экономики, подчеркнул **канд. юрид. наук, доц. А.С. Сухоруков (УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева)**, поэтому повышенное внимание должно быть обращено на социальную защиту населения от различных негативных

экономических факторов. Это особенно актуально в современных условиях.

С.В. Измestьев (Международная Славянская Академия наук, образования, искусств и культуры) остановился на проблемах обеспечения прав человека и прав народов в условиях формирующегося глобального конституционализма.

Вторая секция «Права человека: концептуальное осмысление в сравнительной перспективе» была посвящена теоретическим интерпретациям прав человека и зарубежному опыту их обеспечения и защиты.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. М.В. Антонова (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург)** отмечалось, что для большинства непозитивистов права человека представляют собой базис правопорядка как аксиоматической системы, критерий рационального обоснования и рациональной критики права. В этом смысле идея прав человека выдвигает претензию на объективность, отвергая сомнения в этом как аморальные, этически недопустимые и т.п. Таков, в частности, был контекст принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

Однако для отрицания претензии прав человека на объективность есть как минимум три основания. Во-первых, это фактическое разнообразие правовых культур, которое без труда опровергает тезис об объективности любого набора прав человека, равно как и утверждение о том, что праву присуще некое неизменное содержание. Например, во многих правовых культурах не известны принципы кантовой этики, на которой основано современное понимание прав человека и человеческого достоинства в западной правовой традиции.

Во-вторых, неизбежность ошибок в познании (фаллибилизм). Любое научное знание принципиально не является окончательным. Оно есть лишь промежуточная интерпретация истины, подразумевающая возможность последующей ее замены на лучшую интерпретацию. Поэтому, даже предполагая объективность прав человека, их существование невозможно исчерпывающе и окончательно установить. Если такой фаллибилизм принять, то от объективности прав человека остается только форма общезначимости (в смысле кантовой философии), лишенная содержания.

В-третьих, оценочные суждения, при помощи которых выражаются утверждения о правах человека, содержат лишь субъективные предпочтения отдельно взятого индивида, истинность которых невозможно верифицировать. Поэтому «самоочевидная истинность» прав человека остается предметом веры, а не научного знания.

Упование на объективность прав человека может привести к забвению того, что эти права

представляют собой не данность, а результат многовековой борьбы личности за освобождение от контроля и опеки государственных властей и общественного мнения. Права человека — хрупкое завоевание цивилизации права, для сохранения которого необходимо постоянно прикладывать усилия, а не сотрясать воздух не имеющими научного значения прокламациями об универсальности и объективности прав человека как абстрактной трансцендентальной идеи.

На определенную парадоксальность процессов универсализации прав человека обратила внимание **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Варламова (ИГП РАН)**. Эта парадоксальность заложена в самой идее прав человека, предполагающей установление универсального правового статуса посредством признания за людьми формально равной свободы, а отсюда и возможности приобретать свои уникальные индивидуальные правовые статусы.

После Второй мировой войны обеспечение прав человека перестало быть внутренним делом государств, на международном уровне утвердились универсальные стандарты, поддерживаемые силами мирового сообщества. При этом права человека — безусловно, феномен западной правовой традиции, они не имманентны иным правовым культурам, которые прошли довольно сложный путь отношения к ним: от отторжения под лозунгом «нового империализма прав человека» до стремления обосновать свое видение прав человека в сопоставлении с западными концепциями. Само включение незападных государств в дискурс о правах человека, заявление ими своей позиции в отношении их понимания есть признание их универсальной значимости, стремление говорить с западными странами на одном языке, одновременно выдвигая требования уважать его «местные диалекты». Как правило, представители незападных государств констатируют совместимость в большинстве аспектов западных представлений о правах человека, выраженных в универсальных международных актах, со своими национальными традициями и преобладающими вероучениями, одновременно выступая против сугубо индивидуалистического понимания прав человека и акцентируя необходимость исполнения человеком своих обязанностей по отношению к Богу, государству, семье, общине, всему мирозданию. Универсальность прав человека — непереносимое условие легитимности апеллирования к ним при решении самых разных социально-политических проблем. Одновременно для универсальной легитимации прав человека необходимо признание их культурно-цивилизационного разнообразия.

Универсальность прав человека обычно трактуется как наличие у них единой природы, их

неделимости, взаимосвязанности и взаимозависимости. Между тем, если мы хотим реально обеспечивать различные виды прав человека, следует признать неуниверсальность (различие) пригодных для этого юридических механизмов. При этом чем выше универсальность (по числу и разнообразию участников) соглашения (договора) о правах человека, тем менее конкретны, а значит, и универсальны закрепляемые ими обязательства, слабее контроль за их исполнением. Весьма существенна разница между защитой прав человека в рамках ООН и региональных международных организаций.

Универсальное (в данном случае понимание прав человека) всегда проявляет себя (реализуется) через особенное, но в этом разнообразии должны сохраняться и раскрываться универсальные принципы. В правах человека они представлены в виде т.н. ядра (неизменной сущности) конкретных прав и смысла прав человека в целом. Основа универсальности прав человека — в трансцендентной истине сущностного тождества (единства) человеческой природы, отказ от уважения которой открывает путь к националистическим, этническим и религиозным войнам, преследованиям и геноциду.

Несмотря на общепризнанность ценности прав человека, отметил **канд. юрид. наук, доц. С.А. Денисов (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург)**, в мире имеется много сил, стремящихся остановить их распространение. Права человека трудно «приживаются» в административных социальных системах, где человек рассматривается как средство для реализации государственных интересов. Государство, в котором отсутствует система сдержек и противовесов, может как обеспечивать права человека, так и пренебрегать ими. При этом права человека обычно закрепляются в нормативных правовых актах, но реализовать их на практике часто бывает невозможно. Ограничение прав человека, как правило, носит скрытый характер и осуществляется под благовидными предлогами защиты интересов общества, государства, иных лиц, а консервативные массы населения воспринимают нарушения их прав достаточно спокойно.

В докладе **канд. юрид. наук С.А. Грачевой (ИЗиСП при Правительстве РФ)** было обращено внимание на ключевое значение прав человека для обеспечения согласованности правового регулирования, правильного и единообразного применения права. Конституционное положение о непосредственном действии прав и свобод (ст. 18 Конституции РФ) означает необходимость их учета в правоприменительной деятельности наряду с источниками права, что, в свою очередь, требует определенности понимания прав человека. Непосредственное действие прав человека также предполагает презумпцию их надлежащей реализации

в актах позитивного права, но при этом допускает опровержение данной презумпции в результате судебного толкования законов и иных нормативных правовых актов в контексте обстоятельств конкретного дела. Такое функциональное осмысление непосредственного действия прав человека позволяет рассматривать их как имеющие развивающееся содержание, расширяющие сферу своего действия через судебную аргументацию. Отправление правосудия нацелено на согласованное применение и интерпретацию законов в свете стандартов в области прав и свобод человека. Данная направленность характерна не только для конституционного правосудия, но и отмечается в деятельности судов разного уровня, что служит важным условием справедливости правосудия и осуществления судебного нормоконтроля как одного из средств эффективной правовой защиты. Актуальным вопросом является совершенствование судебной аргументации в целях согласованного толкования законов и разрешения существующих коллизий между правовыми актами. Опора на права человека позволяет не ограничиваться при этом только иерархическим подходом.

Развитию системы прав человека на постсоветском пространстве посвятил свой доклад **канд. юрид. наук Н.С. Малютин (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Интеграционные процессы в Евразии после распада СССР были ориентированы на коллективную безопасность, экономическое сотрудничество и иные вопросы, непосредственно не связанные с проблематикой прав человека. При этом только в СНГ существует системное регулирование прав человека, где особое внимание уделяется социально-экономическим правам. Учитывая исторический опыт развития государств на евразийском пространстве, а также отдельные позиции, все четче обозначающиеся в рамках ЕАЭС, формирование единой евразийской системы прав человека на основе именно социально-экономических прав следует признать наиболее перспективным. Такого рода интеграция может быть реализована как в рамках действующего в СНГ международно-правового регулирования, так и в обновленном формате в рамках ЕАЭС. По мнению докладчика, происходящие в настоящее время события должны в определенной степени переориентировать специалистов в области конституционного права на изучение и разработку евразийской доктрины в сфере прав человека с учетом развивающихся на континенте интеграционных процессов.

Международные стандарты в сфере борьбы с дискриминацией по признаку возраста были предметом внимания **канд. юрид. наук Е.А. Сорокиной (ИГП РАН)**. Сегодня возрастная дискриминация признается глобальной проблемой, имеющей

серьезные последствия для общества в целом¹⁷. основополагающие акты ООН в области защиты прав человека, в частности Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Международные пакты о правах человека 1966 г.¹⁸, устанавливая общий запрет дискриминации, специально не называют возраст в качестве одного из возможных ее оснований. Однако в Международной конвенции о защите прав мигрантов и членов их семей¹⁹ (ст. 7), Конвенции о ликвидации дискриминации в отношении женщин²⁰ (ст. 2), Конвенции о правах инвалидов²¹ (ст. 8) данное основание уже выделяется. Начиная с 1990-х годов ООН стала уделять повышенное внимание дискриминации пожилых людей в сфере трудовых отношений, в области здравоохранения и социального обеспечения. Однако принимаемые акты носят рекомендательный характер. Аналогичные тенденции просматриваются и на региональном уровне. Наиболее разработанной является система защиты от дискриминации по признаку возраста на уровне ЕС. Запрет дискриминации по данному основанию специально предусматривается как первичным²², так и вторичным²³ правом ЕС, сложилась обширная практика Суда ЕС по соответствующим делам.

Я.И. Лебедева (ИЗиСП при Правительстве РФ) проанализировала правовые позиции Федерального конституционного суда Германии по делу *Right to be Forgotten II*²⁴, которое многие исследователи рассматривают в качестве нового этапа его конфликта с ЕС. В данном деле подход Федерального конституционного суда Германии несколько

отличается от сформулированного в деле *Right to be Forgotten I*²⁵, где вопрос касался дискреционных полномочий государств-членов, направленных на реализацию Общего регламента о хранении данных²⁶. Федеральный конституционный суд постановил, что когда положения национального права приняты в рамках дискреционных полномочий, то к ним должен применяться не только Основной закон Германии, но и Хартия ЕС об основных правах. Сама возможность использования Хартии в качестве инструмента толкования Основного закона была использована впервые в практике Конституционного суда.

В деле *Right to be Forgotten II*, рассматривая себя в качестве полноценного «европейского суда», Федеральный конституционный суд Германии относит толкование и применение Хартии ЕС об основных правах к собственным полномочиям (ранее такие полномочия признавались за Судом ЕС и судами общей юрисдикции государств-членов). В качестве обоснования своих полномочий по толкованию и применению Хартии Конституционный суд указал на наличие у него конституционного мандата на защиту прав граждан и «ответственности за европейскую интеграцию». Федеральный конституционный суд обязался выносить решения только о применении актов Союза на территории Германии, а не об их действительности и выразил готовность поддерживать тесное сотрудничество с Судом ЕС. Конституционный суд заявил также, что будет придерживаться сравнительно-правового подхода в отношении применения Хартии, учитывая позиции высших судов иных государств — членов Союза, что соответствует популярным в современной науке идеям о конституционном плюрализме в Европе. Данную позицию Федерального конституционного суда Германии следует рассматривать в контексте более общих тенденций усиления роли конституционных судов на европейском пространстве.

Эволюцию установления конституционных ограничений прав человека проследила **канд. юрид. наук, доц. Т.А. Алексеева (НИУ ВШЭ)**. В ранних конституциях либерального типа наряду с закреплением фундаментальных естественных прав человека (свободы, собственности, безопасности и сопротивления угнетению — в Декларации прав

¹⁷ См.: The Global Report of Ageism, 2021 // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240016866> (дата обращения: 10.11.2022).

¹⁸ См.: Ведомости ВС СССР. 1976. № 17, ст. 291.

¹⁹ Принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1990 г. (см.: Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 10.11.2022)).

²⁰ Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1979 г. (см.: Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 10.11.2022)).

²¹ Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 г. (см.: Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 10.11.2022)).

²² См.: Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ. C326. 26 October 2012. P. 391–407.

²³ См.: Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation // OJ. L 303. Vol. 43. 2 December 2000. P. 16–22.

²⁴ См.: BverfG. Case Right to be Forgotten II, decision of 6 Nov. 2019. 1 BvR276/17 // Bundesverfassungsgericht. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2019/11/rs20191106_1bvr027617en.html (дата обращения: 21.11.2022).

²⁵ См.: BverfG. Case Right to be Forgotten I, decision of 6 Nov. 2019. BvR16/13 // Bundesverfassungsgericht. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2019/11/rs20191106_1bvr001613en.html (дата обращения: 21.11.2022).

²⁶ См.: Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // OJ. L 119. Vol. 59. 4 May 2016. P. 1–88.

человека и гражданина 1789 г.) и некоторых свобод (свободы слова, мнений, печати, собраний — в Конституции Франции 1791 г.) учредитель заботился об обеспечении прав других лиц, общественной безопасности, общественной пользе, которые признавались пределами осуществления провозглашаемых прав. В ряде случаев к основаниям ограничений прав относился также публичный порядок и предусматривалось принятие закона, который регулировал осуществление признаваемых прав. Следующим шагом к ограничению прав стало закрепление возможности приостановления гарантий неприкосновенности личности, жилища, а впоследствии и некоторых других прав в чрезвычайных обстоятельствах посредством принятия закона (например, ст. 308 Конституции Испании 1812 г., ст. 7, 8 Конституции Испании 1837 г.). Во второй половине XIX в. этот подход получил дальнейшее развитие. Положения ст. 92 Конституции Французской Республики 22 февраля VIII года (13 декабря 1799 г.), регламентирующие возможность приостановления действия конституции в чрезвычайных условиях, были заимствованы целым рядом стран. Такие экстраординарные временные меры требовали оформления законом. В XX в. во многих конституциях были существенно расширены возможности государства ограничивать права человека не только путем законодательной регламентации порядка пользования ими, но и посредством полного приостановления их действия во время введения чрезвычайных мер на основании актов глав государств и правительств.

В докладе **канд. юрид. наук Е.А. Войтович (МГИМО МИД России)** отмечалось, что в рейтингах, отражающих достижения государств в области прав и свобод, Австралийский Союз неизменно занимает высокие позиции. Чтобы понять, каким образом достигаются такие результаты при отсутствии единого кодифицированного акта, закрепляющего права и свободы человека, необходимо проанализировать источники права Австралии. В Конституции страны содержатся лишь отдельные положения, устанавливающие активное избирательное право, равноценное возмещение при отчуждении имущества, право на суд присяжных, свободу вероисповедания и принцип равного гражданства. В 1992 г. в нескольких судебных решениях Высший суд подтвердил наличие в Конституции Австралийского Союза подразумеваемых прав. Речь шла о свободе слова как политическом праве, без которого невозможна представительная демократия. Существенную роль в регулировании прав человека играет общее право — историческое наследие колониального периода, активно дополняемое практикой Высокого суда. Значительное влияние на право Австралии оказали и старейшие британские статуты, являющиеся элементами конституции

Великобритании и частью австралийского законодательства. Важнейшим источником прав и свобод являются международные акты, к которым присоединилась Австралия. В частности, в основе австралийских законов в области запрета дискриминации лежат международные договоры и конвенции. Таким образом, источники прав и свобод в Австралии не составляют единой системы, права и свободы, закрепленные в разных их видах, в значительной степени повторяются. С одной стороны, это можно рассматривать как недостаток, но с другой — такое дублирование позволяет эффективно использовать разнообразные способы защиты прав и свобод человека как в целом, так и применительно к конкретной ситуации.

Практику реализации социальных прав в Скандинавских странах проанализировал **канд. юрид. наук, доц. А.И. Черкасов (ИГП РАН)**. Социальная политика Северных государств направлена на защиту своих жителей от всевозможных социальных рисков и обеспечение им экономической безопасности. Государство стремится к декоммодификации социальных прав, т.е. к ослаблению их зависимости, равно как и индивидуального, и группового благосостояния в целом, от действия рыночных сил.

Скандинавская социальная модель сталкивается с целым рядом проблем, связанных с глобализацией, притоком мигрантов, обострением конкуренции, ухудшением положения дел на рынке труда, старением населения и сокращением экономически активной его части. Принцип универсализма социального обеспечения постепенно утрачивает былую незыблемость. Растет понимание того, что государство не должно обеспечивать процветание всех граждан применительно к их повседневной жизни, оставаясь при этом гарантом социальной безопасности в кризисной ситуации.

Реагируя на сложившуюся ситуацию, скандинавская социальная модель становится более экономической и рыночно ориентированной. В социальные отношения внедряется принцип «контрактualизации», предполагающий предоставление определенных благ в обмен на выполнение их получателями некоторых условий, что прежде всего проявляется в таких сферах, как занятость и образование. Сегодня признается, что социальное равенство и солидарность были достигнуты в Скандинавских государствах в определенном смысле за счет ограничения личной свободы, посредством позитивной дискриминации различных социально уязвимых групп населения, прогрессивного налогообложения, деформации оценки трудовой деятельности и активной перераспределительной политики.

Новеллы норвежского законодательства, содержащиеся в Законе о парламентском уполномоченном по контролю за администрацией от 18 июня

2021 г.²⁷, проанализировала канд. юрид. наук, доц. **И.А. Ракитская (МГИМО МИД России)**. Должность омбудсмана по делам администрации в гражданской сфере была учреждена в Норвегии в 1962 г. Значительное влияние на этот институт оказали датская и шведская практика. В соответствии с Законом гражданский омбудсман теперь именуется парламентским уполномоченным по контролю за администрацией. Он призван контролировать деятельность публичной администрации и всех служащих с целью защиты лиц от несправедливости, обеспечения гарантий уважения публичной администрацией человека и соблюдения его прав (ст. 1). Кандидат на должность парламентского уполномоченного должен иметь высшее юридическое образование, соответствовать высоким требованиям в отношении академической квалификации и личных качеств, а также обладать обширным опытом в соответствующей сфере (ст. 30).

Закон предусматривает право парламентского уполномоченного при определенных обстоятельствах действовать по собственному усмотрению (например, в случае пропуска срока давности для подачи жалобы, при определении формы и условий проведения расследований, принятии обращения к рассмотрению, если не исчерпан административный порядок рассмотрения жалобы, и проч.). Кроме того, Закон регламентирует статус национального превентивного механизма, расширяющего права омбудсмана по контролю над условиями содержания лиц, лишенных свободы, и обеспечению предотвращения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказаний. В среднем омбудсман по контролю за администрацией получает от трех до четырех тысяч жалоб ежегодно. При этом в последние годы наметилась тенденция увеличения числа обращений.

В конституционно-правовой системе Норвегии институт омбудсмана признается традиционной ценностью, а также эффективным средством обеспечения и защиты прав и свобод человека.

Доклад канд. юрид. наук, доц. **В.И. Чехариной (ИГП РАН)** был посвящен проблемам обеспечения прав женщин на прерывание беременности и правовой защиты плода в судебной практике зарубежных государств. Законодательство и практика западных стран, признавая право на жизнь, связывают его с правовым положением плода, основываясь на различных юридических аргументах. В связи с этим запрет аборт рассматривается как правило, а ситуации, в которых аборт

разрешен, — как исключение. При этом не все государства однозначно относятся к легализации доступа женщин к безопасным абортам.

Ужесточение подходов в отношении допустимости абортов было рассмотрено на примере США. В 1973 г. Верховный суд в деле *Roe v. Wade*²⁸ признал доступ к безопасным и законным абортам до жизнеспособности плода конституционным правом, однако в последние годы наметилась иная тенденция. В 2018 г. был принят Закон Миссисипи о запрете абортов на сроках, превышающих 15 недель беременности²⁹, а в 2021 г. в Техасе вступил в силу Закон, предусматривающий запрет прерывать беременность после шестой недели, т.е. с момента, когда у плода обнаруживают сердцебиение³⁰. 24 июня 2022 г. Верховный суд вынес решение по делу *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*³¹, в котором, рассмотрев Закон Миссисипи, признал, что Конституция США не гарантирует право на аборт. Тем самым была открыта возможность не только для пересмотра законов об абортах другими штатами, но и создан опасный прецедент для уклонения от реализации других прав, признанных конституционными.

В.В. Пчелинцева (МГИМО МИД России) проследила влияние исламской религиозной традиции на выполнение международных обязательств государств — членов Организации исламского сотрудничества (ОИС) в области защиты прав человека. В исламской правовой доктрине разработка концепции прав человека началась с принятием первых универсальных международных актов о защите и поощрении прав человека. Впоследствии концепция прав человека государств — членов ОИС была закреплена в региональных и межрегиональных международных актах. Со вступлением в ООН исламские государства не отказались от соблюдения предписаний шариата при осуществлении международного сотрудничества. Концепции и институты исламского права применяются

²⁸ См.: US Supreme Court. *Roe v. Wade*, 410 U.S. 113 (1973). No. 70-18. Argued December, 13, 1971. Reargued October, 11, 1972. Decided January, 22, 1973 // Justia US Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/> (дата обращения: 21.11.2022).

²⁹ См.: Mississippi Code. § 41-41-191 (2018) Gestational Age Act // Justia US Law. URL: <https://law.justia.com/codes/mississippi/2018/title-41/chapter-41/gestational-age-act/section-41-41-191/> (дата обращения: 21.11.2022).

³⁰ См.: An Act relating on abortion, including abortion after detection of an unborn child's heartbeat; authorizing a private civil right of action // LegiScan. URL: <https://legiscan.com/TX/text/SB8/id/2395961> (дата обращения: 21.11.2022).

³¹ См.: *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization* No. 19-1392. Argued December, 1, 2021 — Decided June, 24, 2022 // US Supreme Court. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/21pdf/19-1392_6j37.pdf (дата обращения: 21.11.2022).

²⁷ См.: Lov om Stortingets ombud for kontroll med forvaltningen (sivilombudsløven). LOV-2021-06-18-121 // LOVDATA. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2021-06-18-121> (дата обращения: 21.11.2022).

в деятельности межрегиональных (ОИС) и универсальных (ООН) международных организаций. В связи с процессами «исламского возрождения» в национальном праве государств — членов ОИС следует ожидать усиления влияния исламской правовой доктрины на международное сотрудничество в области защиты и поощрения прав человека на универсальном и региональном уровнях.

Альтернативный восточный подход к правам человека на примере их понимания и регулирования в Китае рассмотрела **канд. юрид. наук, доц. О.О. Базина (МГИМО МИД России)**. Заместитель Председателя Комиссии ООН по правам человека, представитель Китая Чжан Пэнчунь (张彭春) в процессе разработки Всеобщей декларации прав человека обратил внимание на односторонний западный подход к их пониманию без учета опыта, накопленного восточной цивилизацией, и отметил, что при подготовке предварительного текста Декларации стоило бы потратить некоторое время на изучение основ конфуцианства. Современная концепция прав человека в Китае основывается на традициях конфуцианства и марксизма. В соответствии с учением Конфуция у каждого человека есть четко определенные обязанности, прежде всего — самосовершенствование и законопослушание, умение довольствоваться малым, признание приоритета общего блага. Коллективные права преобладают над индивидуальными правами, а личных прав чаще всего просто нет. Согласно марксистскому учению права и свободы человека определяются его положением в социально-экономической структуре общества, человек находит свою ценность во взаимодействии с обществом.

Ле Хуинь Дык (РАНХиГС при Президенте РФ) также обратил внимание на то, что в Азии восприятие человека и его отношений с сообществом отличается от европейских подходов. Азиатские общества ориентированы на семью, а не на человека; они ставят экономические и социальные права выше политических прав. Право народов на самоопределение, по его мнению, предполагает их самостоятельность в признании прав человека.

Органы государственной власти Вьетнама не отрицают основные права человека, но не позволяют их использовать для вмешательства во внутренние дела страны в политических и экономических целях. Недавно внимание академического сообщества страны привлекла диссертация по юриспруденции известного буддийского монаха Тич Чан Куанга (светское имя — Вьюнг Тан Вьет) «Обязанности человека», в которой утверждалось, что положения о правах и обязанностях человека в международном и вьетнамском праве не сбалансированы, значение прав человека сильно преувеличено. Между тем реализация прав человека в справедливом обществе

гарантируется исполнением обязанностей. Целью концепции прав человека является обеспечение мирной и счастливой жизни, а концепции обязанностей — создание ресурсов для общества и условий для достойной жизни людей. Автор диссертации предложил принять Глобальную декларацию обязанностей человека, его идеи получили поддержку во вьетнамском обществе.

С точки зрения докладчика, концепция универсальных ценностей есть результат соглашения. В настоящее время необходима дискуссия для определения коннотации термина прав человека в более справедливом мире, где незападные ценности также важны для благополучия человечества на планете, как и западные. Для достижения межкультурного взаимопонимания нужны практические меры, для осуществления которых сегодня сложились необходимые условия.

Нгуен Шон Нам (РУДН) рассказал о специфике реализации свободы вероисповедания во Вьетнаме. На содержание свободы вероисповедания оказывают влияние, с одной стороны, национальные традиции, способствующие его расширению, а с другой — интересы обеспечения государственного суверенитета, предопределяющие его ограничения.

Проведение политики обновления во Вьетнаме (с 1986 г.) характеризуется, среди прочего, возрождением традиционных ценностей и традиционных национальных верований, в том числе распространением на последние гарантий свободы вероисповедания³². Постановление Постоянного комитета Национального собрания Вьетнама от 18 июня 2004 г. № 21 «О религиях и традиционных национальных верованиях» впервые законодательстве урегулировало общественные отношения, связанные с традиционными национальными верованиями. А в 2016 г. вьетнамский законодатель справился со сложной юридико-технической задачей, которую во многих странах даже не пытаются решить: разграничил понятия «религия» и «верование» по двум критериям — наличию религиозной доктрины и организационной структуры, объединяющей верующих. В ст. 2 Закона Вьетнама от 18 ноября 2016 г. № 2 «О религиях и традиционных национальных верованиях» верование определяется как вера человека, которая выражается через ритуалы, связанные с традиционными обычаями и практиками, в целях сохранения

³² Во вьетнамской юридической доктрине и практике различают религии (наиболее распространенные в стране — буддизм (в разных видах), конфуцианство, даосизм, католичество) и традиционные национальные верования, восходящие к народной культуре «водяного риса» (культура Донгшон), важнейшими составляющими которой являются представление о том, что «у всего есть душа», и поклонение предкам.

и развития духовного мира каждого человека и общества. В ст. 3 Закона закрепляется, что государство сохраняет и продвигает положительные ценности национальной культуры и традиций. Благодаря данному Закону традиционные верования обрели государственные гарантии своего существования и развития, а учреждения, связанные с верованиями, получили правовую основу для проведения мероприятий и праздников, способствующих возрождению народного фольклора и традиционной культуры.

Вместе с тем Конституция (п. 2 ст. 14) и законодательство Вьетнама запрещают деятельность, связанную с верованиями, и религиозную деятельность при наличии целого ряда оснований в частности, если это затрагивает национальную оборону и безопасность и национальный суверенитет. Однако Международный пакт о гражданских и политических правах, который ратифицировал Вьетнам, не допускает ограничение свободы вероисповедания по данным основаниям. Признание интересов национальной безопасности в качестве основания для ограничения свободы вероисповедания свидетельствует о том, что принципу государственного суверенитета придается приоритет по сравнению с принципом универсальности стандартов прав человека. Допустимость ограничения прав человека, в том числе и свободы вероисповедания, в целях обеспечения безопасности государства является, по мнению докладчика, выбором каждой страны, поскольку отсутствует глобальный консенсус по поводу соотношения двух принципов — универсальности стандартов прав человека и уважения государственного суверенитета.

А.И. Рыбин (НИУ ВШЭ) проанализировал критическую теорию прав человека К. Дузи́наса, изложенную в его фундаментальном труде «Конец прав человека: критическая мысль на рубеже веков»³³. Вслед за Ф. Фукуямой К. Дузи́нас провозглашает конец истории, под которым он понимает окончательную победу либеральной идеи прав человека над всеми другими идеологиями и метанарративами. Однако XX в. вряд ли может называться эпохой торжества прав человека, ведь именно тогда человечество стало свидетелем беспрецедентного количества их нарушений. Такой разрыв между доктриной прав человека и практикой их воплощения заставляет усомниться в том, что либерализм преуспел в философском объяснении их природы и смысла. В связи с этим Дузи́нас предпринимает историческую ревизию теории прав человека, анализирует ее связь с естественным правом, ее либеральные истоки и вскрывает противоречия, лежащие в их основе. Такая рефлексия, с его точки

зрения, необходима для того, чтобы спасти права человека от их окончательной институционализации и размывания. После осмысления текущего состояния идеологии прав человека Дузи́нас предлагает свою теорию прав человека, которую он выстраивает на базе континентальной философии. Представляется, что изучение критической теории К. Дузи́наса может существенно обогатить дискуссии о правах человека в отечественной теории и философии права.

С.П. Малышкин (НИУ ВШЭ) обратил внимание на значение легитимации права для защиты прав человека. Легитимация права — это процесс, посредством которого происходит признание субъектами права его норм. Права человека, понимаемые как естественные и неотчуждаемые, являются самоочевидными, но их артикуляция происходит только в момент защиты нарушенного права. Поэтому в рамках коммуникативной парадигмы права человека существуют лишь в процессе их защиты, т.е. юридической коммуникации о необходимости их существования. Такое динамическое понимание прав человека может способствовать их «реабилитации», преодолеть фиксируемое снижение их легитимности.

Современное состояние дискуссий о правах человека охарактеризовал **канд. юрид. наук Э.В. Габрелян (РАНХиГС при Президенте РФ)**. Данная тематика обсуждается на специфическом интеллектуальном фоне, в ситуации политического, идеологического и ценностного противостояния, как на национальном, так и на международном уровне. При этом история прав человека — это не столько история их теоретического обоснования, сколько история возникновения и развития эффективных институтов защиты индивидуальной свободы, прежде всего судебных.

В центре внимания **третьей секции «Права человека в новой реальности»** находились вопросы реализации прав человека в условиях использования современных достижений нейронаук, геномной инженерии и цифровых технологий.

По мнению **д-ра юрид. наук, проф. И.А. Кравца (Новосибирский НИГУ)**, сегодня формируются представления об антропологическом биоконституционализме и нейроконституционализме, которые являются новыми интегративными категориями, возникающими в результате конвергенции конституционной теории, новых прав человека, нормативных и этических требований к взаимодействию социального, биологического и правового порядка в условиях развития нейротехнологий. Нейроконституционализм предполагает признание специфических прав человека в области нейротехнологий и нейроправа в целях достижения нейроэтического благополучия, основанного на уважении

³³ Douzinas C. The End of Human Rights: Critical Thought at the Turn of the Century. Oxford; Portland, 2020.

и поддержании когнитивного достоинства человека и человечества. Нейроконституционализм, как и биоконституционализм, призван играть стратегическую роль в формировании современного естественного и социального порядка, предполагающего наличие правовых основ улучшения когнитивных и биологических возможностей человека. Нейроконституционализм базируется на принципах биоэтики и нейроэтики, в рамках которых доминирующее место занимают принципы уважения человеческого достоинства и культурного многообразия, уязвимости и автономии человека, солидарности и взаимности. С учетом этих принципов происходит формирование нового поколения прав человека в сфере биоправа и нейроправа. Основой для признания новых нейроправ может стать концепт когнитивного достоинства, которое предполагает необходимость правовых гарантий прав человека при научном и медицинском использовании нейротехнологий, в том числе при «чтении мозга» и проведении нейроисследований, направленных на улучшение когнитивных возможностей человека.

Современный дискурс о нейроправах (термин введен М. Иэнка и Р. Андорно в 2017 г.), как отметила канд. юрид. наук, доц. **Н.Ф. Ковкель (Белорусский государственный университет)**, является вторым этапом развития междисциплинарного взаимодействия юриспруденции и когнитивных наук, которое началось в первом десятилетии XXI в. с обсуждения проблем когнитивной свободы (Р.Г. Буар, Р. Сентенция, Я.-К. Бублиц и др.). В науке обосновываются две основные группы нейроправ. Фонд нейроправ под идейным руководством Р. Юсте продвигает пять нейроправ: право на личную идентичность, свободу воли, психическую конфиденциальность, справедливый доступ к когнитивному усовершенствованию, защиту от алгоритмической предвзятости. М. Иэнка и Р. Андорно обосновывают четыре нейроправа: когнитивная свобода, право на конфиденциальность психической жизни (ментальную приватность), психическую неприкосновенность, психологическую преемственность. Обе эти группы нейроправ недостаточно концептуально проработаны; требуется детальный анализ каждого из предлагаемых прав, выявление их корреляции с существующей международной системой прав человека и механизмами их защиты. При этом современная система прав человека нуждается в разработке новой концепции идентичности человека на биологическом, психологическом и социальном уровнях.

Дальнейшая разработка нейроправ представляется перспективной, а отказ от них из опасений инфляции прав человека, нейроэссенциализма и нейроисключительности недопустимым. В современных исследованиях прав человека необходимо использовать разнообразные модели, разработанные в когнитивных науках. Например, для

обнаружения ситуаций нарушения прав человека является продуктивным использование контекстных ментальных моделей Т. ван Дейка.

В докладе д-ра юрид. наук, доц. **А.А. Троицкой (МГУ им. М.В. Ломоносова)** были раскрыты базовая идея и цели применения технологий редактирования к геному человека (особенно CRISPR/Cas9), а также те опасения, которые вызывают перспективы фундаментальных исследований этих технологий, внедрение их в клинические испытания и практику лечения. Нацеленная мутация ДНК человека или изменение экспликации генов, что и есть сущность и цель генетического редактирования, теоретически может проводиться в медицинских и немедицинских целях, на пренатальной (в том числе предимплантационной в случае ЭКО) и постнатальной стадиях развития организма, выполняться в отношении соматических клеток или зародышевой линии (гамет или эмбриона на ранней стадии развития, до дифференциации клеток). Опасения, связанные с использованием таких технологий, условно могут быть подразделены на медицинские (точность и эффективность редактирования, мозаицизм и др.), этические (риски для достоинства и автономии личности), социальные (перспективы евгенического отбора, дискриминации людей по генетическим признакам, риски несправедливого распределения ресурсов в обществе).

Один из самых серьезных вопросов связан с перспективами экспериментов на эмбрионах. Создание эмбрионов специально для этих целей (запрещенное некоторыми международно-правовыми инструментами, в частности Конвенцией о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенцией о правах человека и биомедицине от 04.04.1997 г.³⁴) выглядит достаточно сомнительным. В частности, репрогенетические технологии позволяют использовать для фундаментальных исследований по редактированию эмбрионы, забракованные при циклах вспомогательных репродуктивных технологий, что уже делается в некоторых зарубежных странах и фактически не запрещено в России.

В целом, по мнению докладчика, в отношении генетических технологий необходимо переходить от дилеммы запрета / разрешения к более прагматическим подходам с учетом взаимосвязей решений в различных сферах и применимого в России зарубежного опыта и постепенно «нащупывать»

³⁴ См.: Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine (ETS No. 164) // Council of Europe. Treaty Office. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=164> (дата обращения: 14.11.2022).

правильную стратегию, которая может включать разрешительный порядок проведения экспериментов, работу специальных этических комитетов, отслеживание результатов исследований, акцентирование целей, связанных с защитой здоровья.

Проблема правовых гарантий для участников геномных исследований (доноров и реципиентов генетического материала, биобанков, научных и медицинских организаций, работающих с геномным материалом) поднималась в докладе **канд. юрид. наук С.Б. Нанбы (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Такие гарантии определяются детализацией, качеством и эффективностью регулирования прав и обязанностей участников геномных исследований, условиями оборотоспособности генетического материала при соблюдении имущественных и личных неимущественных прав указанных субъектов. При проведении биомедицинских исследований, предусматривающих получение информации о генетических данных участника исследования, необходимо гарантировать соблюдение требований, предъявляемых к этой процедуре законодательством, а также общепризнанными принципами и нормами международного права. Генетические данные как особая категория персональных данных должны получить законодательное определение и защиту. Информация, содержащаяся в тканях и органах, относится к персональным данным и является объектом личных неимущественных прав, в то время как ее материальный носитель имеет вещно-правовую природу. Именно этим обусловлена необходимость нормативного определения правового режима генетической информации и ее материальных носителей как в гражданском, так и в информационном и социальном законодательстве.

Среди новых прав человека **канд. юрид. наук, доц. И.А. Алешкова (ИНИОН РАН)** выделила право на биологическую неприкосновенность, которое, будучи самостоятельным субъективным правом, представляет собой комплекс правомочий и запретов, обеспечивающих благополучное естественное биологическое существование человека. Это право означает правовую возможность человека быть защищенным от каких-либо посягательств на его естественную биологическую природу. Право на биологическую неприкосновенность есть элемент выделяемого проф. И.А. Умновой-Конюховой комплексного личного права интеграционного типа — права быть человеком. Биологическая неприкосновенность означает недопустимость воздействия на половую, геномную и физическую идентичность человека. В целом рассматриваемое право направлено на сохранение традиционной естественности человека и его индивидуальной целостности, а также на создание гарантий биологической безопасности человека.

Несмотря на то что данное право не получило конституционного закрепления и должного развития в отечественном законодательстве, в России предпринят ряд шагов в целях обеспечения отдельных элементов его содержания. В частности, сохранение традиционной естественности человека обеспечивается посредством запрета на выбор пола будущего ребенка при использовании вспомогательных репродуктивных технологий, за исключением случаев возможности наследования заболеваний, связанных с полом (ч. 4 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³⁵), а также запретами редактирования генома человека, клонирования, стерилизации и др.

Представляется, что право на биологическую неприкосновенность есть гарантия права на уважение человеческого достоинства, которое, в свою очередь, предопределяет содержание всех других прав человека.

Разнообразные риски, связанные с использованием технологий больших данных, обсуждались в докладе **д-ра юрид. наук Э.В. Талапиной (ИГП РАН)**. В настоящее время данный вопрос не урегулирован, государство и частные субъекты могут использовать большие данные для принятия решений в отношении своей деятельности, затрагивающей разных лиц (граждан, клиентов, работников). По сути, единственным ограничением такой практики служат этические нормы. Ситуация неурегулированности сама по себе создает риски для прав и свобод человека. При этом наибольшую угрозу неприкосновенности частной жизни и защите персональных данных представляет сочетание технологий искусственного интеллекта и больших данных, поскольку обе эти технологии используются для профилирования граждан.

Проблема определения правового режима персональных данных, полученных в составе больших данных и, следовательно, не подпадающих под сферу действия законодательства о защите персональных данных, приобретает особую актуальность. В Интернете представлена информация о частных лицах, исходящая как от самого лица — субъекта данных, так и от других пользователей, причем она может содержать подлинные и ложные, актуальные и устаревшие данные, как правило, без указания на их точность или достоверность. В связи с этим встает вопрос о качестве больших данных и перспективе принятия на их основе верных решений. Кроме того, неосведомленность граждан о том, что их данные обрабатываются в составе больших данных, фактически блокирует любую защиту прав и свобод, которые могут быть при этом нарушены. Все

³⁵ См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

эти проблемы нуждаются в аналитическом осмыслении и нормативном урегулировании.

В докладе **канд. юрид. наук А.Г. Дейнеко (НИУ ВШЭ)** отмечалось, что нормативное регулирование отношений, связанных с применением искусственного интеллекта, в значительной степени ориентировано на создание льготных правовых режимов для использования технологий и данных. Это приводит к тому, что вопрос о принципиальной совместимости некоторых технологий искусственного интеллекта с идеей прав и свобод человека уходит на второй план. Искусственный интеллект становится не просто средой взаимодействия или способом реализации гражданских прав, но фактически самостоятельным участником общественных отношений. При этом обилие документов стратегического развития и различного рода этических кодексов в сфере искусственного интеллекта способствует выхолащиванию идеи необходимости нормативно-правового регулирования данных отношений.

Одной из технологий, представляющих наибольшую угрозу для личных прав и свобод человека, являются системы уличного видеонаблюдения, способные распознавать изображения граждан с невероятной точностью. Использование таких систем для поиска лиц, уклоняющихся от правосудия, представляет собой оперативно-розыскное мероприятие и должно проводиться с соблюдением процессуальных требований. Недопустимо передавать полномочия по управлению такими системами гражданским операторам, не обладающим соответствующим правовым статусом. В противном случае это приведет к росту предложений по поиску информации о перемещении лиц и утечкам чувствительных для государства и общества данных на «черном» рынке.

Отсутствие четких правил в сфере применения искусственного интеллекта создает угрозы и для реализации социальных прав. В сфере трудовых прав актуальна проблема слежки работодателей за сотрудниками, также существует перспектива замещения десятков тысяч низкоквалифицированных работников роботизированными механизмами. В области охраны здоровья высок риск коммерциализации сведений, составляющих врачебную тайну. Необходимо, чтобы любые назначения и рекомендации, данные искусственным интеллектом, проходили контроль врача. В сфере образования следует уделить особое внимание предотвращению дискриминации учащихся при определении искусственным интеллектом их «траектории развития».

Формирующееся правовое регулирование отношений в сфере искусственного интеллекта должно базироваться на определенных принципах. В частности, решения органов публичной власти о внедрении искусственного интеллекта в любую сферу

общественных отношений должны сопровождаться независимым правозащитным аудитом проектов решений, включающим оценку рисков для основных прав и свобод человека, подходы к их фиксации и минимизации.

Д.А. Черноусов (Московский-финансово юридический университет (МФЮА)) остановился на проблемах использования систем на основе искусственного интеллекта в судах, тех возможностях и рисках, которые они создают для реализации прав человека. По его мнению, применение таких систем при отправлении правосудия позволит обеспечить равную защиту закона без какой-либо дискриминации, эффективное восстановление нарушенных прав, повысить скорость и исполняемость решений вне зависимости от «человеческого фактора». К рискам использования систем на основе искусственного интеллекта в судах докладчик отнес возможность их взлома и невозможность полного понимания всеми участниками процесса принципов их работы. В целом никакое использование искусственного интеллекта не способно заменить судью-человека в процессе отправления правосудия.

Вопросы регулирования хранения персональных данных в сфере телекоммуникаций рассмотрел **канд. юрид. наук, доц. И.П. Кененова (МГУ им. М.В. Ломоносова)**. Устанавливаемые правила призваны обеспечить безопасность данных и не вести к чрезмерному ограничению права на неприкосновенность частной жизни. Анализ решений Суда ЕС, Европейского Суда по правам человека, Федерального конституционного и Федерального административного судов Германии показывает, что все эти суды оценивают качество соответствующих законов, исходя из таких критериев, как наличие легитимной цели хранения данных и соразмерность вмешательства в право на уважение частной жизни и защиту персональных данных необходимости обеспечения какого-либо общественно значимого блага. Общей тенденцией при этом являются расширение возможностей хранения данных в общественно значимых целях и увеличение диапазона допустимых ограничений права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных, что объясняется ростом угроз безопасности. Подход отечественного законодателя к регулированию хранения персональных данных в сфере телекоммуникаций соответствует данной тенденции, однако в России уделяется меньше внимания процессуальным аспектам принимаемых мер.

В докладе **PhD Н. Саулен (Институт парламентаризма (Республика Казахстан))** указывалось, что вопросы защиты частной жизни и персональных данных приобрели большую актуальность. В Республике Казахстан количество «утечек» персональных данных и платежной информации за последние годы

существенно увеличилось. В условиях развития и всемирного использования информационных технологий все более очевидной становится необходимость закрепления положений о защите частной жизни человека в информационном пространстве в международном праве.

С.А. Карпов (ИГП РАН) обратил внимание на то, что в цифровую эпоху одна из важнейших составляющих достоинства человека — его информационное самоопределение. Достоинство человека неразрывно связано с представлениями о его автономии и самоопределении и предполагает возможность человека контролировать свою жизнь и принимать самостоятельные решения. Однако развитие технологий сбора персональных данных приводит к постепенной утрате человеком контроля над своей жизнью и, следовательно, к ущемлению его достоинства. Практически неограниченный сбор данных удерживает человека от свободного самоопределения из страха привлечения к себе излишнего внимания. Такое самоограничение несет угрозу демократическому порядку, основанному во многом как раз на разнообразии людей. Кроме того, существуют возможности использования персональных данных для выявления привычек и предпочтений человека и манипуляции общественным мнением.

Впервые на угрозу для достоинства человека при неограниченном сборе персональных данных указал **Федеральный конституционный суд Германии** в 1983 г. В деле о переписи населения он вывел из конституционных прав на достоинство и свободное развитие личности право на информационное самоопределение, которое заключается в «возможности человека определять, кому и до каких пределов раскрывать информацию о себе» и «контролировать информацию о самом себе»³⁶. Отчасти идея, заложенная в праве на информационное самоопределение, находит свое выражение в праве на защиту персональных данных. Но сейчас основное внимание уделяется процедурным аспектам защиты данных и выхолащивается ценностная составляющая этого права.

В докладе **канд. юрид. наук А.Е. Помазанского (ИЗиСП при Правительстве РФ)** рассматривались вопросы реализации избирательных прав граждан в условиях цифровизации избирательного процесса. Ранее основное внимание уделялось уточнению гарантий реализации пассивного избирательного права (изменения порядка проведения предвыборной агитации, финансирования выборов и т.д.), однако в последнее время вектор сместился в сферу расширения возможностей реализации активного

избирательного права. Начало данному процессу было положено Постановлением Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2014 г. № 11-П³⁷, в котором, в частности, указывалось, что нацеленное на достижение всеобщности избирательного права разумное увеличение доступных видов электоральных практик способствует росту числа граждан, принявших участие в голосовании, повышению гражданской активности. Логичным продолжением такой законодательной политики стало внедрение процедуры дистанционного электронного голосования (п. 3 мотивировочной части). С точки зрения реализации активного избирательного права данная субсидиарная форма голосования на выборах обладает рядом достоинств (предоставление избирателям возможности голосовать вне избирательных участков и помещений для голосования, снижение общих затрат на организацию и проведение выборов или референдумов, оперативное обнародование результатов выборов или референдумов и т.п.). В то же время реализация данных законодательных решений выявила ряд серьезных недостатков. В правовом регулировании дистанционного электронного голосования преобладают отсылочные и бланкетные нормы, наделяющие Центральную избирательную комиссию РФ правом регулирования соответствующих отношений. Преследуя цель расширения возможностей участия граждан в демократических процедурах, связанных с формированием органов публичной власти, путем внедрения современных информационных телекоммуникационных технологий, законодатель не предусмотрел надлежащие гарантии, призванные обеспечить подлинность и справедливость избирательного процесса и его результатов.

И.Ю. Пашенко (аппарат Избирательной комиссии Краснодарского края) остановился на проблемах формирования особых цифровых прав, к которым предложил отнести права, возникающие у пользователей информационных систем и информационно-коммуникационных сетей. Цифровые права, по его мнению, могут возникать как посредством государственного санкционирования, так и на основе правил информационной системы, которые устанавливают ее владелец или оператор. Особая значимость публично-правового регулирования проявляется в том, что именно оно должно определять субъектов, которые могут устанавливать правила в рамках информационных систем, условия и пределы их полномочий.

³⁶ BVerfG, Urteil des Ersten Senats vom 15. Dezember 1983-1 BvR209/83-, Rn. 1-215 // Bundesverfassungsgericht. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1983/12/rs19831215_1bvr020983.html;jsessionid=0252C37A813092186788E31EA6D8B316.1_cid344 (дата обращения: 21.11.2022).

³⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 15.04.2014 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного собрания Владимирской области» // СЗ РФ. 2014. № 16, ст. 1922.

Цифровые права производны от права на информацию, которое в условиях цифровизации общественной жизни получает «новое прочтение». В основе цифровых прав лежит возможность получения доступа к информации независимо от формы ее представления. При этом технические приспособления, технологии и цифровые каналы связи необходимо рассматривать лишь как средства или условия для реализации цифровых прав. Целесообразно проводить различие между цифровыми правами и электронной формой реализации прав. Право, которое может быть реализовано как в электронной форме (например, получение государственной услуги через официальный сайт органа), так и посредством фактических действий (например, получение государственной услуги при личном посещении соответствующего органа), не является цифровым по своей сути. Цифровое право реализуется исключительно в виртуальной среде, поэтому имеет специальную форму выражения. Во-первых, цифровые права не существуют вне информационной системы; во-вторых, цифровые права имеют внутреннюю форму организации (содержание) в рамках информационной системы.

Сегодня цифровые права — предмет частноправового регулирования как объекты гражданских прав, что подчеркивает их имущественную принадлежность и коммерческое предназначение. Однако это не исключает возможности и необходимости разработки публично-правовой концепции цифровых прав, хотя использование правовых омонимов и придание им разных смысловых значений не является оптимальным подходом ни в теории, ни в правотворчестве.

Цифровые права в публично-правовом смысле можно рассматривать в качестве особой разновидности прав, реализуемых в рамках информационной системы посредством доступа к информации, предоставляемой в публичном интересе. Другим примером цифрового права может быть право, позволяющее гражданину принять участие в сети Интернет в решении вопросов местного значения (в частности, выборе территорий для благоустройства в границах муниципального образования). Для такого права нет альтернативной формы реализации (помимо сети Интернет), поскольку это было бы сопряжено с высокими финансовыми затратами и организационными сложностями. Между тем право принять участие в выборах посредством дистанционного электронного голосования не является цифровым правом, так как существуют и иные формы реализации волеизъявления. С развитием цифровой среды и ее правового регулирования появится все больше цифровых прав, которые будут приобретать общие черты и закономерности регулирования, что позволит уверенно утверждать о наличии у них специфических юридических признаков.

В докладе **канд. юрид. наук Е.А. Савченко (ИЗиСП при Правительстве РФ)** обращалось внимание на то, что квантовые технологии могут обеспечить высокий уровень защиты т.н. цифровых прав путем перехода государственных информационных систем на оптическую связь. Технологии беспроводной связи, а также виртуальной и дополненной реальности (VR/AR-технологии) выводят реализацию цифровых прав на принципиально новый уровень.

По мнению докладчика, цифровые права — это либо объекты гражданских прав, либо новая форма основных прав, предлагающая дополнительные возможности для их реализации. К базисным цифровым правам человека можно отнести: право доступа в электронные сети, право свободно общаться и выражать мнения в Сети, право на неприкосновенность частной жизни и обеспечение защиты сетевого общения, право на защиту от произвольного вторжения в сетевое общение, право на использование электронных технологических ресурсов (криптографии) в целях защиты от внешнего вторжения в сетевое общение и др.

Необходима системная политика защиты прав человека при активном использовании цифровых технологий, гарантирующая равный доступ граждан к соответствующей инфраструктуре, полноту и достоверность информации в их цифровом профиле, обеспечение конфиденциальности и защищенности персональных данных в информационных системах.

На актуальность внедрения цифрового диалога между населением и органами публичной власти в контексте обеспечения доступа к порталам данных органов при получении государственных и муниципальных услуг обратила внимание **канд. юрид. наук, доц. Э.В. Малиненко (Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ)**.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. С.А. Бурьянова и М.С. Бурьянова (МГПУ)** подчеркивалось, что инновационные цифровые технологии (большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей, киберфизические системы) не только открывают новые возможности для развития, но и порождают серьезные угрозы глобальной безопасности, такие как цифровое неравенство, цифровая слежка, контроль сверхсильного искусственного интеллекта и др. Некоторые из этих угроз ставят под вопрос само существование человеческой цивилизации, поэтому способы их нейтрализации надо искать на международном уровне. Одним из них могло бы стать принятие в рамках ООН декларации, а затем и Конвенции глобальных цифровых прав человека.

REFERENCES

1. *Douzinas C. The End of Human Rights: Critical Thought at the Turn of the Century. Oxford; Portland, 2020.*

Сведения об авторах

ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна —
кандидат юридических наук, доцент, ведущий
научный сотрудник сектора прав человека
Института государства и права Российской
академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна —
доктор юридических наук, доцент, главный
научный сотрудник сектора прав человека
Института государства и права Российской
академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. —
PhD in Law, Associate Professor, Leading
Researcher, Department of the Human Rights,
Institute of State and Law of the Russian Academy
of Sciences; 10 Znamenka str.,
119019 Moscow, Russia

VASILIEVA Tatiana A. —
Doctor of Law, Associate Professor, Chief
Researcher, Department of the Human Rights,
Institute of State and Law of the Russian Academy
of Sciences; 10 Znamenka str.,
119019 Moscow, Russia

МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ»

© 2023 г. Н. В. Кроткова^{1, *}, Т. Р. Орехова^{2, **}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

*E-mail: krotkova2012@yandex.ru

**E-mail: tatyanaorekhova@mail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2023 г.

Аннотация. Представлен материал Межвузовской научно-практической конференции «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке», состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Предпринята попытка показать связь между ценностями народа (в том числе русского народа) и его политико-правовыми институтами. В частности, отмечается, что понятие духовности включает в себя общественное сознание, пронизанное ценностными императивами (религиозными, этическими, политическими, эстетическими). Указывается, что, хотя всякий этнос имеет свои ценностные императивы, далеко не каждый из них был способен создать государство. Утверждается, что духовность русского народа стала основой тысячелетней государственности — одной из величайших в мировой истории.

Ключевые слова: традиционные ценности, русская правовая культура, правовая культура, правовой идеал, русский консерватизм.

Цитирование: Кроткова Н.В., Орехова Т.Р. Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке» // Государство и право. 2023. № 3. С. 188–200.

DOI: 10.31857/S102694520024824-7

INTERUNIVERSITY SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS THE BASIS OF LEGAL DEVELOPMENT IN THE 21st CENTURY”

© 2023 N. V. Krotkova^{1, *}, T. R. Orekhova^{2, **}

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

²Lomonosov Moscow State University

*E-mail: krotkova2012@yandex.ru

**E-mail: tatyanaorekhova@mail.ru

Received 20.01.2023

Abstract. The material of the Interuniversity Scientific and Practical Conference “Traditional spiritual and moral values as the basis of legal development in the 21st century”, held at the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, is presented. An attempt is made to show the connection between the values of the people (including the Russian people) and its political and legal institutions. In particular, it is noted that the concept of spirituality includes public consciousness, is permeated with value imperatives (religious, ethical, political, aesthetic). It is pointed out that, although every ethnic group has its own value imperatives, not every one of them was able to create a state. It is argued that the spirituality of the Russian people has become the basis of a thousand-year statehood — one of the greatest in world history.

Key words: traditional values, Russian legal culture, legal culture, legal ideal, Russian conservatism.

For citation: Krotkova, N.V., Orekhova, T.R. (2023). Interuniversity Scientific and Practical Conference "Traditional spiritual and moral values as the basis of legal development in the 21st century" // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 188–200.

30 ноября 2022 г. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась Межвузовская научно-практическая конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности как основа правового развития в XXI веке». Конференцию организовали кафедра теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и Союз граждан и организаций, выступающих в защиту семьи, отцовства, материнства и детства «Родительская палата». Модератор конференции — Т.Р. Орехова, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук.

Е.А. Фролова, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф. «Традиционные ценности и самосознание русского народа»

В существующих условиях предметом широких дискуссий являются вопросы соотношения европейских и отечественных ценностей, революции и реформы как путей назревших социальных изменений, традиции и новаторства в духовной сфере, задающие вектор развития нашего общества в XXI в. Решая эти проблемы, важно учитывать уроки истории — накопленный доктринальный опыт юристов, философов, историков права, определивших суть европейского мира и русской духовности. Как никогда актуально звучат слова Н.М. Карамзина о необходимости возвращения к народным началам в русском языке и жизни в целом: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное платье наряжались, ходили своею походкой, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу?...»¹. Сущность европейского сознания, по его оценкам, есть «коммерция», а «дух торговли» уничтожает достоинство личности, вносит вражду в отношения между государствами. Настоящий патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках. Хорошо и должно учиться: но горе народу, который будет всегдашним учеником». Эта позиция во многом созвучна реалиям нашего времени. Н.М. Карамзин прав и в том, что русскому человеку надо «научиться уважать себя» — кто самого себя не уважает, того, без сомнения, другие также уважать не будут. Суждения русского историка перекликаются с идеями

И. Канта о человеческом достоинстве, автономии воли, самодостаточности личности с той поправкой немецкого философа, что для этого необходимо самому вести себя достойным образом. О высоком правовом сознании и активной жизненной позиции писал и Р. Иеринг, призывая каждого бороться за свои права — только таким образом будет обеспечен правовой порядок в обществе. Законность и стабильность образуют базовые ценности, с которыми связано благополучие всех членов общества в XXI в. Пути его достижения могут быть различны, однако в любом случае государственной власти следует соотносить законодательные нововведения с укладом жизни народа и его способности принять властные предписания. В ином случае результаты деятельности государства по социальному переустройству не будут эффективны. При любых политических условиях относительные ценности — наука, свобода, справедливость, равенство, право, государство — зависят от менталитета конкретного народа, от его духа и способности к самовыражению.

Рефреном охранительной идеологии звучит мысль — законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств, правитель может действовать «только примером, а не указом». Во всех заимствованиях и нововведениях должна быть разумность и мера. При этом одной «совести монарха», нравственного чувства властных лиц и ориентации на «святыни предков» для развития общества в современных условиях недостаточно — необходимы новые законы. Поэтому идеалы Н.М. Карамзина нужно дополнить идеями западников, в частности Б.Н. Чичерина. По его мысли, охранительный либерализм способен гармонично сочетать в себе свободу и политическую власть: настоящая задача заключается не в стремлении к новому, не в перемене людей и учреждений, а в спокойной работе мысли и серьезной практической деятельности. Решение социальных проблем возможно либо твердой рукой власти, либо обществом путем деятельного осознания необходимости перемен и создания независимых сил, способных к изменениям. Второй путь несравненно лучше, поскольку насилие внешней силы (правителя) производит общественное недовольство, следствием чего может стать распад государства. Для общественной устойчивости и стабильности правопорядка следует реализовать на практике принцип меры: свобода и власть должны уравновешивать друг друга. Однако в периоды нестабильности требовать от общества сознательного

¹ Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1988. С. 55.

внутреннего единения почти невозможно — старое рушится, а новое еще не успело окрепнуть.

Н. Н. Жилина, сопредседатель Совета Союза «Родительская Палата», директор АНО «Мы за перемены»

9 ноября 2022 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»² (далее — Основы). Среди прочего Основы конкретизируют отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. В п. 5 Основ закреплено, что к числу традиционных ценностей относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Представляется, что подлинная реализация указанных выше документов стратегического планирования потребует существенного пересмотра существующих подходов в различных сферах государственной политики и серьёзных реформ действующего законодательства. Например, подлинная защита жизни ставит ряд серьёзных вопросов. Государство по-прежнему занимает нейтральную позицию в отношении абортов, в информационном поле популяризируются стерилизация, эвтаназия, чайлдфри³ и чайлдхейт⁴, иные варианты сознательного и агрессивного отказа от деторождения и создания семьи в целом. Параллельно поощряются нетрадиционные методы деторождения: в частности, с помощью экстракорпорального оплодотворения, которое, по имеющимся научным данным, имеет небольшую эффективность, однако способствует усугублению проблем с репродуктивным и общим здоровьем женщин. Отдельного обсуждения требует вопрос о судьбе эмбрионов, зачищаемых invitro.

Следующий аспект — достоинство и крепкая семья. В современной социальной политике всё

больше применяется принцип адресности при оказании мер социальной поддержки. Критерии адресности очень жёсткие, учитывается весь доход и всё имущество семьи (иногда и стоимость недвижимого имущества), а также все получаемые меры поддержки. Получателями мер поддержки становятся те, кто смог доказать свою нищету (в том числе оспорить неправомерный отказ, количество которых, согласно данным прокуратуры, с 2020 г. превысило несколько десятков тысяч). Представляется, что такой подход породит следующие последствия: повышение количества социальных конфликтов; масштабное применение семьями способов, позволяющих не учитывать доходы отца и претендовать на адресную социальную поддержку; сокращение количества регистраций брака; увеличение количества детей, в свидетельствах о рождении которых будет «прочерк» в графе «отец»; увеличение количества числа разводов.

Согласно Федеральному закону от 21 ноября 2022 г. № 455-ФЗ⁵ об универсальном детском пособии оно заменит собой целый ряд существующих ежемесячных денежных выплат и пособий, выплачиваемых на детей. Предполагается, что данное пособие смогут получать все нуждающиеся семьи с детьми независимо от их возраста, но не старше 17 лет. В указанных целях внесены соответствующие изменения в Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»⁶.

Полагаем, что в данном случае имеет место трагическая подмена понятий. С 2012 г. Президент РФ В.В. Путин озвучивает идею многодетной семьи, постоянно популяризирует ее, говорит о том, что в России нормой должна стать семья, воспитывающая от трех-четырех детей, постулирует государственную поддержку семей с детьми, чтобы каждая семья имела возможность стать многодетной. А проводимые социальные реформы, напротив, сокращают количество получателей мер государственной поддержки, ставя акцент на борьбу с бедностью, а не на стимулирование рождаемости. Считаем, что в условиях демографического вызова, с которым столкнулась наша страна, в обществе необходимо не только популяризировать, но и законодательно защищать традиционные семейные ценности, повышать положение, роль и значимость многодетных семей.

В. Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид.

² См.: Официальный интернет-портал правовой информации // www.pravo.gov.ru

³ Субкультура и идеология, характеризующаяся сознательным желанием не иметь детей. Термин «чайлдфри» (англ. *childfree* — свободные от детей) появился в 1970-х годах, хотя сторонники у этого течения были и раньше.

⁴ В переводе с английского языка означает детоненавистничество, радикальная форма чайлдфри.

⁵ См.: Федеральный закон от 21.11.2022 г. № 455-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”» // СЗ РФ. 2022. № 48, ст. 8322 (дата вступления в силу 01.01.2023 г.).

⁶ См.: Росс. газ. 1995. 24 мая.

наук, д-р филос. наук, проф. *«Русская духовность и русская государственность»*

В философии под духовностью обычно понимают сферу общественного сознания, пронизанного ценностными (религиозными, этическими, политическими, эстетическими) императивами. Ценностные императивы есть элементы культуры, и в этом качестве они принципиально субъективны, относительны, исторически изменчивы. Например, такие наиболее общие этические категории, как добро и зло, у разных народов и в разные исторические эпохи наполняются своим конкретным содержанием, нередко прямо противоположным. В этом смысле духовностью обладают каждый индивид, этнос и нация, а часто используемая в философской и политической публицистике категория бездуховности — это просто эмоциональная субъективная оценка, имеющая цель кого-либо опорочить.

Всякий род, племя, этнос имеют духовность (включая властные императивы), но далеко не всякая социальная общность создает свою государственность. Вещь вроде бы очевидная, но природа этого свойства (способность создавать государство) относится к области неразрешимых загадок. Обществоведы, обращаясь к истокам государственности того или иного народа, пытаются найти рациональные аргументы в сфере экономики, политики, религии, природных условий, психологии и т.п., но решение этой проблемы все равно остается на уровне гипотез. Концептуальное осмысление темы возникновения национального государства неизбежно требует перехода к метафизике, т.е. к некоей умозрительной фикции, основанной на признании априорных аксиом. Только метафизическая смысловая модель может дать концептуальную завершенность эмпирическим фактам, предложенным наукой. Так, Аристотель, рассуждая о происхождении государства, доказывает, что эмпирическому государству всегда предшествует идея государства, как форма (идея) всегда предшествует материи. Только те народы, убежден он, создают государство, которые в своем сознании уже априорно содержат идею государства. Понятно, что это чистый идеализм. Последний евразиец Л.Н. Гумилев, отталкиваясь, казалось бы, от естественнонаучного знания, также уходит в метафизику, развивая свою теорию пассионарности: народ переходит к состоянию государственности благодаря вспышке биологической активности, заданной активностью Солнца. Здесь вроде бы есть опора на естественную науку, но на самом деле связь между активностью Солнца и политическими процессами — только область догадок. Еще один пример метафизики, поданной в форме биологической науки, — теория И.Л. Солоневича: только тот народ создает государство, который имеет государственный инстинкт; всякий народ, создавший государство, стремится стать империей,

и если он этого не делает, то не потому, что не хочет, а потому что не может. Здесь государственный инстинкт — типичная категория метафизики.

Все сказанное в полной мере относится к пониманию русской духовности и государственности. Есть эмпирические факты, требующие своего метафизического осмысления: Россия уже тысячу лет имеет свою государственность, ставшую одной из выдающихся в мировой истории; к началу XX в. русское государство располагалось на одной шестой части суши, став ядром целого евразийского континента; в XX в. русские подчинили своему влиянию половину мира (сбылось пророчество Гегеля, что в будущем определять историю человечества будут народы России и США). Нет сомнений, что истоки уникальной русской государственности лежат в русской духовности, ее ценностных императивах, важнейший из которых — служение своему народу, своему государству. Начиная с эпохи Московского царства, формируется русское имперское сознание, в основе которого лежал русский православный мессианизм, чувство ответственности за судьбу христианского мира. В первой половине XX в., когда Россия переживала революции и участвовала в двух мировых войнах, русские религиозные философы (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, П.Б. Струве, Г.П. Федотов) очень хорошо понимали эту особенность русской политической и религиозной культуры. Все они отмечали напряженный духовный поиск русского человека, поиск Царства Божьего, а с ним — некую сверхидею, идею-правительницу (как ее называли евразийцы), которая определяет судьбу России и русского народа. Русские, с их точки зрения, всегда демонстрировали жертвенность ради высокой цели, смирение перед Богом и властью, непримиримость к врагу и одновременно жалость к поверженному противнику. При этом указывалось на противоречивость русской психологии и русского сознания: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Им можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть. Это народ, вызывающий беспокойство народов Запада... Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее

благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт»⁷.

Е.В. Сафронова, профессор кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета, д-р юрид. наук. «Всемирная организация здравоохранения и Россия: значимость членства в новых условиях»

История взаимоотношений нашей страны с Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) мало исследована. Общеизвестно, что СССР принимал участие в создании организации и был в числе первых 26 стран, ратифицировавших ее Устав⁸ (24 марта 1948 г.). Однако за годы существования деятельности ВОЗ «обросла» скандалами, в числе которых обвинения в лжепандемиях, псевдоздравоохранении, халатном бездействии, коррупции, обслуживании интересов крупных формационных компаний и др. Истории известен факт разрыва отношений СССР с ВОЗ на шесть лет. Сомнения о необходимости сотрудничества Российской Федерации с ВОЗ возникли в настоящее время. В 2021 г. была запущена петиция «Требуем выхода России из ВОЗ!».

Ситуация обострилась после принятия 10 мая 2022 г. на специальной сессии Европейского регионального комитета ВОЗ резолюции, где отмечалось, что Комитет осуждает «военную агрессию России против Украины, в том числе нападения на медицинские учреждения в Украине» и призывает «рассмотреть возможность временной приостановки проведения всех региональных совещаний в Российской Федерации»⁹. Резолюция была доведена до Всемирной ассамблеи здравоохранения (ВАЗ), которая ее поддержала. В резолюции от 23 мая 2022 г. содержалось указание на возможные санкции в отношении России — применение «соответствующих статей Устава ВОЗ» — в случае сохранения ее прежней политики¹⁰.

Российские власти отреагировали политическими заявлениями. Председатель Государственной Думы ФС РФ В.В. Володин поручил профильным

комитетам парламента изучить вопрос о целесообразности присутствия России в организации и возможности денонсации договора¹¹. В связи с этим встал вопрос о юридической значимости нормативных актов организации, а также перспективах выхода из нее Российской Федерации.

Согласно ст. 2, 19–23 Устава ВОЗ ее нормотворческие полномочия включают право: «делать рекомендации по вопросам международного здравоохранения» (ст. 2); «принимать конвенции и соглашения по любому вопросу, входящему в компетенцию Организации» (ст. 19); устанавливать права (регламенты) в отношении: «(а) санитарных и карантинных требований и иных мероприятий...; (b) номенклатуры болезней, причин смерти... и др.» (ст. 21).

Очевидно, что рекомендации — это акты «мягкого» права. Они не обладают обязательной юридической силой. Конвенции принимаются ВОЗ большинством голосов в две трети, но для вступления в силу в отношении каждого отдельного участника требуется выражение согласия на обязательность, предусмотренное внутренней конституционной процедурой (ст. 19). На практике единственным соглашением, принятым 21 мая 2003 г. на сессии ВОЗ, стала Рамочная конвенция Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака.

Правила (регламенты), которые принимаются Всемирной ассамблеей здравоохранения в соответствии со ст. 21, становятся обязательными после процедуры нотификации для всех членов, за исключением тех, которые в одностороннем порядке в оговоренные сроки заявили о нераспространении на них данного регламента или сделали оговорки к нему (ст. 21). За всю историю существования организации было принято лишь два регламента, которые позднее неоднократно пересматривались: во-первых, это международные медико-санитарные правила (далее — ММСП); во-вторых, это номенклатура заболеваний и причин смерти — международная классификация болезней (далее — МКБ).

МКБ 11 пересмотра вызвала в Российской Федерации немало вопросов. Обеспокоенность породили изменения, внесенные в разд. 6 и 17 классификации, согласно которым «транссексуализм» перестал рассматриваться как психическое расстройство, что вступает в противоречие с последними нормативно-правовыми актами, принятыми в Российской Федерации¹². Много вопросов у российской

⁷ Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья: сб. / сост. М.А. Маслин; вступ. ст. М.А. Маслина, А.Л. Андреева. М., 1990. С. 43–45.

⁸ См.: Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения // Основные документы. 49-е изд. (с поправками по сост. на 31 мая 2019 г.). Женева, 2020. С. 1–23.

⁹ См.: Резолюция ЕРК ВОЗ от 10.05.2022 г. EUR/RCSS/CONF./2 Rev.2 № 220351 «Чрезвычайная ситуация в области здравоохранения в Украине и в сопредельных странах, возникающая в результате агрессии Российской Федерации». URL: <https://C:/Users/Елена/Downloads/sscd02r-rev2-HealthEmergency-220351.pdf>

¹⁰ См.: Резолюция A75/A/CONF./6 от 23.05.2022 г. «Чрезвычайная ситуация в области здравоохранения в Украине и странах, принимающих и размещающих беженцев, возникающая в результате агрессии». URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA75/A75_ACONF6-ru.pdf

¹¹ См.: URL: <https://readovka.news/news/100392>

¹² См.: Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050019?index=0&rangeSize=1>

общественности вызвала идея внесения новых поправок в ММСП, которые планировалось обсуждать на 75-й сессии ВА3. Текст поправок подготовлен США и 20 января 2022 г. разослан Генеральным директором всем государствам — участникам ВОЗ¹³. Содержание поправок в целый ряд статей говорит о стремлении к расширению полномочий организации в ущерб государственному суверенитету. В ряде статей (9–11, 13 и др.) исключены положения о согласовании действий структур ВОЗ с государствами-участниками, мнение которых игнорируется. Все это актуализирует вопрос выхода Российской Федерации из Всемирной организации здравоохранения, Устав которой такой возможности не предусматривает.

Шанс изменить ситуацию, на наш взгляд, есть у любого суверенного государства. Государство, будучи создателем права, не может и не должно быть безусловно связано им. «Устанавливая нормы, оно вправе в исключительной ситуации не только изменять их, отменять (оно вправе делать это и в обычной ситуации), но и просто нарушать. Без этого права (надправа) нет и не будет никакого подлинного верховенства, независимости, самостоятельности»¹⁴. Требуется явно выраженная политическая воля, и выход непременно найдется.

В.В. Вышкварцев, эксперт Всемирного Русского Народного Собора, эксперт Союза «Родительская Палата», канд. юрид. наук. «Конституционно-ценностная политика как форма стратегического реагирования угрозам суверенитету и безопасности Российской Федерации»

Поправки к Конституции РФ, а также документы стратегического планирования, в том числе Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и утвержденные Президентом РФ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, отражают востребованность и острую необходимость разработки полноценных модели и стратегии суверенного развития России, ее образа будущего, базирующегося на новой версии национальной идеи и соответствующего условиям и вызовам XXI столетия.

Ценностно-ориентированный подход позволяет не только обеспечить суверенизацию национальной идеи, но и переместить основанную на ней государственную политику из плоскости т.н. классической идеологии (консерватизм, либерализм, социализм

и т.п.) в совершенно иное измерение — цивилизационно-ценностное. Из этого закономерно вытекает и название соответствующей политики государства — «государственно-ценностная политика».

В отличие от политических идеологий, опирающихся на политические теории, учения, доктрины и т.п., главным источником и правовой основой государственной ценностной политики России являются закрепленные в Конституции РФ основополагающие универсальные и приоритетные российские духовно-нравственные, культурно-исторические и социальные ценности: «тысячелетняя история российской государственности», «сохранение памяти предков», «идеалы и вера в Бога», «государствообразующий народ», «почитание памяти защитников Отечества», «защита исторической правды», «дети — важнейший приоритет государственной политики России», «приоритет семейного воспитания», «брак как союз мужчины и женщины», «уважение человека труда» и т.п. Именно на основе закрепленных в Конституции РФ вышеуказанных основополагающих ценностей должны разрабатываться национальная идея и государственная ценностная политика Российской Федерации. По этой причине полагаем ввести в научный оборот дефиницию «конституционно-ценностная политика».

В целях формирования и реализации государственной конституционно-ценностной политики должны быть разработаны научно обоснованные доктринальные толкования духовно-нравственных, культурно-исторических и социальных ценностей, закрепленных в Конституции РФ, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Основы государственной политики по сохранению российских традиционных духовно-нравственных ценностей. В базовых документах стратегического планирования отсутствуют положения о механизмах реализации конституционно-ценностной политики Российской Федерации и основы конституционно-ценностной политики. Считаем, что данные вопросы могут быть поставлены в федеральную повестку дня Советом Безопасности России, поскольку его задачей являются формирование государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и контроль за ее реализацией, а также реформирование существующих или образование новых государственных органов и организаций, осуществляющих функции в области обеспечения национальной безопасности. Представляется, что подготовка нового проекта федерального закона «О защите традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» позволит эффективно реализовать положения Конституции РФ, в том числе в части правового закрепления механизма защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, российской культуры и исторической памяти.

¹³ См.: Укрепление готовности и реагирования ВОЗ на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения. Предлагаемый текст поправок к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.) № WHA75/18 от 12.04.2022 г. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA75/A75_18-ru.pdf

¹⁴ Иванов В. Теория государства. М., 2010. С. 16, 17.

А.И. Овчинников, зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России, д-р юрид. наук, проф. «Традиционные ценности и категория “публичный порядок” в современном праве»¹⁵

Принятие Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» является важным этапом развития российской государственности и правовой системы с учетом ее социокультурной, цивилизационной самобытности. Думается, его принятие может считаться началом формирования новой правовой идеологии, в основе которой будет лежать не только верховенство прав и свобод человека и гражданина, но и иные ценности. Несмотря на то что Конституция РФ однозначно запрещает установление государственной или обязательной идеологии, преград для наличия в государстве общественной идеологии нет. Более того, существование такой идеологии вполне укладывается в концепцию «общественного договора», так как каждый договор предполагает согласие относительно базовых ценностей, тем более общественный договор не может не основываться на них. В юридической литературе присутствует важный для обозначения базовых ценностей термин — «публичный порядок», который используется для решения вопроса о применимости норм иностранного права на территории Российской Федерации. Предлагается включить в объем этого понятия перечисленные в вышеназванном Указе, а также в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации традиционные духовно-нравственные ценности.

Исторические корни оговорки о публичном порядке связаны, очевидно, с древнеримским представлением о праве как об искусстве добра и справедливости. Запрет на злоупотребление правом, требование доброй совести и добрых нравов составляют важнейшую часть принципиальных положений гражданского права. Практически во всех современных государствах гражданское право опирается на принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления правом. В Новое время эти принципы были закреплены в знаменитом Кодексе Наполеона 1804 г.

Поэтому исторически оговорка о публичном порядке представляет собой применение запрета на причинение зла обществу правом в случае правоотношений с иностранным элементом, когда возникает потребность применить нормы иностранного права. Нет особой разницы в запрете

злоупотреблять правом при заключении сделки, исходя из автономии и свободы при формулировании взаимных прав и обязанностей, и ограничении действительной юридической силы тех норм иностранного права, применение которых повлечет нарушение публичного порядка. Иными словами, реализация норм иностранного права не должна причинять вред государству, обществу и конкретному человеку. При этом вред может иметь нематериальное измерение, например, духовно-нравственное, которое транслируется через добрые нравы.

Полагаем, что для правового регулирования оговорки о публичном порядке, а также в целях обеспечения национальной безопасности государства, в которой важнейшим элементом является в том числе и духовно-нравственная безопасность, крайне важно закрепить при использовании оговорки ссылку на традиционные духовно-нравственные ценности как элемент публичного порядка. Это важно еще и потому, что понятие «общественная нравственность», используемая в юридических документах, давно нуждается в относительной конкретизации. Статья 1193 «Оговорка о публичном порядке» ГК РФ может быть изложена в следующей редакции: «Норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с правилами настоящего раздела, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы публичному порядку Российской Федерации, его традиционным духовно-нравственным ценностям с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. В этом случае при необходимости применяется соответствующая норма российского права».

Т.Р. Орехова, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. «Традиционные духовно-нравственные ценности и их юридическое закрепление»

Обсуждая вопрос о сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей в нашей стране, невозможно не обратить внимания на ряд моментов, имеющих, на наш взгляд, важное практическое значение. Надо признать, что, весьма вероятно, мы находимся на таком историческом этапе развития человечества, когда нам необходимо осуществить на основе исторических традиций и смыслов, присущих многонациональному народу России, большую формализацию в рамках законодательства и судебной практики таких объектов, категорий и социально-психологических феноменов, как семья, мораль и этические нормы, духовные ценности, дружба, солидарность, взаимопомощь и др. И это явно не исчерпывающий список того, что требует формализации в рамках системы российских «традиционных ценностей» для

¹⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228.

обеспечения последующей государственной защиты от попыток размыва их содержания или подмены на прямо противоположные.

С учетом агрессивной трансгуманистической политики, навязываемой в последние годы всему миру, вполне возможно, что уже в ближайшие годы остро встанет вопрос о юридической формализации самого понимания «человек», особенно в разрезе идей о генетическом редактировании человека и сращивании его с машиной.

Однако просто формализация в законодательстве «традиционных ценностей» (даже при ясном и детальном описании каждой из них) и провозглашение их защиты со стороны государства, а равно как и провозглашение государственной задачей борьбы с ценностями (идеями, концепциями, практиками и т.д.), враждебными традиционным российским ценностям, сами по себе не обеспечат ни защиту, ни поддержку традиционных ценностей. Сколь бы часто государство, например, не повторяло о ценности семьи, материнства и детства, если в законодательстве не будут закреплены механизмы, обеспечивающие реальную защиту семьи, материнства и детства, то не будет никакой государственной защиты этой «традиционной ценности». Более того, если государство, повторяя слова о ценности семьи, материнства и детства, вводит в законодательство норму, в соответствии с которой девочка с 15 лет без согласия родителей может принять решение об аборте, то таким образом государство вводит по отношению к традиционным ценностям явно **демотивирующие нормы**.

Поэтому недавний Указ Президента РФ необходимо рассматривать не только как ядро современной идеологии Российского государства, но и как основу для правовой политики нашего государства в целом на ближайшие годы.

О чем идет речь? Известно, что право оказывает ценностно-ориентационное воздействие на общество и личность, давая не только информацию о должном поведении адресатов правовых норм, но и формируя их ценностные представления. При этом ценность права как явления приумножается его содержанием, закрепленными в нем нравственными ориентирами: в государстве и обществе вряд ли получится сформировать соответствующую идейную среду, если кроме провозглашения перечисленных ценностей и борьбы с деструктивной идеологией не будет проведена системная работа по корректировке всего законодательства на предмет соответствия и поддержания этих ценностей. Например, воспитание уважения к старшим должно поддерживаться системой мер социально-экономического характера (повышением пенсий, оптимизацией здравоохранения, улучшением жизни людей пожилого возраста за счет иных мер поддержки),

созидательный труд может стать реальной ценностью только в том случае, если будет создана законодательная основа для уважения человека труда и обеспечено справедливое вознаграждение за труд в государстве. В связи с этим хотелось бы отметить, что сферой государственной политики по укреплению перечисленных в документе (и не только) ценностей должны быть не только и не столько области образования, воспитания, науки, СМИ и массовых коммуникаций, а прежде всего сама модель экономики, которая должна органично впитать духовно-нравственные составляющие, которые были характерны для русской модели экономики (в том числе отчасти и советской модели), идейно ориентированной не на рост потребительских настроений, а на самоограничение, самодостаточность, взгляд на труд как на добродетель, на бережливость, поддержку стремления к такой деятельности, в которой на первое место выходило бы желание реализовать свои способности, а не установка на извлечение прибыли. Уместным, например, в этой связи было бы законодательное требование увеличения производства товаров с более длительным сроком эксплуатации (и поддержка таких производителей, соответственно), возвращение полноценного трудового воспитания детей (обучение навыкам рукоделия, мелкого ремонта и т.д.) и др. Важным представляется развитие институтов производственной и трудовой демократии, моральных форм стимулирования труда, которые не заменяли бы материальное вознаграждение за хорошо выполненную работу, а дополняли бы его, чтобы не было места для попыток унижить или «надуть» работника. Эта задача первоочередна особенно в условиях, когда страна должна полноценно и самостоятельно выдерживать экономические санкции.

Но даже если в законодательстве (1) правильно описаны традиционные ценности, (2) четко сформулированы механизмы защиты традиционных ценностей, но на практике, в реальной деятельности органов исполнительной власти, местного самоуправления, прокуратуры и судов эти механизмы защиты не будут применяться, либо смысл и содержание традиционных ценностей будет подменяться некими идеологизированными конструкциями, то таким образом мы будем иметь ситуацию, при которой государство проводит по отношению к традиционным нормам **демотивирующее правоприменение**.

И в случае издания демотивирующих норм, и в случае демотивирующего правоприменения по отношению к традиционным ценностям такая деятельность государства в лице его органов будет деструктивной и не может считаться в полной мере конституционной.

**Д.В. Масленников, проректор по научной работе
Русской христианской гуманитарной академии, д-р**

филос. наук, проф. «К вопросу о значении классической философской традиции для становления современной формы национальной правовой идеологии»

Вне отношения к ценностному содержанию право может опираться только на насилие, а значит, оно перестает быть правом. Для личности могут быть значимы лишь абсолютные ценности. Поэтому определение и конкретизация идеи права невозможны без актуализации идеи абсолютного, понятой прежде всего как идея абсолютного добра, блага. Последняя, однако, требует не объективного описания, а рефлексивной экспликации. Адекватные методы экспликации идеи абсолютного дает только зрелый немецкий идеализм, развивающий соответствующие методы трансцендентального синтеза духовной субстанции-субъекта (Фихте и Гегель).

Поэтому формирование суверенной правовой идеологии Российского государства, которое является историческим воплощением абсолютной нравственной идеи, идеи абсолютного добра, предполагает актуализацию и защиту классической философской традиции, от которой сегодня в значительной мере отказываются западные университеты. Без этой актуализации невозможно теоретическое воспроизведение всеобщей идеи абсолютного, если ее рассматривать в контексте задачи дедукции правовых принципов.

Целостность и универсальный характер классической философской традиции формируется содержанием, образующимся между двумя логическими полюсами: 1) полюсом парменидовской идеи тождества мышления и бытия и 2) полюсом гегелевской идеи единства исторической и логической форм философии. Классический немецкий идеализм имеет универсальную и всеобщую природу. Он обнаруживает содержательный смысл лишь в контексте всего историко-философского процесса, а потому не должен рассматриваться как «философия немцев». При этом важно учитывать тот вектор развития, который классической философии был придан идеей Отцов Церкви о единстве мироздания и абсолютной свободы человека как высшего дара Бога человеку. Эта идея была ясно выражена в их критике гностических учений как скрытой апологетики небытия, культа зла.

Необходимость теоретического оформления этого движения мысли имела результатом становление идеи субъекта в классической философии Нового времени, которая позволила развить в едином спекулятивном дискурсе понятие абсолютного единства бытия, абсолютной свободы человека (в ее нелиберальной трактовке) и абсолютной субъектности государства (суверенитета). Понимание бытия абсолютного добра как абсолютной свободы есть высшая форма конкретного мышления всеобщего единства мироздания.

Классическая философия дает теоретико-методологические средства для понимания сущности этого единства. Русская философия права, начиная с Достоевского как ее основоположника (по мысли П.И. Новгородцева), раскрывает смысл гармонии бытия для человека, формируя образ России как Царства Абсолютного Добра. Таким образом, разработка суверенной государственно-правовой идеологии возможна лишь посредством актуализации содержания традиционных нравственно-правовых ценностей народов России в дискурсивной мысли, формируемой классической философией. Здесь исключительную ценность имеет опыт русской философии права XIX–XX вв., несмотря на всю его противоречивость.

О.В. Падалко, председатель Комитета по образованию и науке Союза «Родительская Палата» (г. Санкт-Петербург), канд. соц. наук; О.С. Егорова, участник Союза «Родительская Палата» (г. Тобольск), юрист. «Российское образование сегодня: правовые проблемы в контексте защиты традиционных духовно-нравственных ценностей»

Анализ ситуации в российском образовании, сложившейся с весны 2020 г., даёт основания ставить вопрос о том, является ли Цифровая Образовательная Среда (далее – ЦОС) научно обоснованным экспериментом, какое влияние она оказывает на физическое и психологическое здоровье детей, как влияет на качество обучения. С учётом всех данных ЦОС и полноценное образование представляются несовместимыми.

Разработчики новых Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), вступивших в силу 1 сентября 2022 г., внесли в стандарты использование ЦОС. Проведение эксперимента ЦОС и внедрение Федеральной государственной информационной системы «Моя школа» (далее – ФГИС «Моя школа») зачастую происходят с принуждением родителей к пользованию услугами в электронной форме, выявлены случаи обработки персональных данных автоматизированным способом без волеизъявления субъекта персональных данных.

Доступ к получению образования через ФГИС «Моя школа», которая вводится с 1 января 2023 г., ставит вопрос о конституционных гарантиях равного и беспрепятственного доступа к образованию. ФГИС «Моя школа» объединяет в одной системе широчайший круг персональных данных детей и их родителей. При этом конкретный перечень лиц, имеющих доступ к личным сведениям учащихся и их родителей во ФГИС «Моя школа», не определён.

Внедрение ЦОС в сфере общего образования в целом и ФГИС «Моя школа» в частности является угрозой для традиционного очного образования и, как следствие, угрозой национальной безопасности и будущему нашей страны. Другими

проблемами являются вред физическому и психическому здоровью учащихся при использовании ЦОС, вовлечение их в небезопасные социальные сети, установление электронного контроля над детьми и родителями, ограничение возможности родителей полноценно реализовывать свои права в образовательном процессе, возможность бесконтрольного распространения их персональных данных путем как легальной торговли ими, так и нелегального хищения из содержащих их систем, а также потенциальная возможность того, что будущее детей будет определять искусственный интеллект.

Электронная база данных может быть взломана в результате хакерской атаки или украдена недобросовестным сотрудником, имеющим доступ к этой базе. В п. 14 Доктрины информационной безопасности (утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646) по этому поводу сказано: «Возрастают масштабы компьютерной преступности, увеличивается число преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, при обработке персональных данных с использованием информационных технологий».

При разработке Концепции о создании ФГИС «Моя школа» и Положения о данной системе не были учтены доводы Президента РФ, послужившие основанием для наложения вето на создание Государственной информационной системы «Контингент обучающихся». Разработка и внедрение ФГИС «Моя школа» нарушает целый ряд конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации.

В связи с изложенным полагаем необходимым установить мораторий на реализацию федерального проекта ЦОС, новых ФГОС, устанавливающих требования к образовательным организациям об обеспечении доступа участников образовательных отношений к информационной образовательной среде, а также ФГИС «Моя школа», до проведения их широкого экспертного и общественного обсуждения на предмет соответствия Конституции РФ, действующему федеральному законодательству, а также проведения всесторонних научных исследований влияния данных инициатив на здоровье детей.

Е.В. Коврякова, советник юстиции 1 класса, доцент Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ, канд. юрид. наук. «Новая концепция прав и свобод в либерально-демократических странах»

Правовое положение человека и гражданина зависит от преобладающей в стране идеологии (либеральной, консервативной, социалистической и др.), на которую так или иначе влияет цивилизационный вектор развития государства. В то же время, если идеологические и цивилизационные начала

не совпадают, стране угрожает кризис всей системы вплоть до ликвидации государственности, как это произошло на Украине после отмены русского языка в качестве регионального.

В соответствии с Законом Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного»¹⁶ статус украинского языка как единственного государственного языка предусматривает обязательность его использования на всей территории Украины при осуществлении полномочий органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также в других публичных сферах общественной жизни. Запрещено говорить на неукраинском языке в общественных местах, что противоречит ст. 10 Конституции страны, которая гарантирует свободное развитие, использование и защиту русского и других языков национальных меньшинств в стране. При этом классификация уровней владения государственным языком разрабатывается и утверждается Национальной комиссией по стандартам государственного языка с учетом рекомендаций Совета Европы по языковому образованию (CEFR)¹⁷.

Фактически в настоящее время западные страны реализуют новую технологию глобального геополитического доминирования с использованием новой концепции прав и свобод, для которой характерно поспешное общепризнанных нравственных основ, кризис нравственности в обществе на глобальном уровне.

В этой связи в условиях гибридной войны¹⁸, которая ведется с Россией, особое значение приобретает проблема защиты отечественных духовных основ, включая защиту нашей этнопсихологии и языка как ее части, так как они оказывают влияние не только на всю систему управления российским обществом, но и на развитие международных процессов в целом. Несомненно, перечисленным процессам переформатирования общественного строя может

¹⁶ См.: Закон України від 25.04.2019 № 2704-VIII (ред. від 11.09.2020, підстава — 113-IX) «Про забезпечення функціонування української мови як державної» // Верховна Рада України // <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19#Text> (дата обращения: 11.09.2020).

¹⁷ См.: Закон України (ред. від 24.06.2020, підстава — 725-IX) «Про освіту» // Верховна Рада України // <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2145-19/page#Text> (дата обращения: 24.06.2020).

¹⁸ Ряд авторов определяют гибридную войну как скрытый конфликт, обладающий сложной внутренней структурой и протекающий в виде интегрированного военно-политического, финансово-экономического, информационного и культурно-мировоззренческого противостояния, не имеющего определенного статуса (см., напр.: *Бартош А.А.* Стратегия и контрстратегия гибридной войны // *Военная мысль.* 2018. № 10. С. 5–20; *Кривко А.А.* Война XXI века: гибридная, информационная или «новая холодная»? К вопросу об использовании терминов // *Гуманитарные проблемы военного дела.* 2019. № 3 (20). С. 46–51).

противостоять только суверенное государство с идеологией, имеющей в качестве основы нравственную составляющую. Кроме того, современные реалии показывают, что духовные гуманистические основы должны быть базисом в регулировании не только отношений между человеком, обществом и государством, но и между различными странами, особенно с использованием новых технологий в различных областях. Этому должны способствовать как международные, так и внутригосударственные гарантии, предполагающие наличие соответствующих механизмов реализации упомянутых норм.

В частности, **в рамках международного механизма** предложить на базе Международного антифашистского конгресса сформировать дискуссионную площадку для обсуждения проблемы защиты традиционных нравственных ценностей с целью проведения международных конкурсов и конференций для школьников, студентов, представителей научного сообщества с всесторонним освещением в СМИ и награждением победителей; проведение под его эгидой туристического, студенческого и преподавательского обмена;

в рамках национального механизма:

предложить регулярное проведение всероссийских конкурсов и конференций для школьников, студентов, представителей научного сообщества с целью защиты традиционных духовно-нравственных ценностей с всесторонним освещением мероприятий в СМИ и поощрением победителей;

обратить внимание Министерства просвещения РФ, Министерства науки и высшего образования РФ на необходимость пересмотра ряда образовательных программ общего и высшего образования по гуманитарным направлениям в связи с необходимостью защиты традиционных духовно-нравственных ценностей;

предложить Министерству науки и высшего образования РФ разработать законопроект, направленный на отмену или уточнение принципа автономности образовательных организаций (ст. 28 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»), в соответствии с которым они свободны в определении содержания образования.

Кроме того, предложить Министерству науки и высшего образования РФ создать рабочую группу по разработке основных задач в сфере высшего образования, которыми, в частности, являются:

в сфере научной (научно-исследовательской) деятельности — исследование характера угроз безопасности Российской Федерации и обеспечение их упреждающей научно-практической проработки;

в сфере образования — формирование у обучающихся государственно-патриотического сознания.

А.Е. Наумов, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. «Образ будущего в контексте традиционных духовно-нравственных ценностей и его выражение в праве»

Образ будущего является важной частью политической идеологии, который задаёт соответствующую динамику, движение государства и общества, организованного суверенной властью, к определенным целям. Образ будущего демонстрирует то состояние государства и общества, а также положение конкретных граждан, которое наступит в случае, если заявленные государством идеологические цели будут реализованы.

Данный образ, если он действительно соответствует ожиданиям людей, есть мощный консолидирующий фактор, позволяющий «закамуфлировать» отчуждение между людьми и государственным аппаратом, скрыть или в определённой степени сгладить проблему социального неравенства (в плане её восприятия людьми) и другие внутрисоциальные проблемы. В связи с этим формирование образа будущего и его «трансляцию в массы» можно рассматривать в качестве манипулятивной технологии, которая в конечном счете направлена на изменение индивидуального и коллективного сознания в целях оптимального (для власти) управления обществом. Отсутствие в идеологии того или иного государства образа будущего, понятного людям и принимаемого ими, свидетельствует о серьезных проблемах в коммуникации между властью и обществом (в свою очередь, причины этого явления могут быть совершенно различными, в том числе конкретно-историческими) и есть один из признаков кризиса власти и способности государственного аппарата управлять обществом в целом.

Обращает на себя внимание, что образ будущего в государственных идеологиях, особенно XX в., содержал в себе характерную часть, которую можно определить как образ «нового человека» или «человека будущего». Этот образ наглядно демонстрировал человеку то, к чему он должен стремиться, каким он должен стать и какому ценностному нравственному идеалу он должен соответствовать (например, «строитель коммунизма» или человек, реализовавший либо стремящийся реализовать «американскую мечту»).

В связи с этим возникает вопрос: могут ли традиционные духовно-нравственные ценности быть встроены в образ будущего и выступать в роли ценностного ориентира для людей из настоящего, находящихся на пути к «новому человеку» или «человеку будущего»? Ответ на этот вопрос позволяет оценить и роль традиционных

духовно-нравственных ценностей в формировании образа будущего в целом.

По этому вопросу необходимо сразу и принципиально оговориться, что категорическое отрицание самой возможности традиционных духовно-нравственных ценностей формировать и наполнять собой образ будущего (например, по причине того, что эти ценности — атрибут прошлого) в корне неверно. Даже в условиях эпохи модерна и постмодерна, где данные ценности сначала стали элементом некоей «культурной игры» (приводящей в итоге к обесцениванию), а потом и вовсе подверглись попыткам деконструкции и пересмотра их содержания, тематика «поворота к традиции» появлялась неоднократно, пользовалась определенной популярностью и находила своё выражение в политической плоскости.

Ключевым условием «успеха» образа будущего, основанного на традиционных духовно-нравственных ценностях, и соответствующего ему образа «нового человека» является актуализация этих ценностей под вызовы настоящего времени, образ жизни, мировоззрение людей, живущих «здесь и сейчас», «с прицелом» на будущее. Именно в таких условиях данные ценности не будут рассматриваться широкими социальными слоями исключительно как синоним прошлого и получают возможность связать прошлое, будущее и настоящее одной сквозной нитью. Утверждение о том, что традиционные духовно-нравственные ценности не нуждаются в этой актуализации по причине того, что они «вневременные», «универсальные» и т.д., не выдерживает критики (в данном случае достаточно рассмотреть этот сюжет на примере исторического процесса секуляризации, а также реакции консервативных слоев общества на соответствующие явления).

Если говорить о том, каким образом в праве находит своё выражение образ будущего, то следует сказать, что традиционно идеологическое содержание правовых норм чаще всего встречается в источниках права высшей юридической силы, таких как (прежде всего) конституция. «Следы» образа будущего как важной части государственной идеологии можно обнаружить и в преамбулах таких актов, декларативных нормах и нормах-принципах, в которых заложены соответствующие цели и задачи государства. Отраслевые правовые нормы, юридические конструкции и институты, как известно, тоже могут претерпевать идеологическое воздействие (достаточно вспомнить опыт советской кодификации 1920-х годов): законодатель изменяет существующие нормы и создаёт новые, задавая людям рамки (ограничения) и возможности для того, чтобы образ будущего был ими достигнут или казался им достижимым. Единственно, что необходимо отметить: внесение подобного рода изменений в акты

действующего законодательства требует времени и подчас значительного.

Таким образом, с юридической точки зрения нет особых препятствий (кроме процедурных) для того, чтобы образ будущего, основанный на традиционных духовно-нравственных ценностях, получал соответствующее выражение в праве. Основные проблемы, которые могут фиксироваться юридической наукой в связи с этим, касаются реализации данных правовых норм. «Успешность» такой реализации будет зависеть во многом не от собственно правовых факторов, а от содержания самого образа будущего.

С.Р. Дробязко, аспирант кафедры конституционно-го и муниципального права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. «Оценка эффективности государственной политики в сфере защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»

Образ жизни личности — это фактор безопасности и стабильности существования государства и жизни общества, изменение мировоззрения и образа жизни больших масс людей может влечь за собой социальные потрясения, государственные перевороты, нестабильность, гражданские столкновения, а также распад государства. Для успешной реализации государственной политики в сфере сохранения и формирования образа жизни личности и защиты традиционных для общества духовно-нравственных ценностей критерии оценки реализуемых государством мер должны иметь в своём основании реальную жизнь личности и общества и изменения в них. Эффективность государственной политики в этой сфере может быть определена только конкретными позитивными изменениями в образе жизни конкретной личности и общества в целом, отказом от нежелательного для государства поведения и предпочтением желательного, поощряемого государством поведения.

Согласно п. 24 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809) реализация стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» предполагает, в частности, решение таких задач, как сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины).

Полагаем, что подсчет количества часов, которые были отданы на телевидении для демонстрации социальной рекламы и исторических фильмов, количества проведённых по стране праздничных

мероприятий, выставок, лекций и проч., не отражает изменения в образе жизни личности и общества в целом, а потому не может являться базой для оценки эффективности проводимой государственной политики в этой сфере.

В качестве критериев оценки эффективности государственной политики по реализации указанных задач могут использоваться: динамика рождаемости; изменение количества зарегистрированных браков и разводов; изменение количества многодетных семей; изменение среднего количества детей в многодетных семьях; динамика интереса к военно-поисковым отрядам и рост их численности; динамика интереса к исторической литературе и т.д.

Представляется, что в настоящее время государственная политика по формированию и защите образа жизни личности внутренне противоречива, и одна из причин этого — тот факт, что образ жизни личности не воспринимается в его полноте. Государственные и общественные проблемы должны рассматриваться не только в контексте их отношения к той или иной отрасли права, но и с точки зрения того, как то или иное явление влияет на образ жизни личности в целом, как он изменяется, как трансформируется общество под воздействием изменённого образа жизни и мировоззрения личности, как и за счёт чего удовлетворяются новые потребности личности, чего личность начинает ожидать и требовать от общества и государства. Предлагаемый подход требует системности, творческого напряжения от правовой науки и законодателя, политическую волю для проведения изменений, активного взаимодействия власти с гражданским обществом.

Сведения об авторах

КРОТКОВА Наталья Викторовна —

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 1035-1892
ORCID: 0000-0002-4491-6016

ОРЕХОВА Татьяна Романовна —

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
(4-й учебный корпус)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартош А.А.* Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. 2018. № 10. С. 5–20.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья: сб. / сост. М.А. Маслин; вступ. ст. М.А. Маслина, А.Л. Андреева. М., 1990. С. 43–45.
3. *Иванов В.* Теория государства. М., 2010. С. 16, 17.
4. *Карамзин Н.М.* Записки старого московского жителя. М., 1988. С. 55.
5. *Кривко А.А.* Война XXI века: гибридная, информационная или «новая холодная»? К вопросу об использовании терминов // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 3 (20). С. 46–51.

REFERENCES

1. *Bartosh A.A.* Strategy and counter-strategy of hybrid warfare // Military thought. 2018. No. 10. P. 5–20 (in Russ.).
2. *Berdyaev N.A.* Russian Idea // About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian post-October abroad: sat. / comp. M.A. Maslin; intro. art. M.A. Maslin, A.L. Andreev. M., 1990. P. 43–45 (in Russ.).
3. *Ivanov V.* Theory of the state. M., 2010. P. 16, 17 (in Russ.).
4. *Karamzin N.M.* Notes of an old Moscow resident. M., 1988. P. 55 (in Russ.).
5. *Krivko A.A.* The war of the XXI century: hybrid, informational or “new cold”? On the question of the use of terms // Humanitarian problems of military affairs. 2019. No. 3 (20). P. 46–51 (in Russ.).

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. —

PhD of Law, Leading Researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

OREKHOVA Tatyana R. —

PhD of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13
(4th academic building), 119991 Moscow, Russia

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ
РЕАЛЬНОСТИ РОССИИ: в 12 т. Т. VIII. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА /
под ред. Р.Л. Хачатурова, А.П. Шергина. М.: Юрлитинформ, 2022 г. — 736 с.**

© 2023 г. Ю. Г. Арзамасов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: uarzamasov@hse.ru

Поступила в редакцию 16.07.2022 г.

Аннотация. В рецензии анализируется содержание коллективной монографии «Административное право в системе современного российского права», в которой были рассмотрены теоретические, методологические и прикладные проблемы современного административного права. Подчеркнуто, что рецензируемая книга, с одной стороны, выступает в роли своеобразного путеводителя по различным вопросам административного права, а с другой — представляет собой систематизированное фундаментальное научное исследование отраслевого характера. Сделан вывод, что в монографии есть три вида глав: во-первых, это классические главы (предмет административного права, административное правоотношение, административное принуждение и т.п.); во-вторых, это новые главы, подсказанные авторам происходящими изменениями в современных реалиях; в-третьих, это классические дискуссионные темы. Отмечено, что рецензируемая работа актуальна, научна, системна, поэтому займет достойное место в библиотеке современных научных трудов по административному праву.

Ключевые слова: отрасль права, система российского права, современная правовая реальность, административное право, закон, предмет административного права, административное правоотношение, административное принуждение.

Цитирование: Арзамасов Ю.Г. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. VIII. Административное право в системе современного российского права / под ред. Р.Л. Хачатурова, А.П. Шергина // Государство и право. 2023. № 3. С. 201–204.

DOI: 10.31857/S102694520024825-8

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF BRANCHES OF LAW
IN THE HISTORICAL AND MODERN LEGAL REALITY OF RUSSIA:
in 12 vols. Vol. VIII. ADMINISTRATIVE LAW IN THE SYSTEM
OF MODERN RUSSIAN LAW / ed. by R.L. Khachaturov, A.P. Shergin.
Moscow: Yurlitinform, 2022. — 736 pp.**

© 2023 Yu. G. Arzamasov

National Research University Higher School of Economics, Moscow

E-mail: uarzamasov@hse.ru

Received 16.07.2022

Annotation. The review analyzes the content of the collective monograph “Administrative Law in the system of modern Russian law”, which examined the theoretical, methodological and applied problems of modern Administrative Law. It is emphasized that the book under review, on the one hand, acts as a kind of guide to various issues of Administrative Law, and on the other hand — is a systematic fundamental scientific research of industry nature. It is concluded that there are three types of chapters in the monograph: first, these are the classical chapters (subject of Administrative Law, administrative legal relationship, administrative enforcement, etc.); secondly, these are new chapters prompted to the authors by the ongoing changes in modern realities; thirdly, these are classic discussion topics. It is noted that the work under review is relevant, scientific, systematic, therefore it will take its rightful place in the library of modern scientific works on Administrative Law.

Key words: branch of law, system of Russian law, modern legal reality, Administrative Law, law, subject of Administrative Law, administrative legal relationship, administrative enforcement.

For citation: Arzamasov, Yu. G. (2023). Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 vols. Vol. VIII. Administrative Law in the system of modern Russian law / ed. by R.L. Khachaturov, A.P. Shergin // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 201–204.

В рамках серии «Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России», которую основал проф. Р.Л. Хачатуров, под его редакцией, а также под редакцией проф. А.П. Шергина в 2022 г. вышла в свет коллективная монография «Административное право в системе современного российского права», в которой были обозначены и рассмотрены теоретические, методологические и прикладные проблемы современного административного права. Подготовлена работа плеядой известных специалистов в области административного права.

Актуальность данного труда заключается в том, что административное право, одна из важнейших частей юридической науки современной России, представляет собой систему норм права, с которой в своей жизни сталкиваются практически все законопослушные граждане, а не только правонарушители.

Структурно рецензируемая монография состоит из *введения*, 17 глав, а также внушительного библиографического списка.

Глава 1 исследования традиционно посвящена предмету административного права. Автор данной главы проф. Б.В. Россинский, подчеркивая дискуссионность обозначенной проблемы, справедливо заметил, что предмет административного права «всегда представлялся неоднозначным» (с. 7). Для убедительности им приведены соответствующие цитаты и ссылки на точки зрения известных советских ученых-юристов. Применяя не только историко-правовой, но и дедуктивный метод исследования, автор рассмотрел само понятие «управление», остановился на анализе особенностей государственного управления как части всего социального управления, что придало исследованию стройный и системный характер. Б.В. Россинским предложено интегральное понимание предмета административного права, согласно которому в него включается деятельность не только исполнительных органов публичной власти, но и «иных субъектов, наделенных исполнительными полномочиями» (с. 25).

Такой подход к пониманию предмета административного права, во-первых, показывает доминирующее значение в государственном управлении органов исполнительной ветви власти, что является характерным практически во всех европейских странах, во-вторых, интегрирует существующие в науке административного права подходы к данному понятию, в-третьих, соответствует внесенным изменениям в Конституцию РФ. Важное значение также уделено системно-информационным аспектам предмета административного права. Автор проанализированы информационные аспекты системы государственного управления как в узком, «традиционном», понимании (с. 42–48), так и в широком понимании (с. 48–54).

Особое место в рецензируемой монографии занял анализ административно-правовых отношений. Актуальность их исследования объясняется тем, что среди всей массы правовых отношений доминируют два вида — административно-правовые отношения и гражданско-правовые. Очевидно, в связи с этим автор данной главы проф. Е.Б. Лупарев начал исследование административно-правовых отношений с анализа работ по общей теории правоотношений, затем он сформулировал понятие указанных общественных отношений, при этом исходным признаком при определении понятия указан их «публичный характер».

Особый интерес вызывает рассмотрение различных теорий разграничения публичной и частных сфер жизни общества, включая анализ работ немецких авторов, что придало работе компаративистский характер.

Однако в этой связи не понятно, почему автор в данном случае не ссылается на первую докторскую диссертацию, посвященную юридическим фактам¹, где были исследованы различные проблемы юридических фактов?

Подробному анализу подвергнуты и виды административных отношений. Остановился Е.Б. Лупарев и на анализе структуры административных правоотношений, что лишний раз подчеркивает теоретическое значение работы. Между тем такому элементу структуры правоотношений, как субъект административного правоотношения, следовало бы уделить больше внимания, чем один абзац главы.

Отдельная глава книги посвящена месту и роли служебного права в системе российского административного права. Автор этой части монографии проф. Ю.Н. Старилов поднял важные проблемы теории публичного права, а также развития законодательства о государственной (публичной) службе, что представляет определенную ценность не только для развития теории административного права, но и для законодателя. Здесь автор уверенно аргументировал свою точку зрения о том, что в настоящее время служебное право является подотраслью административного права, приводя при этом целый перечень серьезных доводов, среди которых соответствие общетеоретическим стандартам правовых конструкций, характер и масштаб административно-правового регулирования и др.

Поддерживая в целом мнение Ю.Н. Старилова о том, что служебное право следует рассматривать как подотрасль административного права, с чем могут не согласиться отдельные представители трудового права, здесь необходимо заметить, что подотрасль права — это совокупность (система) норм, которая либо претендует выделиться из материнской отрасли, как в середине 1960-х годов из административного права выделилось финансовое право, либо это будет в ближайшей перспективе.

Не прошли авторы рецензируемой монографии и мимо исследования такого традиционного вопроса, как формы реализации исполнительной власти, где были рассмотрены существующие в науке теоретические точки зрения относительно понятия и видов форм государственного управления. При этом автор гл. 4 В.П. Уманская правильно подчеркнула, что «органы исполнительной власти используют все формы управленческой деятельности в комплексе и при необходимости выбирают оптимальное их сочетание» (с. 120). Правовому анализу были подвергнуты теоретические подходы к исследованию сущности нормативных правовых актов, рассмотрено их легальное определение, предложенное Пленумом Верховного Суда РФ, определены и проанализированы признаки нормативных правовых актов, а также правотворческая практика исполнительной власти. Кроме этого проведен анализ правотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти. Однако, несмотря на то что подробно была исследована нормотворческая компетенция федеральных органов исполнительной

¹ См.: *Исаков В.Б.* Проблемы теории юридических фактов: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1985.

власти и виды ведомственных актов, В.П. Уманская не рассмотрела такой вид нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, как административные регламенты, ограничившись анализом только тех нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, которые перечислены в Правилах подготовки федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации.

Между тем был сделан правильный, на наш взгляд, вывод о необходимости упорядочивания правотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти и необходимости закрепления исчерпывающего перечня видов правовых актов, которые вправе издавать федеральные органы исполнительной власти (с. 152). Справедливо была также указана необходимость «определить правовую природу издаваемых актов» (с. 153).

С данным тезисом следует согласиться, поскольку федеральные органы исполнительной власти принимают не только нормативные правовые акты и акты применения права, но и «смешанные акты», правовая природа которых с точки зрения административного права исследована недостаточно, исключение составляют работы административиста Ц.А. Ямпольской, которая в советское время указала на данную проблему в науке². Что же касается представителей других юридических наук, то только теоретиками права было написано всего несколько научных работ, посвященных указанной проблематике³.

В гл. 5 исследованы теоретические, организационные и методологические проблемы модернизации механизма административно-правового регулирования. Автором данной главы проф. С.М. Зыряновым применен диалектический метод изложения научного материала, так как, начав с рассмотрения особенностей государственного управления в советское время, он затем перешел к характеристике современного регуляторного государства, в котором наряду с внутренними рыночными регуляторами действуют различные виды социальных норм. При этом он обозначил важность и свое отношение к обязательным требованиям в Российской Федерации, которые определяют меру должного поведения государственных служащих.

Особое внимание уделено также определению и исследованию новой роли административного надзора (контроля) в механизме административно-правового регулирования, где особое значение С.М. Зырянов уделит законодательным и подзаконным положениям, регламентирующим оценку результативности и эффективности деятельности контрольных (надзорных) органов, что будет весьма полезным для государственных служащих, осуществляющих функции контроля (надзора).

Проведенный анализ показал, что в рецензируемой монографии есть три вида глав. Во-первых, это классические главы, которые присутствуют в любом учебнике по административному праву (предмет административного права, административное правоотношение, административное принуждение и т.п.).

Во-вторых, это новые главы, подсказанные автором происходящими изменениями в современных реалиях нашей жизни. К таким главам следует отнести гл. 9, в которой рассматриваются проблемы применения цифровых технологий в государственном управлении, гл. 16, посвященную административной ответственности за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности, а также гл. 17 об административной

ответственности за правонарушения в сфере банковской деятельности.

В-третьих, это классические дискуссионные темы, к которым следует отнести гл. 11 «Административное усмотрение (сравнительно-правовое исследование)» и гл. 6 «Административно-деликтное право в системе современного российского права».

Рассмотрение материала, изложенного в гл. 6, ее автор проф. А.П. Шергин начал с анализа современной структуры системы права, затем им были выделены объективные и субъективные предпосылки формирования административно-деликтного права. Не обошел он вниманием и дискуссию, которая имеет место быть по вопросу признания самостоятельной отраслью административно-деликтного права.

Идея о необходимости выделения в качестве самостоятельной отрасли права административно-деликтного права, которую последовательно, опираясь на труды отечественных классиков юридической науки (С.Н. Братуся, С.С. Алексеева, В.Б. Исакова и др.), а также современные исследования административистов, изложил в указанной главе А.П. Шергин, хотя и не нова, поскольку высказывалась автором и ранее⁴, на современном этапе развития отечественной юриспруденции является перспективной и востребованной.

Более того, административно-деликтное право обладает такими основными критериями, способствующими выделению самостоятельных отраслей права, как предмет и метод правового регулирования, а также, как справедливо отмечает А.П. Шергин, оно имеет «обособленную организацию нормативного материала в виде КоАП РФ и законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях» (с. 229).

Актуальностью и новизной содержания отличается от других разделов монографии гл. 9 «Применение цифровых технологий в государственном управлении для достижения целей устойчивого развития Российской Федерации», в которой проф. Н.Ф. Попова подводит теоретическое обоснование необходимости цифровизации государственного управления. В результате проведенного анализа автором выделены недостатки в деятельности электронного Правительства РФ, а также подчеркнута важность перехода «на оказание госуслуг с помощью цифровых платформ на всех стадиях обращения».

Для создания правового поля применения цифровых технологий Н.Ф. Попова предложила принять целый ряд федеральных законов, результатом чего будет «повышение комфортности жизни всего населения страны, качества оказываемых госуслуг, которое будет осуществляться на единой цифровой платформе» (с. 358).

Параграф 3 гл. 9 посвящен такой важной проблеме, как использование искусственного интеллекта (ИИ) для цифровизации государственного управления. Практическая ценность данной главы заключается прежде всего в том, что в ней рассмотрены четыре различных сценария применения технологий ИИ в госуправлении. При этом автор приходит к выводу, что в России следует реализовывать третий сценарий, когда применение технологий ИИ в системе государственного управления осуществляется «для роста производительности труда и для выполнения социальных обязательств государства перед

² См., напр.: Ямпольская Ц.А. О правовых актах Совета народного хозяйства // Сов. государство и право. 1960. № 11.

³ См., напр.: Кивленок Т.В. Смешанные правовые акты. Владимир, 2010; Арзамасов Ю.Г. Юридические конструкции смешанных ведомственных правовых актов // Юрид. техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 101–111.

⁴ См.: Шергин А.П. Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. 1994. № 8–9; Его же. Концептуальные основы административно-деликтного права // Научный портал МВД России. 2008. № 1.

населением» (с. 368). Такой сценарий представляется интересным и социально ориентированным.

В заключение Н.Ф. Попова предлагает «принять отдельный федеральный закон об использовании роботов в РФ и для его реализации пакет подзаконных актов», а также «установить правовой статус субъектов, принимающих участие в отношениях, связанных с применением роботов, объектов робототехники, AI-технологий» (с. 369).

С предложением об установлении правового статуса субъектов, принимающих участие в отношениях, связанных с применением роботов, следует согласиться, но что касается принятия «отдельного федерального закона об использовании роботов в РФ», то здесь могут быть проблемы. На первый взгляд такие предложения могут показаться вполне конструктивными и обоснованными, поскольку автор предлагает использовать т.н. жесткую модель правового регулирования ИИ. Между тем несостоятельность данного предложения именно на сегодняшний момент заключается в том, что государство совместно с AI-компаниями, крупными корпорациями, ведущими вузами и банковским сектором уже выбрало «мягкую модель» правового регулирования ИИ («soft law»), подписав 26 октября 2021 г. на международном форуме «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который был принят в рамках федерального проекта «Искусственный интеллект», в связи с этим он стал частью Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы. В этой связи в ближайшем будущем изменения в правовом регулировании ИИ будут возможны в том случае, если в практическую деятельность государственного управления будет внедрен сильный ИИ. Как показывает опыт Европейского Союза, переход от «мягкой модели» правового регулирования ИИ возможен только к «смешанной модели».

Проблемы, обозначенные в гл. 9, перекликаются с содержанием гл. 16 «Административная ответственность за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности», которая представлена Э.А. Джалиловым. В ней автор предпринял попытку рассмотрения важных современных проблем, связанных с административной ответственностью в сфере интеллектуальной собственности, которую он осуществил с позиции исследования ряда субинститутов.

* * *

Несмотря на то что рецензируемая монография написана ясным и понятным языком, легко читается, основные положения свободно воспринимаются, ее отличает высокий уровень научности, что проявляется в дискуссионности рассматриваемых вопросов. Резюмируя сказанное, следует отметить, что представленная работа актуальна, научна, системна, в этой

связи можно надеяться, что она займет достойное место в библиотеке современных научных трудов по административному праву и будет востребована учеными, аспирантами, студентами, государственными и муниципальными служащими, практикующими юристами и всеми, кто интересуется проблемами административного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасов Ю.Г. Юридические конструкции смешанных ведомственных правовых актов // Юрид. техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 101–111.
2. Исаков В.Б. Проблемы теории юридических фактов: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1985.
3. Кивленок Т.В. Смешанные правовые акты. Владимир, 2010.
4. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. VIII. Административное право в системе современного российского права / под ред. Р.Л. Хачатурова, А.П. Шергина. М., 2022. С. 25, 42–54, 152, 153, 229, 358, 368, 369.
5. Шергин А.П. Концептуальные основы административно-деликтного права // Научный портал МВД России. 2008. № 1.
6. Шергин А.П. Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. 1994. № 8–9.
7. Ямпольская Ц.А. О правовых актах Совета народного хозяйства // Сов. государство и право. 1960. № 11.

REFERENCES

1. Arzamasov Yu. G. Legal constructions of mixed departmental legal acts // Legal technique. 2013. No. 7 (part 2). P. 101–111 (in Russ.).
2. Isakov V.B. Problems of the theory of legal facts: dis. ... Doctor of Law. Sverdlovsk, 1985 (in Russ.).
3. Kivlenok T.V. Mixed legal acts. Vladimir, 2010 (in Russ.).
4. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 vols. Vol. VIII. Administrative Law in the system of modern Russian law / ed. by R.L. Khachaturov, A.P. Shergin. M., 2022. P. 25, 42–54, 152, 153, 229, 358, 368, 369 (in Russ.).
5. Shergin A. P. Conceptual foundations of Administrative-tort Law // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 1 (in Russ.).
6. Shergin A. P. Problems of Administrative-tort Law // State and Law. 1994. No. 8–9 (in Russ.).
7. Yampolskaya Ts. A. On legal acts of the Council of National Economy // Soviet State and Law. 1960. № 11 (in Russ.).

Сведения об авторе

АРЗАМАСОВ Юрий Геннадьевич — доктор юридических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 109028 г. Москва, Б. Трёхсвятительский пер., д. 3

Author's information

ARZAMASOV Yuri G. — Doctor of Law, Professor, National Research University “Higher School of Economics”; 3 B. Trekhsvyatitsky lane, 109028 Moscow, Russia